

Военные события в районе реки Халхин-Гол на протяжении вот уже нескольких десятков лет продолжают привлекать внимание исследователей, в первую очередь, из стран-участниц — России (СССР), Японии и Монголии. Но до сих пор не поставлена окончательная точка в научных спорах о причинах, ходе боевых действий и их исторических последствиях в контексте мировой истории и истории Второй мировой войны.

Все эти и другие проблемы стали предметом обсуждения участников международной конференции «80 лет победы на Халхин-Голе (1939 г.): в поисках исторической истины», проходившей в Институте востоковедения РАН в сентябре 2019 г. с участием историков России, Монголии, Японии и Китая. Расширенные доклады были представлены в формате коллективной монографии.

ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ: В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ

ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ: В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ

ISBN 978-5-907384-52-1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ:
В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИСТИНЫ**

коллективная монография

МОСКВА
ИВ РАН
2021

ББК 63.3

П 41

Ответственные редакторы
д. полит. н., проф. А. С. Железняков
д. и. н., к. филол. н. Е. Л. Катасонова

Рецензенты
д. и. н. Д. В. Стрельцов, д. и. н. К. В. Орлова

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

П 41 **Победа** на Халхин-Голе: в поисках исторической истины:
(Коллективная монография) / Отв. ред. А. С. Железняков, Е. Л. Ката-
сонова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 348 с. : ил.

ISBN 978-5-907384-52-1

Военные события в районе реки Халхин-Гол на протяжении вот уже нескольких десятков лет продолжают привлекать внимание исследователей, в первую очередь, из стран-участниц — России (СССР), Японии и Монголии. Но до сих пор не поставлена окончательная точка в научных спорах о причинах, ходе боевых действий и их исторических последствиях в контексте мировой истории и истории Второй мировой войны.

Все эти и другие проблемы стали предметом обсуждения участников международной конференции «80 лет победы на Халхин-Голе (1939 г.): в поисках исторической истины», проходившей в Институте востоковедения РАН в сентябре 2019 г. с участием историков России, Монголии, Японии и Китая. Расширенные доклады представлены в формате коллективной монографии.

Фото на обложке: Г.М. Штерн, Х. Чойбалсан, Г.К. Жуков.
Фото любезно предоставлено Р. Баяру Центральным военным музеем Монголии с правом публикации.

ISBN 9978-5-907384-52-1

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. С. Железняков, Е. Л. Катасонова) 5

Часть I. Победа на Халхин-Голе: историография и источниковедение

Глава 1. Советская и российская историография о событиях на р. Халхин-Гол
(Е. Л. Катасонова) 13

Глава 2. Победа на Халхин-Голе 80 лет спустя:
освещение и оценки (В. А. Родионов) 35

Глава 3. Современные военные историки Монголии
о событиях на р. Халхин-Гол (Б. Д. Цыбенков, Э. В. Батунаев) 46

Глава 4. Политика Японии в отношении МНР в 1922–1936 гг. (По рассекреченным
документам из архивов ФСБ России) (В. В. Грайворонский) 56

Глава 5. Историческая память и Победа на Халхин-Голе
(по материалам социологического исследования
среди студентов) (Д. Д. Бадарав и В. Г. Жалсанова) 67

Глава 6. Новые монгольские материалы о военнопленных из числа войск Японии
и Маньчжоу-Го, захваченных в ходе боев
на Халхин-Голе и Номонхане (Хусел Борджигин) 77

Глава 7. События на реке Халхин-Гол (1939 г.) в документах Государственного архива
Республики Бурятия (Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова) 86

Глава 8. О. События на Халхин-Голе и США
(по материалам американского архива) (К. О. Саркисов) 102

Часть II. Политический контекст победы

Глава 9. Геополитический контекст конфликта
на Халхин-Голе (В. Э. Молодяков) 109

Глава 10. Инциденты у озера Хасан и на Халхин-Голе (Номонхан) в контексте
сталинской концепции «опоры на Азию» (Нобуо Симотомати) 125

Глава 11. Война на Халхин-Голе и изменение политики Маньчжоу-Го
в отношении монголов (Кидзуми Като) 154

Глава 12. Политическая позиция баргутских кавалерийских формирований,
участвовавших в боях на Халхин-Голе (Танака Кацухико) 178

Глава 13. Подготовка СССР к гидрометеорологическому обеспечению боевых действий
в ходе конфликта на р. Халхин-Гол (В. Н. Прямыцын) 183

Глава 14. К истории национальных воинских формирований Барги (Хулунбуира)
(С. Л. Кузьмин) 196

Глава 15. Пропаганда Маньчжоу-Го о Номонханской войне на примере газеты «Шэнцзин ши бао» (<i>Чойралжав</i>)	215
Глава 16. Русская военная эмиграция в японских планах агрессии против Монголии (<i>Н. Н. Наземцева</i>).....	224
Глава 17. Советские военнопленные в военном конфликте в районе реки Халхин-Гол (1939 г.) (<i>А. Е. Шагов</i>)	238
Глава 18. Оценка политики Японии в Азии в канун и годы Второй мировой войны: взгляд из XXI в. (<i>В. В. Нелидов</i>)	245

Часть III. Победа на Халхин-Голе на весах истории

Глава 19. События у монгольской реки Халха и их место в системе Второй мировой войны (<i>В. П. Зимонин</i>)	251
Глава 20. Советско-японские конфликты на границе Маньчжоу-Го накануне войны на Халхин-Голе (<i>В. Г. Дацышен</i>)	271
Глава 21. Халхин-Гол. Необъявленная война 1939 г. (<i>А. В. Шишов</i>)	291
Глава 22. Переговоры военных комиссий советско-монгольских и японо-маньчжурских войск: 16–27 сентября 1939 г. (<i>Хишигт Норовсамбуу</i>)	311
Глава 23. Исторический опыт формирования и укрепления советско-монгольского военно-политического сотрудничества и боевого содружества накануне Второй мировой войны (<i>В. А. Гаврилов</i>)	325

Приложение

О поисковых работах на полях брани у реки Халхин (<i>Равдангийн Баяр</i>)	336
<i>Об авторах</i>	344
<i>Summary</i>	347

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Военные события в районе реки Халхин-Гол на протяжении вот уже нескольких десятков лет продолжают привлекать внимание исследователей, в первую очередь, из стран-участниц — России (СССР), Японии и Монголии. Но до сих пор не поставлена окончательная точка в научных спорах о причинах, ходе боевых действий и их исторических последствиях в контексте мировой истории и истории Второй мировой войны.

В частности, не выработано единых подходов к тому, считать ли произошедшее в 1939 г. приграничным военным инцидентом, локальным вооруженным конфликтом или полномасштабной войной? Кто был инициатором начала боевых действий: военное руководство Японии или высшее офицерство Квантунской армии? Как реагировали в Токио и в Москве на первые проигранные Красной Армией бои и какова была стратегия Кремля в этом военном противостоянии? И, наконец, целый сложный комплекс международных проблем, начиная с новых оценок войны на Халхин-Голе как «прологе» — отправном событии начала Второй мировой войны, оказавшим большое влияние на ее ход и исход. Речь идет о прямой взаимосвязи победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол с подписанием советско-германского Пакта о ненападении, который, в свою очередь, побудил японскую сторону к заключению Пакта о нейтралитете с нашей стороной, и т.д. И, возможно, самый главный урок тех событий: печальный опыт поражения в боях на реке Халхин-Гол заставил Японию объективно и реалистично оценить мощь Красной армии и, несмотря на имевшиеся союзнические договоренности с Германией, в конечном итоге, отказаться от планов вступления в войну с СССР в годы Второй мировой войны.

В основе предлагаемой читателю коллективной монографии лежат материалы международной научной конференции «Победа на р. Халхин-Гол (1939): в поисках исторической истины»,

---

* Авторы Предисловия — А. С. Железняков, Е. Л. Катасонова.

которая была проведена 26–27 сентября 2019 г. в Институте востоковедения РАН — одном из старейших научных учреждений Российской академии наук, отметившем за год до этого свой 200-летний юбилей. Расширенные доклады были представлены в формате коллективной монографии.

Событие, которому была посвящена конференция, — 80-летие со дня сокрушительной общей победы советских и монгольских войск в развязанной японскими агрессорами ограниченной войне на р. Халхин-Гол. Особое значение темы, поднятой на конференции, подчеркивалось недавним (3 сентября 2019 г.) визитом президента РФ В. В. Путина в Монголию с его участием в торжественном праздновании юбилея победы на р. Халхин-Гол. Для России и Монголии эта победа — яркая страница славной истории дружбы и всестороннего сотрудничества между нашими странами. Обращение к этой важной странице истории находится в контексте изучения важнейших вопросов истории Второй мировой войны, что сегодня обретает особую актуальность.

В открытии форума, собравшего авторитетных историков и востоковедов из России, Монголии, Японии и Китая, приняли участие временный поверенный в делах Монголии в России г-жа О. Очирмаа и президент российского Общества друзей Монголии, полковник ВВС в отставке В. А. Бабушкин.

Ученые, а их собралось более тридцати человек, щедро поделились последними результатами своих исследований по данной проблематике, не теряющей своей актуальности и по сей день. Самые острые вопросы между учеными-историками по поводу событий на р. Халхин-Гол были в свое время разрешены, однако на конференции подробно обсуждались многие дискуссионные проблемы, которых до сих пор в историческом сообществе остается немало. Докладчикам удалось с пользой друг для друга обменяться мнениями, суждениями и оценками, связанными с событиями, произошедшими в 1939 г. у реки Халхин-Гол и оказавшими большое влияние на мировую историю.

Хорошим фоном сотрудничества ученых-историков России и Монголии, с одной стороны, и Японии — с другой является то, что в отношениях двух некогда воевавших друг с другом сторон в последние годы продолжают происходить кардинальные позитивные перемены, затрагивающие не только экономическую сферу, но и области образования, культуры и т.д. Все это свидетельствует о том, что память о военном прошлом более не омрачает общественное сознание народов, которые прошли длительный и тяжелый путь от военного противостояния и вражды

к взаимопониманию и созидательному сотрудничеству. Конкретный пример: сама конференция в ИВ РАН была организована при активном участии ученых из Японии и Монголии. Так, организационное содействие было получено от Institute International Culture, Showa Women's University (Япония — Б. Хусел) и Института истории и этнологии АН Монголии (Монголия — Н. Хишигт).

Более того, доклады участников конференции не просто затронули самый широкий спектр исторических, политических и гуманитарных аспектов и содержали в себе много новых, впервые вводимых в научный оборот документальных и архивных материалов, но и органично дополняли друг друга. Это и послужило причиной сборки работы в виде монографии, которая призвана внести свой вклад в почетную и ответственную миссию ликвидации «белых пятен» совместной истории.

* * *

Представленное коллективное исследование посвящено непрекращающимся поискам исторической истины, связанной с ярчайшим событием 80-летней давности на восточном рубеже Монгольской Народной Республики — нынешней Монголии. Это событие — победа советско-монгольских войск над японо-маньчжурскими войсками.

По большому счету, поиск исторической истины в тех событиях упирается в поиск ответа на вопрос: в чем корень победы советско-монгольских войск над японо-маньчжурскими войсками? Этот вопрос в книге освещается с разных сторон. В первой части преимущественному анализу подвергаются историография исследований по этой теме и впервые вводимые в научный оборот источники и документы. Во второй части упор сделан на анализе политической, идеологической и военнотехнической составляющих перевеса советских и монгольских войск над японо-маньчжурскими войсками. И наконец, в третьей части победа советско-монгольских войск в войне на Халхин-Голе рассматривается с высоты ее исторического значения.

В части первой рассматривается историография работ, в которых халхин-гольские события оцениваются и как пограничный инцидент, и как вооруженный конфликт, и как необъявленная война, и как чуть ли не отправной момент Второй мировой войны или ее, образно говоря, «увертюра». Анализ источников показывает, что границы между этими разными подходами к оценке событий не обязательно проходят по какой-либо идеологической или пропагандистской линии, разделяющей

враждующие стороны. Многое зависит от контекста, в котором озвучивается та или иная оценка. Так, даже у самых авторитетных авторов с советской стороны — И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. К. Жукова — можно обнаружить определенные расхождения в оценках халхин-гольских событий, и эти расхождения имели место не только между авторами, но и у одного и того же автора в зависимости от времени, места и цели, с которой та или иная оценка была озвучена. Эти оценки очень интересны, они присутствуют в разделах предлагаемой вниманию книге. Так, в главе 10 оценка событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол, данная Сталиным в апреле 1940 г., приводится в качестве эпитафии: «Это чепуха, это не война». В то же время в главе 1, помимо этой оценки, приводится другое высказывание Сталина, сделанное через весьма короткое время — в начале мая 1940 г., во время встречи с Жуковым, в котором победа СССР на Халхин-Голе оценивается очень высоко: Сталин посоветовал Жукову использовать полученный на Халхин-Голе боевой опыт в подготовке войск в Киевском военном округе. Как отмечено в главе 5, для монгольских историков этот боевой опыт говорит о «полномасштабной войне» на Халхин-Голе.

Вместе с тем оценки боев на Халхин-Голе по принципиальным аспектам сходятся у большинства отечественных, монгольских и ряда западных исследователей, экспертов и обозревателей. В главе 2 отмечено, что мнения ученых, как правило, расходятся в вопросах о потерях сторон, планах и конечных намерениях японской армии и ее руководства, причинах поражения японской стороны, влиянии сражения на дальнейший ход истории.

Очередным шагом на пути к заполнению «исторических лакун» может считаться ввод в научный оборот в главе 7 документов Государственного архива Республики Бурятия об участии уроженцев Бурятии в событиях на реке Халхин-Гол с указанием на список погибших на полях сражений.

Глава 4 базируется на новых документах, которые до последнего времени были засекречены, хранились в архивах ФСБ и были недоступны для исследователей и обычных читателей. Эти документы были впервые опубликованы в 2019 г. в сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)», подготовленном Институтом востоковедения РАН совместно с Центральным архивом Федеральной службы безопасности России. Эти документы позволяют более точно определить цели и задачи внешней политики Японии в отношении Монголии в 1922–1936 гг.

Вопрос о судьбе военнопленных, захваченных в ходе боев на Халхин-Голе и Номонхане, рассматривается в главе 6. Он полон загадок и противоречий, неизменно привлекая внимание историков и являясь одним из тех, которые еще только требуют своего решения. Автор делает свой шаг в этом направлении, рассматривая вопрос о судьбе некоторых оказавшихся в Монголии военнослужащих из Японии и Маньчжоу-Го.

Тема отдельных национальных отрядов и военнопленных затрагивается в четырех главах второй части книги. Об истории зарождения, развития и судьбе «баргутской конницы» — кавалерийского формирования в составе армии Маньчжоу-Го рассказывается в главе 12. А в главе 14 рассмотрена история национальных воинских формирований Барги (Хулунбуира) от провозглашения независимости Барги в 1912 г. до ее включения в состав КНР. В главе говорится об участии баргинских воинских формирований в конфликтах 1920—1930-х гг., включая бои на Халхин-Голе. Русская военная эмиграция в японских планах агрессии против Монголии — тема главы 16, а глава 17 посвящена советским военнопленным на Халхин-Голе.

В целом же во второй части книги акцент сделан на политическом контексте победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе. Этому полностью посвящены главы 9 и 10. Первая сконцентрирована на внешнем аспекте, в то время как вторая — на внутреннем. В качестве главных фигурантов событий, «тяжеловесов» глава 9 рассматривает не только СССР и Японию, но еще и Германию, считавшуюся к началу конфликта противником СССР и союзником Японии. Япония проиграла СССР именно в контексте несостоявшегося укрепления ее политического и военно-политического союза с взаимными обязательствами с нацистской Германией (в отличие от вполне сложившегося между этими двумя странами идеологического союза). В итоге к моменту завершения конфликта Япония оказалась в дипломатической изоляции, что усилило эффект от ее военного поражения. В главе 10 события на Халхин-Голе, и прежде всего предшествующий им период рассматриваются с точки зрения внутренней политики СССР, включая индустриализацию, коллективизацию, сталинские репрессии и чистки. Автор главы считает влияние внутренней политики и ее отголосков довлеющим не только в момент самих событий на Халхин-Голе в 1939 г., но и решающим в политике и в сталинскую послевоенную эпоху, и даже после смерти вождя.

В свою очередь глава 11 уделяет особое внимание внутренним проблемам государства Маньчжоу-Го, среди которых особое место отводится политике в отношении монгольского населения страны.

Идеологический контекст победы «с этой» и «с той стороны» рассматривается в главах 18 и 15. Первая с высоты наших дней дает оценку политики Японии в Азии в канун и годы Второй мировой войны, а вторая исследует пропаганду Маньчжоу-Го о Номонханской войне на примере публикаций в газете «Шэнцзин ши бао».

Одному из ранее практически неосвещенных аспектов военно-технической стороны проблемы посвящена глава 13 о подготовке СССР к гидрометеорологическому обеспечению боевых действий в ходе конфликта на р. Халхин-Гол.

В третьей части в главе 20 дается комплексное исследование причин и истоков спорных вопросов и конфликтной ситуации на границе в районе Халхин-Гола, а в главе 19 — международных военно-политических событий 1930-х гг. в их взаимосвязи. В главе 21 проведено исследование беспрецедентного для локального конфликта масштаба кровопролитных сражений, потерь в живой силе, сравнимых или превышавших число убитых и раненых при захвате в том же году нацистской Германией соседней Польши. События на Халхин-Голе называются «прелюдией» Второй мировой войны.

В главе 22 сконцентрировано внимание на прекращении 16 сентября 1939 г. военных действий по соглашению, подписанному в Москве народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и послом Японии в СССР Того Сигэнори. Это повлекло за собой обмен пленными и организацию смешанной четырехсторонней комиссии представителей от СССР, МНР, Маньчжоу-Го и Японии для урегулирования спорных вопросов. Автор главы приходит к выводу, что переговоры военных комиссий, их действия и совместные усилия были успешной дипломатической мерой, и эти уроки имеют значение и в наше время.

В главе 23 проанализирован главный просчет японского руководства в его уверенности, что СССР, будучи серьезно занят внешнеполитическими событиями на Западе, не обратит достаточного внимания на войну в далекой Монголии. Несмотря на явное тактическое преимущество, располагая удобными шоссейными и железнодорожными подъездными путями, близкими к месту боевых действий, подготовленными базами

материального обеспечения, Япония потерпела сокрушительное поражение от советско-монгольских войск.

В целом представленные в настоящей книге исследования говорят о том, что помимо сугубо военных аспектов важную роль в определении того, на чьей стороне будет одержана победа, сыграл фактор намного большей степени доверительности в отношениях между СССР и МНР, чем между Японией и Маньчжоу-Го. Ответ на вопрос «В чем корень победы?» вырисовывается и при анализе характера советско-китайских и японо-китайских отношений. По всем этим параметрам японская группировка морально-политически полностью проигрывала советской, хотя моральный дух японских солдат был чрезвычайно высок, и по свидетельству советского командования, они «в плен не сдавались и сражались до последнего». Но сама милитаристская Япония была отмечена ярлыком моральной несостоятельности; она присутствовала в регионе как агрессор, развязавший кровопролитную войну.

Япония стремилась аннексировать стратегически важную территорию в пользу государства Маньчжоу-Го, находящегося, даже по свидетельству бывшего императора Пу И, под гнетом ее оккупационного режима. МНР же в этой войне отстаивала свой суверенитет и территориальную целостность. У разделенных границей, но родственных друг другу кочевников понимание этой разницы в позициях сторон было настолько четким, что его не могла затушевать никакая идеологическая пропаганда. Поэтому моральный авторитет был на стороне цириков МНРА, которые плечом к плечу с воинами Красной Армии разгромили захватчиков. В Монголии признают, что ни одна страна в XX в., кроме СССР, не проливала свою кровь за ее независимость. Победу на р. Халхин-Гол следует рассматривать как мощный источник доверия и сотрудничества между СССР и МНР.

С 11 мая по 15 сентября 1939 г. на р. Халхин-Гол шла настоящая война, связанная с попыткой Японии расширить в регионе зону оккупационного режима и нарушить существовавший до ее вторжения порядок взаимоотношений между СССР и Китаем, а также между мирно соседствующими здесь представителями родственников друг другу кочевых народов. Несмотря на то что война была локальной, ограниченной участком, где демаркация государственной границы между МНР и Китаем, а затем — государством Маньчжоу-Го не проводилась, это все же была захватническая война, а не просто пограничный инцидент.

СССР в этой войне защищал не только свои интересы и интересы Монголии, но и интересы Китая. Япония вторглась в пространство, в котором переплелись интересы Монголии, России/СССР и Китая. Не все и не всегда здесь было безоблачным, но возникавшие проблемы решались именно этими тремя субъектами, причем преимущественно дипломатическими методами. Япония здесь была явно вражеской стороной для всех.

Победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе остановила разрастание агрессии Японии в Китае и вынудила ее отказаться от нападения на СССР в 1941 г., что позволило советскому руководству перебросить на запад, на оборону Москвы, воинские части и соединения, а также укрепить союзнические отношения с монгольским руководством, что отразилось в беспрецедентной по масштабам в расчете на душу населения помощи Монголии СССР в годы ВОВ. Это была яркая страница тесных и доверительных отношений СССР и МНР, основанных на дружбе и взаимном уважении.

* * *

Книга снабжена приложением, в которое вошла статья «О поисковых работах на полях брани у реки Халхин»¹, написанная Р. Баяром — участником этих работ, внуком крупного монгольского военачальника генерал-полковника МНРА С. Равдана. Статья проиллюстрирована не только снимками с места поисковых работ, но и уникальными историческими фотографиями из Военного музея Монголии.

---

¹ Допустимые переводы на русский названия реки: Халхин-Гол (гол в переводе — река), р. Халхин-Гол, р. Халха, р. Халхин. В связи с привлечением большого числа авторов, пользующихся различными источниками, и во избежание путаницы редколлегия решила отказаться от унификации этого названия.

Часть I

ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Глава 1*

СОВЕТСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОБЫТИЯХ НА р. ХАЛХИН-ГОЛ

События на Халхин-Голе, часто именуемые в научной литературе как «вооруженный конфликт» или «необъявленная война», а также «вторая русско-японская война», «прелюдия Второй мировой войны»; происходили за пределами государственных территорий СССР и Японии — на монголо-маньчжурской границе. Возможно, именно поэтому ведущие советские и японские газеты продолжительное время ограничивались весьма скудной информацией о происходящих там военных действиях. В СССР, например, публиковались лишь самые краткие сообщения ТАСС. Ни одного описания боя, ни одной корреспонденции из Монголии ни в июне, ни в июле, ни в августе 1939 г. не появилось в центральной прессе. Редкое исключение составили лишь региональные издания. Так, 16 июля 1939 г. в «Красноярском рабочем» сообщалось: «С 6 по 12 июля ... монголо-советскими войсками захвачены 254 пленных... монголо-советской авиацией и зенитным артиллерийским огнем сбит 61 японский самолет. Из экипажей этих самолетов захвачено в плен 12 японских летчиков: капитан Маримото, поручик Аmano, поручик Мицутони, подпоручик Минудо, фельдфебели — Сайто, Миадзимо, Фудзи, Мицутони, унтер-офицеры — Исидзава, Такамаццо, Исидзава, Мотохара.

---

* Автор главы — Е. Л. Катасонова.

Большинство из них тяжело ранены»¹. Насколько верна эта информация — судить трудно: во всяком случае, сразу же бросается в глаза явно завышенная численность японских пленных, противоречащая позже объявленной статистике.

Что же касается центральных газет, то только 6 августа в них был опубликован указ о награждении некой танковой бригады орденом Ленина и о присвоении ей имя комбрига М. П. Яковлева. При этом не указывались ни номер бригады, ни за какие воинские заслуги она была награждена высшей наградой СССР. На самом деле речь шла об 11-й танковой бригаде, которая награждалась за активное участие в боях на горе Баин-Цаган.

Одними из первых о халхин-гольских сражениях открыто заговорили писатели и поэты, воспев мужество и героизм советских солдат. Среди них — известный советский поэт Константин Симонов, который отправился на передовую в качестве военного корреспондента и описал увиденное там в своей поэме «Далеко на Востоке», романе «Товарищи по оружию», стихотворениях «Танк», «Кукла», «Самый храбрый» и др.

Военным же специалистам потребовалось около года для анализа и осмысления опыта военных действий в степях Монголии: в 1940 г. выходят книги П. И. Другова «Из опыта действий АБТВ на р. Халхин-Гол», «Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике», «Бои у Халхин-Гола» и др., в которых рассматривались главным образом военные аспекты этой проблемы. В том же году Генеральный штаб РККА издал монографию «Действия 1-й армейской группы в Халхин-гольской операции» (май — сентябрь 1939 г.). А далее последовало несколько десятков наименований исторических исследований, воспоминаний участников боев и т.д., большинство из которых уже вышло после окончания Великой Отечественной войны.

К числу наиболее заметных из них следует отнести следующие работы: Г. Н. Севостьянов «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны» (М., 1961) и статья того же автора «Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол» (Вопросы истории. 1957. № 8); М. В. Новиков «Победа на Халхин-Голе» (М., 1957); «Японский милитаризм» (Военно-историческое исследование. М., 1972); Г. В. Ефимов, А. М. Дубинский «Международные отношения на Дальнем Востоке». Кн. 2 (М., 1973); А. С. Савин «Японский милитаризм в период Второй мировой войны» (М., 1979);

---

¹ Красноярский рабочий. 16.07.1939.

И. И. Федюнинский «На Востоке» (М., 1985). Все они достаточно полно раскрывают особенности, ход и исход боевых действий, массовый героизм советских и монгольских воинов и т.д. Однако многие принципиально важные моменты этих событий остались за рамками этих исследований, что было во многом обусловлено идеологическими и политическими установками советского времени.

В этой связи наибольший научный интерес могут представлять недавно вышедшие книги российских исследователей, которые отражают новые подходы к оценке и анализу произошедшего. Часть из них была написана в связи с 70-летней годовщиной событий на Халхин-Голе. Это сборник «Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии» (М., 2009), статья Ю. В. Кузьмина «Спорные проблемы войны на Халхин-Голе», опубликованная в «Вестнике Международного центра азиатских исследований» (2009. № 16), а также справочная информация, подготовленная Историко-документальным департаментом МИД России «К 70-летию событий на реке Халхин-Гол», размещенная на сайте Министерства иностранных дел РФ (www.mid.ru 14.05.2009). Параллельно с этим продолжается публикация мемуаров и личных воспоминаний о событиях тех лет, среди которых следует выделить книгу А. П. Жукова «Под абсолютно красным солнцем: война отца» (М., 2010).

Большой объем новых архивных материалов помещен в сборнике документов: «Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора “Миссури” (1939–1945 гг.)», изданном в 2011 г. в рамках проекта МинОКН Монголии и Российского гуманитарного научного фонда. И наконец, отдельно следует выделить работы Института востоковедения РАН: соответствующие разделы в коллективной монографии «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» (М., 2010) и сборник «Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века», выпущенный в 2013 г., в котором исследователи из России, Монголии и Японии анализируют различные аспекты этого конфликта.

Этот краткий библиографический экскурс следует завершить упоминанием еще о двух весьма значимых изданиях по этой проблематике, приуроченных к 75-летней годовщине халхин-гольских сражений. Это сборник архивных документов «Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы» (М., 2014) и книга Ю. М. Свойского «Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен» (М., 2014). Одним словом,

русская историография этой проблемы достаточно обширна, даже если не учитывать более 700 единиц архивных документов, находящихся на хранении в Российском государственном военном архиве. И, тем не менее, многие проблемы, связанные с этими событиями, остаются дискуссионными. Выделим наиболее важные из них.

Инцидент, конфликт или война?

Одной из дискуссионных проблем в русской историографии является вопрос о том, как определить эти события: инцидент, конфликт, столкновение, сражение или война? При этом характерно, что не только употребление того или иного термина, но и его политическая окраска неоднократно менялась в зависимости от тех или иных политических реалий, в контексте которых давалась оценка событиям на Халхин-Голе.

В этом отношении весьма показательным представляется высказывание маршала Г. К. Жукова, который писал: «Чтобы завуалировать истинные цели вторжения в пределы МНР, японское правительство решило преподнести мировой общественности акт агрессии как пограничный конфликт. Для большей убедительности своей версии японское правительство решило в начале боевых действий сразу же не вводить в дело большие силы, начав вторжение особыми отрядами, наращивая их силу по мере развития боевых действий. При этом имелось в виду: в случае неблагоприятных обстоятельств, которые могут сложиться в результате вступления в дело Красной Армии, прекратить начатую агрессию и отойти на свою территорию. Поводом для развязки военных действий и так называемого “пограничного конфликта” явилось притязание японского правительства на территорию МНР, находящуюся восточнее реки Халхин-Гол. Для “обоснования” надуманной претензии в Японии в 1935 году издали фальсифицированную топографическую карту, на которой произвольно перенесли государственную границу МНР далее чем на 20 километров, обозначив ее по реке Халхин-Гол»².

Совершенно по-иному эти события оценил тогдашний Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов в своем докладе «О внешней политике Правительства» на Внеочередной, пятой, сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. В докладе особо обращает на себя внимание то, что явно в целях улучшения советско-японских отношений в нем были предприняты усилия

---

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 160–161.

снизить значение войны на Халхин-Голе, назвав его «конфликтом на монголо-маньчжурской границе». Вот несколько коротких цитат из этого доклада: «Япония обратилась к нам с предложением ликвидировать конфликт, и мы охотно пошли навстречу японскому правительству»; «Никому ненужный конфликт вызвал немалые жертвы с нашей стороны, но эти жертвы были в несколько раз больше на японо-маньчжурской стороне». А о причине драматических событий сказано так: «Конфликт был вызван стремлением Японии присвоить часть территории Монгольской Народной Республики и этим путем насильственно изменить монголо-маньчжурскую границу...»³.

Интересно привести в этой связи и два высказывания Сталина, в которых победа СССР на Халхин-Голе оценивается им по-разному. Так, Сталин по время встречи с Г. Жуковым в начале мая 1940 г. посоветовал ему использовать полученный на Халхин-Голе боевой опыт в подготовке войск в Киевском военном округе. Однако несколькими неделями ранее тот же Сталин, пытаясь оправдать неудачи Красной Армии в «зимней войне», сказал, что «за все существование Советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у оз. Хасан или в Монголии — это чепуха, это — не война, это отдельные эпизоды на пяточке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну, мы тоже этого не хотели, и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась. У них было 2–3 дивизии и у нас 2–3 дивизии в Монголии, столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела»⁴.

Не перечисляя все имеющиеся на этот счет точки зрения советских и российских историков, следует сказать, что большая часть из них считают события на Халхин-Голе «необъявленной» или «локальной войной». «События на Халхин-Голе в мае — сентябре 1939 г., безусловно, были реальной войной, пусть локальной, приграничной или региональной, но войной, — отмечает политолог Г. С. Яскина. — Истории еще не известно такого конфликта, участниками которого были бы целые армии, конфликта, который длился бы четыре с половиной месяца, притом что бои вели танковые дивизии, воздушные эскадрильи, тяжелая артиллерия. Кроме

---

³ Молотов В. Доклад о внешней политике Правительства на Внеочередной, пятой, сессии Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г.: стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР. 1939. С. 22.

⁴ Речь Сталина на совещании начальствующего состава РККА 1940 г. Стенограмма. URL: stalin.info/2010/01/04/page/3/

того, ни один пограничный конфликт не способен оказать такое глубокое влияние на баланс сил в регионе в целом, как война»⁵.

А ряд исследователей, в том числе историк Я. А. Бутаков, называют события на Халхин-Голе «началом Второй мировой войны». Он пишет, что «две синхронно одержанные Россией победы — на дипломатическом фронте с Германией и на военном фронте с Японией — предотвратили гораздо худший сценарий Второй мировой войны для России. Победу на Халхин-Голе можно считать первой русской победой на фронтах Второй мировой войны, которая на Дальнем Востоке началась раньше, чем в Европе»⁶.

Причина или повод для войны?

В советской историографии традиционно считалось, что этот конфликт был скрупулезно подготовлен и одобрен высшими руководителями Японии в качестве важного звена стратегического плана по захвату Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии) и Забайкалья. При этом в советских источниках иногда встречаются утверждения, что в случае поражения наших войск на Халхин-Голе японская армия собиралась идти чуть ли не до Читы и Владивостока. Однако с позиции сегодняшнего дня эти события видятся по-другому.

По мнению большинства современных российских исследователей, одной из целей затеваемого конфликта являлась проверка боеспособности Красной армии, своеобразная «разведка боем», чтобы убедиться на практике в действенности нового варианта плана войны против СССР, с одной стороны, а с другой — и проверить боеготовность Красной Армии. К этому толкало японцев и стремление восстановить авторитет Квантунской армии, подорванный неспособностью завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. Так, в фундаментальной исторической работе — коллективной монографии «Японский милитаризм» — отмечается, что провокации японских войск в районе оз. Хасан в августе 1938 г. и более крупная — летом 1939 г. на р. Халхин-Гол были главным образом связаны «с планами подготовки Квантунской армии (к войне с СССР) и проверки ее боевой способности»⁷. Сторонником такого же подхода является, в частности, и военный

---

⁵ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010.

⁶ Бутаков Я. А. Горячий август 1939-го. К 70-летию победы русских войск на Халхин-Голе // Золотой Лев (издание русской консервативной мысли). URL: zlev.ru

⁷ Японский милитаризм // Военно-историческое исследование. М., 1972. С. 165.

историк Е. А. Горбунов, который подробно излагает его в таких своих работах, как «20 августа 1939» (М., 1986) и «Крах планов “Оцу”» (Владивосток, 1988).

В ходе этих рассуждений мы подошли еще к одной традиционной проблеме: кто был инициатором военного конфликта в районе реки Халхин-Гол: политическое и военное руководство страны или это была в значительной мере самостоятельная акция генералов и офицеров Квантунской армии, которые якобы вышли из подчинения Генерального штаба? В советской исторической науке на протяжении почти пяти десятилетий, несмотря на явные натяжки, упорно притягивали действительно существовавшие общие агрессивные замыслы Японии в отношении СССР и МНР к частным событиям в районе реки Халхин-Гол. В качестве документальной основы для подобного утверждения приводился план операции «Оцу» (№ 8) — вариант «Б», который лег в основу подготовки и проведения агрессии против Монголии. Известно, что он был разработан и утвержден осенью 1938 г. не командованием Квантунской армии, а именно Генштабом Императорской армии.

Сегодня в научной литературе можно встретить и иное мнение российских исследователей, совпадающее с точкой зрения ряда японских историков. В частности, в учебном пособии по истории Японии, изданным Институтом востоковедения РАН, можно встретить следующую формулировку: «Как и при конфликте у оз. Хасан, в этом случае имела место самовольная акция командования Квантунской армии. Не поставив в известность Токио, они разработали план захвата части монгольской, а затем и советской территории с выходом к Транссибирской магистрали»⁸. При этом некоторые российские исследователи в подтверждение такой оценки прямо заявляют о том, что в то время «Квантунская армия была не только военной, но и серьезной политической силой, ее командование нередко принимало важные решения автономно, не считаясь с установками Генерального штаба Императорской армии»⁹.

Авторитетный военный историк В. Вартанов в своей статье под сенсационным названием «Халхин-Гол: что под позолотой...» придерживается иной версии этих событий¹⁰. Как и многие его коллеги, он не высказывает сомнений в существовании

---

⁸ История Японии. М., 1999. Ч. II. С. 381.

⁹ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны, М., 2010. С. 16.

¹⁰ Советский воин. 1989. № 18.

агрессивности и антисоветской направленности японских планов в отношении нашей страны в те годы. Однако анализ обстановки в регионе и внутреннего положения Японии именно к середине 1939 г., по его мнению, свидетельствует о том, что «ввязывание в открытый ширококомасштабный вооруженный конфликт с Советским Союзом японским правящим кругам было крайне невыгодно, и они специально этого не планировали. Японская регулярная армия прочно увязла в войне в Китае, уже в течение двух лет вела затяжные бои на два фронта — против регулярных войск Чан Кайши и мощного партизанского движения в тылу. Япония испытывала все большее истощение сырьевых ресурсов, рост безвозвратных потерь личного состава, всплеск антивоенных выступлений в самой армии и в стране».

«Разве можно было серьезно рассчитывать на завоевание МНР, вторжение в СССР, оккупацию Забайкалья с двумя пехотными полками и частями усиления — в общей сложности чуть более 10 тысяч человек, а именно эти японские части участвовали в начальной стадии конфликта», — задает он вопрос и предлагает на него следующий ответ. «На наш взгляд, — заключает В. Варганов, — вспыхнувшие боевые действия, как это не прозвучит неожиданно, носили случайный характер и были обусловлены неразберихой в этом районе с линией границы. В течение нескольких лет между монгольской и маньчжурской сторонами по этому поводу проводились консультации, однако единой точки зрения выработано так и не было»¹¹.

Эту же идею разрабатывает В. П. Сафронов в своей статье «СССР и японская агрессия (1937–1941 гг.)»¹². Автор полагает, что данный конфликт возник как очередной пограничный инцидент ввиду расхождения сторон в определении границы. Он добавляет, что этому способствовало наличие большого количества карт района, которые трактовались каждой из сторон в свою пользу, а также сам характер местности — пустынной и малолюдной, где пограничные указатели были порой весьма неопределенны и отстояли друг от друга на многие километры.

Некоторые российские исследователи связывают эти военные столкновения с планами Японии провести железную дорогу Солунь — Ганьчжур вблизи монгольской территории, рельеф которой, по версии монгольской стороны, именно в этом месте

---

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 251–287.

выдавался клином. В случае войны железная дорога могла подвергаться прицельному огню с господствующих песчаных высот на монгольской границе. Сдвинув границы к Халхин-Голу, японское командование ликвидировало бы эту угрозу.

И, тем не менее, все прекрасно понимают, что ни планы строительства железных дорог, ни картографические ошибки не приводят к таким весьма трагическим событиям. Как отмечает Г. С. Яскина, «не следует принимать повод за цель», а за поводом она усматривает более глубокие причины: «СССР и Япония были соперниками за лидерство в регионе. Москва стремилась играть ведущую роль в дальневосточных делах. Токио — доказать свое право на эту же роль. Монголия опасалась стать заложником в большой геополитической игре и открыто тяготела к Советскому Союзу. Командование Квантунской армии руководствовалось надуманной целью, призванной замаскировать его подлинные намерения. Она звучала как “приведение приграничной территории Маньчжоу-Го в соответствие с имеющимися в Японии картами”»¹³.

Одновременно с этим следует подчеркнуть, что выбранный театр боевых действий давал существенные военно-стратегические преимущества для японской армии. Со стороны Маньчжурии туда подходили две железные дороги. Одна из них — бывшая КВЖД — проходила в 125 километрах от Халхин-Гола. Еще ближе — в 50–60 километрах — находилась станция Хандогай новой железной дороги, идущей от Солуни на Ганьчжур. Кроме того, в распоряжении японских войск имелись две грунтовые дороги, идущие к Халхин-Голу от Хайлара. В то же время наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от места событий на 750 километров. Принимая во внимание эти обстоятельства, по нашему мнению, японское командование практически не сомневалось в успехе разработанной им операции.

Военнопленные Халхин-Гола

Долгие годы за рамками исторических исследований в нашей стране оставалась проблема военнопленных, захваченных во время боев на р. Халхин-Гол обеими воюющими сторонами. Она включает в себя такие аспекты, как уточнение числа японских и советских, а также монгольских военнослужащих, оказавшихся в руках противника, обращение с ними в СССР и Японии, а также выяснение их дальнейшей судьбы после возвращения из плена и т.д.

---

¹³ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 28.

Пожалуй, самое главное препятствие на пути изучения этой гуманитарной тематики состоит в отсутствии доступа к соответствующим фондам архивных документов, часть из которых до сих пор не рассекречена по причине главным образом формальной принадлежности их военному ведомству. Но это обстоятельство не снижает актуальности проблемы, имеющей не только историческое, но и гуманитарное содержание.

Вопросы военного плена всегда были необычайно важны и чувствительны для России и Японии, которые в XX в. воевали между собой чаще других стран: Русско-японская война (1904–1905), японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток (1918–1922), бои на о. Хасан (1938) и р. Халхин-Гол (1939), советско-японская война (1945), не говоря уже о сотнях приграничных вооруженных инцидентов. Однако, как известно, наши страны далеко не всегда и не в полной мере применяли нормы международного права в отношении поверженного противника. Достаточно напомнить, что Советский Союз и Япония ратифицировали Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1929 г. с заметным опозданием — лишь в начале 1950-х гг.

В связи с этим 27 июля 1929 г. в Женеве были приняты две специальные конвенции: «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В первой из них кроме общих положений содержались такие правовые нормы, как определение лагерей военнопленных, условия взятия в плен, трактовались особенности трудового использования военнопленных в соответствии с их положением и профессией и т.д. А в 1929 г. наша страна и вовсе отказалась от участия в мирной конференции в Женеве и признала только принятую там конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Положения же конвенции «Об обращении с военнопленными» советское руководство посчитало «малоубедительными»¹⁴, поскольку они не вписывались в новую советскую наступательную военную доктрину страны, разработанную Михаилом Тухачевским. Эта доктрина была сориентирована на ведение вооруженных действий на территории противника с небольшим количеством военнопленных с советской стороны. И потому считалось, что в такой ситуации связывать себя какими-либо обязательствами с потенциальным противником не имело смысла. Говорят, что этим отказом в дальнейшем

---

¹⁴ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Волгоград, 2000. С. 1016.

ловко воспользовался Гитлер, заявив о том, что советские военнопленные не подпадают под защиту Женевской конвенции 1929 г. Но главный камень преткновения состоял в том, что в тексте конвенции гарантировался доступ представителей Красного Креста в лагеря для военнопленных, что шло вразрез с убеждениями советского руководства.

Мнение И. В. Сталина о том, что воину Красной Армии лучше погибнуть, чем оказаться во вражеском плену, было закреплено в советском законодательстве, где сдача в плен приравнивалась к добровольному переходу на сторону противника, что каралось расстрелом с конфискацией имущества. К тому же Сталин опасался, что слишком мягкие условия международных конвенций могут отрицательно сказаться на политико-моральном состоянии солдат и командиров РККА. В дальнейшем, 19 марта 1939 г., ЦИК и СНК Постановлением № 46 утвердили проект «Положения о военнопленных», который из-за приведения в соответствие с общими принципами советского права получил ряд отличий от Женевской конвенции 1929 г.

Важно отметить, что Япония также не ратифицировала и не ввела в действие Женевскую конвенцию 1929 г. «Об обращении с военнопленными». Против ее ратификации категорически протестовали в армии и флоте. Так что во время военных событий на Халхин-Голе наши страны не были регламентированы в своих действиях в отношении плененного противника никакими последними международными гуманитарными обязательствами, а действовали во многом исходя из доброй воли и имевшегося военного опыта, а также национальных традиций.

В СССР, как было сказано выше, роль традиций была полностью устранена сталинской идеологией, а в Японии они во многом были связаны с кодексом самурайской чести Бусидо. Достаточно напомнить ряд высказываний из показаний бывшего премьер-министра Японии Тодзио Хидэки* на Токийском трибунале: «Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев, означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными. При таком положении считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение поверить, что власти поощряют японцев сдаваться в плен. Поэтому в ответ на запрос нашего Министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции военное министерство заявило, что хотя оно не может объявить

о полном согласии с его принципами, но и не возражает против их применения с необходимыми оговорками. В январе 1942 года министр иностранных дел объявил через посольства Швейцарии и Аргентины, что Япония будет следовать Женевской конвенции с изменениями»¹⁵.

Что эти слова означали на практике — свидетельствуют воспоминания К. Симонова, который был шокирован картиной, увиденной при обмене пленными Халхин-Гола. Он красочно описал, как японские санитары поспешно надевали на головы своих освобожденных из плена соотечественников бумажные колпаки, чтобы тем было не стыдно смотреть в лицо офицерам и солдатам Императорской армии¹⁶. А по возвращении на родину многих из них ждал военный трибунал и казнь. Похожая судьба была уготована в СССР и красноармейцам, прошедшим через японский плен.

Возможно, в силу подобного рода исторических обстоятельств специальных исследований по теме военного плена в СССР и Японии не проводилось. А современные российские авторы в своих работах о событиях на Халхин-Голе ограничиваются лишь констатацией факта, что после окончания военных действий был произведен обмен пленными. В ряде изданий сообщается, что передача пленников происходила дважды: число переданных Японии военнопленных 27 апреля 1939 г. составило 88 человек и 116 человек были возвращены японской стороне 27 апреля 1940 г. При этом подчеркивается, что обмен производился по распоряжению народного комиссара обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова из расчета «один за один»¹⁷. Но поскольку советских бойцов в плен попало всего 88 человек, то 116 японцев были возвращены в одностороннем порядке.

Правда, встречаются и другие цифры, порой без ссылок на источники. Например, доктор исторических наук К. Е. Черевко в своей книге «Серп и молот против самурайского меча» указывает на то, что потери РККА пленными, «по предварительным

---

* Японские имена и фамилии пишутся в том порядке, как принято в Японии: сначала фамилия, потом имя.

¹⁵ Смирнов Л.Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 536.

¹⁶ «Самый храбрый»: печальная участь японских военнопленных, вернувшихся домой из советского плена. URL: amdn.news/samyi-khrabryi-piechlnaia-uchast-yaronskikh-voennoplenykh-vernuvshkhsia-domoi-iz-sovetskogho-plena (дата обращения: 13.09.2019).

¹⁷ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014. С. 9.

официальным советским сведениям, составили 216 человек»¹⁸. Другой же японовед-историк А. А. Кириченко уточняет, что в ходе боев на Халхин-Голе было захвачено 227 японских и маньчжурских военнослужащих. Из них 6 умерли в плену от ран, 3 отказались возвращаться в Японию, остальные переданы японской стороне»¹⁹. Попутно замечу, что, изучая материалы, связанные с войной на Халхин-Голе, находящиеся в открытом доступе РГВИА, мне с группой японских исследователей удалось установить фамилии лишь немногим более 120 японцев, взятых в плен Красной Армией. Однако даже эти скудные сведения порой сопровождаются досадными ошибками. Так, в качестве курьёза можно упомянуть о заявлении исследователя А. Б. Широкограда, который утверждает, что «27 сентября 1939 г. Советский Союз выдал Японии 88 пленных, 27 апреля 1940 г. японцы СССР вернули 116 человек»²⁰.

В силу подобного рода противоречивой информации до недавнего времени наиболее аргументированными и достоверными считались данные, представленные в исследовании авторитетного американского историка Элвина Кукса «Номонхан: Япония против России», впервые изданной в 1985 г. Согласно собранным им сведениям, основанным на японских архивных документах и интервью с очевидцами, число переданных советских военнопленных составило 89 человек (87 — в 1939 г. и 2 — в 1940 г.), а японских — было возвращено 204 человека (88 — в 1939 г. и 116 — в 1940 г.), в том числе 160 японских и 44 маньчжурских солдат и офицеров²¹.

Эти данные подтверждаются и российскими архивными документами, согласно которым на конец 1939 г. на территории СССР находилось 117 подданных Японии, которые были размещены в Читинской тюрьме²². Из них, по сообщению начальника УНКВД по Читинской области капитана госбезопасности Портного, 107 человек были приняты в конце сентября 1939 г. от штаба фронтовой группы²³. Среди этих 107 человек, как указывалось

¹⁸ Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 95.

¹⁹ Кириченко А. А. Потери Японии в сражениях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: взгляд из XXI века. М., 2013. С. 92, 96.

²⁰ Широкоград А. Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Минск, 2003. С. 543.

²¹ Соох Al. D. *Nomonhan: Japan against Russia*. Stanford, 1990. P. 121.

²² Карасев С. В. Японские военнопленные // Энциклопедия Забайкалья. URL: ez.chita.ru/encycl/person/?id=5355 (дата обращения: 12.12.2019).

²³ Мошанский И. Бои в районе реки Халхин-Гол 11 мая — 16 сентября 1939 года. URL: modernlib.ru/book/morchnckiy_ilya/boi_v_rayone_reki_Halhingal_11maya_16sentyabrya_1939_goda (дата обращения: 11.11.2019).

в донесении начальника 1-го отдела Управления НКВД по делам военнопленных Тишкова, «есть 13 офицеров во главе с капитаном Като, которые именуют себя “комиссией по уточнению границ”». Взятые они были как нарушители границы, а официально числятся “перебежчиками”. Като заявляет, что они заблудились и нарушили границу “случайно”. 10 человек офицеров и унтер-офицеров прибыли в Читинскую тюрьму из Бутырской тюрьмы в ноябре месяце по указанию СО ГУГБ НКВД СССР как направленные в распоряжение товарища Штерна. Никаких указаний об их дальнейшем направлении УНКВД по Читинской области от штаба Забайкальского военного округа до сих пор не имеет. Личные дела имеются только на 10 военнопленных, прибывших из Бутырской тюрьмы. На остальных военнопленных в тюремном отделе УНКВД имеются списки. В настоящее время приступлено к заполнению опросных листов и заводятся личные дела», — говорится в документе.

Следует пояснить, что приемом японских пленных и организацией их содержания занимался Народный комиссариат внутренних дел во главе с Л. П. Берия. Показательно, что еще в разгар военных действий на Халхин-Голе советское руководство прогнозировало, что у нас в плену может оказаться до нескольких тысяч человек. В этой связи ГУЛАГом НКВД СССР в г. Нижнеудинске Иркутской области был развернут специальный лагерь, рассчитанный на прием до 2 тыс. японских солдат и офицеров, о чем свидетельствует справка НКВД СССР о японских военнопленных, захваченных в период боев на монгольской территории, датированная 3 марта 1940 г. В ней, в частности, говорится: «В период событий на Халхин-Голе моботделом НКВД было предложено ГУЛАГу НКВД подготовить лагерь к приему военнопленных японцев». Это был первый советский лагерь, предназначенный для иностранцев. Однако в те годы он так и не был задействован по своему прямому назначению в силу малочисленного состава оказавшихся в советском плену японских военнослужащих, что делало его эксплуатацию крайне нерентабельной. В связи с этим в соответствии с шифротелеграммой Наркома внутренних дел Л. П. Берия № 801 от 30.10.1939 г. японские военнопленные были переведены в отдельный корпус Читинской тюрьмы, куда впоследствии поступили и 10 офицеров, возвращенные из Бутырской тюрьмы г. Москвы.

Трудно утверждать конкретно, где и когда это произошло, но мне неоднократно довелось слышать рассказ о том, как японские военнопленные, оказавшиеся в советских лагерях после окончания Второй мировой войны, встречали там своих

соотечественников, отбывавших у нас наказание с времен халхингольских событий.

Вот, пожалуй, только этими документальными свидетельствами о судьбе японских военнопленных мы располагаем на настоящий момент, за исключением отдельных эпизодов из художественной и мемориальной литературы. Об этом, в частности, писал и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления». Попутно заметим, что эта тематика была затронута в статье И. В. Сеченова «Узники войны. Судьбы военнопленных Халхин-Гола» (2009) — командира поискового отряда «Байкальский следопыт», на протяжении многих лет работающего на территории Монголии, на месте боев в районе реки Халхин-Гол.

О русских солдатах и офицерах, попавших в японский плен, недавно стало известно куда больше благодаря статье в книге Ю. М. Свойского «Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен». Автор, не будучи по своей основной профессии историком, но давно и серьезно интересующийся событиями на Халхин-Голе, проделал огромную работу по выявлению — буквально по крупицам — архивных документов, касающихся имен и судеб советских солдат, попавших в плен к японскому противнику.

Как указывается, в частности, в приведенном в книге Докладе Народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову, датированному 22 октября 1939 г.: «При обмене пленными после боев в районе реки Халхин-Гол японцы возвратили наших 77 человек. Среди них: рядовых — 57, младших командиров — 12, средних — 7, старших — 1. Политсостава в плену не было... Проведенным опросом установлено, что при пленении оказывали сопротивление 9 человек. Не смогли сопротивляться вследствие ранений 12 человек. Не имели при себе оружия 3 человека. Внезапно были схвачены японцами 10 человек. Сдались в плен добровольно с оружием в руках — 43 человека»²⁴. Однако автор корректирует это донесение, приведя в качестве документального доказательства и другие материалы, на основе чего он делает вывод о том, что во время боев на Халхин-Голе в японский плен попали в общей сложности 97 советских воинов, из них: 82 человека было возвращено на родину по обмену пленными в сентябре 1939 г., 11 были убиты японцами, 4 отказались возвращаться на родину. Из числа возвращенных

---

²⁴ Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014. С. 226.

Советскому Союзу военнопленных 38 человек были преданы суду военного трибунала по обвинению в добровольной сдаче в плен или в сотрудничестве с японцами в плену²⁵.

В книге можно отыскать биографические сведения на многих советских военнослужащих, оказавшихся в японском плену, подробное описание обстоятельств их сдачи в плен на основе написанных ими собственноручно объяснительных показаний, а главное — рассказ об их дальнейшей судьбе уже по возвращении на родину, где, как правило, ждало обвинение в измене родине и судебное преследование.

И, тем не менее, изученный Ю. М. Свойским комплекс документов нельзя назвать полным. Так, например, не удалось выявить часть приговоров военного трибунала (на 4 человека из 38 преданных суду), не найден первый список военнопленных, составленный непосредственно в процессе обмена 27 сентября 1939 г., а также ряд важных документов, определивших порядок обращения с военнопленными, в том числе Наркомата обороны и Политуправления РККА за сентябрь — октябрь 1939 г. Неполнота комплекса документов оставляет открытыми ряд вопросов, таких как выверенные данные о численности советских военнопленных, оказавшихся в японском плену, в том числе попавших в плен ранеными, умершими в плену, демобилизованных после возвращения из плена вследствие ранений и т.д. Также остается недостаточно полно изученным вопрос о судьбе попавших в плен монгольских цириков.

Однако благодаря большой поисковой работе Ю. М. Свойского и введение им в научный оборот значительного числа новых документов о событиях на Халхин-Голе мы имеем достаточно полное представление о пребывании советских военнопленных в японском плену и их дальнейшей судьбе на родине. Тем не менее работа по выявлению новых архивных документов продолжается. И параллельно с ним действуют поисковые отряды добровольцев из Иркутска и Улан-Удэ, которые регулярно выезжают в Монголию на поля былых сражений и занимаются поиском и опознаванием останков советских солдат и офицеров, погибших на полях Монголии.

---

²⁵ Там же. С. 44.

События на Халхин-Голе в контексте международных отношений

И наконец, еще один аспект этой проблемы — политико-дипломатический. Вступив в конфликт и развязав крупномасштабные боевые действия, и Советский Союз, и Япония стремились извлечь для себя максимальную политическую пользу, и в первую очередь продемонстрировать свою боеспособность перед потенциальными союзниками в Европе и в США, где существовали довольно серьезные сомнения в способности СССР и Японии выступать в качестве надежных и боеспособных партнеров в предстоящих коалициях, состав и конфигурация которых еще не были окончательно определены.

Именно в эти месяцы японская дипломатия вела ожесточенный торг об условиях сотрудничества с Германией и Великобританией. С другой стороны, Япония в то время вела тяжелую захватническую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. И очевидно, что в таких условиях Япония не была заинтересована в раздувании параллельной крупной войны, отвлекающей ее от главной цели.

Вместе с тем, вычлняя главное, следует сказать, что события на Халхин-Голе были связаны с японскими дипломатическими маневрами, направленными на то, чтобы подтолкнуть Германию к войне против СССР; заставить СССР отказаться от военной помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ослабить ее; склонить Англию, Францию и США к «дальневосточному Мюнхену», т.е. к политике «умиротворения» Японии, к тому, чтобы они дали Японии «зеленый свет» для агрессивных акций в регионе; удержать США от применения экономических санкций против Японии и т.д.

Летом 1939 г. не менее важные переговоры вела и военная делегация СССР с представителями военных миссий Великобритании и Франции в Москве. Не надо забывать и о политической ситуации вокруг Советского Союза в те годы. Осенью 1938 г. СССР даже не был приглашен на конференцию в Мюнхене, где решалась судьба Чехословакии, с которой Москва имела договор о взаимопомощи. Это означало одно — падение авторитета Советского Союза в Европе, где весной 1939 г. пала республиканская Испания — последний союзник Москвы. На Западе небезосновательно полагали, что Красная Армия, ослабленная многочисленными чистками, небоеспособна. К тому же СССР, активно помогавший

Китаю оружием и военными специалистами, косвенно был заинтересован в распылении японских сил.

В этой ситуации позиция советского правительства в отношении Японии наиболее четко обозначена в ответе Чан Кайши на его предложение о заключении мирного договора между двумя странами. Она заключалась в следующем:

— изолированное вступление СССР в войну принесет больше времени, чем пользы: это ухудшит положение Китая и улучшит положение Японии;

— правительство СССР считает нецелесообразным выступление СССР без участия США и Англии. Это послужит лишним поводом для обвинений трех этих стран в большевизации Китая, даст им возможность ссылаться на то, что СССР имеет особые интересы в Китае и стремится его захватить;

— выступление СССР вовлечет в войну Германию и Италию, которые окажут помощь Японии, и в результате положение осложнится;

— правительство СССР подтверждает, что вступит в войну (против Японии) при наличии одного из следующих неперенных условий:

- 1) в случае нападения Японии на СССР;
- 2) в случае, если вместе с СССР выступят Англия или Америка;
- 3) в случае, если Лига Наций вынесет постановление, предлагающее тихоокеанским державам применить против Японии военные санкции²⁶.

Таким образом, возникший конфликт на Халхин-Голе, который формально был четырехсторонним — МНР и СССР против Маньчжоу-Го и Японии, — фактически был выяснением отношений между СССР и Японией. Конфликт стал прекрасной возможностью для любой из сторон не только закрепить за собой спорные территории, но и значительно поднять свой военный и политический престиж на международной арене.

И в заключение еще один важный аспект проблемы: является ли верным утверждение, что локальные по охвату территории и не переросшие в крупномасштабную войну военные действия на Халхин-Голе оказали серьезное влияние на последующее развитие ситуации в мировой политике. И в этой связи в дискуссиях о событиях на Халхин-Голе в российской историографии можно

---

²⁶ Jiang Zongtong Milu. Secret Diary of President Chiang Taipei: zhongyang Ribao Chubanshe / 1978. Vol. 12. P. 9.

встретить вопрос о том, не привело ли к окончанию этого конфликта заключение Пакта Молотова — Риббентропа или же стало хотя бы одной из существенных побудительных причин для этого.

Хорошо известно, что подписание СССР и Германией Пакта о ненападении 23 августа 1939 г. — день последнего и решающего сражения на Халхин-Голе — достаточно сильно дезорганизовало и дезориентировало японское руководство, поскольку, готовясь к войне с Советским Союзом, считало Германию своей союзницей. Японское правительство тогда подало в отставку. И надо сказать, что военная победа на Халхин-Голе и Пакт Молотова — Риббентропа на достаточно длительный срок охладили пыл японцев, и они уже полностью переключились на «южное направление» — на войну в Тихом океане.

С другой стороны, среди факторов, побудивших СССР сделать свой выбор во внешней политике на союз с гитлеровской Германией, а не с Великобританией и Францией, наряду с европейскими проблемами важное место отводилось учету безопасности СССР на Дальнем Востоке. И в этой связи вооруженный конфликт на Халхин-Голе, возможно, стал сильным аргументом именно в пользу Германии. Сталин, убежденный в том, что Советский Союз существует в чрезвычайно враждебном ему окружении, своей основной целью сделал обеспечение национальной безопасности страны.

В течение 1937–1938 гг. Советский Союз предлагал Великобритании, Франции и США совместно выступить против германской экспансии в Европе и японской агрессии в Китае. Но западные демократии отвечали категорическим отказом. Москва оказалась в полной международной изоляции. По-иному прореагировала Германия, когда В. М. Молотов 15 августа 1939 г. во время беседы с германским послом Шуленбургом поставил перед ним вопрос о том, готово ли германское правительство оказать влияние на Японию в целях улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов.

Уже на следующий день И. Риббентроп сообщил в Москву о том, что Германия готова оказать свое влияние с целью укрепления российско-японских отношений. А в ночь с 23 на 24 августа, когда проходили советско-германские переговоры о содержании Пакта о ненападении, детально обсуждался и японский вопрос. По воспоминаниям очевидцев, Сталин заметил тогда, что «Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией, но что есть пределы его терпения в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить ее.

Советский Союз же не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира — тем лучше²⁷.

Таким образом, подписание Пакта о ненападении с Германией явно способствовало укреплению безопасности Советского Союза в плане его противоборства с Японией. С другой стороны, подписание советско-германского Пакта о ненападении стало для японской стороны тяжелым ударом, поскольку, как свидетельствуют документы, японское руководство в течение всего конфликта на Халхин-Голе не оставляло надежды заключить военный союз с Германией и втянуть ее в войну с СССР.

Суммируя все эти факты, следует сделать вывод о том, что вооруженное столкновение советских и японских войск летом 1939 г. подтолкнуло советское правительство на вынужденное заключение с Германией Пакта о ненападении с тем, чтобы избежать опасности вовлечения нашей страны в войну на два фронта — западный и восточный. С другой стороны, разгром японских войск побудил японское правительство подписать в апреле 1941 г. Пакт о нейтралитете с СССР. Хотя здесь же возникает другой вопрос о том, насколько результативными оказались эти акции, поскольку в том и в другом случае, несмотря на достигнутые ранее официальные договоренности, вскоре началась Вторая мировая война, исход которой определил на долгие десятилетия мировое послевоенное устройство.

---

²⁷ 1939–1941. Советско-нацистские отношения: документы. Париж — Нью-Йорк, 1988. С. 80–81.

Литература

- Бутаков Я. А. Горячий август 1939-го. К 70-летию победы русских войск на Халхин-Голе // Золотой лев (издание русской консервативной мысли). URL: zlev.ru (дата обращения: 03.11.2019).
- Военнопленные в СССР. 1939—1956: документы и материалы. Волгоград, 2000.
- Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939: документы и материалы. М., 2014.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002.
- История Японии. М., 1999.
- Карасев С. В. Японские военнопленные // Энциклопедия Забайкалья. URL: ez.chita.ru/encycl/person/?id=5355 (дата обращения: 13.02.2018).
- Кириченко А. А. Потери Японии в сражениях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: взгляд из XXI века. М., 2013.
- Красноярский рабочий. 16.07.1939.
- Молотов В. М. Доклад о внешней политике Правительства на Внеочередной, пятой, сессии Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г.: стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР. М., 1939.
- Мошанский И. Бои в районе реки Халхин-Гол 11 мая — 16 сентября 1939 года. URL: modernlib.ru/books/morchanskiy_ilya/boi_v_rayone_reki_hanhingol_11mfya_16sentyabrya_1939_goda (дата обращения: 11.11.2019).
- Речь Сталина на совещании начальствующего состава РККА 1940 г.: Стенограмма. URL: stalin.info/2010/01/04/page /3/ (дата обращения: 11.11.2019).
- «Самый храбрый»: печальная участь японских военнопленных, вернувшихся домой из советского плена. URL: amdn.news/samui-khrabryi-piechal-naia-uchast-yaponskikh-voennoplenykh-viernuvshikhhsia-domoi-iz-sovietskogho-plena (дата обращения: 13.02.2019).
- Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
- Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984.
- Советская внешняя политика. 1917—1945. Поиски новых подходов. М., 1992.

Часть I. Победа на Халхин-Голе: историография и источниковедение

Советский воин. 1989. № 18.

1939–1941. Советско-нацистские отношения: документы. Париж, Нью-Йорк, 1988.

СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010.

Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.

Широкопад А. Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Минск, 2003.

Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972.

Cooh Al. D. Nomonhan: Japan Against Russia. Stanford, 1990.

Jiang Zongton Milu. Secret Diary of President Chiang Taibei zhongyang Ribao. Chubanshe / 1978. Vol. 12.

Глава 2*

ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ 80 ЛЕТ СПУСТЯ: ОСВЕЩЕНИЕ И ОЦЕНКИ

Тема сражений на реке Халхин-Гол и советско-монголо-японских отношений в 1930-е гг. занимает важное место не только в работах по монголоведению, но и в исследованиях по международным отношениям в Восточной Азии первой половины XX в. Хотя, согласно устоявшейся историографической традиции, халхин-гольские события стоят отдельно от Второй мировой войны, многие факты указывают на безусловную связь между ними. Так, ряд авторов видят в этих событиях «разведку боем», проверку боеспособности Красной Армии со стороны Японской империи в преддверии большой войны в Азии¹. Отечественный востоковед С. Г. Лузянин отмечает, что «события на Халхин-Голе... оказали непосредственное и весомое влияние на условия возникновения Второй мировой войны, расстановку сил ведущих держав, ход и конечный результат глобального конфликта, на формирование новой системы международных отношений в регионе и мире»². Другой российский историк — монголовед Ю. В. Кузьмин — пошел дальше и предложил новую трактовку боев на Халхин-Голе, обозначив их как начало Второй мировой войны³.

В целом за последние годы оценки боев на Халхин-Голе со стороны большинства отечественных, монгольских и ряда западных исследователей, экспертов и обозревателей не претерпели

---

* Автор главы — В. А. Родионов. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и МинОН Монголии в рамках научно-исследовательского проекта «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства», № 19-511-44012 Монг_т

¹ Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы // Ежегодник Японии. 2009. № 38. С. 275.

² Лузянин С. Г. Дипломатическая история Халхин-Гола // 70 Years Since the Nomnhan Incident (Battle of Khalkhyn Gol): Collection of Treasures in the International Symposium in Ulaanbaatar. Fukuyosha, 2009. P. 186.

³ Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-Голе 1939 года и советско-германский Пакт о ненападении // Дайны дараах Монгол-Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг: өнгөрсөн, одоо, ирээдүй. Улаанбаатар, 2019. С. 116.

серьезных изменений и сходятся по принципиальным аспектам. На такой важный вопрос, кто является инициатором боевых действий, ответ остается однозначным — японская сторона⁴. Также позиции российских и монгольских авторов совпадают при оценке итогов Халхин-Гола, а именно — военное поражение японской армии, которое оказало влияние на стратегию Токио в отношении основного направления дальнейшей экспансии Японской империи. Мнения ученых, как правило, расходятся в вопросах о потерях сторон, планах и конечных намерениях японской армии и ее руководства, причинах поражения японской стороны, влиянии сражения на дальнейший ход истории.

Однако интерес к сражениям на Халхин-Голе не исчерпывается только научными изысканиями. Не менее важными обстоятельствами развития исследований в данном направлении являются текущие социально-политические процессы. Как известно, все факторы динамики представлений о том или ином историческом событии условно можно подразделить на 2 группы: внутренние и внешние по отношению к историческому знанию. К первой группе относятся такие явления, как открытие и введение в научный оборот новых исторических источников, способов их анализа и интерпретации. Вторую группу составляют факторы социального происхождения, связанные с состоянием и динамикой общественно-политической ситуации, в рамках которой происходит осмысление исторического события. Иными словами, речь идет о политически мотивированных действиях, в основе которых лежит осознанное использование исторического материала для достижения целей, не имеющих отношения к собственно истории. Именно факторы второй группы во многом стали катализатором для массового выхода в свет публикаций последних лет, различных торжественных мероприятий, официальных заявлений, посвященных событиям на Халхин-Голе.

В 2019 г. исполнилось 80 лет совместной победе СССР и МНР над Японией в боях на реке Халхин-Гол. Данный юбилей

---

⁴ См., например: Кошкин А. А. Сражения в монгольских степях: инцидент или локальная война? URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/srazhieniia-v-monghol-skikh-stepiakh-intsident-ili-lokal-naia-voina>); Ганболд С. Еще раз о боевых действиях монголо-советских войск против японской военщины (весной и летом 1939 года на Халхин-Голе): история изучения, проблемы // Мир Евразии. 2015. № 3(30). С. 2–5; Арвай Ш. Монгол, Оросын ард түмэн нэгэн зорилго, нэгдмэл эрх ашигтай. URL: <http://www.sonin.mn/news/easy-page/101284>; Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002; Соох А. D. Nomonhan: Japan Against Russia. 1939. Stanford, 1985.

имеет особую актуальность как для Монголии, так и для Российской Федерации. Для Монголии победа на Халхин-Голе является одним из наиболее значимых исторических событий в XX в. наряду с обретением независимости в 1911 г. и Народной революцией 1921 г. Современное монгольское государство, как и любое другое, поддерживает свою легитимность через отсылку к героическому прошлому, и победа на Халхин-Голе — важнейший элемент этого прошлого. В России значимость халхин-гольских событий обусловлена их непосредственной близостью к периоду Великой Отечественной войны, 75-летний юбилей победы в которой пришелся на 2020 г. Именно память о Великой Победе представляет собой центральную часть легитимации современной России как на внутренней, так и на международной арене.

Данная знаменательная дата, как это часто бывает, породила очередной виток общественного интереса в России и Монголии к событиям 1920—1930-х гг. в истории Монголии, актуальным вопросам ее отношений с зарубежными странами, в первую очередь с Советским Союзом и императорской Японией. Согласно статистике Яндекс, в русскоязычном сегменте Интернета в течение 2019 г. было зафиксировано 1874 сообщения, 551 статья, 54 интервью с упоминанием Халхин-Гола⁵. Для сравнения в 2018 г. эти цифры были равны 698, 305 и 24 соответственно⁶.

В Монголии в течение 2019 г. была проведена целая серия торжественных мероприятий, приуроченных к юбилею. В июле 2018 г. правительство Монголии выпустило постановление о праздновании 80-летней годовщины победы в битве на Халхин-Голе. В Дорнодском аймаке была запланирована реставрация памятников воинам-участникам боевых действий, выступление спортивно-военного ансамбля «Дөл», конкурсы на лучшее эссе, стихотворение «Ялалтын цуурай» («Эхо победы») ⁷. С 12 по 25 августа в Улан-Баторе была проведена совместная

⁵ Яндекс. Поиск. URL: https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%85%D0%B0%D0%BB%D1%85%D0%B8%D0%BD-%D0%B3%D0%BE%D0%BB&rp=nws2&grhow=clutop&wiz_no_news=1&rel=tm&within=777&from_day=01&from_month=01&from_year=2019&to_day=31&to_month=12&to_year=2019

⁶ Яндекс. Поиск. URL: https://news.yandex.ru/yandsearch?text=%D1%85%D0%B0%D0%BB%D1%85%D0%B8%D0%BD-%D0%B3%D0%BE%D0%BB&rp=nws2&grhow=clutop&wiz_no_news=1&rel=tm&within=777&from_day=01&from_month=01&from_year=2018&to_day=31&to_month=12&to_year=2018

⁷ Болд Л. Дорнод: Халхголын дайны ялалтын 80 жилийн ойн нээлт болно. URL: <https://news.zindaa.mn/2psn>

российско-монгольская музейная выставка «Халхин-Гол. 80-летие Победы»⁸. На территории Монголии при поддержке органов власти были организованы и проведены научные мероприятия, тематически связанные с победой на Халхин-Голе⁹.

Тема Халхин-Гола занимает видное место в массовой культуре современной Монголии. В монгольских музыкальных клипах «Домогт 39 он» («Легендарный 39-год»)¹⁰ и «Халхын гол миний нутаг» («Моя Родина — Халхин-Гол»)¹¹, размещенных на Youtube канале в 2019 г., представлены подвиги и мужество монгольских и советских солдат в сражениях с врагом. При этом необходимо отметить, что в медиапространстве Монголии больший акцент делается на вкладе монгольской стороны в победу над врагом, что объясняется направленностью соответствующей информации, прежде всего на внутреннюю аудиторию. Также интересно то, что даже активное развитие монголо-японских отношений последних 30 лет, выраженное в том числе в щедрых финансовых вливаниях Токио в экономику Монголии, не смогло вытеснить события на реке Халхин-Гол на периферию исторической памяти.

Российские власти, крупные бизнес-структуры и ученые круги, со своей стороны, также приложили немало усилий для увековечения позитивного образа победы на Халхин-Голе. Госкомпания «Роснефть» выделила 8 млн. евро на обновление сомона Халхин-Гол, включая строительство административного здания, центра культуры, межрегиональной больницы, школы на 650 детей, общежития, детсада на 150 воспитанников, спортзала, игровой площадки, автостоянки, центра отдыха и досуга граждан¹². Халхингольская тема стала ключевой для ряда научных конференций, проведенных в России в 2019 г. Среди прочих отдельно следует выделить международную конференцию «Победа на р. Халхин-Гол — 1939: в поисках исторической истины»,

⁸ «Халх гол, Ялалтын 80 жил» үзэсгэлэн нээлтээ хийлээ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J4NsJmFGY4I>

⁹ См., например: Battle of Khalkhiin Gol–80 / International Conference. Ulaanbaatar, August 2019.

¹⁰ Домогт 39 он. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vCBjMFfuPhY>

¹¹ Халхын гол миний нутаг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wYVQG93IYSE>

¹² Халх голын тулалдааны 80 жилийн ойг ирэх жил ОХУ-тай хамтран тэмдэглэх ажлын хүрээнд «Шинэ сум» бүтээн байгуулалтын ажил эхлэв. URL: <https://president.mn/6203/>

организованную Институтом востоковедения РАН, Институтом истории и этнологии АН Монголии и Institute International Culture, Showa Women's University (Япония) (26–27.09.2019)¹³.

Официальный визит президента РФ В. В. Путина в Монголию 2–3 сентября 2019 г. стал кульминационным событием в череде официального празднования 80-летия победы. В своем интервью монгольской газете «Өдрийн сонин» российский президент назвал совместную победу на Халхин-Голе «одним из самых ярких, знаковых событий нашей общей истории», сделав акцент на связи между этими событиями и дальнейшим ходом Второй мировой войны¹⁴.

Очевидно, что интерес и активное участие российской стороны в торжественном праздновании обусловлен прежде всего стремлением подтвердить и укрепить сложившийся в монгольском общественном сознании образ «главного друга и союзника», пришедшего ей на помощь в трудный час, в очередной раз подчеркнуть особую роль СССР в борьбе с государствами «оси» в период Второй мировой войны. Кроме того, учитывая, что текущее торгово-экономическое сотрудничество двух стран переживает не самые лучшие времена, акцент на позитивном историческом прошлом в какой-то мере призван ретушировать проблемы современного этапа отношений.

Наряду с мероприятиями, имевшими своей целью подчеркнуть позитивный характер событий 80-летней давности, в 2019 г. вышли в свет и публикации, претендующие на пересмотр/ревизию ряда устоявшихся в отечественной и монгольской историографии положений. Так, интерес представляют публикации, появившиеся в русскоязычном пространстве, в которых их авторы подвергают сомнению агрессивный характер боевых действий со стороны Японии. Например, Е. Трифонов в статьях о хасанских и халхин-гольских конфликтах проводит мысль об агрессивной политике СССР и МНР в отношении «не желавшей конфликта» Японской империи. Рассуждая о боях на озере Хасан,

---

¹³ Международная научная конференция «Победа на р. Халхин-Гол (1939): в поисках исторической истины». URL: https://raen.info/press_centre/novosti/458-mezhdunarodnaja-nauchnaja-konferencija-pobeda-na-r-halhin-gol-1939-v-poiskah-istoricheskoi-istiny.html

¹⁴ Интервью Владимира Путина монгольской газете «Өдрийн сонин» в преддверии визита в Монголию. URL: <http://путин.гу-ан.info/новости/интервью-владимира-путина-монгольской-газете-одрийн-сонин-в-преддверии-визита-в-монголию/>

предшествовавших халхин-гольскому конфликту, он аргументирует свой тезис следующим: «Боевые действия начали не японцы, а “миролюбивое” советское правительство: 12 июля 1938 г. советские пограничники захватили спорную сопку Заозерную (Чангуфэнь) и начали строить на ней укрепления»¹⁵. При этом автор абсолютно игнорирует общеизвестный факт, что непосредственно боевые действия начались 29 июня 1938 г. с атаки японской стороны позиций советских пограничников у высоты Безымянная. В статье о боях на Халхин-Голе, полной фактических ошибок (например, о «расстреле» Ц. Дамбадоржа, «четырёхкратном превосходстве» Красной армии над японскими силами) и предвзятых оценок (о поставках в МНР «ржавых винтовок», «крайней жестокости и бездарности» Г. К. Жукова), Трифонов обвиняет монгольскую сторону и лично Х. Чойбалсана в инициировании конфликта, продолжая настаивать на отсутствии агрессивных планов у Квантунской армии: «Улан-Батору была нужна “маленькая победоносная война”, в результате которой Москва почувствовала бы уязвимость собственных территорий со стороны монгольских степей»¹⁶. Другой пример попыток пересмотра оценок халхин-гольских сражений — три статьи, появившиеся летом 2019 г. на сайте радио «Свобода». Их авторы — В. Воронов и А. Крушельницкий — проводят основную мысль: тоталитарный СССР в лице И. В. Сталина был фактическим инициатором боевых действий, а потери, понесенные Красной Армией, не позволяют считать итоги сражения победой СССР и МНР¹⁷.

В том же духе высказывается в своих статьях, размещенных на сайте www.baabar.mn и в газете «Өдрийн сонин», известный в Монголии политик и публицист Б. Батбаяр, пишущий под псевдонимом Баабар. В статье «Вечный враг — Япония» он в ироничной манере высказывается о надуманных советской и монгольской пропагандой планах Японии накануне боев на Халхин-Голе, о негативной роли СССР в деле втягивания монголов в конфликт

---

¹⁵ Трифонов Е. Что произошло на озере Хасан в 1938-м? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c2bb5cbea039800abdc8fd6/что-произошло-на-озере-hasan-v-1938m-5d2b84788da1ce00aed218d9>

¹⁶ Трифонов Е. Халхин-Гол: чья победа? URL: http://www.historicus.ru/Halhin_Gol_chya_pobeda/

¹⁷ Воронов В., Крушельницкий А. Халхин-Гол: подарок Сталину ценой в 9703 человеческих жизни. URL: <https://www.svoboda.org/a/30089199.html>

с «не желавшей конфликта Японией»¹⁸. В другой своей статье с красноречивым названием «Кто стал жертвой на Халхин-Голе?» он, повторяя тезисы Е. Трифонова, В. Воронова и А. Крушельницкого, обвиняет советскую сторону и ее «монгольских марионеток» в развязывании конфликта¹⁹. Любопытно, что в том же 2019 г. в монгольском издательстве «Непко», тесно связанном с Баабаром, в свет вышла переведенная на монгольский язык брошюра В. Воронова, А. Крушельницкого и Е. Трифонова «Кто стал жертвой в халхин-гольском сражении?»²⁰.

Представленные публикации являют собой одну из версий «популярной истории», направленной не на научное осмысление прошлого, а на его использование в качестве политического инструмента. Заключение и выводы, к которым приходят авторы, определены не столько ходом проводимого исследования, сколько заранее занимаемыми ими позициями. В целом публикации Баабара, Е. Трифонова, авторов радио «Свобода», отличающиеся крайним субъективизмом в суждениях и рассчитанные на массового потребителя информации, по праву могут быть маркированы в качестве идеологически ангажированных и пропагандистских. Иной случай представляют собой работы, принадлежащие представителям академического сообщества, в которых также существуют попытки ревизии устоявшихся оценок.

К таковым можно отнести статьи японского профессора К. Танаки и американского монголоведа К. Этвуда, вышедшие за несколько лет до 80-летней даты. Оба этих автора, безусловно, обладают высоким авторитетом в научной среде, известны большим количеством серьезных работ по различным аспектам истории Монголии. В отличие от вышеупомянутых публикаций в российском и монгольском медийном пространстве, Танака и Этвуд не стремятся полностью реабилитировать Японию, снимая с нее всякую ответственность за развязывание вооруженного конфликта. Теоретические конструкции, выстраиваемые данными

---

¹⁸ Баабар. Мөнхийн дайсан — Япон. URL: <http://www.baabar.mn/article/munkhiin-daisan-yaпон>

¹⁹ Баабар. Халх голд хэн хохиров? URL: <https://dnn.mn/халх-голд-хэн-хохиров/?fbclid=IwAR3KPs4O8sylv1aqnLstkakr5xzulWm75TYCMyT8NYqZ6ZzC1pMw-gwCzcQ>

²⁰ Воронов В., Крушельницкий А., Трифонов Е. Халх голын тулаалданд хэн хохирсон вэ? URL: <http://www.nepko.mn/publishing/detail/202>

авторами, основываются на тезисе о взаимной вине Токио и Москвы в том, что дело дошло до крупного кровопролития.

К. Танака проводит мысль о том, что одной из основных задач советской и японской сторон было стремление подавить панмонгольское движение монголов МНР и Внутренней Монголии. В частности, он утверждает, что, несмотря на попытки руководства МНР и Маньчжоу-Го решить приграничные споры мирным путем, Коминтерн и Квантунская армия сделали все для эскалации конфликта. При этом ключевым мотивом в деятельности Коминтерна, по мнению Танаки, была борьба с панмонголизмом, т.е. стремлением монголоязычных народов по обе стороны границы объединиться в единое государство: «Халхин-гольское сражение было направлено на искоренение панмонгольских элементов в МНР... и было задумано как средство полной зачистки сторонников панмонголизма»²¹.

В рамках подобной интерпретации СССР и Япония в одинаковой степени признаются агрессорами, а монголы по обе стороны границы МНР и Маньчжоу-Го — жертвами. Такая интеллектуальная конструкция позволяет: а) частично снизить вину за развязывание боевых действий с Японией; б) выставить победу Красной Армии над японцами историческим поражением монгольской стороны, «ставшей на полстолетия марионеткой Советского Союза»²².

К. Этвуд в статье «Советская Россия и императорская Япония: сравнение их действий на монгольском плато» анализирует ситуацию, подготовившую почву для прямого столкновения на востоке МНР. Рассматривая схожие черты СССР и Японии, он указывает на якобы одинаковое отрицание ими капитализма. В качестве проявления этого отрицания Этвуд указывает на политику вытеснения китайского и американского капиталов из МНР и Внутренней Монголии²³. В действительности же различия по этому вопросу были радикальными. Если в Советском Союзе

---

²¹ Tanaka K. Against Panmongolism! — A Supposed Motivation in Khalkhin-Gol // The Battle of Khalkhyn Gol (Nomonkhan Incident) in the World History — knowing the Past and talking of the Future / 2–5th July, 2009. Mongolia-Japan Center For Human Resources Development. Ulaanbaatar, Mongolia. P. 3.

²² Ibid. P. 3.

²³ Atwood C. Soviet Russia and Imperial Japan: A Comparison of Their Ventures on the Mongolian Plateau // 70 Years since the Nomnhan Incident (Battle of Khalkhyn Gol): Collection of Treasures in the International Symposium in Ulaanbaatar. Fukuyoshi, 2009. P. 386.

капитализм порицался как таковой, то в Японии его критика ограничивалась указанием на отдельные недостатки (например, фритредерство) и не имела общегосударственной направленности²⁴. На практике японская экономика оставалась капиталистической по своей сути, крупные конгломераты (дзайбацу) контролировали значительный сегмент промышленной и банковской сферы. В связи с этим различны и мотивы двух держав в их политике по вытеснению китайского и американского капиталов. Для СССР это было частью борьбы с классово враждебными элементами, для Японии же — вытеснением иностранных конкурентов в борьбе за расширение ресурсной базы и рынков сбыта товаров.

Этвуд весьма вольно трактует историческую роль и политико-правовой статус Бурятии в составе СССР, ставя ее на одну доску с оккупированными Японией в 1930-х гг. территориями Китая, населенными монголоязычными народами²⁵. В рамках советской политической системы буряты, вошедшие в состав Российского государства в XVII в., впервые обрели собственную государственность в форме Бурят-Монгольской АССР и, что не менее важно, получили абсолютно равные политические и гражданские права с остальными жителями государства, в то время как баргуты, чахары и другие народы Внутренней Монголии в правовом отношении не имели равного правового статуса с китайским населением.

В заключении своей статьи Этвуд резонно указывает на главную разницу в политике СССР в отношении МНР и Японии в отношении монголов Хингана и Внутренней Монголии: легитимность режима в МНР, в отличие от остальных монгольских территорий, основывалась на народном суверенитете и высокой степени независимости монгольского правительства²⁶. На этом фоне обескураживает вывод автора о том, что «эти отличия не являются противоположными как день и ночь»²⁷.

Таким образом, К. Танака и К. Этвуд, опираясь на постколониальную парадигму при анализе исторических событий 1920–1930-х гг., подспудно подготавливают почву для обоснования «империалистического характера» войны на Халхин-Голе, т.е. войны, одинаково несправедливой как со стороны СССР,

---

²⁴ Спилман К. Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918–1941) // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2016. № 4. С. 282.

²⁵ Atwood С. Op. cit. P. 386–387.

²⁶ Ibid. P. 392.

²⁷ Ibid.

так и со стороны Японии. На фоне настойчивых попыток политиков и экспертов стран Запада поставить нацистский режим в Германии и коммунистический режим в СССР на одну доску и тем самым объединить их в качестве виновников Второй мировой войны (яркий тому пример — печально известная резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы») работы К. Танаки и К. Этвуда подводят соответствующую основу под аналогичные схемы в отношении истоков войны на Дальнем Востоке. Иными словами, «нарратив двух тоталитаризмов» активно переносится на новый исторический материал.

Литература

- Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002.
- Воронов В., Крушельницкий А. Халхин-Гол: подарок Сталину ценой в 9703 человеческих жизни . URL: <https://www.svoboda.org/a/30089199.html> (проверено: 16.04.2020).
- Ганболд С. Еще раз о боевых действиях монголо-советских войск против японской военщины (весной и летом 1939 года на Халхин-Голе): история изучения, проблемы // Мир Евразии. 2015. № 3(30).
- Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы // Ежегодник Япония. 2009. № 38.
- Кошкин А. А. Сражения в монгольских степях: инцидент или локальная война? URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/srazhieniia-v-monghol-skikh-stiepiakh-intsidient-ili-lokal-naia-voina> (проверено: 16.04.2020).
- Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-Голе 1939 года и советско-германский Пакт о ненападении // Дайны дараах Монгол-Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг: өнгөрсөн, одоо, ирээдүй. Улаанбаатар, 2019.

- Лузянин С. Г. Дипломатическая история Халхин-Гола // 70 Years Since the Nomnhan Incident (Battle of Khalkhyn Gol): Collection of Treasures in the International Symposium in Ulaanbaatar. Fukyosha, 2009.
- Спильман К. Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918–1941) // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2016. № 4.
- Трифонов Е. Что произошло на озере Хасан в 1938-м? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c2bb5cbea039800abdc8fd6/chto-proizoshlo-na-ozere-hasan-v-1938m-5d2b84788da1ce00aed218d9> (проверено: 16.04.2020).
- Трифонов Е. Халхин-Гол: чья победа? URL: http://www.historicus.ru/Halhin_Gol_chya_pobeda/ (проверено: 16.04.2020).
- Арвай Ш. Монгол, Оросын ард түмэн нэгэн зорилго, нэгдмэл эрх ашигтай. URL: <http://www.sonin.mn/news/easy-page/101284>
- Баабар. Мөнхийн дайсан — Япон. URL: <http://www.baabar.mn/article/munkhiin-daisan-уарон> (проверено: 16.04.2020).
- Баабар. Халх голд хэн хохиров? URL: <https://dnn.mn/халх-голд-хэн-хохиров/?fbclid=IwAR3KPs4O8sylB1aqnLstkakr5хзуIWm75TYCMyT8NYqZ6ZzC1pMw-gwCzcQ> (проверено: 16.04.2020).
- Atwood С. Soviet Russia and Imperial Japan: A Comparison of Their Ventures on the Mongolian Plateau // 70 Years since the Nomnhan Incident (Battle of Khalkhyn Gol): Collection of Treasures in the International Symposium in Ulaanbaatar. Fukyosha, 2009.
- Сох А. D. Nomonhan: Japan Against Russia. 1939. Stanford, 1985.
- Tanaka К. Against Panmongolism! — A Supposed Motivation in Khalkhin-Gol // The Battle of Khalkhyn Gol (Nomonkhan Incident) in the World History — knowing the Past and talking of the Future / 2–5th July, 2009. Mongolia-Japan Center For Human Resources Development. Ulaanbaatar, Mongolia.

Глава 3*

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЕННЫЕ ИСТОРИКИ МОНГОЛИИ О СОБЫТИЯХ НА р. ХАЛХИН-ГОЛ*

О неослабевающем исследовательском интересе к событиям на р. Халхин-Гол свидетельствуют монографии и научные статьи, международные конференции и круглые столы с участием специалистов из России, Монголии и Японии. Активное участие в изучении конфликта на р. Халхин-Гол принимают и исследователи из Иркутска, Читы, Улан-Удэ. Особое внимание в их работах уделяется российско-монгольской историографии исследуемой проблематики. В настоящей главе мы решили обратиться к изучению работ современных монгольских военных историков о событиях на р. Халхин-Гол. Исследованием будут охвачены доступные авторам научные статьи и монографии ученых Монголии, изданные в основном в период с 2013 по 2019 г. Эти работы написаны на монгольском и русском языках, опубликованы в монгольских и российских научных изданиях.

Рассмотрение публикаций военных историков Монголии следует начать с анализа работ научного сотрудника Центра по исследованию военной истории НИИ обороны Монголии, кандидата исторических наук, полковника С. Ганболда. Его статьи посвящены изучению ключевых моментов конфликта на р. Халхин-Гол. В них дан критический анализ монгольской историографии 40-х — конца 80-х гг. XX в., а сами события на р. Халхин-Гол рассматриваются как полномасштабная война. Кроме того, освещаются международные научные конференции, проведенные в конце XX — начале XXI в., посвященные событиям на р. Халхин-Гол. В то же время следует отметить и особенности статей. Так, в работе 2013 г. наряду с совместными российско-монгольскими и японско-монгольскими научными конференциями упомянуты и китайско-монгольские научные конференции,

---

* Авторы главы — Б. Д. Цыбенков, Э. В. Батунаев. Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338–2016–0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

проводившиеся в 2005 и 2009 гг. в г. Амгаланбатор Восточного хошуна Новой Барги (городской округ Хулунбуир АРВМ КНР), по итогам которых была издана коллективная монография. В статье приводятся также уточненные статистические данные о потерях СССР, МНР и Японии в период военных действий¹. В последующей работе автор предлагает сузить тематику международных научных конференций до исследования одной конкретной проблемы, например выяснение подробностей ситуации, связанной с монастырем «Халхын сумэ», «О меморандуме Танаки» и др.².

Как отмечает историк в другой публикации, во властных структурах Монголии отсутствует единая позиция по вопросу официального использования термина «Халхин-гольская война»³. Подчеркивая важную роль археологических раскопок в районе боевых действий, исследователь особо выделяет заслуги японских специалистов, особенно Хияси, использующего спутниковые снимки; начинающееся сотрудничество НИИ обороны Монголии с центром археологических исследований шотландского Университета Глазго⁴. В целом характерной чертой статей С. Ганболда является: 1) оценка конфликта на р. Халхин-Гол как войны; 2) соотношение начала Второй мировой войны с началом событий на Халхин-Голе; 3) попытка пересмотра времени начала конфликта с 11 мая 1939 г. на январь 1939 г.

В этой связи особняком стоит совместная статья С. Ганболда и научного сотрудника Центра по исследованию военной истории Б. Очирсурэна, освещающая историю развития транспортной инфраструктуры восточной части Монголии в период конфликта на р. Халхин-Гол, а также после его завершения.

---

¹ Ганболд С. Халхын Голын дайны туухийн судалгааны оноогийн байдал, хэтийн толов [Современное состояние и перспективы исторических исследований войны на Халхин-Голе] / С. Ганболд // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013. С. 10–11.

² Ганболд С. Еще раз о боевых действиях монголо-советских войск против японской военщины (весной и летом 1939 года на Халхин-Голе): история изучения, проблемы / С. Ганболд // Мир Евразии. 2015. № 3(30). С. 3.

³ Ганболд С. Некоторые исторические проблемы войны на Халхин-Голе / С. Ганболд // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск, 2015. С. 54.

⁴ Ганболд С. Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность] / С. Ганболд // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность]. Улан-Батор, 2016. С. 11.

Историки приводят документы, свидетельствующие об обсуждении в правительстве СССР в июле 1939 г. вопроса о строительстве железной дороги «Борзя — Соловьевск — Баянтумэн»; строительстве железной дороги «Баянтумэн — Тамсагбулаг» протяженностью 280 км в 40-х гг. XX в.⁵

В статье научного сотрудника Центра по исследованию военной истории, доктора исторических наук Х. Шагдара и корреспондента газеты Вооруженных сил Монголии «Соембо» Г. Нямдоржа освещена деятельность советских военных журналистов в период халхин-гольских событий. При этом большое внимание уделено воспоминаниям участника событий, главного редактора газеты «Героическая красноармейская», позднее, в годы Великой Отечественной войны, главного редактора газеты «Красная звезда» Д. И. Ортенберга⁶. С ним профессор Х. Шагдар встречался в Москве в августе 1988 г. Как отмечал ветеран Халхин-Гола, кавалер монгольского ордена «Полярная звезда» Д. И. Ортенберг, «...японцы воевали очень хорошо, они были храбрыми. Это доказывал тот факт, что во время войны японцы не попадали в плен»⁷.

Изучению военно-стратегической обстановки в начальный период конфликта, оценке действий командования посвящена статья сотрудника НИИ обороны Монголии, доктора исторических наук Ш. Паламдоржа. Как указывает автор, боевой опыт Халхин-Гола был использован советскими войсками при разгроме немецких фашистов и Квантунской армии в августе 1945 г.⁸

Следует также выделить публикации военнослужащих Пограничной службы Монголии, посвященных участию пограничников в боевых действиях на р. Халхин-Гол. Так, в статье командира войсковой части 0198 пограничных войск Монголии, полковника Ц. Батбаатара отмечена большая заслуга 24-го

---

⁵ Ганболд С., Баярмагнай О. Уроки войны на реке Халхин-Гол / С. Ганболд, О. Баярмагнай // Регион в приграничном пространстве. Чита, 2016. С. 76.

⁶ Ортенберг Д. Время не властно. Писатели на войне. М., 1979. С. 7–42.

⁷ Шагдар Х., Гончигдорж Н. Халхин-Гол — главная стажировка советских военных журналистов / Х. Шагдар, Н. Гончигдорж // Регион в приграничном пространстве. Чита, 2016. С. 72.

⁸ Паламдорж Ш. Зовлолт, Монголын цэргийн урлагийн Халхын голын дайн дахь туршлага, сургамж [Опыт применения военного искусства советско-монгольских войск в войне на Халхин-Голе] / Ш. Паламдорж // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность]. Улан-Батор, 2016. С. 67.

погранотряда, охранявшего в период конфликта участок границы между МНР и Маньчжоу-Го протяженностью 600 км в местности Цаган-уул до оз. Буир-нур⁹.

Статья зав. сектором истории границы Пограничной службы Монголии Ж. Овгонбургэда посвящена действиям бойцов 7-й заставы 24-го погранотряда под командованием П. Чогдона в период с октября 1938 г. по сентябрь 1939 г.¹⁰ В другой его публикации исследуется участие 6-й заставы 24-го погранотряда (застава Эрс-уул) в боевых действиях на р. Халхин-Гол. При этом подчеркивается мужество монгольских пограничников, 17 часов сражавшихся в окружении вместе с пулеметным расчетом Красной Армии в августе 1939 г.¹¹

В других статьях монгольских исследователей рассмотрены участие 27-го погранотряда в боевых действиях в феврале – апреле 1936 г. в местностях Булан-Дэрису и Адаг-Дулан¹²; роль 31-го погранотряда, охранявшего участок границы от местности Алтан-Эмэл до Баянтумэна, г. Баянтумэн (совр. г. Чойбалсан)¹³. 31-й погранотряд занимался также выявлением разведчиков и диверсантов. Следует заметить, что провокации на восточной

⁹ Батбаатар Ц. Хилийн 24 дүгээр отряд Халхын голын дайнд / Ц. Батбаатар // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013. С. 70.

¹⁰ Овгонбургэд Ж. Халхын голын дайнд П. Чогдогийн удирдсан хилийн 7 дугаар заставын гуйцэтгэсэн уурэг [Роль 7-й пограничной заставы под руководством П. Чогдона в войне на Халхин-Голе] / Ж. Овгонбургэд // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013. С. 38–51.

¹¹ Овгонбургэд Ж. Эрс уулын застав Халхын голын дайнд [Застава Эрс-уул в войне на Халхин-Голе] / Ж. Овгонбургэд // Халхын голын түүхийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность]. Улан-Батор, 2016. С. 55.

¹² Ган-Эрдэнэ Г. Хилийн 27 дугаар отрядын Халх голын байлдаанд гуйцэтгэсэн уурэг, оролцоо [Участие 27-го погранотряда в сражении на р. Халхин-Гол, его роль] / Г. Ган-Эрдэнэ // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013. С. 150–157.

¹³ Мэндсайхан Д. Халхын голын дайнд хилийн 31 дугаар отрядын гуйцэтгэсэн уурэг [Роль 31-го погранотряда в Халхин-гольской войне] / Д. Мэндсайхан // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013. С. 86.

и юго-восточной границе МНР продолжались и в годы Второй мировой войны. Так, в пределах приграничных с МНР районов в 1945 г. насчитывалось 3 разведывательных управления, 4 отдела, 8 отделений и 26 филиалов японской разведки¹⁴. Эти и вопросы разведывательной деятельности стали предметом исследования сотрудников Главного разведывательного управления (ГРУ) Монголии.

В статье научного сотрудника Особого архива ГРУ Монголии Н. Батболда освещается роль монгольских органов госбезопасности в период боевых действий на Халхин-Голе. Автор отмечает непростую борьбу с контрразведывательной деятельностью противника, поименно перечисляет монгольских разведчиков и советских инструкторов, сыгравших особую роль в победе советско-монгольских войск¹⁵.

Эти же вопросы более подробно изучены в работе начальника Центра по исследованию разведывательной деятельности при Национальной академии разведывательной службы ГРУ Монголии Д. Авирмэда. На основе рассекреченных архивных материалов исследователь анализирует общую ситуацию в частях МНРА с мая 1939 г. по октябрь 1939 г., мероприятия по пресечению разведывательной деятельности противника. Как отмечает Д. Авирмэд, в июле — августе 1939 г. в районы Долоннора, Бандид-гэгэн, Зун-Сунит, Барун-Узэмчин и др. посылались монгольские разведгруппы. В числе выполненных заданий монгольских разведчиков были: подрыв Маньчжурской железной дороги летом 1939 г., поджог монастыря Лодон-хамбын-сумэ в августе 1939 г. и др¹⁶.

К числу работ сотрудников монгольской разведки можно отнести и исследования бывшего директора ГРУ Монголии, ныне дипломатического работника Р. Болда. Анализируя статистику

---

¹⁴ Курас Л. В., Цыбенев Б. Д. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны // *Власть*. 2016. Т. 24. № 11. С. 159.

¹⁵ Батболд Н. Халхын голын дайнд тагнуулчдын гүйцэтгэсэн үүрэг [Роль разведчиков в Халхин-гольской войне] / Н. Батболд // *Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон* [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013. С. 139–143.

¹⁶ Авирмэд Д. Халхын голын дайны уеийн тагнуулчдын уйл ажиллагааг тодруулах нь [К освещению разведывательной деятельности в период войны на Халхин-Голе] / Д. Авирмэд // *Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе* [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность]. Улан-Батор, 2016. С. 91.

потерь стран — участниц конфликта, автор приходит к выводу о сильной идеологической составляющей этого вопроса, что выражалось в преувеличении количества убитых и раненых противника и занижении данных о собственных потерях¹⁷. По мнению монгольских историков, вопрос о потерях воевавших сторон в живой силе, в том числе личного состава МНРА, остается дискуссионным¹⁸.

В своей последующей публикации Р. Болд подробно анализирует материалы Токийского процесса (1946–1948), где были выдвинуты обвинения 14 политическим и военным деятелям Японии в инициировании военных действий на Халхин-Голе. Большую ценность для современных историков представляют материалы советских обвинителей, монгольских, советских и японских свидетелей, контраргументы адвокатов обвиняемых¹⁹.

Неизвестные факты деятельности командарма 2-го ранга Г. М. Штерна и обстоятельства гибели зам. начальника Генерального штаба МНРА Л. Рэнцэна в период боевых действий на Халхин-Голе стали предметом исследования главного специалиста Центрального архива обороны Монголии Ж. Гантулга. Отмечая заслуги советского военачальника, исследователь приходит к заключению, что план генерального наступления советско-монгольских войск 20–26 августа 1939 г. был подготовлен под руководством Г. М. Штерна²⁰.

К работам военных историков Монголии примыкают публикации курсантов Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева (Санкт-Петербург). Статья У. Чингэса раскрывает проблемные вопросы истории конфликта на р. Халхин-Гол. В завершении работы автор указывает, что «военный

---

¹⁷ Болд Р. Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 3(11). С. 143–154.

¹⁸ Грайворонский В. В. Современная монгольская историография о халхингольской войне, участии Монголии во Второй мировой войне и международном признании МНР // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 5. С. 178.

¹⁹ Болд Р. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. «Японская операция на Халхин-Голе была агрессивной войной» // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 1. С. 25–53.

²⁰ Гантулга Ж. Халхын голын дайнд оролцсон цэргийн дээд дарга зарим хуний хувь заяаны асуудал [Вопросы биографии некоторых высших военачальников, принимавших участие в войне на Халхин-Голе] / Ж. Гантулга // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность]. Улан-Батор, 2016. С. 79–84.

конфликт стал началом карьеры Г. К. Жукова, которого уважают и почитают в Монголии»²¹.

В работе Б. Даваа рассмотрены фильмы и художественные произведения о событиях на Халхин-Голе, деятельность российских и монгольских поисковых отрядов, перспективы проекта «Новый сомон», закладка которого состоялась в октябре 2018 г. в районе сомона Халх²².

Современная российско-монгольская историография событий на Халхин-Голе была проанализирована и на монографическом уровне — в коллективной монографии исследователей ИМБТ СО РАН и монгольских военных историков «Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.)»²³.

Таким образом, современные публикации монгольских военных историков свидетельствуют о плодотворном продолжении изучения халхин-гольских событий. В ряде их работ явственно проходит мысль о том, что именно благодаря Советскому Союзу и советской группировке войск Монголия сумела отстоять свою независимость. Победа на Халхин-Голе показала эффективность советско-монгольского военно-политического союза и верность союзническому долгу. В дальнейшем именно благодаря последовательной и принципиальной позиции СССР на Ялтинской конференции 1945 г. удалось отстоять государственную независимость Монголии.

Литература

- Авирмэд Д. Халхын голын дайны уеийн тагнуулчдын уйл ажиллагааг тодруулах нь [К освещению разведывательной деятельности в период войны на Халхин-голе] / Д. Авирмэд // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-голе: современность]. Улан-Батор, 2016.
- Батбаатар Ц. Хилийн 24 дүгээр отряд Халхын голын дайнд / Ц. Батбаатар // Халхын Голын дайны туухийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013.

²¹ Чингэс У. Халхин-Гол: к 80-летию вооруженного конфликта // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее. СПб., 2019. С. 282.

²² Даваа Б. Халхин-Гол: прошлое, настоящее и будущее // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее. СПб., 2019. С. 171–173.

²³ Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). / Иркутск, 2017.

- Батболд Н. Халхын голын дайнд тагнуулчдын гүйцэтгэсэн үүрэг [Роль разведчиков в Халхин-гольской войне] / Н. Батболд // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013.
- Болд Р. Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 3 (11).
- Болд Р. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. «Японская операция на Халхин-голе была агрессивной войной» // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 1. С. 25–53.
- Ганболд С. Халхын Голын дайны туухийн судалгааны оноогийн байдал, хэтийн толов [Современное состояние и перспективы исторических исследований войны на Халхин-голе] / С. Ганболд // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013.
- Ганболд С. Еще раз о боевых действиях монголо-советских войск против японской военщины (весной и летом 1939 года на Халхин-голе): история изучения, проблемы // Мир Евразии. 2015. № 3 (30).
- Ганболд С. Некоторые исторические проблемы войны на Халхин-голе // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск, 2015.
- Ганболд С. Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-голе: современность] / С. Ганболд // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-голе: современность]. Улан-Батор, 2016.
- Ганболд С., Баярмагнай О. Уроки войны на реке Халхин-гол // Регион в приграничном пространстве. Чита, 2016.
- Гантулга Ж. Халхын голын дайнд оролцсон цэргийн дээд дарга зарим хуний хувь заяаны асуудал [Вопросы биографии некоторых высших военачальников, принимавших участие в войне на Халхин-голе] / Ж. Гантулга // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-голе: современность]. Улан-Батор, 2016.

- Ган-Эрдэнэ Г. Хилийн 27 дугаар отрядын Халх голын байлдаанд гуйцэтгэсэн уурэг, оролцоо [Участие 27-го погранотряда в сражении на р. Халхин-гол, его роль] / Г. Ган-Эрдэнэ // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013.
- Грайворонский В. В. Современная монгольская историография о халхин-гольской войне, участии Монголии во Второй мировой войне и международном признании МНР // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 5.
- Даваа Б. Халхин-гол: прошлое, настоящее и будущее // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее. СПб., 2019.
- Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны // Власть. 2016. Т. 24. № 11.
- Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). Иркутск, 2017.
- Мэндсайхан Д. Халхын голын дайнд хилийн 31 дугээр отрядын гуйцэтгэсэн уурэг [Роль 31-го погранотряда в Халхин-гольской войне] / Д. Мэндсайхан // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013.
- Овгонбургэд Ж. Халхын голын дайнд П. Чогдогийн удирдсан хилийн 7 дугаар заставын гуйцэтгэсэн уурэг [Роль 7-й пограничной заставы под руководством П. Чогдона в войне на Халхин-голе] / Ж. Овгонбургэд // Халхын Голын дайны түүхийн судалгаа: баримт ба газар орон [Исторические исследования войны на Халхин-голе: факты и территория]. Улан-Батор, 2013.
- Овгонбургэд Ж. Эрс уулын застав Халхын голын дайнд [Застава Эрс-уул в войне на Халхин-голе] / Ж. Овгонбургэд // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-голе: современность]. Улан-Батор, 2016.
- Ортенберг Д. Время не властно. Писатели на войне. М., 1979.
- Паламдорж Ш. Зовлолт, Монголын цэргийн урлагийн Халхын голын дайн дахь туршлага, сургамж [Опыт применения военного искусства советско-монгольских войск в войне на Халхин-голе] / Ш. Паламдорж // Халхын голын туухийн судалгаа: Оноо уе [Исторические исследования войны на Халхин-Голе: современность]. Улан-Батор, 2016.

Глава 3. Современные военные историки Монголии о событиях...

Чингэс У. Халхин-гол: к 80-летию вооруженного конфликта // Россия и мир в новое и новейшее время — из прошлого в будущее. СПб., 2019.

Шагдар Х., Гончигдорж Н. Халхин-гол — главная стажировка советских военных журналистов // Регион в приграничном пространстве. Чита, 2016.

Глава 4*

**ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ МНР
в 1922–1936 гг.**

(По рассекреченным документам из архивов ФСБ России)

Цель данной главы состоит в том, чтобы кратко ознакомить специалистов-востоковедов, историков, а также широкий круг читателей с некоторыми новыми материалами, которые в течение многих лет хранились в архивах Федеральной службы безопасности России (ФСБ РФ) под грифом «секретно» и «совершенно секретно». В настоящее время они рассекречены и стали доступны для специалистов, историков, исследователей. Речь идет о документах, которые главным образом имеют отношение к истории взаимоотношений между СССР и МНР и отношений МНР с другими странами, а также к политике Японии, которую она проводила в отношении МНР в 1922–1936 гг., т.е. в период, предшествовавший вооруженному конфликту на р. Халхин-Гол в 1939 г. Рассекреченные документы сохраняют свое значение для установления исторической истины, уточнения многих важных деталей¹.

В сборник включены 162 документа, в том числе специальные сообщения, донесения, доклады, письма, сводки, обзоры политической, экономической, военной, религиозной ситуации в Монголии, записи бесед советских представителей с известными монгольскими партийными, государственными, военными и религиозными деятелями того периода.

Значительную часть сборника составляют документы, связанные с отношениями МНР (помимо СССР) с другими странами — Китаем, Японией, США — и политикой этих стран в отношении МНР. По нашим приблизительным подсчетам, не менее 30 документов в той или иной степени касаются отношений между

---

* Автор главы — В. В. Грайворонский.

¹ Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов. М., 2019.

Советской Россией, Монголией и Японией, политикой Японии в отношении СССР и Внешней Монголии. В то время руководители Японии официально не признавали МНР и в своих официальных и неофициальных заявлениях и документах, как правило, использовали устаревшее название «Внешняя Монголия».

Следует подчеркнуть, что составители сборника не ставили перед собой цель выявить и включить в него все имеющиеся документы, связанные с отношениями между Советским Союзом, Монголией и Японией. В сборник вошли лишь наиболее важные, репрезентативные, с точки зрения составителей, документы. Публикуемые документы позволяют историкам, исследователям и читателям получить новые, дополнительные сведения и факты как об уже известных, так и о неизвестных или малоизвестных событиях и политических деятелях, получить более полное представление о характере документов, которые хранятся в ЦА ФСБ, оценить их историческую ценность.

В целом внешняя политика Японии в отношении СССР, Китая и других стран Азии в 1920-х — 1930-х гг. уже достаточно хорошо изучена и подробно описана в обширной мировой историографии, поэтому мы можем непосредственно перейти к характеристике некоторых документов, которые вошли в сборник.

Документы сборника касаются следующих важных событий в отношениях между СССР, МНР, Японией и Китаем.

В сообщении ИНО ОГПУ из Токио от 08.08.1925 г. (док. № 52), в частности, говорилось о том, что Чжан Сюэлян получил от японской военной миссии в Харбине уведомление о том, что по решению правительства Японии в Монголию (т.е. в МНР. — *В.Г.*) была направлена военная комиссия для изучения русского влияния на Монголию². При этом в уведомлении японское правительство заявило, что «в случае возобновления какой-либо борьбы против советской власти в Монголии японское правительство будет сохранять строгий нейтралитет и не [будет] препятствовать официальной поддержке Монголии со стороны СССР, которая, пока Япония (видимо, Японией. — *В.Г.*) признана де-факто, как самостоятельное государственное образование»³.

² Возможно, здесь речь идет о японской экспедиции, которая была задержана при пересечении границы МНР в июле 1925 г.

³ УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 124. Машинописная копия.

Из этого сообщения можно сделать несколько выводов о внешней политике Японии в отношении МНР в эти годы:

1. Уже в 1925 г. правительство Японии неофициально де-факто признавало Внешнюю Монголию/МНР в качестве отдельного самостоятельного государства.
2. Правительство Японии признавало сильное политическое, экономическое и военное влияние СССР на Внешнюю Монголию. Оно вело активную легальную и нелегальную разведывательную работу по изучению политического и экономического положения МНР и степени влияния СССР на эту страну.
3. В случае возобновления борьбы против существующего, «советского», строя внутри Монголии, а также в случае, если СССР окажет официальную поддержку монгольскому правительству, японское правительство было готово заявить, что оно будет строго соблюдать нейтралитет.

В сообщении ИНО ОГПУ из г. Мукдена от 15.09.1925 г. (док. № 53) говорилось, что «японское и английское правительства готовы поддержать Сюя (Сюй Шучжена) в вопросе войны с народной Монголией, причем сейчас они заняты формированием тех военных кадров, на которые должна опереться будущая китайская армия. Эти военные кадры будут сформированы из монгол[ов], бурятов, русских и китайцев»⁴. Решение о начале подготовки военного похода во Внешнюю Монголию было принято на совещании монгольских князей и лам, состоявшемся в Мукдене в 1924 г.

Иначе говоря, правительство Японии вело двойную игру: официально заявляло о своем нейтралитете, невмешательстве во внутренние дела МНР, фактически принимало участие в подготовке военного похода на МНР (финансовая поддержка враждебных МНР сил, разведывательная деятельность на восточной границе МНР, поставки вооружения, подготовка кадров и др.).

В сборнике опубликован доклад советского инструктора-пограничника Куликова (док. № 54, ноябрь 1925 г.) о том, что 17 июля 1925 г. в местности Далай-булак на восточной границе МНР была задержана японская военно-разведывательная экспедиция в составе 13 граждан Японии и 15 китайцев-рабочих. Экспедицию возглавлял некто Енде-Жугэн (все имена даны по русскому тексту. — *В.Г.*), японский подданный, командированный

---

⁴ У ФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 165. Машинописная копия.

обществом ЮМЖД Кан-Тай-Гунсе. Среди задержанных были также 2 военнослужащих, в том числе Такасита, командированный от Главного штаба Военного министерства Японии, и Окояма, командированный штабом дивизии, дислоцированной в Порт-Артуре. Экспедиция имела обширную программу разведывательной работы на территории МНР, состоявшую из более 20 пунктов, включая изучение местности нахождения экспедиции, сверка собранных данных с имеющимися японскими картами. Кроме этого, в задачи экспедиции входило изучение экономического положения МНР, состояния промышленности, сельского хозяйства, торговли, средств передвижения, транспорта, природных богатств, доходов и расходов домашних хозяйств, цен на товары и услуги и т.д. В задачи экспедиции входило также изучение административного и государственного устройства МНР, состояния правоохранительных органов, влияния иностранных государств, прежде всего СССР, положения японских подданных и др. Экспедиция работала под прикрытием ЮМЖД. Очевидно, что это была одна из японских разведывательных экспедиций в МНР⁵.

В сборнике опубликован Меморандум посольства Японии в Москве МИД Японии по поводу посылки официального японского представителя в Монголию (док. № 76, не позднее 27.07.1928). В меморандуме, в частности, говорилось, что «ввиду исключительной важности советско-монгольских взаимоотношений для нашей политики в отношении Китая, Танака⁶ полагает, что было бы вполне возможно приступить к переговорам с Монголией относительно посылки туда нашего представителя, имея в виду признание монгольского правительства»⁷. Из этого сообщения видно, какое важное значение правительство Японии придавало установлению официальных отношений с МНР.

В сборнике опубликовано агентурное сообщение из Харбина от 10.09.1928 г. (док. № 76) о политике США и Японии в Маньчжурии. В нем, в частности, сообщается, что в ходе сепаратных переговоров японских представителей с Чжан Сюэяном и Чжан Цзосянем Япония выдвинула 3 требования:

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 45–47. Машинописная копия.

⁶ Имеется в виду премьер-министр Японии Танака Гиити.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 214. Машинописная копия.

«1. На территории Маньчжурии и Внутренней Монголии образуется под протекторатом Японии буферное государство, под названием “Независимая Маньчжурская Республика”.

2. Японией будет оказано содействие для включения в новое буферное государство Внешней Монголии.

3. Финансовая и налоговая система нового государства реорганизуется под контролем и при содействии Японии»⁸.

Из этого документа видно, что планы Японии по созданию на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии под своим контролем буферного, формально «независимого», но по существу марионеточного государства Маньчжоу-Го разрабатывались задолго до его создания. При этом предполагалось, что Внешняя Монголия (МНР) будет включена в состав этого маньчжурского государства и тем самым перестанет существовать как самостоятельное государство. Как известно, государство Маньчжоу-Го было создано позднее, в 1932 г.

В том же документе сообщается о реакции Государственного департамента США на планы Японии в отношении Маньчжурии и Монголии. В частности, говорится, что Госдеп США разослал своим дипломатическим представительствам в зарубежных странах циркулярное письмо, в котором говорилось, что «американское правительство не признавало и никогда не признает специальных прав Японии в Маньчжурии и Монголии»⁹. Этот документ свидетельствует о том, что в конце 1920-х гг. между Японией и США существовали глубокие противоречия, в том числе по вопросу о дальнейшей судьбе Маньчжурии и Монголии.

В сборнике публикуется сообщение КРО ОГПУ (док. № 81 от 02.10.1928) о том, что посольство Японии в Москве направило японскому правительству предложение признать Внешнюю Монголию и направить в Ургу своего представителя¹⁰.

В связи с этим большой интерес представляет сообщение из Улан-Батора о политической ситуации в МНР в октябре — ноябре 1928 г. (док. № 94, не позднее 31.12.1928). Особая ценность этого документа состоит в том, что в нем дан развернутый анализ расстановки различных группировок внутри МНРП с точки зрения их внешнеполитической ориентации накануне и во время

---

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78. Подлинник.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 237. Машинописная копия.

работы VII съезда МНРП (23.10. — 11.12.1928)¹¹. По оценке автора документа, в то время в руководстве МНРП с точки зрения политической и внешнеполитической ориентации существовали следующие группы:

1. Группа Дамбадоржа (китаефильская группа), в которую входили секретарь ЦК партии Гэлэгсэнгэ, руководство Монценкоопа, а также Намсрай, Хаянхирваа, Дугаржав и др.
2. Группа Н. Жадамбы (националистическая), идеологически оформившаяся на базе панмонголизма. Идеологом этой группы был известный государственный и политический деятель, идеолог панмонголизма, ученый, просветитель Ц. Жамцарано. В эту группу также входили Балдандорж (заместитель министра народного хозяйства), военный министр Дэндэв, Сампилон и Довчин (из министерства финансов), Ц. Е. Цыдыпов (из Санбэйсэ), Дарьзав (инспектор армии) и др.
3. Центристская группа во главе с ее лидером и идеологом, председателем правительства А. Амаром (Лосол и др.). Основная политическая ориентация этой группы была направлена на Россию независимо от существующего в ней строя.
4. Японофильская группа во главе с Орос Гомбо, которая начала формироваться после его возвращения из Москвы и претендовала на роль «третьей силы». В эту группу входили Баяр (из ЦСПС), члены ЦК партии Буяндэлгэр и Гончиг (МНРА, армия), Лхумбэ (из партшколы) и др.
5. Левая оппозиция, которая представляла совокупность 3 разных мелких группировок. Главными среди них были следующие: а) «худонская» (т.е. сельская) группа во главе с П. Гэндэном, которая отражала интересы бедняцких и середняцких слоев аратов-скотоводов и пользовалась их поддержкой; б) «кутвянская» группа, которая состояла из выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в Москве и представляла собой ядро левой оппозиции; в) «кобдоская» группа во главе с У. Бадрахом. По оценке автора документа, эта группа представляла дербетское национальное движение (дербеты — западномонгольская народность), имела

---

¹¹ УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140 (Т. 4). Л. 142–158. Машинописная копия.

автономистские устремления и преследовала свои частные интересы в оппозиции, была ненадежным попутчиком левого движения¹².

В сборнике публикуется сообщение ВО ОГПУ (док. № 108, не позднее 31.12.1929) о политическом положении на Дальнем Востоке. В документе дан анализ политики правительства Японии по усилению своих экономических и политических позиций во Внутренней Монголии, а также во Внешней Монголии (МНР). Документ состоит из следующих параграфов: «Японская работа во Внутренней Монголии», «Баргинское восстание и японцы», «Японская работа на Внешнюю Монголию и ДВК (Дальневосточный край)», «Китайская агрессия на Внешнюю Монголию», «Положение во Внешней Монголии». Кроме этого, публикуется также приложение к этому документу под названием «Проект договора баргинцев с японцами» из 8 пунктов. В частности, один из пунктов этого проекта предусматривал: «Наш союз (баргинцев с японцами. — *В.Г.*) будет посредником в установлении связей Японии с Внешней Монголией и [будет. — *В.Г.*] всячески этому содействовать»¹³.

На основании анализа действий Китая и Японии в отношении Внешней Монголии (МНР) автор документа пришел к выводу о том, что при определенных условиях (возможная авантюра западномонгольских сепаратистов на монголо-синьцзянской границе, антиправительственные выступления внутри самой Внешней Монголии, дальнейшее усиление японо-китайской агрессии) «...встает реальная опасность потери Внешней Монголии и превращения ее в плацдарм для интервенции против СССР...»¹⁴.

Публикуется также «Справка об участии японцев в Баргинском восстании» (док. № 127, не датирован, видимо, не позднее 1930—1931 гг.). В начале справки в разделе «Монголо-японские отношения» отмечено, что «за последнее время наблюдается явное стремление ЦК НРП Внешней Монголии (правильно: ЦК МНРП МНР. — *В.Г.*) сблизиться с японцами», что подтверждается такими фактами, как беседа первого секретаря посольства МНР в Москве Гомбо со вторым секретарем посольства Японии в Москве Миягавой (Миякавой) о возможности официального признания МНР правительством Японии, выдача посольством

---

¹² Там же.

¹³ УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140 (Т. 4). Л. 213. Машинописная копия.

¹⁴ Там же.

МНР в Москве военному атташе посольства Японии в Москве Комацубаре визы для посещения МНР без предварительного согласования с советскими партнерами, рекомендация японского посольства в Москве МИД Японии официально признать МНР. В документе также говорится о планах Японии по созданию Маньчжурского государства и включения в него сначала Внутренней Монголии, а в дальнейшем и Внешней Монголии. Приведены факты того, что японцы заблаговременно знали о подготовке Баргинского восстания в августе 1928 г. и благожелательно относились к нему¹⁵.

Большой интерес для историков представляет документ под названием «Из донесения полковника Комацубара о положении во Внешней Монголии» (док. № 129 от 05.02.1933), в котором говорится о докладе полковника Комацубары о политическом, экономическом и военном положении Внешней Монголии (МНР). Доклад был составлен с учетом новых разведанных, которые были получены японским агентом, монголом по национальности, капитаном Обара (фамилия больше похожа на японскую, чем на монгольскую. — *В.Г.*), который летом 1932 г. из Маньчжурии по р. Онон пересек границу МНР, проехал по территории страны до западной границы Хэнтэйского аймака, собрал 20 экз. местных газет, различные пропагандистские материалы и вернулся в Маньчжурию. Во вступлении Комацубара подчеркивает, что «для Японии важно как с точки зрения ее будущей политики, так и в стратегическом отношении сделать Внешнюю Монголию независимой с тем, чтобы она перешла под влияние Маньчжоу-го. Первоочередной задачей Японии при этих условиях является упрочение японского влияния в Барге»¹⁶. Сам текст доклада к документу не был приложен. В качестве приложения к документу дана выдержка с выводами и предложениями самого Комацубары. На основе анализа современного политического, экономического и военного положения МНР по состоянию на начало 1933 г. полковник Комацубара пришел к следующим выводам (цитата).

«а) Внешняя Монголия все более решительно проводит политику Сов[етского] Союза.

б) Создание нового государства использовано в качестве материала для красной пропаганды и агитации. Много говорится о вторжении Японии во Вн[ешнюю] Монголию и проводится

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 6–8. Машинописная копия.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 10–13. Машинописная копия.

большая политическая работа под лозунгом “уничтожения религии и эксплуатации”.

в) В результате недавней мобилизации в настоящее время под ружьем находится вдвое больше обычного количества населения. Особое внимание обращается на укрепление южной границы Барги.

В последнее время укрепляется и северный берег озера Буир.

г) Внешняя Монголия крайне обнищала. Это объясняется не только изменением государственного строя Монголии и не только тем, что большая часть скота монголов забирается и отправляется в Кр[асную] Россию, но и почти полным прекращением торговли с Китаем. Торговые связи имеются только с Вернеудинском.

д) Недовольство населения существующим строем довольно большое. Центром, вокруг которого группируются недовольные элементы, являются ламы».

На наш взгляд, с точки зрения национальных интересов Японии того времени эти выводы Комацубары представляются вполне объективными и обоснованными.

В качестве контрмер Комацубара сделал несколько конкретных предложений, основной смысл которых сводился к тому, чтобы принять все меры для того, чтобы, во-первых, освободить Внешнюю Монголию от «ига красных»; во-вторых, сделать Внешнюю Монголию независимой от Советского Союза; в-третьих, включить ее в состав Маньчжоу-Го. Иными словами, о подлинной независимости монгольского государства не было и речи.

В сборник включен также ряд других документов, в том числе о финансировании Японией строительства русских поселений в Барге (120 км от Калгана) для вооруженного отряда русских белогвардейцев во главе с атаманом Г. М. Семеновым (док. № 132 от 26.04.1935); о планах Японии по присоединению Монголии к Маньчжоу-Го (док. № 136 от 20.06.1935); о работе японцев в МНР (док. № 138 от 10.07.1935); о новой провокации японцев на юго-восточной границе МНР (док. № 151 от 22.09.1935); о настроениях в руководстве МНР, в том числе о позиции премьер-министра МНР П. Гэндэна в отношении установления связей с Японией (док. № 153 от 27.09.1935); о задержании баргутских цириков на восточной границе МНР (док. № 158 от 20.01.1936); о мероприятиях японцев в связи с событиями в Монголии (док. № 159 от 28.01.1936) и др.

В сборник вошел ряд документов, касающихся хода монголо-маньчжурских переговоров в г. Маньчжурия 1935 г. (док. № 139, 140, 141, 142, 143, 144).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Впервые публикуемые рассекреченные документы о Монголии из архивов ФСБ России, несомненно, представляют собой новый, ценный источник сведений о многих важных событиях и деятелях не только истории российско/советско-монгольских отношений, но и отношений между СССР, МНР, Китаем, Японией, США в 1922–1936 гг.
2. Документы позволяют проследить, как изменялась политика правительства Японии в отношении этнической Монголии вообще, в том числе в отношении Внутренней Монголии и Внешней Монголии (МНР) в указанный период, какие при этом использовались методы.
3. По нашему мнению, эти документы свидетельствуют о том, что стратегической целью всех правительств Японии было создание условий для подрыва и ликвидации новой, народной, власти («красной чумы») в МНР, для ослабления растущего влияния СССР на МНР, отрыв ее от СССР любыми способами, включая официальное признание МНР для достижения стратегической цели — включение ее в состав Маньчжоу-Го, созданного под контролем Японии в 1932 г.
4. Документы также говорят о том, что надежды и расчеты некоторых политических деятелей МНР на то, что Япония действительно намерена содействовать обеспечению реальной независимости Монголии, были построены на недостаточно глубоком знании и понимании реального положения в мире.
5. Публикуемые документы показывают, что война на р. Халхин-Гол — это не случайный пограничный инцидент, а закономерный, неизбежный результат столкновения между национальными интересами милитаристской Японии, Советского Союза и МНР, стратегической политики Японии, направленной на установление своего контроля над всей Монголией, включая МНР, и превращения ее в плацдарм для агрессии против СССР.
6. В настоящее время политика Японии в отношении Монголии существенно изменилась. Современное правительство Японии отказалось от агрессивных военных методов, проводит политику установления всесторонних

дружественных отношений и экономического партнерства. Между двумя странами установлены и развиваются всесторонние дружественные отношения и стратегическое экономическое партнерство. Япония занимала одно из первых мест среди зарубежных стран по общему объему льготных кредитов и безвозмездной помощи, предоставленных Монголии в 1990–2018 гг. Правительство Монголии рассматривает Японию в качестве стратегического третьего соседа, наряду с США, ЕС, Турцией, Индией.

Источники

- Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов. М., 2019.
- УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 124. Машинописная копия.
- УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 165. Машинописная копия.
- ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 45–47. Машинописная копия.
- ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 214. Машинописная копия.
- ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78. Подлинник.
- ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 237. Машинописная копия.
- УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 142–158. Машинописная копия.
- УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140 (Т. 4). Л. 142–158. Машинописная копия.
- УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140 (Т. 4). Л. 213. Машинописная копия.
- ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 6–8. Машинописная копия.
- ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 10–13. Машинописная копия.

Глава 5*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

(по материалам социологического исследования
среди студентов)

Победа на Халхин-Голе является знаковым событием для участников этой локальной войны — для монгольского народа, для многонационального народа России и стран СНГ, поскольку история тех дней и месяцев останется в памяти народов-победителей и будущих поколений. Масштабы этого события, численность участников, раненых, погибших, пленных, роль отдельных личностей, вооружение сторон, геополитический расклад и другие важные вопросы до сих пор остаются в дискуссионном поле историков и исследователей. В год 80-летия сражения на р. Халхин-Гол подобные вопросы обсуждаются на самых разных уровнях — от обыденных бесед рядовых граждан до дебатов на крупных научных мероприятиях, в том числе и на встречах первых лиц государств. У каждой стороны (Россия, Монголия, Япония, Китай), принимавшей участие в этой войне, есть своя правда, поскольку историю пишут квалифицированные историки-исследователи каждой из сторон, основываясь на материалах архивов, воспоминаниях участников и очевидцев, немногочисленных исторических трудах по этой теме. Любой исторический факт приобретает свою интерпретацию у разных социальных групп и даже государств. Соответственно, идет формирование своей исторической памяти, даже при условии того, что имели место быть одни и те же исторические события и фигуры: «Их роли и значения могут интерпретироваться по-разному в зависимости от темпорально обусловленных социальных

---

* Авторы главы — Д. Д. Бадарев и В. Г. Жалсанова. Работа подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № ААА-А-А17-117021310269.

и культурных потребностей групп»¹. Тем не менее чрезмерное увлечение игрой в интерпретацию исторических фактов и в целом ходом исторического развития опасно своими последствиями в виде фальсификации, мифологизации исторических событий и, самое главное, забвением. Объективность является важнейшим принципом для достижения консенсуса между участниками научных дискуссий по вопросам этого значимого события 80-летней давности. Печальный исторический опыт, принесший народам страдания, должен быть учтен и впредь не повторяться, а имена героев и участников не должны забываться.

Знание об исторических событиях является значимым фактором, способствующим формированию культурной личности с выраженной гражданской позицией. В этой связи историческая память является важным элементом культуры. Её влияние на социальное поведение отдельных индивидов и социальных групп велико, поскольку во многом определяет отношение к настоящему и задает векторы будущего. Как социальное явление историческая память становится важным фактором, формирующим образ и смыслы любого общества, а также наполняет смыслом жизнь каждого человека. Как отмечал О. Шпенглер, «история — это образ, при помощи которого воображение человека стремится почерпнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким способом придать ей углубленную действительность»².

Источники исторической памяти формируются как на формальном, так и на неформальном уровнях. Формальный уровень — это прежде всего институты науки и образования, призванные в рамках научных традиций изучать и транслировать историческое сознание. Неформальный уровень — СМИ и Интернет, превратившиеся в современном мире в широкий канал передачи информации. Со второй половины XX в. стремительно возрастает значение таких факторов, как медиатехнологии и массовая культура, что приводит к «усложнению структуры исторической памяти, росту ее вариативности, способствует разрушению

---

¹ Положенцева И.В., Кащенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 43.

² Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. Том 1. Образ и действительность. С. 41.

ее целостной картины и формированию множества альтернативных вариантов»³.

Для современного российского студенчества история своей страны в целом и отдельные исторические события, к сожалению, превращаются в «белые пятна». Военные действия на р. Халхин-Гол на сегодняшний день имеют очень слабое отражение в исторической памяти молодежи. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного методом онлайн-опроса.

Цель исследования — выявление степени осведомленности современных студентов о событиях 80-летней давности на р. Халхин-Гол как фактора формирования важнейшей гражданской ценности как патриотизм. В онлайн-опросе приняли участие студенты российских вузов, обучающиеся по программам бакалавриата и магистратуры. Опрос был проведен в разных городах России — Москве, Екатеринбурге, Абакане, Иркутске, Улан-Удэ, Чите и Владивостоке. Сроки проведения исследования — с 1 по 30 сентября 2019 г. Выборка веб-анкетирования — случайная, вероятностная в количестве 378 человек. Основной контингент пришелся на бакалавриат с 1-го по 4-й курс — 88,6%, магистрантов оказалось существенно меньше — 11,4%. Анкета имела формат тестов, тем самым были выявлены оценочные данные по осведомленности студентов вузов о событиях на р. Халхин-Гол в 1939 г.

По результатам исследования, большинство опрошенных так или иначе осведомлены о военных действиях на реке Халхин-Гол. Почти одинаковое количество опрошенных (по 39,68%) выбрали два утвердительных варианта ответа — «да, знаю» и (40,74%) «немного знаю, что-то слышал». Столь высокий уровень знания, вероятно, обусловлен двумя факторами. Во-первых, в выборке наибольшее количество респондентов представлено студентами вузов Дальневосточного федерального округа — Бурятского государственного университета (40,7%), Дальневосточного федерального университета (17,2%), Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (16,4%). Во-вторых, опрос был проведен в период, когда СМИ региона активно освещали мероприятия, посвященные событиям на р. Халхин-Гол как посредством телевидения, так и через Интернет.

---

³ Мысливец Н.Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 15.

Косвенным подтверждением того, что именно освещение мероприятий стало главным источником информации, являются ответы на вопрос о том, откуда студенты черпали информацию о военных действиях на р. Халхин-Гол. Данный вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответов. Лидером стал такой источник, как Интернет. Его указали 63% опрошенных. Далее следуют образовательные организации — школа (49,5%) и вуз (45,5%). С одной стороны, школа и вуз так или иначе, пусть не на 100%, но справляются с задачами преподавания истории. С другой стороны, школа в качестве источника информации уступает Интернету, что чревато самыми разнообразными последствиями, так как последний не всегда транслирует достоверное знание, а подчас культивирует мифологию вкуче с фальсификацией. Также о проблемах в сфере исторического образования можно судить по тому, как 43,6% опрошенных не смогли указать источники, откуда черпали сведения о боевых действиях на Халхин-Голе. Из них 23,8% выбрали вариант *«затрудняюсь ответить»*, 19,8% — *«никакие»*. Следующая группа источников информации выглядит следующим образом: *«друзья, родственники, знакомые»* (34,1%), *«телевидение»* (28,6%), *научные издания (монографии, статьи)* (23%). Группа аутсайдеров представлена печатными СМИ (8,5%) и радио (4,2%), что демонстрирует их слабую привлекательность для современных студентов как важных источников информации.

Детализация объективных данных о событиях на реке Халхин-Гол также свидетельствует о не самом высоком уровне знаний студентов. Чуть более половины опрошенных (59%) в курсе, что в 2019 г. отмечается 80-летие Победы на р. Халхин-Гол, но четверть респондентов затруднились ответить (25%). Некоторые студенты отмечали ошибочные варианты — 70, 90, 100-летие, — таковых оказалось около 16%.

На вопрос «на территории какой страны велись военные действия?» подавляющее большинство опрошенных (66,9%) указали Монгольскую Народную Республику, 7,1%, — на Дальнем Востоке Советского Союза, 5,6% — на территории Китая, 2,4% — на территории Японии. Следует отметить, что число затруднившихся с ответом достаточно высокое — 18%.

В следующем вопросе студентам было предложено указать инициатора военных действий на р. Халхин-Гол. Большинство опрошенных (62,4%) дали ответ — *«Япония»*. Достаточно большое количество респондентов (20,1%) затруднились с ответом.

МНР в роли зачинщика указали 9,5%, Советский Союз — 4,2%, Китай — 3,7%.

На открытый вопрос «что вы знаете о мероприятиях 2019 года по празднованию победы на Халхин-Голе в России и Монголии?» большинство опрошенных поставили прочерк. Вероятнее всего это свидетельствует либо о нежелании отвечать, самостоятельно формулируя свой ответ, либо о незнании о мероприятиях, посвященных празднованию победы на реке Халхин-Гол. А так редкие ответы представлены в списке:

1. В память о победе советско-монгольских войск был снят фильм «Халхин-Гол».
2. В Бурятии стартовал автопробег, посвященный победе на Халхин-Голе.
3. На площади Советов в Улан-Удэ проходят праздничные мероприятия.
4. Участвовали добровольцы из Бурятии — поисковый отряд «Рысь».
5. За несколько дней работы найдены останки 48 военнослужащих советской и японской армий. Из них — 7 солдат РККА.
6. Визит Президента РФ В. В. Путина и Главы Республики Бурятия А. С. Цыденова в Монголию.
7. Концерт Ансамбля песни и пляски Российской армии имени Александрова в Монголии.
8. Церемония открытия памятника Герою МНР, полковнику Л. Дандару.
9. Выставка в Бурятском государственном университете.
10. Выставка в Национальном музее Республики Бурятия.
11. Конкурс реставрированных автомобилей военного времени.
12. Россия и Монголия заключили бессрочный Договор о дружбе.
13. Фотовыставка «Халхин-Гол-80» в здании Народной партии аймака Дорнод.
14. Полевые учения «Сэлэнгэ-2019».
15. Памятник «Мир не забудет подвиг ваш» на сопке им. Ремизова.

При выявлении мнения студентов о статусе этого события большинство опрошенных считают, что это был военный конфликт. В этом вопросе затрудняющихся оказалась пятая часть респондентов.

Таблица 1

Как вы думаете, какой статус является наиболее приемлемым для описания данного военно-политического события?

Ответы	%
Инцидент	3,44
Военный конфликт	46,03
Битва	17,72
Война (необъявленная)	13,49
Затрудняюсь ответить	19,31

Следующий тестовый вопрос о командующем советско-монгольской группой войск, добившемся окончательной победы в битве на р. Халхин-Гол, оказался достаточно сложным для многих студентов. Чуть менее половины опрошенных ответили, что не знают. Только 38,4% опрошенных ответили, что это Г. К. Жуков. По остальным вариантам (Фекленко Н. В., Штерн Г. М., Плиев И. А., Богданов М. А.) суммарное количество ответов составило 15,6%. Для 46% опрошенных студентов вопрос оказался затруднительным.

О продолжительности боев на р. Халхин-Гол оказалась осведомлена лишь четверть студентов (27%), тогда как некоторые респонденты выбирали ответы 2 месяца — 5,8%, 5 месяцев — 15,9%, 6 месяцев — 9,3%, 12 месяцев — 1,3%, притом что правильным ответом принято считать 4 месяца активных военных действий. Однако вопрос о продолжительности боев также остается дискуссионным среди научной общественности.

Две трети опрошенных (70,4%) считают, что современная молодежь должна знать о победе советских и монгольских войск на р. Халхин-Гол, тогда как десятая часть (10,8%) — так не считает, а пятая часть (18,8%) — затруднилась ответить на данный вопрос.

Если говорить об основных уроках, которые можно вынести из этой битвы последующим поколениям, то были получены многовариантные ответы, которые суммарно превышают 100%. Менее половины студентов отметили, что советские и монгольские войска смогли остановить японо-маньчжурскую агрессию с востока страны и подготовиться к наступлению немецких агрессоров с запада (51,3%); победа на Халхин-Голе стала

знаковым событием для дальнейшей геополитической расстановки сил в Восточной Азии (49,5%); победа на Халхин-Голе помогла Монголии обрести независимость (32,8%); советские и монгольские войска «испытали свои силы» перед началом Великой Отечественной войны 1941 г. (20,6%). В качестве варианта «Другое» лишь единицы респондентов дали свои варианты ответов: «передача исторической памяти не заинтересованным в этом людям, посредством образовательной системы в РФ»; «выявила низкую боеспособность японских сухопутных сил, что впоследствии стало основным фактором невмешательства Японии в войну с СССР»; «действия советско-монгольских сил были направлены на предотвращение со стороны милитаристской Японии провокации и исключение дальнейшего развития военного наступления Японией в Центральном-Азиатском регионе». Затруднились с ответом в этом вопросе 30,1% опрошенных.

Второй блок вопросов анкеты был направлен на выявление ценностной системы и уровня патриотичности среди студентов вузов. Шкалирование ценностей студентов по рангам выявило следующую градацию ценностей современного студенчества:

1. Семья (66,9%).
2. Образование (55,8%).
3. Здоровье (49,5%).
4. Финансово-материальный достаток (38,4%).
5. Друзья (27,3%).
6. Карьера (25,9%).
7. Свобода (24,3%).
8. Уважение среди окружающих (5,3%).
9. Патриотизм (5,3%).

Таким образом, из данного ранжированного ряда основную группу составили «семья», «образование» и «здоровье», т.е. как бы ценности, являющиеся ресурсами для достижения второй группы ценностей — «финансово-материальный достаток», «карьера», «свобода».

«Патриотизм» выглядит наименее ценным в глазах опрошенных студентов. На первый взгляд этот факт кажется печальным и демонстрирует негативный образ современной молодежи. Тем не менее не стоит, на наш взгляд, давать последней отрицательные характеристики, так как на следующий вопрос «являетесь ли Вы патриотом своей страны?» 59,8% опрошенных дали утвердительный ответ. Низкие позиции в ранге свидетельствуют не столько об отрицании патриотизма как ценности, сколько о его позиции в шкале других ценностей. Также следует отметить,

что данное понятие подвергается в наше время девальвации из-за поверхностной образовательно-воспитательной работы с подрастающим поколением, наполнения его нереальными знаниями об истории своей страны, подмены сиюминутными, краткосрочными мероприятиями.

В продолжение этого вопроса студентам предлагалось из чувства патриотизма выразить степень своей готовности защищать интересы своей Родины в разных сферах. Ответы демонстрируют достаточно высокую установку и ориентацию студентов на защиту интересов своей страны.

Проведенное социологическое исследование продемонстрировало важность этого события для молодежи и будущего нашего общества. Целесообразно сделать некоторые обобщения на основе полученных данных.

Таблица 2

Готовность студентов из чувства патриотизма защищать интересы своей Родины в разных сферах, %

Сферы деятельности	Да, всегда готов	Частично готов	Скорее не готов	Нет, не готов	Затрудняюсь ответить
<i>Военная</i>	27,3	27,8	5,3	24,1	15,6
<i>Дипломатическая</i>	29,1	31,7	8,7	12,2	17,2
<i>Спортивная</i>	32	26,7	10,6	20,6	10
<i>Научная</i>	37,8	32	8,7	9,8	11,6
<i>Культурная</i>	50	27	6,4	6,9	9,8

Во-первых, большинство студентов в целом имеют представления о событиях на Халхин-Голе 1939 г. Но в то же время студенты плохо ориентируются в датах, именах, географических и топонимических данных. О слабой осведомленности говорит тот факт, что лишь чуть более половины студентов знают о 80-летнем юбилее общей победы советско-монгольских войск. Тем не менее большинство студентов считают, что молодежь должна знать об этом событии как об общей победе советско-монгольских войск в 1939 г.

Во-вторых, среди всех источников важнейшими источниками информации отмечены Интернет, а также образовательные

материалы, предоставляемые в школах и вузах. Объективная и доступная информация в глобальной сети может сформировать некоторые знания, но требуется более качественное освещение исторического материала в учебных программах в школах и вузах.

В-третьих, к сожалению, ценность «патриотизма» среди 9 основных перечисленных ценностей в оценках студенческой молодежи оказалась на последнем месте. Студенты склонны выбирать ценности, имеющие прямое отношение к их насущным потребностям и перспективам их жизнедеятельности. Тем не менее две трети студентов считают себя патриотами и готовы самовыразиться в разных сферах общественной жизни на международном уровне.

В-четвертых, исследования историков по теме Халхин-Гола все еще продолжаются. На разных конференциях по случаю 80-летия победы на Халхин-Голе раскрываются новые факты и архивные данные, опубликованы научные монографии и сборники документов, снимаются документальные фильмы, организовываются экспедиции по местам боевой славы, устанавливаются мемориальные памятники и т.д. Всё это говорит о том, что событие имеет важнейшее значение для истории наших народов.

К сожалению, признавая слабость современного исторического образования в России, невысокий статус научных исследований в общественном мнении, необходимо отметить, что историческая память фактически отдана на откуп разнообразным медиаструктурам и Интернету. Молодежь как реципиент исторического знания оказалась в наиболее сложном положении, в сознании которой опыт исторического прошлого российского государства фиксируется обрывочно, без должной систематизации, а многие события не закреплены вообще.

В общественном и научном дискурсе в качестве единственного события, способного объединить российское общество, чаще всего признается Великая Отечественная война. Тем не менее следует отметить, что знание и историческая память о ней в сознании формируются в основном на символическом уровне — через *георгиевские ленточки*, *Вечный огонь*, *Парад Победы*, *Бессмертный полк* и т.д. Практически отсутствует понимание того, что Великая Отечественная война 1941–1945 гг., которую вел Советский Союз против нацистской Германии, является частью Второй мировой войны, в которую было вовлечено множество стран мирового сообщества. Фактически преданы забвению и не зафиксированы в памяти молодого поколения ряд событий, в которых

принимал участие Советский Союз, в том числе и военные действия на Халхин-Голе в 1939 г.

На примере одного военно-исторического события делать обобщения было бы неправильно, но результаты подтверждают необходимость целенаправленной работы со школьниками и студенческой молодежью с целью гражданского и патриотического воспитания, повышения уровня знаний по истории страны для подрастающего поколения. Великому русскому ученому Михаилу Ломоносову принадлежит изречение: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Победа на Халхин-Голе, добытая ценою жизни десятков тысяч советских и монгольских бойцов, является историческим событием, в корне изменившим ход Второй мировой войны и геополитический расклад современного мироустройства. Такие победы должны быть объективно отражены в учебных материалах образовательных учреждений и историческом сознании подрастающего поколения.

Литература

- Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18, № 1.
- Положенцева И. В., Кашенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12.
- Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. Том 1. Образ и действительность.

Глава 6*

**НОВЫЕ МОНГОЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
О ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ ЧИСЛА ВОЙСК ЯПОНИИ
И МАНЬЧЖОУ-ГО, ЗАХВАЧЕННЫХ В ХОДЕ БОЕВ
НА ХАЛХИН-ГОЛЕ И НОМОНХАНЕ**

Вопрос о судьбе военнопленных, захваченных в ходе боев на Халхин-Голе и Номонхане, полон загадок и противоречий. Он неизменно привлекал внимание историков и являлся одним из тех, которые еще только требуют своего решения. Это чувствительная проблема, и поэтому в архивах стран, которые имеют к этому отношение, получить соответствующие материалы было очень непросто. Поэтому и найти какие-то зацепки для того, чтобы приблизиться к истине в решении этого вопроса, оказалось нелегко.

Проблема тех, кто попал в плен в результате событий на Халхин-Голе, поднималась и развивалась такими исследователями, как В. Н. Вартанов и Мики Хидэо, К. Е. Терехов, Е. Л. Катасонова, Ю. М. Свойский, поэтому в данной статье нет повтора уже изложенных ими подробностей.

До сегодняшнего времени исследования, касающиеся военнопленных конфликта на Халхин-Голе, опирались главным образом на материалы из японских и российских архивов, в то время как материалы из Монголии и округа Хулун-Буир Внутренней Монголии, где разворачивались события, которым и посвящена настоящая статья, практически не использовались. В 1939 г. тот конфликт произошел в районе реки Халхин-Гол и деревни Номонхан, которые расположены на границе между Монголией и Китаем. Следует взглянуть на эту ситуацию заново, с точки зрения монгольского народа, который и сейчас разделен этой границей.

В главе анализируются материалы на монгольском языке, которые удалось собрать автору в последние годы в Монголии. Используются также устные свидетельства участников этого конфликта.

---

* Автор главы — Хусел Борджигин.

* * *

В результате переговоров о перемирии обмена военнопленными проводились дважды — 27 сентября 1939 г. и 24 апреля 1940 г. Среди 204 человек, переданных японской стороне во время этих двух обменов, было 160 человек из числа военнослужащих японской армии и 44 человека из числа военнослужащих армии Маньчжоу-Го. Но вопрос в том, сколько японцев и граждан Маньчжоу-Го было, собственно, взято в плен во время боев у Халхин-Гола и Номонхана и сколько человек, если вычесть этих 204, вернувшихся на родину, осталось в Советском Союзе и МНР.

Последние несколько лет автор главы проводил полевые исследования в Монголии и собрал ряд бывших до этого закрытыми материалов монгольской стороны, касающихся как боев на Халхин-Голе, так и других пограничных конфликтов, имевших место в тот период. Среди них наиболее важным, как представляется, является материал, название которого с монгольского переводится как «Статистика по японским военнопленным, захваченным в ходе боев на реке Халхин-Гол», а также так называемая «Войсковая докладная записка». До сих пор на научных конференциях практически не использовались материалы японской стороны по японским военнопленным этого конфликта, и то, что с ними произошло после их пленения, не было предметом подробного изучения.

В «Статистике по японским военнопленным, захваченным в ходе боев на реке Халхин-Гол» приводится список из 153 японских военнопленных. Среди них порядка 130 были отправлены в Улан-Батор после 4 августа 1939 г., причем 80% из этого числа были отправлены туда после начала общего наступления советских и монгольских войск 20 августа.

В специальном архиве монгольской разведки содержится до сих пор неизвестный документ, носящий название «Войсковая докладная записка», составленная 10 февраля 1940 г. со слов командира армии Маньчжоу-Го, поднявшего вооруженное восстание и сдавшегося монгольской армии. Однако имя самого командира в документе отсутствует, и там указывается только имя человека, составившего эту записку, которое там приводится как «Рабутан».

Согласно этой докладной записке, маршал МНР Чойбалсан лично встречался с командирами, сдавшимися монгольской армии в ходе боев на Халхин-Голе и у Номонхана, более того, Чойбалсан дважды встречался конкретно с тем командиром, со слов которого была составлена докладная записка.

Слова сдавшихся монгольской армии командиров армии Маньчжоу-Го, адресованные маршалу Х. Чойбалсану, сводились к следующим семи пунктам:

1. *Мы очень рады, что пришли в Монголию. Наша страна ведет войну, и мы очень беспокоимся за нашу родину. Мы хотим приложить все усилия для освобождения нашей родины от владычества врага.*

2. *Нам очень хорошо живется с тех пор, как мы пришли в вашу страну, мы этому очень рады и хотим за это поблагодарить Вас, маршал.*

3. *Наши подразделения, придя в вашу страну, были распределены по фабрикам и получили там работу. Сначала они очень старались и работали изо всех сил. Но потом стало так, что некоторые перестали соблюдать правила или перестали стараться в работе. Мы думаем, что это из-за того, что уровень политической и идеологической готовности в нашей армии низкий. Из-за того, что в Маньчжоу-Го не проводится культурное воспитание войск, некоторые совершают подобные ошибки. Я, узнав об этом, сразу же провел строгую воспитательную работу с подчиненными, и поэтому солдаты и офицеры моего подразделения пообещали мне больше не совершать таких ошибок. Прошу прощения за эту ситуацию.*

4. *Когда я был в японской армии (то есть армии Маньчжоу-Го), я всем сердцем испытывал враждебность к Японии. И когда я во главе подразделения, прибыв на реку Халхин-Гол, поднял восстание, войска вашей страны нам очень помогли. Наша цель — спасти тех, кто стал жертвами войны, и, пожалуйста, позвольте нам помочь тем военнослужащим вашей армии, кто был ранен в ходе боев на реке Халхин-Гол.*

5. *Солдаты и офицеры нашего подразделения, когда они работали на заводах в вашей стране, получали хорошую оплату. Я еще раз хочу поблагодарить вас за это. Но в это время у меня работы не было, и дохода тоже не было. Я хочу приложить все усилия, чтобы помочь монгольской революции, поэтому, пожалуйста, дайте и мне тоже работу.*

6. *Я хорошо знаю, что Монголия — это революционная страна. Япония оккупировала Китай, и китайский народ сражается за свою страну. Очень хочется, чтобы Монголия обязательно помогла Китаю в его борьбе против японского империализма.*

7. *Народы Китая и Монголии с давних пор живут вместе в мире. Это потому, что и Монголия, и Китай были под руководством Чингисхана. Сегодня, чтобы освободить Китай, находящийся под властью японского империализма [так как нам необходимо*

принять участие в этой борьбе] нам хочется, чтобы мы были немедленно освобождены.

Маршал Чойбалсан ответил на эти слова, но его ответ найти не удалось. Однако в ответ на слова маршала этот маньчжурский командир сказал следующее (далее следуют восемь пунктов, отражающих содержание слов командира):

1. Я, когда пришел в вашу страну, не получил работы, но я думаю, что Вы [т.е. маршал Чойбалсан. — Х.Б.] хорошо знаете, какую работу мне следует дать. Мы ничего плохого не сделали. По законам вашей страны установлено, что тем, кто работает, положена оплата их труда, но мы хотим работать бесплатно, чтобы потом, вместо оплаты, нам позволили вернуться в Китай.

2. Я согласен с тем, что Вы сказали. Но у меня есть одна маленькая просьба. Если я ошибаюсь, поправьте меня. Мы готовы обеспечить материальную поддержку тем военнослужащим вашей страны, кто был ранен во время боев на Халхин-Голе. Но если им передать эту помощь не получится, то нельзя ли использовать ее для укрепления обороны вашей страны?

3. Что касается тех, кто нарушил некоторые правила, то я, в соответствии с Вашими указаниями, с ними уже переговорил, и эта ситуация исправлена.

4. Вы говорили, что не позволите нам работать в Монголии бесплатно. К счастью, мы с тех пор, как пришли в вашу страну, не сделали ничего плохого. Поэтому если есть какая-то работа, которую можно делать безвозмездно, то, пожалуйста, позвольте нам ее делать.

5. Я очень удовлетворен Вашим предложением вернуть нас на родину. Мы — первое подразделение в Маньчжоу-Го, которое во время боев на Халхин-Голе подняло вооруженное восстание. До сих пор таких восстаний не было. Вернувшись в Китай, мы станем образцом для народа Маньчжурии, как можно сражаться за освобождение Китая от японского владычества. В моем подразделении мало солдат и офицеров, но мы не отступимся от того, чтобы быть образцом для народа.

6. Ваши слова о территории Китая верны. Поскольку северо-восток нашей страны, Китая, оккупирован Японией, то наше подразделение не может пройти через этот район, чтобы вернуться на родину. Но мы не боимся, и мы обязаны преодолеть трудности. То, что мы [на Халхин-Голе. — Х.Б.] подняли восстание, было прежде всего против Японии. Я думаю, что [так как пройти через северо-восток Китая, который граничит с Монголией, нельзя, то, выйдя из западной части Монголии. — Х.Б.], можно пройти через Синьцзян

и попасть в Китай, чтобы принять участие в борьбе в Китае и одержать победу. [Войска. — Х.Б.] японских империалистов потерпели поражение на Халхин-Голе от Красной армии Монголии и СССР. Это было не из-за того, что мы подняли восстание, но я думаю, что хотя бы какую-то малую роль в этой победе мы сыграли. Поэтому мы надеемся на Ваше руководство. [А именно:]

7. Придя в вашу страну, мы стали под Вашим руководством изучать учение Маркса, Ленина и Сталина. И мы поняли, как, в соответствии с этим учением, нам следует сражаться за свою страну и как нам следует поступать далее, чтобы достичь этой цели. Однако независимость Китая тесно связана с мировой революцией, и мы хотим передать учение Маркса, Ленина и Сталина народу Китая. Народ Китая будет сражаться за революцию и одержит победу над врагом. Считаю, что это имеет большое значение для борьбы за свободу и независимость народов Востока.

8. Мы не боимся трудной и опасной дороги. Мы от всего сердца хотим внести свой вклад в борьбу китайского народа против империализма.

Китайская Красная армия прошла полный тягот и лишений путь и значительно расширила свои базы действий. Какими бы суровыми ни казались снежные вершины Алтайских гор, мы полны решимости преодолеть их.

Вы выказываете большое сочувствие и беспокойство в адрес наших семей, оставшихся в Маньчжоу-Го. Но мы считаем, что цель победы над японским империализмом важнее этого. В то же время главными причинами победы советских и монгольских войск над японской армией было то, что, во-первых, они были вооружены идеями учения Маркса и Ленина, а во-вторых, то, что, ответив на призыв революционного красного знамени вашей страны, мы пришли сюда.

Мы обязательно преодолеем Алтайские горы, какие бы трудности для этого ни пришлось преодолеть.

Исходя из этой докладной записки, можно сделать следующие выводы.

Подразделение, возглавляемое этим командиром, в ходе боев на реке Халхин-Гол подняло восстание и сдалось монгольской армии. Военнослужащие этого подразделения, за исключением командира, получили работу и работали на фабриках, получая за это зарплату. Но впоследствии среди них оказались те, кто не соблюдал правила и не относился к работе серьезно, из-за чего по указанию Х. Чойбалсана командир сделал им устное внушение. Чойбалсан что-то говорил о территории Монголии и Китая,

и конкретное содержание его слов не представляется возможным определить, но командир выразил согласие со словами Чойбалсана.

Военнослужащим этого сдавшегося подразделения в Монголии преподавали теорию марксизма-ленинизма. Командир просил Чойбалсана разрешить ему провести свое подразделение в Китай, но Чойбалсан выражал тревогу, что если позволить им вернуться в Китай, то их семьям, которые оставались в Маньчжоу-Го, может грозить опасность. Но командир очень хотел вернуться в Китай. Чтобы ему позволили вернуться на родину, он приводил ту причину, что его отряд включится в борьбу с японским империализмом — врагом стран и народов Востока, и предлагал, чтобы его отряд оказывал материальную помощь и безвозмездно трудился для помощи монгольской армии.

Как известно на данный момент, войска Маньчжоу-Го, участвовавшие в боях на Халхин-Голе и у Номонхана, включали в себя возглавляемую генерал-лейтенантом Урджином Гармаевым Хинганскую северную сторожевую армию (в составе 1, 2, 7 и 8-й кавалерийских бригад, 9-й бригады, автомобильного отряда, отряда связи, полка связи и других соединений. Вступила в бой с мая. Общий личный состав около 3000 человек), Хинганскую дивизию (командир дивизии — генерал-лейтенант Номура Токи-тада). В составе 4, 5, 6, 12-й бригад-полков, учебной бригады Хинганской школы сухопутных войск, минометной бригады, артиллерийской бригады, 2-го полка горной артиллерии, отдельного кавалерийского полка, автомобильного отряда, отряда бронемашин, монгольского молодежного отряда (кандидаты в курсанты Хинганской школы сухопутных войск, а также ученики Хинганского института и Монгольского делового училища), отряда связи, а также отряда по организации помощи раненым и другие подразделения. Общая численность 6000 человек. (Вступили в боевые действия с 19 июня), а также отдельные отряды Судзуки и Ши Ланьбиня (2022 человека. Вступили в бой с первой декады августа.)

Как сообщается, среди этих подразделений Хинганская дивизия «понесла урон, близкий к полному уничтожению». Кроме того, было немало дезертировавших монгольских солдат. Формирование Хинганской дивизии началось с декабря 1938 г. и было закончено в мае 1939 г. Если не считать бывших даурских подразделений, она была сформирована главным образом из монголов из провинций Южный Хинган, Жэхэ и Цзиньчжоу, и половина из них были новобранцами.

По оснащению они значительно уступали японской армии, а что касается снабжения, то «то, что соответствовало в японской армии одному рациону, там выдавалось на день». Они не были знакомы с географией и природными условиями местности, где велись боевые действия, что вело к упадку боевого духа, частому дезертирству, и некоторые из этих дезертиров превращались в повстанцев.

В то время на поле боя широко были распространены слова «монголы не воюют с монголами», и часть солдат быстро отрывалась от своих частей и пыталась вернуться домой. Были и такие случаи, как, например, когда майор Дэрэг и капитан Вандзир убили японского командира и сдались монгольским войскам. Константин Симонов в своих воспоминаниях отмечает, что после завершения боевых действий часть военнопленных-баргутов из числа военнослужащих Маньчжоу-Го на самолете отправились в Читу¹.

Свыше 250 солдат и офицеров из отдельного отряда Ши Ланьбина расстреляли японских офицеров и сдались советским и монгольским войскам (это количество восставших указано в источнике «Армия Маньчжоу-Го»²; другие источники утверждают, что численность восставших составляла 280 человек). А если учесть, что они подняли восстание в самом начале боевых действий, то можно предположить, что это подразделение, которое возглавлял упоминавшийся выше командир, относилось к Хинганской дивизии. Точная численность его неизвестна, но можно полагать, что она была значительной.

Недостаток достоверных источников до сих пор оказывал значительное влияние на исследование вопроса о японских и маньчжурских военнопленных боев на Халхин-Голе и у Номонхана. Что касается численности японских и маньчжурских военнопленных, то предыдущие исследования содержат разные оценки: около 500 человек³; 1021 человек (если исключить возвращенных 204 человека, и среди них маньчжурских военнопленных, то получается 817 человек, либо, если исключить возвращенных 160 человек (без маньчжурских военнопленных — то 861

---

¹ Номонхан но татакаи (Бои на Номонхане). Токио, 2006. С. 183.

² Мансю: коку гун (Армия Маньчжоу-Го). Токио, 1970. С. 220, 564.

³ Мино М., Оояма Т. Номонхан дзикэн. Нихон рикугун «сипай но рэнса» но кэнкю (Номонханский инцидент. Исследование «череды поражений» японских сухопутных войск. Токио, 2001. С. 89.

человек)⁴, от 3 до 4 тысяч⁵, 8 тысяч⁶. Среди тех, кто был в плену, были те, кто считал, что пленных было «несколько тысяч»⁷. Кроме того, Алвин Д. Кукс настаивает на оценке от 1 до 4 тысяч, причем «наиболее достоверной является оценка в более чем 3000 человек»⁸. Среди них наиболее неясной представляется судьба военнопленных из Маньчжоу-Го.

В данной статье, опираясь на материалы из монгольских архивов, автор смог предпринять первую попытку систематизировать и рассмотреть вопрос о судьбе 153 находившихся в Монголии японских военнопленных и части военнопленных из Маньчжоу-Го, взятых в плен в боях на Халхин-Голе. Среди японских военнопленных, если исключить трех, которые погибли в плену, почти все были ранеными. Если исключить одного неизвестного погибшего, то удалось определить имена 152 из них (полные имена 50 человек, фамилия или только имя для 102 человек), а также получилось найти зацепку относительно судьбы оказавшегося в плену подразделения армии Маньчжоу-Го. Это, как можно считать, является первым шагом в деле заполнения лакуны в истории этой войны.

Далее, опираясь на материалы, приводимые в этой главе, автор собирается продолжить поиск в архивах не только Монголии, но и России, и Японии, чтобы обрисовать полную картину судьбы военнопленных боев на Халхин-Голе и Номонхане.

---

⁴ Хосака М. Номонхан дзикэн дэ но Нихондзин хорё ни рикай о симэситэ ирэба (Если выразить понимание японцам, попавшим в плен во время Номонханского инцидента // Сандэ майнити, 2011. Т. 90 (24). С. 49; Хата И. Нихондзин хорё: Хакунсонко: кара Сибэриа ёкуро: мадэ (Японские военнопленные: от битвы на реке Пэккан до сибирского плена). Токио, 2014. С. 81.

⁵ Китагава С. Номонхан: мото Мансю: коку гайко: кан но сё: гэн. Сэнсо: то нингэн но кироку (Номонхан: свидетельства бывшего дипломата Маньчжоу-Го. Летопись войны и людей). Токио, 1979. С. 134.

⁶ Исида К. Каэрадзару Номонхан (Номонхан, откуда не вернуться). Токио, 1980. С. 210.

⁷ Онда С. Номонхан сэн: Нингэн но кироку. Каймэцухэн (Бои на Номонхане: летопись о людях. Повесть разгрома). Токио, 1982. С. 222.

⁸ Алвин Д. К. Номонхан: со: гэн но ниссосэн — 1939 (Номонхан: советско-японские бои в степях — 1939). Токио, 1989. С. 266.

Литература

- Алвин Д. К. Номонхан: со: гэн но ниссосэн — 1939 (Номонхан: советско-японские бои в степях — 1939) / пер. на япон. яз. Т. Ивасаки. Токио, 1989.
- Исида К. Каэрадзару Номонхан (Номонхан, откуда не вернуться). Токио, 1980.
- Китагава С. Номонхан: мото Мансю: коку гайко: кан но сё: гэн. Сэнсо: то нингэн но кироку (Номонхан: свидетельства бывшего дипломата Маньчжоу-Го. Летопись войны и людей). Токио, 1979.
- Мансю: коку гун (Армия Маньчжоу-Го). Токио, 1970.
- Мино М., Оояма Т. Номонхан дзикэн. Нихон рикугун «сиппай но рэнса» но кэнкю (Номонханский инцидент. Исследование «череды поражений» японских сухопутных войск). Токио, 2001.
- Номонхан но татакаи (Бои на Номонхане). Токио, 2006.
- Онда С. Номонхан сэн: Нингэн но кироку. Каймэцухэн (Бои на Номонхане: летопись о людях. Повесть разгрома). Токио, 1982.
- Хата И. Нихондзин хорё: Хакунсонко: кара Сибэриа ёкюрю: мадэ (Японские военнопленные: от битвы на реке Пэккан до сибирского плена). Токио, 2014.
- Хосака М. Номонхан дзикэн дэ но Нихондзин хорё ни рикай о симэситэ ирэба (Если выразить понимание японцам, попавшим в плен во время Номонханского инцидента) // Сандэ майнити. 2011. Т. 90 (24).

Глава 7*

**СОБЫТИЯ НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ (1939 г.)
В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Подготовка научной общественности Республики Бурятия к празднованию 80-летия событий на реке Халхин-Гол ознаменовалась выходом в свет второго издания двухтомника документов и материалов «Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946»¹, подготовленного усилиями большого творческого коллектива российских и монгольских ученых и архивистов, где события на реке Халхин-Гол занимают главенствующее место в истории сотрудничества двух стран, вооруженных сил и народов.

История героической борьбы монгольского народа за свою независимость, военного сотрудничества и военного содружества России и Монголии, и особенно совместная победа на реке Халхин-Гол — одна из приоритетных тем Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), разрабатываемая на протяжении многих десятилетий. В течение последнего десятилетия эта тема и ее сегменты обязательно реализовывались через проекты (гранты), поддержанные научными фондами РГНФ — МинОНК (Монголия) и РФФИ — МинОНК (Монголия), что вылилось в оригинальные издания, подготовленные сотрудниками ИМБТ СО РАН совместно с Институтом истории и этнологии Монгольской академии наук и Центром исследований военной истории НИИ Оборона Монголии. Все издания получили высокую оценку научной общественности. Среди них альбом, посвященный 70-летию событий на Халхин-Голе²,

---

* Авторы главы — Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова.

¹ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. Часть I. М., 2019; Часть II.

² Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе. Москва — Улан-Батор, 2009.

сборник научных статей³, фотоальбом⁴, сборник документов, раскрывающих особенности военного строительства Монгольской народно-революционной армии и боевое содружество вооруженных сил СССР и МНР⁵, коллективная монография, посвященная истории Монголии в годы Второй мировой войны, которой предшествовали события на реке Халхин-Гол⁶. И это не считая сотен статей, в том числе и историографического характера. А в журнале «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» была открыта специальная рубрика, посвященная 80-летию победы на р. Халхин-Гол⁷.

В августе 2019 г. по заказу правительства Республики Бурятия творческий коллектив Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН совместно с сотрудниками Государственного архива Республики Бурятия, при участии сотрудников Центра исследований военной истории НИИ Обороны Монголии издал коллективную монографию «Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора “Миссури”. К 80-летию победы на реке Халхин-Гол»⁸, которая стала заметным вкладом в изучение истории военного содружества двух стран.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) содержит оригинальные документы, посвященные событиям на реке Халхин-Гол, которые находятся на хранении в разных фондах. Эти документы были представлены на юбилейной научной конференции в Улан-Баторе в военном университете Министерства обороны Монголии, посвященной 80-летию событий на реке Халхин-Гол⁹.

---

³ От Халхин-Гола до линкора «Миссури»: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2010.

⁴ Монголия во Второй мировой войне: фотоальбом. Иркутск, 2011.

⁵ Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.): сб. док. Улан-Удэ — Улан-Батор, 2011.

⁶ Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). Иркутск, 2017.

⁷ Цыбенков Б. Д., Курас Л. В., Батунаев Э. В. Современная монгольская историография событий на р. Халхин-Гол // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4(36); Прямыцын В. Н. Советско-монгольское сотрудничество в сфере военной гидрометеорологии в 1930-е гг. (малоизвестная страница истории дружбы российского и монгольского народов) // Там же.

⁸ Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора «Миссури». К 80-летию победы на реке Халхин-Гол. Иркутск, 2019.

⁹ Базаров Б. В., Курас Л. В. Документы Государственного архива Республики Бурятия о событиях на реке Халхин-Гол (1939 г.) // Халхын голын дайн-80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улан-Батор, 2019.

Документы условно можно разделить на 6 сегментов: 1) фотофонд, содержащий немногочисленные фотографии уроженцев Республики Бурятия — участников событий на реке Халхин-Гол; 2) копии документов из Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива кино- и фотодокументов (РГАКФД), Центрального архива Министерства обороны Монголии (ЦАМО Монголии), фонда профессора И. И. Кузнецова из Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), предоставленные ГАРБ для подготовки юбилейной выставки; 3) документы ГАРБ из фонда Ф. П-1 (архив Бурятского ОК КПСС), а также фондов Р-248 «Совет Министров Республики Бурятия» и Р-665 «Министерство здравоохранения Республики Бурятия»; 4) воспоминания уроженцев Республики Бурятия — участников событий на р. Халхин-Гол; 5) публикации на страницах республиканской газеты — органа Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), ЦИК БМАССР и Улан-Удэнского ГК ВКП(б) — «Бурят-Монгольская правда» за 1939 г. и последующие 1940–1941 гг.; 6) печальный список уроженцев Бурятии, которые погибли либо пропали без вести на полях сражений у реки Халхин-Гол.

Фотофонд

В фотофонде ГАРБ хранятся десятки тысяч фотографий, которые объединены, в том числе и по Халхин-Голу, в единый фонд под названием «Коллекция фотодокументов ГАРБ». По истории событий на реке Халхин-Гол фонд представлен перечнем немногочисленных фотографий числом всего 18 единиц хранения (табл. 1). Тем не менее они представляют несомненный интерес, поскольку являются послевоенными фотографиями, охватывающими период продолжительностью в 40 лет — с 1969 по 2009 г. Фотографии интересны по ряду причин. Во-первых, обозначением нижней границы фотодокументов. Это обусловлено тем, что всенародное празднование великого дня Победы началось в 1965 г., к 20-летию Победы. Соответственно, в 1969 г. в России и Монголии начали широко отмечать юбилей совместной победы на р. Халхин-Гол. Во-вторых, это свидетельство памяти и непреходящего интереса к событиям 80-летней давности. Например, фотографии открытия в г. Кяхта мемориальной доски участнику событий на р. Халхин-Гол полковнику И. Г. Старчаку. Там же, в Кяхте, запечатлено открытие единственного в России на тот период времени памятника

советско-монгольским воинам, павшим в боях на р. Халхин-Гол, открытие которого было приурочено к 70-летию Победы в сражении на реке Халхин-Гол. В-третьих, достоянием широкой общественности стали фотографии уроженцев Бурятии — участников событий на р. Халхин-Гол; в-четвертых, эти фотографии отражают политику государства по отношению к военно-боевой истории наших народов и являются важнейшим воспитательным фактором. В частности, на фотографиях запечатлены автопробег по маршруту Улан-Удэ — Халхин-Гол — Чита; легкоатлетический пробег по маршруту Улан-Удэ — Улан-Батор, посвященные юбилеям событий на Халхин-Голе.

Документы Российского государственного военного архива (РГВА)

Из документов, предоставленных ГАРБ другими архивами, наибольший интерес представляют документы РГВА. Этот блок содержит 6 документов (табл. 2): а) докладная записка от 16 мая 1939 г. о провокациях японцев на участке II Халхин-гольского отряда за период с 1 января 1939 г. по 10 мая 1939 г.; б) сводка о политико-моральном состоянии частей 57-го особого корпуса, находящихся в районе событий (по донесениям комиссара и начальника политотдела корпуса) от 10 июня 1939 г.; в) боевой приказ № 0068 КП Командующего 1-й армейской группы г. Хамар-Даба о решительном наступлении войск 1-й армейской группы 20 августа 1939 г. от 17 августа 1939 г.; г) шифровка от 22 августа 1939 г. № 22023/III в отдел Генштаба РККА, ПУРККА, НКО СССР с отчетом о боевых действиях за 21 августа 1939 г.; д) приказ действующим частям корпуса о мероприятиях, необходимых для завершения разгрома японской армии в районе Халхин-Гола от 25 августа 1939 г.; е) письмо командующего фронтовой группы Г. М. Штерна Народному комиссару обороны СССР, маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову об успехах Первой армейской группы за весь период боевых действий в районе Халхин-Гола от 16 сентября 1939 г.

Документы ГАРБ Ф. П-1 (бывший архив ОК КПСС) фондов Р-248 и Р-665

Этот сегмент представлен четырьмя единицами хранения: а) доклад о международном положении СССР от 15 июля 1939 г. из протокола совещания партийно-военных работников БМР при ОК ВКП(б), проводимого в разгар военных действий

на Халхин-Голе. На совещании присутствовало 64 представителя партийных организаций, военкоматов и воинских частей, расквартированных на территории республики (Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3559. Л. 38–49); б) материалы к докладу «К 50-летию победы советской и монгольской армий над японскими агрессорами в районе реки Халхин-Гол». В докладе дается сжатая характеристика хода военных действий за май — сентябрь 1939 г. с указанием численности живой силы и техники с обеих сторон, а также нескольких десятков имен бойцов и командиров, награжденных за мужество и отвагу (Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10481. Л. 11–14); в) письмо от 22 октября 1939 г. Председателю Верховного Совета БМАССР Бельгаеву, Председателю СНК Иванову, секретарю обкома ВКП(б) Игнатьеву от бойцов, командиров и политработников отдельного погранбатальона, отправляющегося для несения службы в МНР, с благодарностью за отеческую заботу и подарки (Ф. Р. 248. Оп. 2. Д. 56. Л. 341–341об.); г) благодарственное письмо командира Ф. Е. Савельева от 11 ноября 1939 г., раненного в бою во время халхин-гольских событий, в адрес врачей военного госпиталя Верхнеудинска, спасших ему ногу от ампутации (Ф. 665. Оп. 1. Д. 24. Л. 52–54).

Воспоминания участников событий на р. Халхин-Гол

Воспоминания о событиях 80-летней давности оказались наименее изученными в истории военных действий на реке Халхин-Гол. Возможно, это обусловлено тем, что за Халхин-Голом последовала Великая Отечественная война, на фоне которой военные действия 1939 г. на Дальнем Востоке воспринимались в обыденном сознании как военный инцидент. Тем ценнее для исследователей представляется блок воспоминаний участников событий на р. Халхин-Гол, находящихся на хранении в Ф. Р. 2117 «Коллекция документов бурятской республиканской редакционной коллегии “Книга памяти” по увековечению памяти участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» ГАРБ (Ф. Р. 2117. Оп. 1. Д. 89. Л. 8–26). Фонд включает в себя и несколько воспоминаний участников боевых действий на реке Халхин-Гол. Это воспоминания водителя бронемашины разведывательного батальона 149-го мотострелкового полка под командованием будущего Героя Советского Союза полковника Ремизова, Очирова, получившего тяжелое ранение в августе 1939 г. (Л. 8–9); воспоминания танкиста Суслова и стрелка Лыжина, записанные журналистом П. Л. Натаевым (Л. 10–12); запись беседы журналиста Ю. Б. Богомолова с участником событий на р. Халхин-Гол Линхоевым, опубликованной в сборнике

«На берегах Халхин-Гола»¹⁰ (Л. 13–15); воспоминания мл. лейтенанта, командира стрелкового взвода И. Л. Турунтаева в записи Я. Дунаева от 25 июня 1996 г. (Л. 16–17); воспоминания уроженца Кяхты, пулеметчика Сретенского полка А. Н. Мостового в записи П. Л. Натаева (Л. 18–21); воспоминания военного техника второго ранга авиационно-истребительного полка И. Е. Михеева в записи Я. Дунаева (Л. 22–23); воспоминания бойца С. М. Марчука в литературной записи А. Н. Ковалева (Л. 24–26). К этому блоку примыкает аналитическая справка, сделанная сотрудником Национального архива Республики Бурятия (ныне Государственный архив Республики Бурятия) Г. С. Нижниновым 24 мая 2004 г. на основе документальных материалов к 65-летию Победы на реке Халхин-Гол, об участии уроженцев Республики Бурятия в военных действиях, находящихся на хранении в ГАРБ (Ф. Р. 222. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4об.). Все воспоминания, несмотря на их краткость и литературную обработку, вызывают чувство уважения и сопричастности и являются важным источником для дальнейшего изучения исторического прошлого нашего Отечества.

Публикации на страницах республиканской газеты «Бурят-Монгольская правда»

Периодическая печать, и прежде всего газета, является важным и самостоятельным историческим источником, формирующим общественное мнение, осуществление идеологического воздействия государства и информационного обслуживания населения. В этой связи центральная и республиканская печать сыграла важную роль в отражении и оценке событий на реке Халхин-Гол. Поэтому материалы на страницах республиканской газеты, отражающие события 80-летней давности, являются неотъемлемой частью источниковой базы, находящейся на хранении в ГАРБ (табл. 3). Это 14 публикаций, охватывающих период от 28 июня по 15 сентября 1939 г., помещенных на первой полосе газеты. Из них 12 публикаций являются официальными материалами Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), остальные — редакционные материалы. Названия статей и сами материалы краткие, как сводки военных действий, раскрывающие суть событий. Например, «Просим правительство выпустить новый заем обороны СССР» от 28 июня 1939 г.; «Защитим дружественную нам Монголию» от 28 июня 1939 г.; «Готовы в любое время

---

¹⁰ На берегах Халхин-Гола. Улан-Удэ, 1989.

встать на защиту границ дружественной нам Монголии» от 28 июня 1939 г.; «Японские провокации продолжаются» от 28 июля 1939 г.; «Япония не успокаивается» от 8 августа 1939 г. Следует особо выделить номера газеты за 28 и 29 июня 1939 г., в которых первая полоса полностью посвящена событиям на Халхин-Голе. При этом номер за 28 июня открывает набранный крупным шрифтом тезис Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова, расположенный в правом верхнем углу полосы: «Границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу» (Приложение 1). В номере за 29 июня в правом верхнем углу первой полосы помещен тезис И. В. Сталина: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике» (Приложение 2). Сам факт публикации тезисов руководителей Советского государства — это не только свидетельство братской помощи и гарантии неукоснительного выполнения договорных обязательств, но и руководство к действию.

Следует особо выделить материал «Опровержение ТАСС» от 15 сентября 1939 г. как пример того, что уже тогда, в далеком 1939 г., началась информационная война с западной прессой. Опровержение последовало вслед за сообщением агентства Рейтер о том, что в результате успешных военных действий советско-монгольские войска заняли значительную часть маньчжурской территории.

В этом же блоке следует выделить еще 4 сообщения: по два за 1940 г. и за 1941 г. Так, в числе официальных сообщений важное место занимает сообщение ТАСС «О потерях японской авиации на Халхин-Голе» от 11 июля 1940 г. и публикация от 15 апреля 1941 г. официального документа «Заключение пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией», подписанного сторонами 13 апреля 1941 г. в Москве.

Тем самым республиканская пресса транслировала оперативный материал и сообщения ТАСС об успешных военных действиях на реке Халхин-Гол, формировала образ советского воина-освободителя и вселяла уверенность в нерушимости границ Советского государства и её союзника — Монгольской Народной Республики, а её читатели были постоянно в гуще политических событий. Кроме того, Советское государство делало достоянием широкой общественности фактический материал о ходе военных действий, потерях противника в живой силе и технике, ставший

в последующие годы документальной базой научных исследований.

Список уроженцев Республики Бурятия, погибших и пропавших без вести на полях сражений у р. Халхин-Гол

Печальный мартиролог сосредоточен в Ф. Р. 2117 ГАРБ «Коллекция документов бурятской республиканской редакционной коллегии “Книга памяти” по увековечению памяти участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Ф. Р. 2117. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–65). Список максимально насыщен и составлен по определенной форме, включающей самые необходимые сведения: фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения; национальность; дата призыва и орган призыва; партийность и воинское звание; место гибели и захоронения; основание (ГАРБ: фонд, описание, единица хранения, лист). Список, которым мы сегодня располагаем, составляет 387 имен уроженцев Республики Бурятия и представлен нами в качестве приложения в коллективной монографии «Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора “Миссури”».

Следует отметить, что список этот далеко не полный. Благодаря многолетней деятельности республиканского поискового отряда «Рысь» и монгольских поисковиков этот список постоянно пополняется.

***

23 августа 2019 г. в Улан-Удэ открылась передвижная Историко-документальная межархивная выставка с международным участием «Память и нетленная слава побратавшихся стран»: к 80-летию событий на реке Халхин-Гол, организованная Государственным архивом Республики Бурятия, которая до конца 2019 г. демонстрировалась на предприятиях и в учебных заведениях г. Улан-Удэ. На этой выставке были представлены все рассмотренные нами документы.

И еще два значимых для Республики Бурятия и для Монголии события: 1) 30 августа на сопке Ремизова в пригороде г. Чойбалсан по инициативе и на средства правительства Республики Бурятия был открыт памятник «Воинам Бурятии — участникам боев на р. Халхин-Гол», где по периметру постамента высечены имена 387 уроженцев Бурятии, погибших и пропавших без вести в сражении на р. Халхин-Гол; 2) 15 сентября в столице республики, г. Улан-Удэ, впервые в истории Республики Бурятия состоялось торжественное собрание общественности города

и 2-тысячный парад юнармейцев, посвященные героическим событиям на р. Халхин-Гол.

Таким образом, источники по истории победы советско-монгольского оружия на реке Халхин-Гол, находящиеся на постоянном хранении в Государственном архиве Республики Бурятия, достаточно разнообразны, информационно насыщены и позволяют дать более полное представление о событиях 80-летней давности, а также показать место и роль Республики Бурятия в достижении победы на р. Халхин-Гол.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ):

- а) Коллекция фотодокументов ГАРБ. Фото: 973, 2675, 4085, 952, 2462, 2663, 3018, 5252, 5916, 6370, 7457, 6310, 6366, 7557, 7558, 12763.
- б) Ф. П-1. Бурятский Обком КПСС. Оп. 1. Д. 3559. Л. 38–49; Д. 10481. Л. 11–14.
- в) Ф. Р-248. Совет Министров Республики Бурятия. Оп. 2. Д. 56. Л. 341–341об.
- г) Ф. Р-665. Министерство здравоохранения Республики Бурятия. Оп. 1. Д. 24. Л. 52–54.
- д) Ф. Р-2117. Коллекция документов Бурятской республиканской редакционной коллегии «Книги Памяти» по увековечению памяти участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–65; Д. 89. Л. 8–26.
- е) Ф. Р. 222. Петровский овчинно-шубный кожевенный, мыловаренный и мукомольный завод. г. Петровск-Забайкальский. Оп.1. Д. 32. Л. 1–4об.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32113. Оп.1. Д. 2031. Л. 6–11; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1200. Л. 125–134; Ф. 32113. Оп.1. Д. 6701. Л. 30–34; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 100–104; Ф. 9. Оп. 29. Д. 428. Л. 42; Ф. 37837. Оп. 3. Д. 342. Л. 19.

- Базаров Б. В., Курас Л. В. Документы Государственного архива Республики Бурятия о событиях на реке Халхин-Гол (1939 г.) // Халхын голын дайн-80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улан-Батор, 2019.
- Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора «Миссури». К 80-летию победы на реке Халхин-Гол. Иркутск, 2019.
- Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). Иркутск, 2017.
- Монголия во Второй мировой войне: Фотоальбом. Иркутск, 2011.
- На берегах Халхин-Гола. Улан-Удэ, 1989.
- От Халхин-Гола до линкора «Миссури»: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2010.
- Прямыцын В. Н. Советско-монгольское сотрудничество в сфере военной гидрометеорологии в 1930-е гг. (малоизвестная страница истории дружбы российского и монгольского народов) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4(36).
- Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. Часть I. М., 2019; Часть II.
- Российско-монгольское военное сотрудничество: от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.): сб. док. Улан-Удэ — Улан-Батор, 2011.
- Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе. Москва — Улан-Батор, 2009.
- Цыбенков Б. Д., Курас Л. В., Батунаев Э. В. Современная монгольская историография событий на р. Халхин-Гол // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4(36).

Таблица 1

Перечень фотографий по истории Халхин-Гола

Дата	Аннотация	Основание
1939	Хорлоогийн Чойбалсан и командующий 1-й армейской группой Георгий Константинович Жуков. Р. Халхин-Гол, МНР	ГАРБ. Фотофонд. Фото 973
1969	Конференция, посвященная 30-летию Халхин-Гола с участием монгольских и московских гостей в конференц-зале Совета Министров Бурятской АССР, г. Улан-Удэ.	ГАРБ. Фотофонд. Фото 2675
1969	Открытие памятника советско-монгольской дружбы, скрепленной кровью в боях за Халхин-Гол. Кяхтинский район.	ГАРБ. Фотофонд. Фото 4085
1971	Консул МНР Тумур Очир и сопровождающие его лица у памятника героям Халхин-Гола в г. Кяхта.	ГАРБ. Фотофонд. Фото 952
1975	Мемориал 30-летия сражений на Халхин-Голе по трассе Улан-Удэ — Кяхта	ГАРБ. Фотофонд. Фото 2462
1979	Командный пункт Жукова Г. К., находившийся в районе реки Халхин-Гол, с которого Георгий Константинович руководил советскими и монгольскими войсками в 1939 г. по разгрому японских милитаристов	ГАРБ. Фотофонд. Фото 3663
1981	Участники боев на Халхин-Голе Бадмаев Э. Г. и Молонов Д-Д.Р. в день вручения им медалей «40 лет победы на реке Халхин-Гол» в Кяхтинском райвоенкомате. г. Кяхта	ГАРБ. Фотофонд. Фото 3018

Глава 7. События на реке Халхин-Гол (1939 г.) в документах...

27.05.1986	Б.Д. Балханов — ветеран ВОВ, участвовал в боях на Халхин-Голе, в обороне Ленинграда, освобождении Киева. г. Улан-Удэ	ГАРБ. Фотофонд. Фото 5252
6.07.1988	Ш.Б. Зуртаков — ветеран войны и труда, участник боев на Халхин-Голе с Японией. г. Улан-Удэ	ГАРБ. Фотофонд. Фото 5916
9.09. 1989	Участник автопробега Улан-Удэ — Халхин-Гол — Чита, организованного ЦК ДОСААФ, посвященного 50-летию Победы на Халхин-Голе. г. Улан-Удэ	ГАРБ. Фотофонд. Фото 6370
29.09. 1989	Участники боев на р. Халхин-Гол, ветераны Ольховатский В. П. (2-й слева) и Смирнов А. А., г. Улан-Удэ	ГАРБ. Фотофонд. Фото 7457
09. 1989	Коренев Степан Алексеевич — ветеран войны и труда, участник Великой Отечественной войны, воевал на Халхин-Голе. Встречался с маршалом Жуковым Г. К. Имеет много правительственных наград СССР и МНР. Находится в кругу своей семьи	ГАРБ. Фотофонд. Фото 6310
07.10. 1989	Международный легкоатлетический пробег Улан-Удэ — Улан-Батор, посвященный 50-летию Победы на Халхин-Голе «По дорогам дружбы».	ГАРБ. Фотофонд. Фото 6366
10. 1989	Участники боев на Халхин-Голе. Слева направо: Климов Г. Ф., Гомбожав (МНР), Колодин Е. А. г. Улан-Удэ	ГАРБ. Фотофонд. Фото 6285

1993	Ветеран войны и труда Пашков Иван Павлович живет в с. Тамир Кяхтинского района. Участник Халхин-Гола и Великой Отечественной войны гвардеец, награжден орденом «Полярная звезда», «Отечественной войны», медалью «50 лет Халхин-Голу» и многими медалями Родины. г. Кяхта	ГАРБ. Фотофонд. Фото 7557
1993	В.А. Бурлаков — ветеран войны и труда, имеет награды: ордена Красной Звезды, Славы III степени и 15 медалей, в т.ч. за Халхин-Гол. г. Кяхта	ГАРБ. Фотофонд. Фото 7558
05. 2008	Открытие мемориальной доски Старчака Ивана Георгиевича на улице, носящей его имя в г. Кяхта — ветерана Вооруженных сил СССР, Заслуженного мастера спорта СССР, почетного гражданина городов Кяхта и Юхнов, участника боев против Унгерна, боев на р. Халхин-Гол, ВОВ.	ГАРБ. Фотофонд. Фото 12763
10.09. 2009	Открытие единственного в России памятника советско-монгольским воинам, павшим в боях на р. Халхин-Гол, приуроченное к 70-летию победы на реке Халхин-Гол. г. Кяхта	ГАРБ. Фотофонд. Фото 12763

**Перечень документов
Российского государственного военного архива (РГВА)
по событиям на р. Халхин-Гол**

Дата	Аннотация	Основание
16 мая 1939 г.	Докладная записка о провокациях японцев на участке II Халхин-гольского отряда за период с 01 января 1939 по 10 мая 1939 г.	РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 2031. . 6–11.
10 июня 1939 г.	Сводка о политико-моральном состоянии частей 57 особого корпуса, находящихся в районе событий (по донесениям комиссара и начальника политотдела корпуса)	РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1200. Л. 125–134.
17 августа 1939 г.	Боевой приказ № 0068 КП Командующего 1 армейской группы г. Хамар-Даба о решительном наступлении войск 1 армейской группы 20 августа 1939 г.	РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 6701. Л. 30–34.
22 августа 1939 г.	Шифровка № 22023/III в отдел Генштаба РК-КА, ПУРККА, НКО ССР с отчетом о боевых действиях за 21 августа 1939 г.	РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 60. Л. 100–104.
25 августа 1939 г.	Приказ действующим частям корпуса о мероприятиях, необходимых для завершения разгрома японской армии в районе Халхин-Гола	РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 428. Л. 42.

16 сентября 1939 г.	Письмо командующего фронтовой группы Штерна Народному комиссару обороны СССР, маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову об успехах Первой армейской группы за весь период боевых действий в районе Халхин-Гола	РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 342. Л. 19.
------------------------	--	--

Таблица 3

«Бурят-Монгольская правда» о событиях на реке Халхин-Гол

Год, число, месяц	Название статьи
1939 г. 28 июня	Защитим дружественную нам Монголию (редакционная)
1939 г. 28 июня	Просим правительство выпустить новый заем обороны СССР (редакционная)
1939 г. 28 июня	Сообщение ТАСС
1939 г. 28 июня	«Границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу» (В. М. Молотов)
1939 г. 29 июня	«В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике» (И. Сталин) Будем защищать МНР как свою собственную страну (ТАСС)
1939 г. 30 июня	В последний час. Японская провокация продолжается (ТАСС)
1939 г. 8 июля	Японские провокаторы не успокаиваются (ТАСС)

Глава 7. События на реке Халхин-Гол (1939 г.) в документах...

1939 г. 14 июля	Монгольская Народная Республика (ТАСС)
1939 г. 15 июля	Японо-маньчжурские провокации продолжаются (ТАСС)
1939 г. 16 июля	Действительная граница МНР с Маньчжурией в районе озера Буир-Нур (ТАСС)
1939 г. 24 июля	Новое нарушение границы японскими войсками (ТАСС)
1939 г. 28 июля	Японская провокация продолжается (ТАСС)
1939 г. 8 августа	Японцы не успокаиваются (ТАСС)
1939 г. 15 сентября	Опровержение ТАСС
1940 г. 11 июня	Соглашение об уточнении границы в районе прошлогоднего конфликта на реке Халхин-Гол (ТАСС)
1940 г. 11 июля	Сообщение ТАСС. О потерях японской авиации на Халхин-Голе
1941 г. 15 апреля	Заключение пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией (ТАСС)
1941 г. 15 апреля	Пакт о нейтралитете между СССР и Японией (ТАСС)

Глава 8*

СОБЫТИЯ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ И США

(по материалам американского архива)

Глава основана на архивных документах, известных как «Внешняя политика Соединенных Штатов», издаваемых ежегодно Государственным департаментом США¹. Событиям на Халхин-Голе посвящены документы из тома «Foreign Relations, 1939. Volume III». В основном это информационные материалы — сообщения послов или ВРИО послов из Москвы, Токио и Пекина в Госдепартамент и меморандумы самого Госдепа аналитического характера.

Еще до начала событий врио американского посла в Москве Александр Кирк 17 марта 1939 г. подробно излагал статью Григория Михайловича Штерна. Командующий 1-й Отдельной Дальневосточной армией, герой Хасана, писал о том, что бои у озера Хасан продемонстрировали лучшую оснащенность боевой техникой Красной Армии, чем у противника. Он упоминал о тяжелых потерях японцев в тех событиях и предупреждал, что Япония готовится к новым столкновениям. В доказательство он приводил тот факт, что с 1934 г. протяженность железных дорог в Маньчжурии увеличилась с 6,5 тыс. км до 11 тыс., а количество войск, включая Корею, с 95 тыс. до 400 тыс. В статье говорилось о подготовке Японии к нападению на Внешнюю Монголию (МНР) и подчеркивалось, что Красная Армия полностью готова к защите советского Дальнего Востока².

8 августа американский посол в Москве Лоуренс Штейнгардт передавал сведения своего военного атташе. Ссылаясь на «три надежных источника», тот сообщал о значительных передвижениях войск из Уральского военного округа, из южной

---

* Автор главы — К. О. Саркисов.

¹ United States Department of State. Foreign relations of the United States diplomatic papers (FRUS). Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office.

² FRUS, 1939. Vol. III. P. 17.

и юго-восточной частей европейской России на Дальний Восток. Подчеркивая, что эти передвижения происходят уже около двух недель или двух месяцев, добавлял, что войска на западных границах страны остаются на своих местах на случай событий в Европе. От себя посол отметил, что в разговоре с ним заместитель В. М. Молотова В. П. Потемкин признал, что «на маньчжурско-монгольской границе» продолжаются бои, и хотя войска на западных границах остаются на своих местах, передвижения из остальных частей европейской России «существенные». Тем не менее, по мнению Штейнгардта, *не было никаких свидетельств того, что советское правительство хочет расширения масштабов конфликта*³.

Причинам вооруженного столкновения при Халхин-Голе посвящена телеграмма ВРИО посла США в Токио Юджина Думана. Она была отправлена поздно вечером 26 августа. В ней Думан пересказывал лишь то, что ему говорили в японском МИД. Согласно этой версии, *японские военные какое-то время терпели традиционные перемещения кочевых племен из Внешней Монголии во Внутреннюю на рынки для продажи скота. Однако в последнее время, опасаясь оттока денег из Внутренней во Внешнюю Монголию, они прикрыли некоторые из этих рынков. 8 мая 1939 г. «кочевые монгольские торговцы» с большими отарами овец и домашнего скота пересекли реку Халху и направились на территорию, которая считалась территорией Маньчжоу-Го. Их сопровождали советские пограничники. Здесь и произошло первое столкновение японских и советских войск. Обе стороны получили подкрепления. Очень коротко японский МИД информировал о результатах боев, делая акцент, что и советские войска и Квантунская армия получили приказы отойти на линию до начала боев*⁴.

28 августа об интенсивных боях и усиленной бомбардировке японских позиций с советской стороны в Вашингтон сообщал советник американского посольства в Пекине Фрэнк Локхарт, ссылавшийся на информацию из Мукдена⁵.

Сообщение о том, что в боях японская сторона понесла тяжелые потери, Госдеп получил от своего посла в Париже Уильяма Буллита от 11 сентября 1939 г. Он же информировал о короткой беседе с французским послом в Вашингтоне Рене де Сен-Квинтином, что американское правительство располагает

³ Ibid. P. 50.

⁴ Ibid. P. 46, 47.

⁵ Ibid. P. 59.

информацией о желании Берлина добиться соглашения между Москвой и Токио⁶.

Именно этому — возможному сближению Москвы и Токио — было приковано внимание Вашингтона после того, как бои при Халхин-Голе завершились явной победой советских войск.

6 сентября 1939 г. Сталин, что делал крайне редко, лично написал телеграмму советскому полпреду в Чунцине А. С. Панюшкину с поручением дать знать Чан Кайши, что слухи о советско-японском сближении не имеют под собой почвы. В телеграмме говорилось следующее: *«Не понимаем, почему волнуется Чан Кайши. Слухи о том, что будто бы японцы предложили СССР пакт ненападения и что будто бы ведутся об этом переговоры, лишены всякого основания. Чан Кайши должен знать, что если бы у нас с кем-либо велись переговоры по вопросам Дальнего Востока, то его первого информировали бы мы»*⁷.

Первое предложение в этой телеграмме было вполне искренним. Что же касается ее второй части, то оно могло служить примером дипломатического лицемерия. Чан Кайши был бы как раз последним, которого бы информировали о каких-либо переменах, как это было спустя два года, в апреле 1941 г., при подписании советско-японского договора о нейтралитете.

Анализ того, к каким геополитическим последствиям приведет конфликт и его завершение, прислал Ю. Думан из Токио 12 сентября. Он напоминал, что *еще в конце 1938 г. Берлин предлагал Токио заключить полноценный военный союз с обязательством воевать друг за друга. Это предложение осталось в наследство от Кабинета Коноэ премьер-министру Хиранума (5 января — 30 августа 1939 г.). В ходе обсуждения за такой договор выступила армия, утверждая, что это усилит возможности давления на Англию, Францию и Советский Союз на Дальнем Востоке. Против выступили сам Хиранума, адмирал Мицумаса и министр иностранных дел Арита по очевидной причине: договор заставит Японию воевать за Германию в Европе. Они предлагали Берлину усеченный вариант договора только в отношении Советского Союза, на что Берлин не пошел. В самый последний момент, когда в Токио просочились сведения о намечающемся советско-германском пакте о ненападении, Токио предложил, что в договоре в принципе будет условие, что Япония сама будет решать, направлять свои войска на помощь*

---

⁶ Ibid. P. 242, 243.

⁷ Документы внешней политики СССР. 1939 г. М., 1992. С. 33 (далее — ДВПС. 1939).

германским или нет. Пакт о ненападении 21 августа 1939 г. был принят в Токио как предательство со стороны Берлина и нарушение Антиккоминтерновского пакта. Таково было решение заседания Кабинета министров 25 августа и принято решение прекратить переговоры об усилении Антиккоминтерновского пакта. В день подписания пакта в Москве германский посол Отт, ничего не подозревая, отдыхал в Каруидзава и только 23 августа попросил о встрече с Арита. О содержании этой беседы Думану стало известно буквально через час после ее окончания. Арита сообщил, что после заключения московского пакта не может полагаться на помощь Германии в решении своих проблем с Россией и не может позволить себе зависть от милости Германии. Уже в заявлении генсека Кабинета министров 25 августа говорилось о том, что Япония будет отныне проводить свободную и независимую политику.

Это был момент, когда японская внешняя политика оказалась на перепутье. Московский пакт заставил уйти в отставку Хиранума. В первых заявлениях нового премьер-министра Абэ Нобуюки это было очень заметно⁸.

15 сентября Л. Штейнгардт сообщал госсекретарю К. Халлу о серии встреч В. М. Молотова с японским послом Того, добавляя, что его «информант» в советской столице считает возможным заключение аналогичного пакта о ненападении между Москвой и Токио. Косвенно об этом говорил факт назначения нового советского посла Константина Александровича Сметанина вместо Михаила Михайловича Славуцкого, который был назначен в сентябре 1937 г., но очень быстро попросился домой. Ему дважды отказывал Сталин. Но он в 1938 г. самовольно с семьей вернулся в Москву и так и не возвращался в Токио. Спустя полгода его уволили из МИДа. В 1940 г. он был арестован, и его должны были, как это было принято, расстрелять. Его спасла дочь, которая училась вместе со Светланой Аллилуевой в МГУ. Та передала отцу письмо. К. А. Сметанин также развил бурную деятельность.

20 сентября 1939 г. японское посольство в Вашингтоне направило в Государственный департамент специальную ноту, опровергающую слухи о сближении с Москвой. В ней говорилось, что перемирие после событий на Халхин-Голе связано с тем, что главной целью Японии является решение конфликта с Китаем и ее нежеланием втягиваться в другие конфликты.

⁸ Асахи. 01.09.1939.

Перед этим, 18 сентября, Ю. Думан сообщал, что нет никаких доказательств, что Германия заставила Японию подписать соглашение о перемирии от 16 сентября. О том, что у Германии было мало рычагов давления на Сталина в японском вопросе, свидетельствовала и беседа вождя с германским министром иностранных дел после боев на Халхин-Голе.

28 сентября 1939 г. в Кремле Сталин во второй раз встречался с И. Риббентропом. Помимо прочего германский министр заметил, что от германского посла в Токио была получена телеграмма, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы достичь компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

На это Сталин отвечал, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: министр-президент Абе до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем господин фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, и на них можно действовать только силой. В августовские дни, приблизительно во время первого визита господина Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и предложил перемирие. В это же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тысяч человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тысяч трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались⁹.

Причину неожиданного желания японских военных найти общий язык с Советским Союзом объяснял в своей телеграмме госсекретарю Халлу американский посол Джозеф Гру: *военные*

---

⁹ ДВПС. 1939. С. 616.

склонны к «взаимопониманию с СССР», хотя остаются настроенными антисоветски. Дело в том, что главная их задача закончить дела в Китае.

Это было вполне понятно. К середине 1938 г. ситуация с агрессией в Китае достигла своей кульминации. Были оккупированы основные города Северного и Центрального Китая, но добиться своей главной цели — свергнуть правительство Чан Кайши — не удалось. Из Нанкина оно переместилось в Чанчунь и продолжало функционировать. Теперь война в Китае перешла в затяжную стадию, чего военные старались с самого начала избежать. Теперь им предстояло изнурительно противостояние с непобежденным противником на его обширной территории с плохими дорогами, враждебным населением и партизанами.

Сближение Сталина с Гитлером породило на Западе слухи о возможном его сговоре с Токио о разделе Китая. Посол США во Франции У. Буллит сообщал в Госдеп о своем разговоре с французским послом в Советском Союзе Поль-Эмилем Нагьяром в Париже 10 ноября 1939 г. Тот торопился вернуться в советскую столицу, чтобы проверить слух о том, что *около недели назад советское правительство предложило японскому правительству урегулировать разногласия и сотрудничать в разделе Китая... В ответ на скептические замечания на этот счет посол настаивал, что советские предложения очень серьезны. Советское влияние в Синьцзяне настолько велико, что эта провинция контролируется Советами так же, как и Внешняя Монголия. Он лично не сомневается в вероятности того, что проводимые в настоящее время переговоры могут привести к полному разделу Китая между Советским Союзом и Японией аналогично разделу Польши*¹⁰.

В меморандуме Джорджа Атчесона, директора Дальневосточного отдела Госдепартамента, после долгих рассуждений был сделан вывод о том, что японо-советское сближение в Китае скорее всего невозможно. В пользу этого аргументов значительно меньше, чем против¹¹.

Материалы Госдепартамента, переписка Вашингтона со своими посланцами в Москве, Токио и Пекине, а также другие материалы позволяют считать, что конфликт на Халхин-Голе интересовал американскую дипломатию не столько с точки зрения его причин и хода, сколько его последствий. В отличие от Германии, Великобритании, Франции и других европейских стран в США

¹⁰ FRUS. 1939. Vol. III. P. 79.

¹¹ Ibid. P. 76.

не очень внимательно следили за началом и развитием событий, полагая его региональным конфликтом без особой перспективы перерасти в войну между двумя странами. Поражение Японии породило много предположений и слухов о замирении Японии с Советским Союзом при посредничестве Германии на общей фобии в отношении «ангლოსаксов».

В 1939 г. такая вероятность была чисто теоретической, а в апреле 1941 г. уже без посредничества Германии и даже вопреки ей она была реализована в японо-советском Пакте о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Во время встречи в Кремле со Сталиным 23 марта 1941 г. Мацуока Ёсукэ говорил о лозунге, которого придерживается Япония: *«Долой капитализм и индивидуализм. Для этого необходимо уничтожить ангლოსаксов ... и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы готовы идти рука об руку с вами»*. Сталин, оговариваясь, что никакая идеология не может помешать желанию двух стран сблизиться, тем не менее вставил: *«Что же касается ангლოსаксов... то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить»*¹².

Литература

Беседа Секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с Министром иностранных дел Японии Ё. Мацуока // АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 404. Л. 83–88. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011552>

Документы внешней политики СССР. 1939 г. М., 1992.

United States Department of State. Foreign relations of the United States diplomatic papers. Washington, D. C. U. S. Government Printing Office. Vo. III. 1939.

Асахи. 01.09.1939 (на япон. яз.).

---

¹² Беседа Секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуока / АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 404. Л. 83–88: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011552>

Часть II

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОБЕДЫ

Глава 9*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КОНФЛИКТА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

В политическом отношении вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол (май — сентябрь 1939 г.) обычно рассматривается в рамках двусторонних советско-японских отношений. При его рассмотрении в военно-политическом отношении присутствует и третья сторона — Монгольская Народная Республика, что, конечно, оправданно. Неоправданным является исключение из рассмотрения четвертого участника конфликта — государства Маньчжоу-Го, что, очевидно, объясняется его нынешним существованием лишь в виде фантома, пусть даже с интернет-сайтом.

Правительства, дипломаты, военные и политические аналитики других держав пристально следили за ходом конфликта. Однако в геополитической перспективе еще одну страну следует считать его участником, не прямым, но непосредственно связанным с главными фигурантами — СССР и Японией. Это нацистская Германия.

К началу конфликта Германия считалась противником СССР и союзником Японии. Слово «считалась» здесь не случайно. С одной стороны, в официальной позиции Третьего Рейха доминировала антисоветская риторика, на что советская пропаганда отвечала «антифашистской» риторикой. С другой стороны, Германия не только заключила с Японией Антикоминтерновский пакт (25 ноября 1936 г.), но и вела с ней и с Италией переговоры о его «укреплении», т.е. о превращении идеологической

---

* Автор главы — В. Э. Молодяков.

декларации об общности взглядов в политический, и даже военно-политический, союз с взаимными обязательствами. В СССР не просто следили за этими усилиями, а били тревогу относительно «блока агрессоров» еще до того, как Антикоминтерновский пакт был подписан.

Однако для посвященных ситуация выглядела по-иному. 1 января 1939 г. (не будем углубляться в более ранние события) Б. Муссолини сообщил своему зятю, министру иностранных дел Г. Чиано, что решил принять предложение И. фон Риббентропа о превращении Антикоминтерновского пакта в трехсторонний военный альянс¹ и готов подписать новый договор в последней декаде января. Чиано немедленно составил ответ, который был одобрен дуче и отправлен в Берлин. Довольный Риббентроп заявил, что к концу месяца будут готовы и немцы, и японцы; в последнем рейхсминистре, очевидно, уверил его друг, посол Осима Хироси². 3 января итальянский посол в Берлине Б. Аттолико привез в Рим ответ Риббентропа и высказался за скорейшее заключение союза³.

Тем временем, 4–5 января в Токио сменилось правительство, однако ключевые министры остались на местах. На посту премьер-министра молодого, по японским меркам, и склонного к реформаторским проектам князя Коноэ Фумимаро заменил пожилой консервативный бюрократ Хиранума Киитиро, бывший председатель Тайного совета. Если Коноэ под влиянием своего окружения склонялся к союзу с Германией и Италией, то Хиранума выступал против альянса, налагающего на Японию военные обязательства в отношении третьих стран, и считал целесообразным лишь соглашение, направленное исключительно против СССР. За военно-политический союз выступали армейские круги во главе с военным министром генералом Итагаки Сэйсиро; их поддерживали посол Осима, генерал-лейтенант, и его штатский коллега в Риме Сиратори Тосио⁴. Противником

---

¹ Подробнее см.: Toscano M. *The Origins of the Pact of Steel*. Baltimore, 1963.

² Подробнее см.: Boyd C. *The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934–1939*. Washington, 1982.

³ Ciano G. *Diario, 1939–1943*. Milano, 1968. P. 14–18; *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series D: 1937–1945. Vol. IV–XIII. L., 1949–1983 (далее — DGFP, D). Vol. IV. P. 543–545.*

⁴ Подробнее см.: Молодяков В. *Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) — дипломат, политик, мыслитель*. М., 2006. Гл. 5.

союза с конкретными взаимными обязательствами был прозванный «хамелеоном» министр иностранных дел Арита Хатино, при котором был заключен Антикоминтерновский пакт. Морской министр, адмирал Ёнаи Мицумаса, хотел видеть союз, направленный против Великобритании и США.

6 января Агтолико прислал в Рим исправленный Риббентропом текст пакта. 8 января дуче, по свидетельству Чиано, полностью одобрил текст, лишь немного исправив преамбулу⁵. Дело было за японским правительством, получившим проект Риббентропа в тот же день. По инициативе Арита началось его детальное обсуждение. Глава МИД согласился с включением в число потенциальных противников Великобритании и Франции, но предложил ограничить действия Японии против них политической и экономической, а не военной помощью⁶. 19 января конференция пяти министров⁷ приняла его предложение, о чем он немедленно доложил императору: «Сейчас или в ближайшем будущем Япония окажет военную помощь Германии и Италии только в случае войны с СССР»⁸. 25 января конференция утвердила инструкции в адрес Осима и Сиратори по заключению «Договора о консультациях и взаимной помощи», состав миссии во главе с посланником Ито Нобуфуми, направляемой в Италию и Германию, и предназначенные для нее инструкции⁹.

Новый проект, который Ито лишь в конце февраля (!) привез в Европу, оказался неприемлемым для Риббентропа и Чиано (т.е. для Гитлера и Муссолини), в чем их поддержали Осима и Сиратори. Ито оказался непреклонен в исполнении полученных инструкций и не собирался отступать от них¹⁰. Камнем

⁵ Ciano G. Diario, 1939–1943. P. 21–22.

⁶ Арита Х. Хито-но мэ-но тири-о миру: гайко мондай кайсороку (Видеть соринку в чужом глазу: воспоминания о внешнеполитических проблемах). Токио, 1948. С. 12–14.

⁷ Совещания премьер-министра, министров иностранных дел, военного, морского, финансов с 1936 г. фактически руководили выработкой текущей политики Японии.

⁸ Гэндайси сирё (Материалы по новейшей истории). Токио, 1963. Т. X. С. 210–211.

⁹ Харада К. Сайондзи-ко то сэйкёку (Принц Сайондзи и политическая обстановка). Бэкан (Дополнительный том). Токио, 1956. С. 368–377; Гэндайси сирё. Т. X. С. 211–219; перевод: Japan's Road to the Pacific War. <Vol. III>. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. New York, 1976. P. 273–282.

¹⁰ Гэндайси сирё. Т. X. С. 223–224.

преткновения стал вопрос о направленности будущего договора только против СССР и об ограниченности военной помощи со стороны Японии. Риббентроп сообщил послу в Японии Ойгену Отту: «Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограниченного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий»¹¹, т.е. Франции, Великобритании и США. 4 марта в Берлине Сиратори сказал Аттолико, что не одобряет альянс, направленный исключительно против СССР, потому что конфликт трех держав-участниц с Москвой — лишь один из многих возможных вариантов развития событий. Затем он грустно добавил, что механизм и темпы принятия решений в Японии существенно отличаются от существующих в Европе, особенно в авторитарных условиях Германии и Италии, где все вопросы могут быть решены в течение нескольких часов по телефону.

«Мятежные послы» вступили в конфликт с главой МИД и, опосредованно, с премьером, но к ним не были применены никакие реальные меры воздействия. Арита просто тянул время, предлагая на обсуждение конференции пяти министров новые варианты и поправки. Используя обтекаемые формулировки японского текста, Осима и Сиратори официально заверили собеседников в Берлине и Риме, что в случае войны Германии и Италии против Великобритании и Франции Япония окажет им помощь по мере своих возможностей¹², однако Арита посчитал это прямым нарушением инструкций. 14 апреля он посоветовал прервать переговоры, пока в Токио не будет достигнуто единство мнений, а через неделю предложил Хиранума прямо обратиться к Гитлеру и Муссолини с изложением позиции Японии. 23 апреля глава МИД представил проект послания, но Хиранума не проявил к нему интереса, Итагаки решительно выступил против, и идея была отвергнута¹³.

Сиратори отправился в Берлин на празднование пятидесятилетия Гитлера. Уединившись в ночь с 19 на 20 апреля с японскими послами после юбилейного приема, Риббентроп посетовал, что согласие Токио на предложения Берлина и Рима до сих

---

¹¹ DGFP, D. Vol. VI. P. 337–339; цит. по: Год кризиса. 1938–1939: документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 407.

¹² Гэндайси сирё. Т. X. С. 242, 252–253.

¹³ Арита Х. Хито-но мэ-но тири-о миру. С. 20–21.

пор не получено, и заметил, что в таком случае у фюрера есть единственный выход — немедленно нормализовать отношения с Советским Союзом. Он пояснил, что Лондон и Париж пытаются создать общий фронт против Берлина и Рима с участием Москвы и что Германии ничего не остается, как сорвать этот план, сделав вчерашнего врага союзником. Сиратори воспринял услышанное всерьез, сказав: «Предупреждение Риббентропа о германо-советском сближении полностью соответствует моим давним предположениям. Это несомненная правда, надо немедленно сообщить домой». Осима отмахнулся, объявив услышанное «германским блефом». Посланный в Токио доклад отразил разногласия послов¹⁴. Арита проигнорировал сообщение.

Первые, робкие, признаки нормализации германо-советских отношений наметились еще в январе 1939 г.: подчеркнутое внимание Гитлера к советскому послу А. Ф. Меркалову во время новогоднего приема в рейхсканцелярии 12 января¹⁵ и отсутствие традиционных антисоветских выпадов в его программной речи 30 января. Однако послы не знали, что 7 апреля Риббентроп сказал своему эксперту по Восточной Европе П. Клейсту: «Пожалуйста, попытайтесь улучшить ваши личные связи с людьми из советского посольства». Через несколько дней Клейст и шеф восточноевропейской референтуры Отдела экономической политики К. Шнурре отправились на «чай» в полпредство. «Почему бы нам не договориться об общей политике вместо того, чтобы пытаться оторвать друг другу голову, что выгодно лишь третьим странам?» — сказал им советник Г. А. Астахов. «Я запротестовал, — вспоминал Клейст, — что “идеологические частности” стали более чем значимой реальностью, мешающей любому сближению, но Астахов отвел это легким движением руки. Он сказал, что Сталин и Гитлер творят реальность, а не позволяют ей господствовать

---

¹⁴ Гэндайси сирё. Т. X. С. 257–259.

¹⁵ Разговор Гитлера с А. Ф. Меркаловым сразу же стал предметом спекуляций. Однако опубликованная впервые в 1990 г. телеграмма полпреда свидетельствует, что содержание их краткой беседы было совершенно ординарным и не выходило за рамки протокола. Поэтому предположения, что полпред ввиду недостаточного знания немецкого языка не понял что-то из сказанного Гитлером или, напротив, услышав нечто важное, «побоялся» сообщить об этом в Москву, представляются безосновательными. Официальный прием — не место для серьезного разговора главы государства с послом, тем более во время церемониального обхода дипкорпуса. Важен был факт внимания Гитлера к представителю СССР, отношению к которому германских официальных лиц ранее было подчеркнуто пренебрежительным.

над собой». Не будучи уверен в одобрении Гитлера, Риббентроп велел Клейсту «временно прекратить всякие контакты с Астаховым»¹⁶. Однако 17 апреля, накануне возвращения в Москву по вызову Сталина, Мерекалов и Астахов встретились со статс-секретарем МИД Э. фон Вайцзеккером, который по указанию министра дал им понять, что Берлин готов «обменяться мнениями об общеполитическом положении»¹⁷. После замены 4 мая М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел председателем Совнаркома В. М. Молотовым, что было воспринято как реверанс в сторону Берлина, Гитлер и Риббентроп запросили экспертов о возможности соглашения с СССР¹⁸.

28 апреля Гитлер оповестил мир о разрыве морского соглашения 1935 г. с Великобританией и Декларации о дружбе и ненападении 1934 г. с Польшей, но демонстративно воздержался от нападков на СССР, что было отмечено японскими военными аналитиками как признак «потепления» двусторонних отношений и предвестие возможного сближения двух стран, переходящих от идеологического противостояния к прагматическому партнерству¹⁹. 13 мая Риббентроп принял Осима и сделал последнее предупреждение, что «германское и итальянское правительства намерены без каких-либо изменений продолжать свою прежнюю политическую линию в отношении Японии» и что «трехсторонним переговорам Берлин — Рим — Токио подписание германо-итальянского союзнического пакта не нанесет никакого ущерба», но «ни от германского, ни от итальянского правительства

---

¹⁶ Kleist P. *European Tragedy*. L., 1965. P. 15–17.

¹⁷ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. XXII, кн. 1. С. 291–293; DGFP. D. Vol. IV. P. 266–267 // СССР – Германия. 1939. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. (далее — СССР — Германия). Vilnius, 1989. С. 10–11.

¹⁸ Подробнее см.: Молодяков В. Риббентроп. Дипломат от фюрера. М., 2019. Гл. 6. О геополитических воззрениях Риббентропа и их эволюции применительно к СССР и Японии: Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996; Michalka W. *From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign Policy Program // Aspects of the Third Reich*. Ed. H. W. Koch. L., 1985; Miyake M. *The Development of Russo-German Relations and Their Implications for Japan and East Asia // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo)*. Vol. 14 (1991). № 1.

¹⁹ Каро Ёко. Мосаку сурю 1930 нэндай. Нитибэй канкэй то рикугун тюкэнсо (Смутные 1930-е годы. Японо-американские отношения и армейское офицерство). Токио, 1993. С. 116–117.

не зависит тот факт, что заключение тройственного пакта так затянулось»²⁰. 22 мая в Берлине Риббентроп и Чиано подписали договор, получивший название «Стального пакта». Хиранума направил поздравления Гитлеру и Муссолини, но Япония осталась в стороне от глобальной политики, которая делалась в Берлине, Лондоне и Москве. Ей оставалась политика локальная.

Еще осенью 1938 г. военное министерство и командование Квантунской армии, проанализировав итоги конфликта на озере Хасан, начали переработку планов боевых действий против СССР, однако никакого политического решения на этот счет не было принято. В апреле 1939 г. командующий Квантунской армией генерал Уэда Кэнкити издал приказ «в случае нечеткого обозначения границы устанавливать ее по своей инициативе, а если противная сторона станет этому препятствовать, смело вступать в бой и добиваться победы, не заботясь о последствиях, о которых позаботится вышестоящее начальство»²¹. Закономерным результатом этого стал вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол, начатый в середине мая японцами как масштабная разведка боем — проверка Красной армии на прочность после репрессий, о которых им осенью 1938 г. сообщил осведомленный перебежчик, бывший начальник Управления НКВД по Дальнему Востоку Г. С. Люшков.

Отношения между СССР и Японией достигли накала, но не были разорваны, поскольку и в Токио, и в Москве понимали истинный характер происходящего. Сталин потребовал нанести Квантунской армии ощутимое поражение, чтобы отбить у нее охоту к «инцидентам», но, по свидетельству будущего маршала М. В. Захарова, выступил против эскалации конфликта, сказав: «Очаг войны неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну»²². В условиях возраставшей напряженности в Европе советский вожь сосредоточил внимание на западных рубежах.

Между 22 и 26 мая Риббентроп подписал проект инструкций послу в Москве Ф. В. фон Шуленбургу в качестве «политической базы» для дальнейших переговоров, но колебавшийся Гитлер

²⁰ DGFP, D. Vol. VI. P. 494–496; цит. по: Год кризиса. Т. 1. С. 468–470. Вайцеккер поспешил встретиться с Осима еще до возвращения рейхсминистра из Италии и сделать ему аналогичное заявление // DGFP, D. Vol. VI. P. 455–456.

²¹ Цит. по: Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 171.

²² Там же. С. 174.

не одобрил его²³. Продолжая добиваться реализации программы сближения с Москвой, рейхсминистр велел Вайцзеккеру 30 мая пригласить Астахова и сообщить, что «германское правительство готово к дальнейшим шагам по пути нормализации и наоборот. Выбор зависит от Советского правительства». Астахов немедленно доложил это в Москву²⁴. 28 июня, после поездки в Германию и встречи с Риббентропом, Шуленбург сообщил Молотову, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера»²⁵. Однако фюрер на следующий день заморозил переговоры. Вайцзеккер велел послу не проявлять инициативы «в политической области» и ждать указаний²⁶.

В это время Гитлер вряд ли уделял много внимания японским делам, хотя Риббентроп продолжал совещаться с Осима, Аттолико и приехавшим из Рима Сиратори — без каких-либо подвижек из-за неизменной позиции Токио. 24 июля сотрудник рейхсминистра Г. Штамер напомнил Осима, что на германские предложения, сделанные 16 июня, т.е. почти шесть недель назад, до сих пор не получено никакого ответа из Японии²⁷. Вечером того же дня Шнурре пригласил поверенного в делах Астахова на ужин и изложил ему от имени и по указанию рейхсминистра, «который в точности знает мысли фюрера», план поэтапной нормализации отношений. Получив отчет, Молотов телеграфировал Астахову: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно». Однако на следующий день (точнее, через пять часов) нарком послал в Берлин конкретные указания — несомненно, после совещания со Сталиным: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения. [...] Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений. [...] Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»²⁸.

---

²³ DGFP, D. Vol. VI. P. 589–593, 597–599.

²⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 405–406; Год кризиса. Т. 1. С. 518–522.

²⁵ Год кризиса. Т. 2. С. 65–67; DGFP, D. Vol. VI. P. 805–807, 834–836.

²⁶ DGFP, D. Vol. VI. P. 810, 813 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 18–20

²⁷ Deterrent Diplomacy. P. 108

²⁸ Год кризиса. Т. 2. С. 145.

Вечером 2 августа Астахов был у Вайцзеккера для обсуждения рутинных вопросов, когда статс-секретарь «неожиданно добавил, что случайно сейчас в своем кабинете находится Риббентроп, который желал бы меня (Астахова. — *В.М.*) видеть». Разумеется, никакой случайности не было. «Я намеревался продолжить беседы [...] которые ранее велись между Астаховым и членами Министерства иностранных дел с моего разрешения», — сообщил Риббентроп на следующий день Шуленбургу. Опытный дипломат и журналист, Астахов понимал, события какой важности разворачиваются перед ним и при его участии, а потому записал услышанное как можно подробнее. В числе прочего Риббентроп «предупредил, что мы (СССР. — *В.М.*) должны считаться с фактом дружбы между Германией и Японией. Мы не должны рассчитывать, что эвентуальное улучшение советско-германских отношений может отразиться в виде ослабления отношений германо-японских». «Я (Риббентроп. — *В.М.*) описал германо-японские отношения как хорошие и дружественные. Эти отношения прочные. Однако, что касается русско-японских отношений, у меня есть свои собственные соображения, под которыми я понимаю долгосрочный *modus vivendi*²⁹ между двумя странами»³⁰.

«Объемное» понимание происходившего возможно только при условии параллельного рассмотрения германо-советских и германо-японских отношений. 3 августа Сиратори и Осима решились на весьма отчаянный шаг. По собственной инициативе и не будучи никем уполномочены, они встретились для обсуждения текущих событий и сделали заявление, которое передали в итальянскую прессу: подтвердили приверженность идее полномасштабного трехстороннего альянса, но отметили, что окончательное решение этой проблемы откладывается, так как англо-советские переговоры в Москве «вступили в чувствительную фазу» (решение о совещании военных миссий)³¹. Днем позже Сиратори телеграммой заклинал Арита ответить «да» или «нет», но министр снова проигнорировал призыв и дезавуировал

²⁹ Дословно: способ существования (лат.). В международных отношениях — временное соглашение по вопросам, которые требуют разрешения, но пока не могут быть окончательно урегулированы; предполагает замену его постоянным соглашением.

³⁰ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 566–569; DGFP, D. Vol. VI. P. 049–1050 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 27–28.

³¹ I Documenti Diplomatici Italiani (далее — DDI). Ottava serie. Vol. XII. Roma, 1952. P. 575.

заявление послов как их частное мнение³². Германским средствам информации было запрещено давать любую информацию о встрече и заявлении, как сообщил Аттолико из Берлина³³. Полагаю, указание исходило лично от Риббентропа, не хотевшего волновать Москву новыми толками о союзе, который там рассматривался как потенциально враждебный.

Затянулись не только переговоры о союзе, но и конфликт на Халхин-Голе. 10 августа военный министр Итагаки передал личное послание германскому и итальянскому послам в Токио: он заявил о готовности уйти в отставку (и тем самым вызвать отставку Кабинета), если до 15 августа японское правительство не примет согласованный Берлином и Римом проект пакта без дополнительных ограничений, и дал понять, что посылает письмо в обход Арита, но Осима и Сиратори будут проинформированы о нем³⁴. Проект принят не был, Итагаки в отставку не ушел, в Берлине на его послание, судя по всему, не обратили внимания, Арита невозмутимо готовил очередной «вариант»³⁵.

13 августа Шнурре передал Астахову послание Риббентропа о согласии Гитлера провести политические переговоры в Москве, добавив «как бы от себя», что «наиболее верным способом была бы непосредственная беседа Риббентропа с Молотовым»³⁶. Вечером 14 августа Риббентроп телеграфировал Шуленбургу новые предложения — вот когда пригодился майский текст, отвергнутый Гитлером, — сообщение для Молотова, которое фактически было посланием Гитлера Сталину: «Я считаю важным, чтобы они (германские предложения. — *В.М.*) дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени г-на Молотова об аудиенции с г-ном Сталиным, чтобы Вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему»³⁷. На следующий день послание было вручено адресату. Молотов дал ответ 17 августа. Но еще накануне Шуленбург получил новые инструкции: «Германия готова

---

³² Deterrent Diplomacy. P. 109; DDI. Ottawa Serie. Vol. XII. P. 582.

³³ Ibid. P. 576.

³⁴ Оригинальный текст неизвестен. Содержание восстанавливается по: DGFP, D. Vol. VII. P. 24–26; DDI. Ottawa Serie. Vol. XII. P. 620–622.

³⁵ DDI. Ottawa Serie. Vol. XIII. P. 21.

³⁶ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 603–605; DGFP, D. Vol. VII. P. 58–59 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 29.

³⁷ Год кризиса. Т. 2. С. 232–233; DGFP, D. Vol. VII. P. 62–64 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 30–32.

заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, если желает советское правительство, не подлежащий изменению в течение 25 лет. [...] Германия готова, и это полностью соответствует позиции Германии, попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений»³⁸. Вслед за этим началась подготовка договора, и Риббентроп засобирился в путь.

Как показывают документы, за месяц до визита в Москву рейхсминистр, похоже, ни разу не встречался со своим другом Осима. Около 11 часов вечера 21 августа он позвонил послу из Бергхофа и проинформировал его о завтрашнем визите, выслушав в ответ гневную филиппику о нарушении секретного протокола к Антикоминтерновскому пакту, который обязывал стороны не заключать никаких соглашений с СССР без ведома партнера³⁹. Несмотря на поздний час, Осима немедленно отправился к Вайцзеккеру за объяснениями. Он сделал акцент на том, что Советский Союз, избавившись от напряжения на западной границе, сможет бросить все силы на Восток, где на Халхин-Голе продолжались тяжелые и не слишком удачные для Квантунской армии бои. Статс-секретарь заверил собеседника, что политика Рейха в отношении Японии остается неизменной, что неожиданности в заключении пакта нет, так как Риббентроп информировал посла о постепенной нормализации отношений с Москвой, и что, наконец, именно Япония затягивала переговоры и в течение полугода не могла дать определенного ответа на германские предложения. Осима коснулся «существующих соглашений», но Вайцзеккер парировал, что со времени заключения Антикоминтерновского пакта ситуация в корне изменилась, что теперь главным общим врагом двух стран стала Великобритания и что договор с Москвой «будет служить интересам нас обоих (т.е. Германии и Японии. — *В.М.*)». Он пояснил: пакт может поспособствовать нормализации советско-японских отношений, и, по его впечатлению, Москва положительно относится к такой перспективе⁴⁰.

Вечером 22 августа в сопровождении многочисленной свиты Риббентроп отбыл из Берлина. Осима приехал на аэродром расстроенным и подавленным, исчерпав запас негодования в беседе

³⁸ DGFP, D. Vol. VII. P. 84–85 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 39–40.

³⁹ Deterrent Diplomacy. P. 191. Ср. воспоминания очевидца: Хамада Ц. Тайсэн дзэнъя-но гайко хива. Токуханн-но сюки (Тайная история дипломатии кануна мировой войны. Записки специального корреспондента). Токио, 1953. С. 56–57.

⁴⁰ DGFP, D. Vol. VII. P. 193–195 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 55–57.

с Вайцеккером, который, впрочем, отметил его «самурайскую» выдержку и самообладание. В кратком разговоре (на долгий не хватило времени) рейхсминистр повторил все прежние аргументы — от англо-французского «окружения» Германии до неудачи переговоров об альянсе трех держав — и подчеркнул целесообразность нормализации японо-советских отношений: «Наилучшей политикой для нас будет заключить японо-германо-советский пакт о ненападении, а затем двинуться против Англии». На вопрос об укреплении Антикоминтерновского пакта Риббентроп решительно ответил, что теперь с этим покончено и что «наши две страны должны идти вместе по другому пути»⁴¹.

Токио воспринял решение Берлина как непростительное предательство и прервал переговоры об «укреплении» Антикоминтерновского пакта. 26 августа Осима явился в МИД с официальным протестом правительства. Его принял Вайцеккер, который, действуя по личному указанию Риббентропа, отказался обсуждать протест по существу, заявив, что в неуспехе переговоров виноват лично Арита, а затем «неофициально, но как друг и товарищ» посоветовал послу... вообще не вручать ноту, дабы не усугубить и без того напряженное положение и не испортить окончательно отношения двух стран, над укреплением которых они оба немало потрудились. Статс-секретарь порекомендовал спрятать ноту в карман, сделать вид, что сегодняшней встречи вообще не было и подумать над тем, что сообщить в Токио⁴². Осима так и поступил, официально проинформировав Гитлера и Риббентропа о протесте только по окончании польской кампании, когда поздравлял их с победой. К тому времени нота, конечно, не имела уже никакого значения⁴³.

Временный поверенный в делах в Японии Н. И. Генералов сообщал в НКВД 24 августа: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. [...] Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР. [...] В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, и в частности к СССР»⁴⁴. Ему вторили сообщения

---

⁴¹ DGFP, D. Vol. VII. P. 191; Deterrent Diplomacy. P. 191–192.

⁴² DGFP, D. Vol. VII. P. 334–335.

⁴³ DGFP, D. Vol. VIII. P. 94–95; здесь же текст самой ноты.

⁴⁴ Год кризиса. Т. 2. С. 322.

разведки: «Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского договора с Германией. Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой. Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая. Нарастает внутривластительский кризис»⁴⁵. «Союз Японии с Германией и Италией и антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу. Вся ответственность возлагается на правительство, которое не сумело предусмотреть этого. Дипломатия Арита привела к полной изоляции Японии, требует <sic!> установления новой дипломатии. [...] Японский корреспондент из Рима сообщил, что [в] ближайшие дни Италия объявит о заключении с СССР пакта о ненападении»⁴⁶. Й. Геббельс имел все основания записать в дневнике 24 августа: «Японцы опоздали на автобус. Сколько раз фюрер убеждал их присоединиться к военному союзу, даже заявив им, что иначе будет вынужден объединить силы с Москвой. [...] Теперь Япония полностью изолирована»⁴⁷.

Заключение советско-германского Пакта о ненападении сыграло несомненную роль в завершении вооруженного конфликта на Халхин-Голе в пользу СССР. После его подписания Риббентроп предложил Сталину помощь в его урегулировании, на что тот ответил: «Советское Правительство действительно желает улучшить свои отношения с Японией, но что есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее (войны) и готов к ней. Если Япония хочет мира — это намного лучше!»⁴⁸. Уже 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, всего на несколько дней опередив Квантунскую армию. 25 августа они начали бои по расчленению и уничтожению окруженной японской группировки, завершив их к 31 августа. Шок от советско-германского сближения оказался в Токио сильнее, чем от военного поражения.

⁴⁵ Сообщение Р. Зорге из Токио (24 августа 1939). Цит. по: Гаврилов В. Некоторые новые аспекты предыстории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4. С. 99.

⁴⁶ Сообщение аппарата военного атташе из Токио (26 августа 1939). Цит. по: Там же. С. 99–100.

⁴⁷ Цит. по: Irving D. Goebbels. Mastermind of the Third Reich. L., 1996. P. 307.

⁴⁸ СССР — Германия. Кн. 1. С. 65–66.

28 августа Кабинет Хиранума подал в отставку, сославшись на то, что «в Европе создалась новая, сложная и запутанная обстановка» и что «возникла необходимость в отказе от прежней политики и в выработке нового политического курса»⁴⁹. Причиной очевидного провала политики правительства и коллективной «потери лица» был не сам курс на союз с Берлином и Римом, а нежелание принимать решения, связывать себя конкретными обязательствами и брать на себя ответственность⁵⁰. Начало войны отозвалось в Токио не столь сильно и болезненно. Позиция Японии не была прогерманской как из-за «предательства» Гитлера, так и с учетом дружеских отношений с Польшей, рассматривавшейся как потенциальный союзник в противостоянии с СССР. 4 сентября новый Кабинет во главе с «темной лошадкой» Абэ Нобуюки, отставным генералом без политического опыта, опубликовал заявление о «неучастии в европейской войне». В заявлении от 13 сентября главной задачей внешней политики было названо урегулирование «Китайского инцидента» путем поддержки тех сил, которые согласятся на союз с Японией и Маньчжоу-Го⁵¹.

На втором месте стояла нормализация отношений с Советским Союзом. 9 сентября японский посол в Москве Того Сигэнори сообщил об этом Молотову и передал официальное предложение заключить перемирие, создать комиссии по демаркации границ и урегулированию возможных конфликтов, превратить район Халхин-Гола в демилитаризованную зону и подготовить торговый договор между СССР и Маньчжоу-Го⁵². На следующий день Молотов известил его о согласии правительства на создание комиссий, но предложил восстановить старую границу. 15 сентября было подписано соглашение о прекращении боевых действий. В Токио его оценили как «серьезный шаг к коренному урегулированию отношений Японии с СССР», поскольку «оно развязывает руки Японии в Китае и дает ей возможность удвоить свои усилия для достижения поставленной цели в Китае».

---

⁴⁹ Цит. по: История войны на Тихом океане / пер. с яп. М., 1957. Т. II. С. 305.

⁵⁰ Обзор откликов японской прессы: Japan Surveys the European War. Tokyo, 1940. P. 3–21.

⁵¹ Анализ заявлений: Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 12–15. Ср.: Tsunego Baba. The New Cabinet's Foreign Policy // Contemporary Japan. Vol. VIII. № 8 (October 1939); Tatsuo Iwabuchi. Japan's New Premier, General Nobuyuki Abe // Ibid.; Satoru Hasegawa. The Second European War and Japan // Ibid.

⁵² ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 39–40, 47–49.

и одновременно как «серьезный удар по Англии»⁵³. К этому времени в Европе уже две недели шла война, закончившаяся разгромом Польши. 17 сентября советские войска вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Как отметил Б. Н. Славинский, «события 1939 года в Монголии представляли собой крупный вооруженный конфликт, не перешедший, однако, в войну, на что надеялись многие политики в Лондоне, Вашингтоне и Чунцине (столица режима Чан Кайши.— *В.М.*)»⁵⁴. Японское руководство извлекло уроки из своего военного и дипломатического поражения, отправив в отставку или понизив в должности все командование Квантунской армии и предписав их преемникам избегать любых «инцидентов» на границах с СССР и МНР. По мнению многих историков, в том числе не только японских, победа на Халхин-Голе отбила желание воевать против Советского Союза даже у наиболее экстремистски настроенных военных кругов Японии, что сыграло свою роль при выработке политического курса два года спустя, летом 1941 г., после нападения Германии на СССР.

Литература

На русском языке:

- Гаврилов В. Некоторые новые аспекты предыстории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4.
- Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1—2. М., 1990.
- Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.). М., 1959.
- Документы внешней политики СССР. Т. XXII. М., 1996.
- История войны на Тихом океане / пер. с яп. Т. II. М., 1957.
- Молодяков В. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949) — дипломат, политик, мыслитель. М., 2006.
- Молодяков В. Риббентроп. Дипломат от фюрера. М., 2019.
- Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996.
- Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937—1945 гг. М., 1999.

⁵³ Там же. С. 110

⁵⁴ Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне. С. 180.

СССР — Германия. 1939. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Vilnius, 1989.

На японском языке

Арита Хатино. Хито-но мэ-но тири-о миру: гайко мондай кайсо-року (Видеть соринку в чужом глазу: воспоминания о внешнеполитических проблемах). Токио, 1948.

Гэндайси сирё (Материалы по новейшей истории). Т. Х. Токио, 1963.

Като Ёко. Мосаку суру 1930 нэндай. Нитибэй канкэй то рикугун тюкэнсо (Смутные 1930-е годы. Японо-американские отношения и армейское офицерство). Токио, 1993.

Хамада Цунэдзиро. Тайсэн дзэнъя-но гайко хива. Токухаин-но сьюки (Тайная история дипломатии кануна мировой войны. Записки специального корреспондента). Токио, 1953.

На европейских языках

Boyd C. The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934–1939. Washington, 1982.

Ciano G. Diario, 1939–1943. Milano, 1968.

I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Vol. XII–XIII. Roma: La Libreria dello Stato, 1952–1954.

Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series D: 1937–1945. Vol. IV–XIII. L., H. M. Stationery Office, 1949–1983.

Japan's Road to the Pacific War. <Vol. III>. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. New York, 1976.

Michalka W. From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign Policy Program // Aspects of the Third Reich / ed. H. W. Koch. L., 1985.

Miyake Masaki. The Development of Russo-German Relations and Their Implications for Japan and East Asia // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 14 (1991), № 1.

Toscano M. The Origins of the Pact of Steel. Baltimore, 1963.

Глава 10*

**ИНЦИДЕНТЫ У ОЗЕРА ХАСАН
И НА ХАЛХИН-ГОЛЕ (НОМОНХАН) В КОНТЕКСТЕ
СТАЛИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ОПОРЫ НА АЗИЮ»**

Предисловие

Японские, российские и западные историки в целом уделяли мало внимания советско-японским пограничным конфликтам 1938–1939 гг. — инцидентам у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Внутренние параметры этих двух инцидентов или вооруженных столкновений пока изучены недостаточно хорошо. Между тем все войны и конфликты имеют как внутреннее, так и международное измерение. История Второй мировой войны, как и ее предыстория, очень сложна, и для исследования этих процессов необходимо, в частности, детально проанализировать то, что в те годы беспокоило Иосифа Сталина, руководителя ВКП(б) и всей созданной им политической системы.

По сравнению с внешним аспектом внутреннему контексту сталинской внешней политики во второй половине 1930-х гг. до начала Второй мировой войны историки не уделяли должного внимания. Даже такой известный американский специалист по сталинской эпохе, как Шейла Фицпатрик, в своей книге «Команда Сталина» уделяет всего четыре строчки инциденту на Халхин-Голе¹. Стереотипными были и заблуждения, что оба инцидента — Хасан (маленькая война) и Халхин-Гол (крупномасштабный конфликт) — равнозначны войне как следствию японского экспансионизма и милитаризма. В качестве примера приводился «меморандум Танака», хотя японские историки уже давно доказали, что это фальшивка².

Автор данной главы хотел бы показать, что внутренние контексты Хасана и Халхин-Гола кардинально отличаются от традиционной советской точки зрения.

---

* Автор главы — Нобуо Симотомаи.

¹ Fitzpatrick S. On Stalin's Team – The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton University Books, 2015. P. 145.

² Документ был признан поддельным такими японскими историками, как Такэси Томита и Рюдзи Хаттори.

Хасанский инцидент произошел в контексте «Большого террора» или того, что называется «ежовщиной», когда в 1937–1938 гг. была ликвидирована сталинская партийная и военная элита. Яркий тому пример — мучительная смерть маршала В. Блюхера, командующего Дальневосточной армией, после инцидента в ноябре 1938 г.

Инцидент на Халхин-Голе произошел в мае — сентябре 1939 г., сразу после XVIII съезда ВКП(б) в марте 1939 г., когда Сталин укрепил свои позиции и в партии, и в среде военных. Вместо подвергнувшегося чистке Николая Ежова новым главой НКВД был назначен Лаврентий Берия. Вячеслав Молотов стал министром иностранных дел вместо Максима Литвинова — в середине 1930-х гг. поборника системы коллективной безопасности. Новая «звезда» партии Андрей Жданов выступил с предложением об отмене классовой категории в уставах партии³.

Что касается инцидента на Халхин-Голе, то специалисты по советской экономике Р. Дэвис и С. Уиткрофт утверждают, что после этого инцидента у Японии исчезло желание продолжать экспансию в Сибирь⁴. Германия не могла бы тогда рассчитывать на ее сотрудничество, если бы Токио погряз в пограничном конфликте МНР — Маньчжоу-Го. Принстонский историк-советолог Ст. Коткин на основе русских и некоторых японских материалов также подчеркивает, что престиж Японии в Германии значительно упал⁵. Исключение составляет британский историк Джонатан Хэслам, обративший внимание на «дальневосточный» вектор сталинской внешней политики, а его последний том, включающий главу об инцидентах на Хасане и Халхин-Голе, носит заголовок «Прелюдия к Тихоокеанской войне»⁶. К сожалению, эта работа была написана в 80-х гг. прошлого столетия, и в настоящее время он не очень интересуется новыми материалами, ставшими доступными после распада СССР.

Однако современные историки переосмысливают оба инцидента на основе различных исторических материалов и объективных концепций в более широком контексте, опираясь на новые документы, ставшие доступными в последние годы, включая

---

³ 18 съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). М., 1939. С. 514.

⁴ Davies R.W., Harryson M., Khlevniuk O., Weatcroft St. *The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939.* Palgrave Macmillan, 2018. P. 309.

⁵ Kotkin St. *Stalin: Waiting for Hitler.* Penguin, 2017. P. 17.

⁶ Haslam J. *Soviet Foreign Policy 1936–1939.* Macmillan, 1992. P. 92.

монгольские и даже конфискованные японские архивы⁷, а также постсоветские исследования (Кривошеев, Кириченко, Вартанов, Катасонова, Иваки, Хата и др.). Новые материалы поступают из Москвы и других архивов. Профессор-монголовед Кацухико Танака и другие расширили международные рамки, затрагивая в контексте Северо-Восточной Азии не только советское и японское, но и маньчжуро-монгольское население.

Автор этих строк до сих пор фокусировал свои исследования на ранних стадиях внутренней политики Сталина и его дальневосточной стратегии в период кризисов 1932–1933 гг. и после маньчжурского периода, основания маньчжурского государства в 1932 г.⁸ Он был одним из редакторов совместного российско-японского проекта параллельной истории вместе с академиком А. В. Торкуновым, профессорами Д. Стрельцовым и М. Иокибэ, в котором, однако, в соответствующих главах русские и японские авторы уделяли мало внимания Хасану и Халхин-Голу⁹.

1. Сталин и «угроза с Востока» 1929–1934 гг.

Между 1929 и 1939 гг. на Дальнем Востоке возникали и другие кризисы: китайско-советский конфликт 1929 года, маньчжурский кризис 1931–1932 гг., инцидент у озера Хасан летом 1938 г. и — в конечном итоге — война на Халхин-Голе в 1939 г. Они происходили на фоне событий во внутренней жизни СССР, которые в итоге привели к постоянным сталинским политическим чисткам (террор 1929, 1933, 1936–1938 и 1939 гг.).

Принято считать, что у Сталина в 30-х гг. было много врагов, как внутренних, так и внешних. В период этой внутренней борьбы существовала и проблема Японии. Приходилось иметь дело одновременно с предполагаемыми «внутренними врагами» и внешними угрозами, в частности на Дальнем Востоке. В этот период обострилась и проблема Японии.

Политическая история России XX в. началась с Русско-японской войны 1904–1905 гг. После революции 1917 г. на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. существовало «буферное государство» — Дальневосточная республика. Хотя Япония и Советский

⁷ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. 1939. Май – сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014.

⁸ Симотомай Нобуо. Кубандзикэн обозгаки (Записки по кубанскому делу // Сэйкэй хогаку, 1982. № 18. С. 91; № 19. С. 1–73.

⁹ Симотомай Нобуо, Иокибэ Макото, Анатолий Торкунов, Дмитрий Стрельцов. Ниссо канкэйси (История японо-советских отношений). Токио, 2015.

Союз нормализовали свои дипломатические отношения в 1925 г., они оставались напряженными.

На Дальнем Востоке было известно несколько советских военных и партийных работников. Среди них Ян Гамарник (1894–1937) — революционер, родился в еврейской семье в Житомире. Со времени переезда в Белоруссию и до того, как он возглавил Политическое управление РККА, он возглавлял краевые администрации как председатель Приморского губисполкома, Дальревкома и, наконец, Крайисполкома (1923–1927) и активно участвовал в событиях во Владивостоке в качестве первого секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б) в 1927–1928 гг. С 1930 по 1934 г. был заместителем наркома по военным и морским делам¹⁰. Его должны были арестовать и расстрелять как главного участника «военно-фашистского заговора», но, не дожидаясь этого, в мае 1937 г. он покончил жизнь самоубийством.

Маршал Василий Блюхер (1889–1938) был популярным военачальником. Он был направлен в Китай, где с 1924 по 1927 г. работал в качестве военного советника гоминьдановского правительства Китая. Блюхер выступал за сотрудничество с Гоминьданом, как полагает российский историк Борис Славинский¹¹.

Возможно, наиболее сложный аспект этого азиатского изменения проблемы был связан с контролем Сталина над Красной Армией, особенно на Дальнем Востоке. В июле 1929 г. там произошел китайско-маньчжурский конфликт. Тогда в борьбе за контроль над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) около двухсот советских железнодорожников были арестованы.

В одном только Мукдене находилось около 70 000 бывших белогвардейцев. Чтобы справиться с этой угрозой в сложном регионе, советским военным пришлось создать Особую дальневосточную армию (ОДВА) во главе с В. Блюхером. В составе ОДВА было всего 18 521 бойцов, в то время как у «маньчжурских белых» — в 3–5 раз больше.

Военные действия развернулись между 12 октября и 20 ноября 1929 г. В итоге советские войска одержали победу и мир был восстановлен. Эти сражения казались локальным инцидентом, но для Сталина, который к ноябрю 1929 г. установил почти тотальный контроль над партией, исключив из Политбюро

---

¹⁰ Филиппов С. Г. Руководители центральных органов ВКП(б) 1934–1939 гг. М., 2018. С. 218.

¹¹ Славинский Б. Ниссосэнсо-эно мити (Путь к японо-советской войне). Токио, 1999. С. 150.

правых уклонистов — А. Рыкова, Н. Бухарина и М. Томского, — это был серьезный момент, поскольку советско-китайский конфликт привел к возникновению новой угрозы с Востока.

В этой ситуации на передний план вышла Япония. КВЖД оставалась одной из основных проблем японо-советских отношений с 1917 по 1935 г., до тех пор, пока она не была продана Маньчжоу-Го, т.е. Японии. Это была своего рода политика умиротворения со стороны Сталина по отношению к Японии. Так обрела контуры своеобразная сталинская политика в отношении Японии.

Была еще одна проблема, которая стала не менее серьезным испытанием для Сталина. Маньчжурский инцидент сильно повлиял на восприятие Сталиным «угрозы со стороны Японии», о чем идет речь в предыдущих работах автора главы, написанных в 1982–1984 гг. Чтобы противостоять «японской угрозе», Советский Союз увеличил свои военные расходы в 1932 г. в два с половиной раза по сравнению с предыдущим годом¹².

В данной главе автор хотел бы подробнее проследить сталинский «поворот в Азию» с 1936 по 1939 г., уделив особое внимание его стратегии в области международных отношений, прежде всего в японском направлении, а также репрессиям, коснувшимся внутренних «врагов», особенно на Дальнем Востоке, кульминацией которых были «ежовские чистки» 1936–1938 гг.

Сталин испытывал тревогу по поводу политики Японии, особенно после маньчжурского инцидента 1931 г. и создания в марте 1932 г. Маньчжоу-Го (с 1934 г. — Великая Маньчжурская империя). Это время совпало с годом завершения первой пятилетки (1928–1932), индустриализации и насильственной коллективизации.

Однако сталинская революция сверху столкнулась с серьезными трудностями. Крестьяне выражали недовольство кампанией по скупке зерна и раскулачиванию, которая в 1932–1933 гг. вызвала голод на Украине и на Северном Кавказе. Ситуация еще больше ухудшилась, когда возникло недовольство в стане коммунистов, лояльных Сталину, и среди беспартийных, поддерживавших его курс. К весне 1932 г. аграрная политика несколько смягчилась в виде программы «нового НЭПа», но к осени начала возрождаться и стала такой, как во времена «военного коммунизма».

¹² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 14.

В этот период бывший правый оппозиционер Мартемьян Рютин тайно организовал «Союз марксистов-ленинцев» и распространил «Платформу» антисталинского характера¹³. К июню 1932 г. она стала известна среди высшей партийной элиты, еще помнившей «заветы» Ленина, что свидетельствовало о неадекватности сталинского руководства в партии, а также среди бывших оппозиционеров. «Союз» даже имел свои группы на Дальнем Востоке и в Западной Сибири¹⁴. Сталин был разгневан и в сентябре 1932 г. приказал казнить Рютина¹⁵. Однако Политбюро, признав Рютина «контрреволюционером», не согласилось с этим решением.

Менее известный, но интересный факт для нас — М. Рютин был известен в Сибири еще до революции. Он также был организатором Харбинского Совета в 1917 г. Он хорошо знал Дальний Восток и с этой точки зрения критиковал политику Сталина в отношении Японии и Дальнего Востока. В «Платформе» «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» М. Рютин признает, что: 1) угроза с Востока была реальной; 2) коллективизация закончилась провалом; 3) положение крестьян было отчаянным и отражалось на Красной Армии; 4) столкновение Японии и США неизбежно. Рютин предвидел, что противоречия между Японией и США в конечном итоге приведут к войне. С его прогнозом соглашались партийная, военная и другие советские элиты, которых Сталин не мог игнорировать.

Тем не менее он, Вячеслав Молотов и Лазарь Каганович избрали наиболее жесткий курс. Январский пленум ЦК 1933 г. назначил Л. Кагановича руководителем сельскохозяйственного отдела. Он организовал Политотдел — в высшей степени чрезвычайный орган, состоящий из военных, чекистов и подконтрольных региональных партийных организаций. В этом беспокойном органе региональные партийные секретари чувствовали себя

---

¹³ Легендарная «антисталинская платформа» Рютина была известна только в меньшевистском органе «Социалистический вестник», и, как сообщали, Бухарин рассказал об этом эмигранту-меньшевику Борису Николаевскому в 1936 г., когда Бухарину было разрешено выехать за границу, хотя это была своего рода преднамеренная провокация НКВД. Так или иначе, программа Рютина оказалась подлинной и в конце концов была напечатана в официальном коммунистическом журнале «Известия ЦК» в 1989 г.

¹⁴ Совершенно Секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране. М., 2017. Т. 10, ч. 2. С. 544.

¹⁵ Сувениров С. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 31.

очень неуютно. Чрезвычайные операции были приостановлены к июлю 1934 г., однако местные секретари, которые выполняли директивы Сталина в голодающих регионах, выражали недовольство крайне жесткой политикой центра.

Анастас Микоян вспоминал в своих мемуарах, что Борис Шеболдаев с Северного Кавказа и другие региональные секретари выступали за замену Сталина на С. М. Кирова, который был более умеренным политиком. К ним примыкал Иосиф Варейкис, партийный руководитель Центрально-Черноземной области. Такие настроения разделяли и некоторые военачальники¹⁶.

Помимо прочего, эти трудности повлияли и на Дальний Восток, где наращивание военной мощи шло медленно, а угроза со стороны Маньчжурии становилась все более неизбежной. Таким образом, Сталин не мог не быть глубоко обеспокоенным взаимосвязью авантюрной сельскохозяйственной политики и ее влиянием на дальневосточный вопрос. Ретроспективно можно сказать, что на стыке в этих подводных течениях возникла «эра расстрельной психологии (повальные увольнения)» Сталина, которая в конце концов завершилась во второй половине 1930-х гг. «ежовщиной».

Внешние вызовы Сталину в то время поступали в основном с Востока, начиная с китайско-советского конфликта 1929 г. и Маньчжурского инцидента (сентябрь 1931–1932 гг.). Кризис вокруг высшего руководства Красной Армии и части партийного аппарата, как центрального, так и местного, «перекрыл» резонанс проблем «Восточного фронта», или «японской угрозы». Дальний Восток был наименее военизирован и изначально испытывал недостаток в руководящих военных кадрах, особенно в 1931–1934 гг. Поэтому для перевооружения Дальнего Востока, особенно для строительства предприятий военно-промышленного комплекса в Комсомольске-на-Амуре, Сталину пришлось направить туда высокопоставленных военных, в частности Яна Гамарника, начальника Политического управления Красной Армии. На непростые отношения между советскими

---

¹⁶ В этом отношении статья С. Г. Филиппова о Варейкисе, который также работал в Симбирске во время Гражданской войны, характеризовала его как просталинского политика. Тем не менее мое собственное интервью с Шеболдаевым-младшим, взятое у него в 1990-х гг., показывает, что и Шеболдаев, и Варейкис были близки по взглядам и критиковали в 1932–1933 гг. политику Сталина и Кагановича по отношению к крестьянству.

партийными и военными руководителями накладывался важный, с советской точки зрения, фактор закрытой военной информации.

Именно в этом сложном контексте на передний план сталинской восточной политики вышел монгольский вопрос. Монгольский историк О. Батсайхан утверждает, что сталинское Политбюро впервые обратило особое внимание на Монгольскую Народную Республику 1 ноября 1932 г., и почти год спустя, 25 декабря 1933 г., спустя десятилетие со времени ее основания, монгольские руководители впервые были приглашены на встречу со Сталиным и Климентом Ворошиловым. Ворошилов был назначен главой комиссии Политбюро по Монголии, что отражало заинтересованность Сталина в МНР в военном отношении. На одиннадцатый год образования Сталин предложил МНР заключить Договор о взаимной помощи с СССР, который был подписан 27 ноября 1934 г. Как выяснилось впоследствии, это было «устным джентльменским соглашением». Два года спустя был заключен «Протокол о взаимной помощи». В результате Красная Армия была дислоцирована на территории Монголии. Сталин высоко оценивал геополитическое расположение МНР по отношению к Маньчжоу-Го и ценность республики как «буферного государства». Теперь уже не было прямой военной угрозы СССР со стороны Японии — Маньчжурии.

2. Сталин и ситуация на Дальнем Востоке с 1934 по 1938 г.

В течение пяти лет после XVII съезда ВКП(б) (январь 1934 г.) и XVIII съезда (март 1939 г.) Сталин резко менял свою позицию по отношению к «капиталистическому миру», включая Японию. На первом этапе, с 1934 по 1936 г., его внешнеполитический курс отличался осторожностью, стремлением избегать прямой конфронтации с Японией и Западом в целом. Пиком этой политики стала продажа Китайско-Восточной железной дороги в 1935 г. Японии. Сталину нужно было выиграть время, чтобы создать военную и другую систему безопасности в Сибири и на Дальнем Востоке.

Другие меры включали внесение раскола между «капиталистическими странами» — Японией и США, Германией и Великобританией, а также Францией. С этой целью Сталин добивался признания СССР президентом США Франклином Рузвельтом, который мог оказать давление на Японию, через Маньчжурию на Сибирь и Дальний Восток. В конце 1933 г. с США были установлены дипломатические отношения. В сентябре 1934 г. СССР

был приглашен в Лигу Наций, а напряженность между Японией и СССР более-менее сбалансировалась. По оценкам британских военных, Красная Армия на Дальнем Востоке могла сразаться не менее шести месяцев¹⁷.

Возможно, сентябрь 1936 г. стал переломным моментом сталинской внутренней и внешней политики. В то время он находился в Сочи, однако решил провести большую «чистку». Сталин и А. Жданов 25 сентября направили известное письмо Молотову и Кагановичу, обвинив ОГПУ в «отставании на четыре года» и выдвинув Ежова на пост главы НКВД. Также Сталин начал активизировать и внешнюю политику, вмешавшись в дела Испании и Китая через Коминтерн. Однако в списке целей главным приоритетом стал Дальний Восток.

Советская политика, среди прочего, претерпела кардинальную трансформацию в результате «чистки» партийной, военной и других советских элит. Согласно российскому историку С. Г. Филиппову, из 139 членов ЦК XVII съезда только 32 остались официальными членами к Февральскому пленуму 1939 г.¹⁸ Как предполагает Филиппов, следующий партийный съезд должен был состояться в 1937 г. в соответствии с Уставом партии, но вместо этого имел место «Большой террор» или «ежовщина». Н. Ежов, как и планировали Сталин и Жданов, был назначен главой НКВД. Такие члены Политбюро, как Орджоникидзе, Томский или Я. Гамарник, в конце концов покончили с собой к 1937 г.

С помощью террора Сталин укрепил свои позиции, устранив через «чистки» предполагаемых оппозиционеров — правых уклонистов, троцкистов и даже лояльных сталинистов. «Враги» Сталина внутри страны были полу- или квазиоппозиционерами. Однако с точки зрения Сталина, поскольку ситуация ухудшалась, все они воспринимались как «пятая колонна». Следует отметить, что термин «пятая колонна» появился в советской прессе после 1936–1937 гг., когда Сталин активизировал свой курс на международной арене, отправив в охваченную гражданской войной Испанию «интернациональные бригады».

В. Молотов позже высказал предположение, что «чистки» были изобретены не в НКВД во главе с Н. Ежовым, а лично Сталиным. По его словам, в 1937 г. была произведена «чистка» в среде военных, чтобы в назревавшей войне не образовалась бы

¹⁷ Haslam J. Op. cit. P. 112.

¹⁸ Филиппов С. Г. Указ. соч. С. 71.

«пятая колонна». Современные российские историки более или менее согласны с Молотовым¹⁹. Не существовало никакой оппозиционной группы против Сталина и его политики, однако раздавались голоса против него, особенно в партийных и военных кругах, что и стало причиной такой «превентивной» политики, как «Большой террор».

Во-первых, Н. Ежов никогда не был из НКВД. С середины 1920-х гг. он «обслуживал» номенклатуру — был главой Орграспреда ЦК. Затем он поднялся до «номера три» в Секретариате, после Сталина и Кагановича, а с марта 1935 г. отвечал за ведущие партийные органы. К 1936 г., вместо Г. Ягоды Политбюро назначило Н. Ежова главой НКВД, и 90% его работы должно было быть сосредоточено на чекистской работе²⁰. Сталину необходим был тщательный контроль над советским аппаратом, прежде всего партией, военными и чекистами. Ретроспективный взгляд показывает, что никаких открытых вызовов Сталину со стороны оппозиционеров не было, как этого хотел и демонстрировал Ежов. Таким образом, «ежовщина» была своего рода «превентивной» мерой Сталина, Молотова и Кагановича, направленной на устранение потенциальных или воображаемых «внутренних врагов».

Именно в этом контексте проблема Японии вышла на первый план. Не случайно, что в ходе московского судебного процесса в марте 1938 г. Н. И. Бухарин был обвинен как «агент японского милитаризма» наряду с Я. Гамарником, И. Варейкисом и Я. Яковлевым (Наркомзем) (Процесс 28-ми). Хотя обвинение было беспочвенным, оно позволяло предполагать, что репрессии имели и международную подоплеку. В плане внешней политики Дальний Восток был ключевым регионом для политического и военного контроля. Первым секретарем Дальневосточного крайкома ВКП(б) с декабря 1936 г. был И. М. Варейкис, который находился в Симбирске в период Гражданской войны и был аппаратчиком ЦК в 1920-х гг. Он также был первым секретарем крайкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области с 1928 по 1935 г. — в тот период, когда крестьянство подвергалось особенно жестоким преследованиям.

Таким образом, на нем лежала ответственность за голод, безжалостное подавление голодных крестьян, сопротивлявшихся насильственной коллективизации. Среди прочего, именно

---

¹⁹ Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2017. С. 252; Филиппов С. Г. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Филиппов С. Г. Указ. соч. С. 71.

Л. Каганович, Г. Ягода и Я. Гамарник создали так называемый Политотдел, своего рода организацию, состоящую из военных, чекистов и комсомольцев, целью которой был контроль над региональными партийными организациями и крестьянами в 1932–1934 гг. Следует подчеркнуть, что Дальневосточный регион был одним из его главных приоритетов, наряду с Украиной и Северным Кавказом. И доля отправленных политотдельских рабочих-работников на Дальнем Востоке составляла почти 98%, в то время как на голодающей Украине их было около 56%. Это свидетельствовало о том, что дальневосточные крестьяне не доверяли партийному руководству.

И. Варейкис был арестован в октябре 1937 г. по доносу некоего «Я». По словам военного историка О. Сувенирова, бывший оппозиционер, а затем агент НКВД Эликович мог собрать компромат на порядка 140 человек из партийных рядов и рабочих, включая Блюхера и Варейкиса. Варейкису, в свою очередь, пришлось дать показания на 68 высокопоставленных партийных деятелей в сталинском Секретариате, таких, как П. Постышев, С. Косиор, А. Бубнов, Р. Эйхе и Я. Гамарник²¹.

Важно то, что это список высокопоставленных деятелей. Среди них старые большевики, такие как А. Бубнов или П. Постышев. А. Бубнов был советским активистом 1905 г. из Иваново-Вознесенска и был сподвижником Михаила Фрунзе, а также автором статьи об истории большевистской партии в первой Большой Советской Энциклопедии. Перед своим назначением народным комиссаром по образованию он участвовал в дискуссиях о профсоюзах 1920–1921 гг. П. Постышев был активным организатором Иркутского Совета до переезда в Киев в 1923 г., а в Секретариате ЦК по своему положению шел после Сталина, Молотова и Кагановича. В Сибири он был связан с корейскими активистами, в частности с Алексеем Ивановичем Хегай (Хо Га И) — de-facto основателем Корейской рабочей партии. Он также занимал умеренные позиции в антикрестьянской кампании.

И. Варейкис был расстрелян 29 июля 1938 г. — в тот же день, когда был арестован маршал Блюхер и когда проходили сражения у озера Хасан.

Занимавшие высокие посты в Красной Армии в 1937 г. стали мишенью «Великой чистки» по делу об «антисоветском, троцкистском и военно-фашистском заговоре». Спустя двадцать лет Молотов писал: «Когда начнется война, Тухачевский и Якир

²¹ Сувениров С. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 189.

организуют противостояние с Рыковым и Зиновьевым, что было бы катастрофой». Формально ВКП(б) оставалась монолитной, но на самом деле определенные разногласия существовали как в армии, так и в партии. Так, сталинский «протезе» К. Ворошилов не мог сравниться по уровню подготовки с реформатором армии М. Тухачевским, Я. Гамарником и И. Якиром, которые оказались под прицелом по «Заговору десяти» (Уборевич, Примаков, Путьна, Корт и др.). В своем обращении двадцать лет спустя Георгий Жуков заявил, что Сталин, Молотов и Каганович приказали НКВД расстрелять 38 тыс. 679 военнослужащих.

Именно в этом контексте «Великой чистки» высоко информированный офицер НКВД Генрих Люшков (1900–1945), руководитель Дальневосточного НКВД, 13 июня 1938 г. сбежал в Японию через маньчжурскую границу в районе Посьета. Этот инцидент вызвал напряженность между Токио и Москвой. В результате сражение у озера Хасан в июле — августе 1938 г. стало неизбежным.

Г. Люшков родился в Одессе, во время Гражданской войны находился на Украине в качестве чекиста, а позднее — в качестве полномочного представителя ВЧК — ОГПУ до переезда в Москву. С 1931 г. — руководитель секретно-политического отдела НКВД. Г. Люшков был участником событий, вызвавших голод 1932 г. на Украине и Северном Кавказе, а также «Кубанского дела» в ноябре 1932 г., когда целые казачьи деревни были депортированы на Север как «враги народа».

Следовательно, Г. Люшков очень хорошо знал о реальных политических делах Сталина с 1932 по 1938 г., прежде чем он стал во главе Дальневосточного НКВД в 1937 г. После вызова в Москву Люшков отказался вернуться и, как было указано выше, 13 июня перебежал в Маньчжурию, что могло вызвать Хасанский инцидент. Затем Люшков переехал в Токио и в своих интервью и статьях в популярном журнале «Кайдзо» 1939 г. рассказал о диктаторской политике, чистке и голоде, инициированных Сталиным, а также о военных делах на Дальнем Востоке. Р. Зорге передал в Москву его публикации, и они стали известны даже Троцкому в изгнании, в Мексике. В августе 1945 г. Г. Люшков был убит в Дайрене.

Среди прочего он передал секретную информацию о Дальнем Востоке, где была сосредоточена 270-тысячная армия и еще 400 тысяч солдат во всех районах за пределами Байкала, что намного расходилось с японскими оценками. На Дальнем Востоке находилось около 25 стрелковых дивизий, 2000 военных

самолетов и даже 90 подводных лодок. Некоторые в Японии подозревали, что утечка информации была намеренно сделана Москвой, чтобы недооценить советский военный потенциал. Но из откровений Люшкова следовало, что Япония и Германия имели основания рассчитывать на слабость Советского Союза.

На фоне этих обстоятельств в разгар «Большой чистки» на Дальнем Востоке в Хабаровск была направлена высокопоставленная делегация НКВД во главе с «номером два» в ведомстве Ежова М. Фриновским и секретаря Сталина Л. Мехлиса. Фриновский был организатором монгольской чистки 1936–1937 гг., когда монгольский премьер-министр Гэндэн отказался признать «Протокол о взаимной помощи между Монголией и СССР» от 1936 г. Он был расстрелян. Фриновский, в свою очередь, сам в феврале 1940 г. был арестован. Л. Мехлис был, как уже указывалось, личным секретарем Сталина с 1922 по 1926 г., редактором «Правды», начальником Политического управления Красной армии после «чистки» маршалов и партийных работников.

Командующим Дальневосточной армии был маршал В. К. Блюхер, среди трех маршалов (еще А. Егоров и М. Тухачевский) — старейший член партии с 1916 г. и один из пяти маршалов в Советском Союзе, который командовал армией в течение десяти лет — с 1928 по 1938 г.

Всемогущая верхушка Дальневосточной армии была источником его амбиций и одновременно неприятностей. Сталин стремился отыскать в ней «военный заговор». Статья Люшкова раскрыла причину, по которой В. Блюхер был арестован. По словам Люшкова, в ноябре 1936 г. первый секретарь Далькрайкома Л. Лаврентьев и военный комиссар Л. Аронштам в московской квартире у армейского комиссара 1-го ранга Я. Гамарника разговаривали и пришли к выводу, что Блюхер не соответствует своему положению командующего Дальневосточной армии.

Ян Гамарник с 1923 по 1928 г. работал на Дальнем Востоке в качестве первого секретаря Дальневосточного крайкома партии, прежде чем переехал в Белоруссию в качестве первого секретаря и в конце концов в 1929 г. стал начальником Политического управления РККА; был заместителем народного комиссара по военным делам и флоту до 1937 г. Амбициозный Блюхер, в свою очередь, критиковал К. Ворошилова, который тоже склонялся к необходимости применения «чистки» в отношении него. Тогда Сталин вызвал к себе всех причастных к этому лиц и в то же время поддержал Блюхера, сделав выговор Гамарнику.

На самом же деле, по свидетельству Н. Ежова, ответственного за «чистки», это было началом дела о «Заговоре военных». В конечном счете все, в том числе первый секретарь Далькрайкома Л. Лаврентьев и военный комиссар Аронштам, были арестованы и допрошены.

С лета 1937 г. в Дальневосточной армии начались «чистки». Сотни комиссаров и политработников были арестованы. В основном это были люди Блюхера. По подсчетам Люшкова, почти 5000 военнослужащих Дальневосточной армии были арестованы. Блюхер был в Хабаровске, когда его арестовали как организатора «Военного заговора» и за то, что он хотел напряженности на границе СССР и Японии (Кореи). «Чистка» военачальников проходила в июне 1937 г., когда с 1 по 4 июня состоялось расширенное заседание Военсовета РККА. Перед этим, 31 мая 1937 г., Я. Гамарник застрелился, что не помешало осудить его как «врага народа».

«Великий террор» 1937–1938 гг. также был связан с официальными отношениями с гоминьдановским Китаем, боровшимся против японской военной интервенции в июле 1937 г. В августе 1937 г. Сталин заключил с Чан Кайши пакт о ненападении. Согласно материалам заседания Политбюро, в июле — августе 1937 г. Сталин обращал особое внимание на Японию и Дальний Восток. Однако в контексте борьбы против разного рода «пятой колонны» эта кампания превратилась в поиск «иностранных агентов». 31 июля Приказ НКВД № 00477 потребовал от чекистов найти и «беспощадно» уничтожить разного рода «антисоветские элементы» — от кулаков, «белых» и до священников. Для борьбы с ними были созданы специальные «тройки» из сотрудника НКВД, партийного секретаря и прокурора.

На Дальнем Востоке эта кампания превратилась в операцию с «Националистическим контрреволюционным контингентом», в том числе «харбинцами» и другими. Депортация китайцев проводилась с конца 1937 г. по февраль 1938 г.²² В ней был тайный умысел для Сталина — разрастание японо-китайской войны уменьшило бы напряженность между Москвой и Токио. Именно перебежавший Люшков впервые упомянул о подавлении и депортации китайцев на Дальнем Востоке. По его словам, Сталин провел чистку в отношении порядка одиннадцати тысяч китайцев, проживавших на Дальнем Востоке. Они были арестованы,

---

²² Калкаев Е. Г. К вопросу о начале корейской операции НКВД 1937–1938 // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 69, 79.

восемь тысяч было депортировано, хотя официально это делалось под флагом солидарности с Китаем. Российский историк Калкаев цитирует приказ Ежова Люшкову от 22 декабря 1937 г. № 521 НКВД, что «все китайцы вне зависимости от гражданства должны быть арестованы, как только появятся их “провокационные или террористические намерения”»²³. Это был сталинский стиль этнических чисток.

То же относилось к корейским меньшинствам на Дальнем Востоке. По словам историка О. Хлевнюка, Блюхер выступал против депортации корейцев²⁴. Но к 1938 г. Сталин был озабочен возможностью боевых действий с Японией. Так, для предотвращения «японского шпионажа» Люшкову было приказано переселить с Дальнего Востока около 170 тысяч корейцев. Они были депортированы в Узбекистан и Казахстан в августе 1937 г., хотя иногда корейцы были более лояльными, чем русские, особенно те, кто входил в состав политических органов на Дальнем Востоке²⁵.

Так, побег Люшкова был связан с обострением территориальных конфликтов между советскими и японскими (корейцами) вокруг озера Хасан (Чёгохо). По мнению советской стороны, японцы хотели овладеть высотами для реализации плана захвата в конечном счете Владивостока. На самом деле все было сложнее — этот пограничный район имел отношение не только к советско-корейской (японской), но и к маньчжурско-корейской (японской) границе.

Инцидент у озера Хасан, пограничный конфликт между СССР и японской армией в Корее летом 1938 г. был связан с этим страхом и паническими настроениями, арестами, этническими чистками и всем другим, что создавало атмосферу напряженности и делало Хасанский инцидент неизбежным. После заключения германо-японского Антикоминтерновского пакта 1936 г. Сталин зорко наблюдал за Японией и Дальневосточным регионом. Весной и летом 1937 г. И. Варейкис арестовал и расстрелял более 100 железнодорожников во Владивостоке. По словам Люшкова, локальный конфликт был вызван арестами командиров (некие Смирнов и Руднев). Их подчиненные начали конфликтовать, опасаясь арестов НКВД. Некоторые красноармейцы

²³ Там же. С. 70.

²⁴ Хлевнюк О. Указ. соч. С. 229.

²⁵ Калкаев Е. Г. Указ. соч. С. 72.

совершали побег, чтобы уйти подальше от маньчжурской границы, как это случилось с побегом старого большевика, некоего Сиркина.

На самом деле, по показаниям Люшкова, из-за разложения старой команды Блюхера проходила стихийная демобилизация и возникло множество антисоветских группировок. Утрату местного партийного контроля над военными продемонстрировал случай, когда секретарь Далькрайкома Г. М. Стацевич отказался присутствовать на военном собрании в Хабаровске. Это, в свою очередь, вызвало резкую критику со стороны Москвы, в том числе Л. Мехлиса, требовавшего вмешательства в партийно-военные отношения. Стацевичу и партийным работникам пришлось подчиниться, убрать остатки имени Постышева из названия района некогда всесильного секретаря ЦК, а сам Стацевич был арестован НКВД.

В 1939 г. Г. Люшков опубликовал в японском журнале «Каидзо» статью о Дальневосточной армии, в которой писал, что сталинская «чистка» и репрессии оказали на нее большое влияние. С точки зрения Люшкова, осведомленного наблюдателя, было естественно, что к 1938 г. сам Сталин был не уверен, будут ли сильно пострадавшие от кадрового террора красноармейцы из рабочих и крестьян сражаться в таком удаленном от центра регионе, как Дальний Восток. Тем более что район Халхин-Гола был не советской землей, а монгольской территорией, на которую претендовала японская армия. Следует помнить, что в результате политики Сталина в массовом порядке были ликвидированы старые кадры и возникло новое поколение советских командиров. Поэтому ему пришлось заменить старорежимных офицеров на таких выходцев из солдат царской армии, как маршал Г. Кулик (1890–1950), Б. Шапошников и Г. Жуков, которые начинали еще в период Первой мировой войны и были не слишком увлечены коммунистическими идеями. Все они были назначены на высокие посты после «чистки» генералов в 1940 г.

Инцидент у озера Хасан продолжался с июня по август 1938 г. Григорий Штерн (1900–1941), член партии с 1919 г., воевавший в Испании в 1937–1938 гг., в мае 1938 г. был отправлен на Дальний Восток. С августа 1938 г. он был назначен командиром 39-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта, в сентябре 1938 г. — командующим Первой отдельной Краснознамённой армией на Дальнем Востоке. Он заменил маршала Блюхера, арестованного 22 октября 1938 г. и 9 ноября забитого до смерти

в тюрьме²⁶. Его жена также была допрошена по подозрению в контрреволюционной деятельности²⁷.

К. Ворошилов запрашивал Штерна о боевой подготовке войск. Казалось, Штерн обладал богатым организационным и техническим опытом и знаниями, но на самом деле это было далеко не так. Тем не менее его военное руководство в хасанских боях, наряду с его заслугами в Испании, способствовало его продвижению по службе²⁸. Он выступал на XVIII съезде ВКП(б), будучи даже не членом ЦК.

В этом контексте Хасанский инцидент лета 1938 г. стал пробой сил и прологом к конфликту на советско-корейской границе. Перед этим в Красной Армии была проведена новая реорганизация, и в июне Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была развернута в Дальневосточном фронт. Советская сторона имела численное превосходство над японской армией.

По словам Люшкова, вышеупомянутое прибытие делегации Фриновского и Мехлиса из Москвы, очевидно, усилило контроль центра над Блюхером и другими советскими дальневосточными военачальниками, которые, опасаясь «чистки», начали боевые действия. Советский пограничный контроль был ужесточен. Военные действия начались в условиях панических страхов среди местного руководства. Блюхер же придерживался самокритичного подхода: он предупреждал Москву, что именно советские пограничники нарушили советско-корейскую демаркационную линию. Москва выражала недовольство им, а Фриновскому и Мехлису было дано указание провести расследование по поводу поведения маршала Блюхера, который «поощряет японскую армию».

Между тем японская сторона, включая императора Хирохито, отвергла идею министра обороны С. Итагаки атаковать к 22 июля. Так, Япония реагировала довольно вяло, но местные офицеры рвались в бой. Согласно японским источникам, потери Японии убитыми составили около 500 офицеров и солдат, еще больше было раненых. Советский Союз потерял убитыми около 750 офицеров и солдат, и большое число военнослужащих получили ранения. Потери советской стороны были больше, и обе стороны не были заинтересованы в продолжении боев.

---

²⁶ Сувениров С. Ф. Указ. соч. С. 212.

²⁷ Там же. С. 282.

²⁸ Там же. С. 231.

31 августа 1938 г. была созвана комиссия Политбюро по обороне. Сталин и Ворошилов рассмотрели результаты конфликта. На Политбюро присутствовали Вячеслав Молотов, военачальники, в том числе Блюхер. В конечном счете 4 сентября Блюхер был обвинен в поражении, к тому же к этому времени он был снят со своей должности. Его Дальневосточная армия была наконец разделена на две Краснознаменные армии: одна во главе с Штерном, другая — с Коневым. Конец Хасанского инцидента означал, что, несмотря на стремление Чан Кайши не допустить этого, СССР признал де-факто Маньчжоу-Го, что проложило путь к Пакту о нейтралитете 1941 г.

1939 год: случайность или прелюдия ко Второй мировой войне?

Итак, к XVIII съезду ВКП(б) в марте 1939 г. внутренняя и внешняя политика, проводимая Сталиным, позволила ему установить полный контроль над страной. Во-первых, Сталин подверг «чистке» всех региональных секретарей, лояльных ему, но потенциально они были недовольны его политикой. Выжили только Жданов, Хрущев, Берия и Багиров. В конце концов Берия перешел к руководству НКВД в ноябре 1938 г.

Сталин изменил свою политику в отношении роли НКВД, несколько ослабив его карательную роль. Высшее военное руководство РККА в результате «чисток» было практически уничтожено. Стало очевидным, что Сталин, Молотов и Каганович считали региональных секретарей и военное руководство Дальнего Востока потенциальной «пятой колонной», а Дальневосточный регион — гнездом «заговора».

Выступая с Отчетным докладом о деятельности ЦК на XVIII съезде ВКП(б), Сталин подверг критике западные страны, в частности США и Великобританию, за политику невмешательства в агрессию Японии в Китае. Он говорил, что Германия и ряд европейских стран намерены начать войну против СССР. Советский Союз заключил пакты о ненападении или взаимной помощи с Францией и Чехословакией, Китаем и Монголией. Следует отметить, что Сталин ошибочно заявил, что были заключены союзные отношения с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи, на самом деле это был не Договор, а только Протокол. Его волновало и то, что беспорядки в СССР или слабость Красной Армии получают отражение в печати. Японская угроза с Востока перемежалась с упоминаниями как о реальных, так и потенциальных «врагах».

Некоторые западные историки часто заблуждаются, воспринимая инцидент на Халхин-Голе как советско-японский пограничный конфликт. Формально это была война между Монгольской народно-революционной армией (МНРА) и Маньчжоу-Го по поводу демаркационной линии на границе с Маньчжурией, хотя, по существу, боевые действия велись между советской и японской Квантунской армиями. Известно, что с января 1939 г. Р. Зорге и другие предупреждали о японской провокации²⁹.

Личное участие Сталина в этом конфликте, по-видимому, было несущественным, хотя он был хорошо информирован и пристально следил за ним по дипломатическим и военным каналам. 4 сентября 1939 г. Сталин направил Х. Чойбалсану письмо о победе в военной операции против Японии³⁰. И он подписал решение Политбюро от 2 октября о выводе частей 1-й армерской группировки из Монголии. 8 октября 1939 г. Сталин на Политбюро принял решение о назначении членов Комиссии по демаркационной границе между Монголией и Маньчжурией — В. Молотова, С. Лозовского и других.

Однако Сталин хорошо ощущал свою власть и пределы заинтересованности Советского Союза в этой локальной войне. Маршал Захаров, который рвался воевать в Маньчжурии, сказал следующее: «Хотите ли вы вести широкомасштабную войну в Монголии? Тогда противник мобилизует дополнительные силы. Война обострится и превратится в долгосрочную войну». Эта цитата дает представление о целях и ограниченности задач этой войны, как видел ее Сталин. Он выступал только за ограниченную войну в пределах монгольской границы с Японией.

В Токио Р. Зорге и его группа черпали информацию из источников в японской армии, сообщая, что японское правительство категорически обязало армию не пересекать границу, считая инцидент на Халхин-Голе локальным. Этой информацией поделился и французский журналист Роберт Гийен.

Первые сведения о пограничном инциденте на Халхин-Голе были переданы Сталину наркомом обороны К. Ворошиловым 16 мая 1939 г. Отчет Ворошилова был также отправлен новому наркому иностранных дел В. Молотову и руководителю НКВД Л. Берии³¹. Таким образом, мы можем сказать, что эти четыре

²⁹ Георгиев Ю. Рихард Зорге. М., 2000. С. 104

³⁰ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол 1939. Май — сентябрь 1939 г.: документы и материалы. М., 2014. С. 392.

³¹ Там же. С. 41.

человека отвечали в Политбюро за вопросы обороны. В апреле 1937 г. Политбюро создало комиссию по обороне как постоянный орган в составе пяти членов (Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов), которая занималась вопросами внешней и военной политики. К 1939 г. Ежов был заменен Ждановым и Берией. Но роль Л. Берии в этом конфликте довольно вторична, если судить по последним материалам³². Только Сталин, Молотов и Ворошилов могли получать совершенно секретную информацию, а Л. Берия, Л. Мехлис и начальник Генштаба Б. Шапошников могли получить их в копии. Берия получал и направлял в Харбин отчет НКВД о японских военных.

В период с 22 марта по 4 октября заседания Политбюро ЦК ВКП(б) проводились восемь раз. В свою очередь, комиссия по обороне Политбюро приняла двадцать три решения, в том числе решение от 14 июля о финансировании советских военных инструкторов в составе монгольской армии в размере двух с половиной миллионов рублей в течение нескольких месяцев³³. С 12 по 16 июля шла особенно интенсивная работа. В результате за этот период сотни советских инструкторов были отправлены в монгольскую армию.

К концу июля даже Коминтерну было поручено вести пропаганду по радио среди трудящихся японцев. Георгий Димитров докладывал об этом Молотову³⁴.

Нарком иностранных дел Молотов пригласил к себе 19 мая посла Японии Сигэнори Того. Он подчеркнул, что 12 марта 1936 г. был заключен Протокол о взаимной помощи между Монголией и СССР. Японские военные нарушили государственную границу МНР, поэтому Советский Союз отреагировал на это как союзник. Именно поэтому 57-й Особый корпус под командованием Н. В. Фекленко был введен в МНР. Неделю спустя, 25 мая, Того ответил, что Япония не признает договор между СССР и МНР³⁵. Напряженность между Советским Союзом и Японией усилилась,

---

³² Там же.

³³ Там же. С. 198.

³⁴ Там же. С. 243.

³⁵ Этот документ был подписан между Монголией и СССР 12 марта 1936 года. По словам монгольского историка Бацаихана, никаких исторических исследований по этому вопросу не проводилось. Гоминьдановский Китай также выступал против этого протокола. Советский 57-й корпус впервые был дислоцирован за границей СССР, в Монголии, по-видимому беря пример с японской Квантунской армии в Маньчжурии.

хотя формально это была проблема между Маньчжоу-Го и МНР. Того тоже спросил, почему не протестует монгольское правительство, а Советский МИД.

Так или иначе, но военные действия между Японией и Советским Союзом начались. В Наркомате обороны ход войны контролировали нарком обороны К. Ворошилов и начальник Генштаба Б. Шапошников. За назначения в армии и флоте в то время отвечал секретарь Сталина Лев Мехлис. В начале конфликта, с 11 по 19 мая 1939 г., действия командира 57-го корпуса Н. В. Фекленко, танкиста, воевавшего на Хасане, для Ворошилова показались «неудовлетворительными». И 24 мая из Москвы были направлены Жуков (армия), Денисов (авиация) и Чернышев (политическая работа). 3 июня они докладывали Ворошилову о плохой организации и руководстве в 57-м корпусе. Эта информация была передана Сталину, Мехлису и еще шестерым³⁶. Новые назначения были проведены 12 июня. Командиром 57-го корпуса был назначен тогда малоизвестный Георгий Жуков.

Тем не менее вопрос о руководстве операцией остался нерешенным, поскольку к июлю конфликтная ситуация обострилась. 5 июля Генштабом Штерн был вновь руководителем фронтовой группы по координации действий РККА и МНРА, в которую входили вся Первая и Вторая Дальневосточная армии, а также 57-й корпус. Штерну также пришлось координировать действия советской и монгольской армий. Между тем Штерн, командовавший 8-й армией, был назначен командующим Дальневосточной армией 23 июля, а Бирюков был направлен на Дальневосточный фронт в июне 1940 г. Генерал Конев находился в Монголии с 1938 по 1939 г., тогда как Г. Кулик, воевавший в Испании вместе со Штерном, был назначен заместителем наркома обороны. Но Г. Кулик, посетивший Халхин-Гол, не поладил с Жуковым и получил выговор от Ворошилова, вставшего на сторону Жукова. Кулика немедленно вызвали в Москву.

Российские историки охарактеризовали военное руководство на Халхин-Голе как «двоевластие». Хотя Жуков был назначен командиром 57-го Особого корпуса, разграничение его ответственности со Штерном не было четким. 19 июля Особый корпус был официально реорганизован в Первую армейскую группу, которая действовала только в Монголии³⁷. У Первой армейской группы было больше танков и самолетов.

³⁶ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. С. 82.

³⁷ Там же. С. 219.

Японские действия и реакция

Если за счет «ежовщины» в Советском Союзе власть Сталина была консолидирована, то ситуация в Японии, как видели ее советские разведчики и как наблюдал Р. Зорге, была сложной, особенно с 1936 г., когда 26 февраля была совершена попытка военного переворота. Даже после того, как началась война с Китаем, ситуация оставалась довольно запутанной. После Хасана Р. Зорге отправил сообщение, в котором японские военные элиты были разделены на три группы: 1) те, кто хочет войны с Китаем; 2) Квантунская армия хочет прекратить кампанию против Китая и сосредоточиться на войне с СССР; 3) генерал Итагаки и другие, которые хотят консолидировать позиции в Северном Китае и Маньчжурии. Согласно этой информации, премьер-министр Хиранума высказался за третий сценарий³⁸. Сам Зорге считал, что японцы не готовы к большой войне с СССР, хотя вполне возможны локальные провокации³⁹. Советский военный атташе Крылов сообщал, что в мае 1939 г., когда начался конфликт, Япония, Германия и Италия в соответствии с Антикоминтерновским пактом начали совместные консультации. Однако среди японских элит прогерманской ориентации придерживались только военные, в то время как Германия не хотела вместе с Японией воевать против Советского Союза⁴⁰.

Вероятно, инцидент у Хасана вызвал бурную реакцию руководства Квантунской армии. Генерал К. Уэда в апреле 1939 г. разработал новое Руководство по демаркационной политике и Оперативный приказ 1488 «Принципы действий в конфликтах на границе Советского Союза и Маньчжоу-Го». На самом деле этот документ был составлен амбициозным офицером среднего звена Цудзи Масанори. Хотя император и правительство в Токио колебались, голос полковника Квантунской армии звучал громче их — явление, которое называется «Gekokujou», особенно известно по истории средневековой Японии, когда низы в иерархии не подчиняются верхам и ведут себя произвольно. Цудзи выдвинул план силовых действий в отношении МНР и Советского Союза. Вопреки

---

³⁸ Военная разведка информирует: январь 1939 — июнь 1941: документы. М., 2008. С. 193.

³⁹ Но это также верно, как доказал Сталин, его предупреждение было воспринято скептически, так как он был иностранцем из немцев, и он даже не имел офицерского звания.

⁴⁰ Военная разведка информирует. С. 157.

общепринятому представлению о Квантунской армии в ней отсутствовала строгая командная иерархия. Напротив, отсутствие лидеров и безответственность некоторых из высшего руководства были главной причиной поражений Японии вплоть до 1945 г.

Основным подразделением Квантунской армии, предназначенным для сражений на Халхин-Голе, была 26-я дивизия, сформированная в 1938 г., во главе с генералом Комацубара, бывшим военным атташе в Москве в 1920-х гг. Она дислоцировалась недалеко от Хайлара, где также размещался Токуму кикан (спецорганы в армии — разведка и контрразведка). До дислокации это была не самая лучшая дивизия в Квантунской армии. В любом случае, Комацубара, возможно, был соблазнен предложением Цудзи об участии в конфликте на границе.

С самого начала боевых действий силы сторон были асимметричными. В некотором смысле японцы казались более сильными в воздухе, тогда как Советский Союз превосходил их по танкам и артиллерии. Однако советской стороне удалось мобилизовать большое число организационных возможностей через логистические цепочки поставок, то, что японцы не смогли сделать. Вместо этого японская сторона стремилась мобилизовать такие «самурайские» качества, как самопожертвование и упорство в достижении цели, которые произвели впечатление даже на Сталина. У обеих сторон были как тактические преимущества, так и слабости, однако к концу августа произошли окончательные сражения, в которых доминировали будущий маршал Г. Жуков и БТ-7 — прототип танка грядущей войны.

К середине июля, ввиду предстоящих переговоров с Германией, Москва решила нанести последний удар по Квантунской армии. Заместитель наркома обороны Г. Кулик попросил Ворошилова разрешения провести контратаку 22 июля и мобилизовать строительный батальон из 4000 человек.

У японцев, в свою очередь, не было системы резервного подкрепления. У монгольской армии во главе с Х. Чойбалсаном была своя проблема — он сообщал, что некоторые солдаты переходили на сторону японцев⁴¹. Помимо советско-монгольской солидарности существовал и большой центробежный фактор в двусторонних отношениях, частично из-за монгольских этнических племенных групп. Баргуты, например, тяготели к сотрудничеству с японцами⁴².

⁴¹ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. С. 270.

⁴² Там же.

Завершающий этап сражений наступил к концу августа. Ворошилов приказал Штерну и Бирюкову приступить к наступлению 10 августа, при этом он категорически был против, чтобы советские войска пересекали границу. У Жукова было около 57 000 человек, 542 орудия, 498 танков и 515 самолетов. Штерн доложил Ворошилову о своей готовности к 19 августа. В свою очередь, к августу японцы сформировали 6-ю армию. У них было около 75 000 солдат, 500 единиц оружия, 182 танка и более 300 самолетов. У Красной Армии было больше танков и самолетов.

20 августа утром части РККА и МНРА начали наступление, что было неожиданно для японцев⁴³. На следующий день японцы и маньчжуры были окружены. 24 августа большой удар был нанесен по центру японско-маньчжурской армии⁴⁴. 28 августа Жуков, Штерн и другие от имени Первой армейской группы с Ремизовских высот, которые они заняли, 28 августа в 22:30 сообщили Сталину, Молотову и Ворошилову об окончании сопротивления японцев⁴⁵. 29 августа Ворошилов поблагодарил за победу, а 16 сентября приказал прекратить военные действия⁴⁶. Советских командиров вновь строго предупредили, чтобы они не пересекали государственную границу⁴⁷.

В эти дни, с 22 мая по 12 сентября, японцы потеряли 621 самолет, а советские — 238. Всего 61 000 японцев погибли, были взяты в плен или ранены. В редакционной статье «Асахи симбун» от 5 октября сообщалось, что за эти четыре месяца было потеряно убитыми около 18 000 японцев и маньчжуров, хотя на самом деле их было больше.

Так, японцы пришли к дипломатическому решению конфликта вместо того, чтобы продолжать войну. Посол Того и министр иностранных дел В. Молотов провели переговоры и 16 сентября договорились прекратить военные действия. 2 октября Политбюро решило, что советская Первая армейская группа должна вернуться из Монголии. В последующем она была расформирована. По предложению Того он и Молотов договорились создать комиссию по демаркации границы между Монголией и Маньчжурией⁴⁸.

---

⁴³ Там же. С. 331.

⁴⁴ Там же. С. 365.

⁴⁵ Там же. С. 377.

⁴⁶ Там же. С. 408.

⁴⁷ Там же. С. 383.

⁴⁸ Там же. С. 428.

Заключение

В своей популярной книге «Вторая мировая война» британский военный историк Энтони Бивор характеризует инцидент на Халхин-Голе (или Номонхан) мая — августа 1939 г. как начало Второй мировой войны, жертвами которой стали около 60 миллионов человек. История после Халхин-Гола была более сложной — 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

Затем Сталин начал войну с Польшей в сентябре и с Финляндией — с ноября. Но, как признал он шесть месяцев спустя, польская кампания была своего рода военной прогулкой по сравнению с финской войной, в которой было мобилизовано 50 дивизий⁴⁹. Война против Финляндии закончилась тяжелым поражением Сталина, Ворошилова и Красной Армии⁵⁰. Жуков не был в ней задействован, а престижу Штерна был нанесен большой урон вплоть до его смерти в 1941 г.

Сталину пришлось сделать серьезные выводы по войне с финнами, и 14—17 апреля 1940 г. он провел заседание ЦК. Сначала Сталин сказал, что война была необходима для защиты Ленинграда, потому что там было сосредоточено 30—35% военной промышленности. Во-вторых, ленинская философия не только атакует, но и отступает. Третий урок состоял в том, что СССР должен готовиться к серьезной современной войне, которую СССР никогда не вел. В этом контексте весьма интересно привести его сравнение «зимней» войны с Номонханом. Он сказал об инциденте у оз. Хасан и Номонхане как небольшом эпизоде: «У них было только две—три дивизии, а у нас было 2—3 дивизии»⁵¹. Сталин также отметил, что «Япония боялась развязать войну и мы тоже не хотели»⁵².

В начале февраля 1940 г. после поражения Сталина в финской войне в Токио возникла идея о реванше⁵³. Побочный продукт Халхин-Гола — Пакт о ненападении с Гитлером — просуществовал недолго, всего 22 месяца. Сталин должен был узнать из «зимней» войны, что оборонительная война была более патриотичной и может иметь шанс на победу, как он вспоминал в мае 1945 г.

⁴⁹ Зимняя война 1939—1940. И. В. Сталин и Финская кампания. М., 1998. Т. 2. С. 276.

⁵⁰ Военная разведка информирует. С. 173.

⁵¹ Зимняя война 1939—1940. С. 276.

⁵² Там же.

⁵³ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М., 2000. С. 105.

Урок стоил жизни примерно 27 миллионам советских людей. Также японцы усвоили этот урок ценой 3,1 миллиона жизней.

В глобальном плане, исходя из «теории политики силы», это было время завершения эпохи доминирования Британии и появления «многополярного мира», когда мир только переходил к Pax Americana. Возникли такие «полюса силы», как сталинский Советский Союз, нацистская Германия и милитаристская Япония, а также Китай. Э.Х. Карр, британский специалист по международной политике и основатель «международных отношений» как научной дисциплины, в своем труде «Двадцатилетний кризис» писал о появлении в тот период в мировой политике Pax Japonica и Pax Germanica. В сегодняшнем понимании тот многополярный мир складывался под угрозой Второй мировой войны. Для Советского Союза война была идеологически неизбежной. Каждая держава боялась конфронтации на двух фронтах.

Восточная угроза Сталину, особенно с 1931 г., закончилась «квазиинцидентом», и вплоть до 1945 г. между Японией и СССР установился своего рода «модус-вивенди», хотя некоторые историки называют это умиротворением Сталина со стороны Японии.

Ретроспективно можно сказать, что ситуация на «западном фронте» для Сталина в 1930-х гг. была шаткой, хотя довольно спокойной по сравнению с «Восточным фронтом», где происходили столкновения, постоянные пограничные конфликты, хотя верно и то, что Сталин начал оказывать огромную помощь в гражданской войне в Испании. С июля 1936 г. начались проблемы и на «западном фронте».

2 сентября 1945 г. Сталин выступил с речью о победе во Второй мировой войне. Это было спустя три недели не только после августа 1945 г., но и четыре десятилетия с 1904 г. Он говорил, что поражение русской армии в той войне оставило тяжелые воспоминания. Он также напомнил, что Япония снова напала на СССР в районе озера Хасан в 1938 г. и на Халхин-Голе в 1939 г., чтобы оторвать Дальний Восток от России⁵⁴.

Пройдя через эти конфликты, главные персонажи «всей сталинской рати» — Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Никита Хрущев (Андрей Жданов умер в 1948 г.) и даже герой Халхин-Гола Георгий Жуков — продолжали испытывать превратности судьбы, но выжили после смерти Сталина. Более того, окончательная борьба за власть произошла после XX съезда партии, когда

---

⁵⁴ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 205.

Никита Хрущев выступил с критикой Сталина. В июле 1957 г. Молотов и Каганович были сняты с должностей, а к Октябрьскому пленуму 1957 г. маршал Георгий Жуков был также низложен Хрущевым. Таким образом, влияние внутренней политики на Халхин-Гол в 1939 г. оказалось решающим в политике и в сталинскую послевоенную эпоху, и даже после смерти вождя.

Литература

На русском языке:

- Военная разведка информирует: янв. 1939 — Июнь 1941. Документы. М., 2000.
- Война и политика 1939—1941. М., 1999.
- Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол 1939, Май — Сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014.
- 18 съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(Б). М., 1939.
- Георгиев Ю. Рихард Зорге. М., 2000.
- Год кризиса 1938—1939. Т. 2. Документы и материалы. М., 1990.
- Гриф секретности снят. М., 1993.
- Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М., 2000.
- Зимняя война 1939—1940. И. В. Сталин и Финская кампания. Т. 2. М., 1998.
- Жуков Г. Документы. М., 2001.
- Калкаев Е. Г. К вопросу о начале корейской операции НКВД 1937—1938. Вопросы истории. № 12. 2018.
- Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934—1941. Справочник. М., 1999.
- Пономарев Н. М. Герой Халхин-гола. М., 1989.
- Процесс Бухарина 1938 г. М., 2013.
- Пыжков А. Корни сталинского большевизма. Аргументы недели. М., 2015.
- Сипрос В. Я. Внешняя политика Советского Союза 1936—1939 гг. М., 1987.
- Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936. М., 2001.

Часть II. Политический контекст победы

Совершенно Секретно, Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 10. Ч. 2. М., 2017.

Сувениров С. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.

Хлевнюк О. Сталин: Жизнь одного вождя. М., 2017.

Халхин-гол в огне. М., 1989.

Филиппов С. Г. Руководители центральных органов ВКП(б) 1934–1939 гг. Справочник. М., 2018.

На английском языке:

Beevor A. The Second World War. Phoenix, 2012.

Cooh A. Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford, 1990.

Cooh A. The Lesser of Two Hells: NKVD General G. S. Lyshkov's Defection to Japan, 1938–1945. Part I, II. The Journal of Slavic Military Studies. № 4. 1998; № 1. 1999.

Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk Oleg, Weatcroft St. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. Palgrave Macmillan, 2018.

Fitzpatrick S. On Stalin's Team – The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton University Books, 2015.

Goldman St. D. Nomonhan 1939. Naval Institute Press, 2012.

Haslam J. Soviet Foreign Policy 1936–1939. Macmillan, 1985.

Kotkin St. Stalin: Waiting for Hitler. Penguin, 2017.

Krivitsky W. In Stalin's Secret Service. New York, 2000.

The Soviet Union and the Threat from the East, 1933–41. Macmillan, 1992.

На японском языке:

Иваки Сигэюки. Номонхан дзикэн-но кёдзо то дицудзё (События на Халхин-Голе: вымыслы и реальность). Токио, 2013.

Алексей Кириченко. Сирарэдзу нитиро но рекиси (Неизвестная японо-российская история). Токио, 2013.

Касахара Коута. Ниссо Тёкохо дзикэнси (История вооруженного конфликта на озере Хасан). Токио, 2015.

Алвин Кокс. Номонхан-согэн-но ниссосэн 1939 (Японо-советские бои на полях Халхин-Гола). Токио, 1989.

- Симотомаи Нобуо. Кубандзикэн обоэгаки (Записки по кубанскому делу) // Сэйкэй хогаку, 1982. № 18; № 19.
- Симотомаи Нобуо, Иокибэ Макото, Анатолий Торкунов, Дмитрий Стрельцов. Ниссо канкэйси (История японо-советских отношений). Токио, 2015.
- Симотомаи Нобуо. Собизэто рэннпоси (История Советского Союза). Токио, 2017.
- Гиругидзин Суфурэ. Кокусаитэки сия-но нака-но Харухава – Номонхан сэнсо (Война на Халхин-Голе с международной точки зрения). Токио, 2016.
- Борис Славинский. Ниссосэнсо-эно мити (Путь к японо-советской войне). Токио, 1999.
- Танака Кадзухико. Номонхан сэнсо (Война на Халхин-Голе). Токио, 2009.
- Танака Кадзухико и др. Харухагава Номонхансэнсо то кокусаи канкэй (Война у Номонхана (Халхин-Гола) и международные отношения). Токио, 2013.
- Таниути Юдзуру. Собизэто сэйдзи тицудзё-но хэнсэй (Основы политики Советского Союза). Токио, 1986.
- Нисино Татукити. Надзо-но бомэйся Рюсикофу (Неизвестный эмигрант Люшков). Токио, 1979.
- Хата Икухико. Номонхан (Халхин-Гол) Номо. Токио, 2018.
- Нанада Томоюки. Номонхандзикэн. Ниссо тюрицу дзёяку (События на Халхин-Голе. Японо-советский Пакт о нейтралитете) // Сёваси коги — сайсин кэнкю дэ миру сэнсо-э-но мити (Лекции по истории эпохи Сёва: «Новый взгляд на пути к войне» под редакцией К. Цуцуи). Токио, 2015.

Глава 11*

**ВОЙНА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ
МАНЬЧЖОУ-ГО В ОТНОШЕНИИ МОНГОЛОВ**

Введение

Государство Маньчжоу-Го было основано как «независимая страна», базирующаяся на «согласии пяти народов (Gozoku-Kyōwa)», в состав которых входили японцы, маньчжуры, (этнические) китайцы, монголы и корейцы. Подобная идейная система противодействовала «согласию пяти народов (Gozoku-Kyōwa)» Китайской республики.

Китайская республика тоже объявляла равенство всех народов под лозунгом «согласия пяти народов», касающихся китайцев, маньчжуров, монголов, тибетцев и уйгуров. Но Маньчжоу-Го не устраивало, что в действительности Китайской республикой управляли исключительно китайцы, и настаивало на своей легитимности, объявляя, что именно Маньчжоу-Го являлось земным раем, осуществившим равенство народов.

Но нельзя отрицать тот факт, что в Маньчжоу-Го из пяти народов китайцы занимали подавляющее большинство, а японцы — абсолютное меньшинство. К тому же, исключительно японцы в его правительстве занимали важные посты, начиная с заместителя руководителя, исполнявшие практические дела государственных органов, хотя главой государства был Айсиньгёро Пу И, маньчжур, являвшийся бывшим императором государства Цин, и китайцы и маньчжуры находились на посту всех министров, начиная с премьера-министра.

Япония считала серьезным несоответствием то, что японцы, оказываясь в меньшинстве в Маньчжоу-Го, таким образом имели действительную власть. В связи с этим Квантунская армия, практически державшая Маньчжоу-Го под контролем, составила план «переселения миллиона домов» с целью переселить 5 миллионов (миллион домов) японцев

---

* Автор главы — Като Киёфуми.

в течение 20 лет с 1937 г., для того, чтобы японцы составляли 10% общего населения Маньчжоу-Го. Квантунская армия сделала попытку увеличить количество японских переселенцев и приобрести легитимность при оказании влияния Японией на Маньчжоу-Го.

Однако, если активно пытаться увеличить число японцев, и если политика Маньчжоу-Го станет стабильной, то общее население будет еще больше увеличено. В особенности увеличилась численность китайского населения, так что была вероятность увеличения разницы в численности населения между японцами и китайцами.

Больше всех среди народов Маньчжоу-Го было китайцев. Многие из них были крестьянами, переселившимися в Маньчжоу-Го из провинций Шандунь и Хэбэй с XIX в. Резкое увеличение их численности было вызвано строительством Китайско-Восточной железной дороги, начавшимся в конце XIX в. В начале XX в. китайцы превзошли маньчжуров по численности. Их число продолжало увеличиваться и после основания Маньчжоу-Го, поэтому китайцы, которые там проживали, имели тесные отношения с Северным Китаем, особенно с Шаньдунским полуостровом¹.

В связи с тем, что китайцы не находились под защитой государства, они поддерживали тесную связь, основанную на кровном родстве и месте рождения, но у них не было сформировано доверие или лояльность к государству. Правительство Маньчжоу-Го пыталось побудить их к национальному сознанию, однако это не удалось за все время его существования. Напротив, Маньчжоу-Го оказалось перед необходимостью предотвратить изменение государства в китайское, которое происходило по причине увеличения китайского населения.

В данной ситуации государство стремилось сохранять этническое равновесие в Маньчжоу-Го, используя монголов, с которыми китайцы исторически имели напряженные отношения, для ограничения влияния китайцев.

---

¹ Сусуму Цукасэ. Тю: гоку кингэндай то: хоку кэйдзайси кэнкю: — тэцудо: фусэцу то тю: гоку то: хоку кэйдзай но хэнка (Исследование новой и новейшей экономической истории Северо-восточного Китая — строительство железных дорог и изменения в экономике Северо-восточного Китая). То: хоку сё: бо:, 1993; Аратакэ Тацууро. Киндай мансю: но кайхацу то имин (Развитие современной Манчжурии и иммигранты). Кю: ко сёин, 2008.

1) Концепция по региону «Внутренняя Монголия», поддержанная в Японии

Жителями, чья этнологическая позиция была неясна в Маньчжоу-Го, являлись корейцы и монголы. Большое количество корейцев начало прибывать в Маньчжоу-Го с Корейского полуострова в XIX в., раньше, чем Япония присоединила Корею. Но после ее соединения японская сторона настаивала на своем праве взять корейцев под покровительство и контроль, в чем возникла дипломатическая проблема между Японией и Китаем.

Подобная проблема сама исчезла в результате основания Маньчжоу-Го, вследствие чего увеличилась численность корейцев, которые переехали в Маньчжоу-Го с Корейского полуострова. Одни переселились как крестьяне-иммигранты, другие — с целью работать госслужащими и профессиональными военными. Например, Пак Чон Хи, переехав туда с Кореи под управлением Японии, вступил в Маньчжурскую армию. Таким образом, в Маньчжоу-Го появилась двойная структура — там жили корейцы, переселившиеся перед Мукденским инцидентом, и корейцы, переехавшие после него.

Но после того как вспыхнула Японо-китайская война и на Корейском полуострове началась политика «японизации», корейцы, проживавшие в Маньчжоу-Го, стали страдать от противоречия своей этнической идентичности. Как ни странно, оттого, что корейцы на Корейском полуострове присоединились к японцам вследствие проведения «японизации», корейцы, как этническая единица — там «исчезли», а в Маньчжоу-Го корейцы существовали как один из пяти народов. На Корейском полуострове была проведена насильственная ассимиляция корейцев к японцам, а в Маньчжоу-Го корейцы «официально» были равны с японцами. В этом отношении этническая принадлежность корейцев юридически менялась в зависимости от их места проживания.

Волна переселения корейцев, распространявшаяся во всей Северо-Восточной Азии в XIX в., достигла не только Маньчжурии, но и Дальневосточного региона России. В Советском Союзе началась депортация корейцев в Среднюю Азию почти одновременно с началом проведения «японизации» корейцев на Корейском полуострове. Можно сказать, что в каком-то смысле их диаспора возникла в 1937 г.

В отношении этнической идентичности монголы находились в более сложном положении, чем корейцы. По сравнению

с корейцами, сформировавшими свою нацию и государство более тысячи лет, монголы, проживавшие на огромной территории в Евразии, еще жили в устойчивом клановом сообществе, так что их этническая идентичность была сложна.

Маньчжурская династия Цин, присоединившая к своей территории Монголию, Восточный Туркестан и Тибет, которыми не могли управлять прежние китайские династии, являлась самой большой китайской династией. В династии существовали разнообразные этнические группы и культуры, следовательно, ее система управления была не единая, а разнохарактерная.

Территорией, где проживали китайцы, император управлял в соответствии с системой управления китайских династий. А при управлении Монголией, Восточным Туркестаном и Тибетом, за которыми надзирала Палата внешних отношений, пользовался системой управления бывшей Монгольской империи. Другими словами, император Великой Цин относился к китайцам как «император», к монголам как «великий хан», к тибетцам как «великий благодетель», а к уйгурам как «покровитель». Таким образом, у императора были разные лица².

Но после падения династии Цин в результате Синьхайской революции Китайская республика наследовала ее территорию. Вследствие этого Монголия тоже вошла в состав территории Китайской республики, поэтому монголы стали ее народом. Начала проводиться унификация аппарата управления.

В 1907 г. в северо-восточном регионе Китая, Маньчжурия, место происхождения династии Цин, преобразовалась в Три восточные провинции, состоящие из провинции Фэнтянь, провинции Цзилинь и провинции Хэйлуцзян, а на территории, которую населяли монголы, был сохранен аппарат администрации (на основе аймаков и хошунов), установленный во время династии Цин. Но после основания Китайской республики Чжан Цзолинь, обладавший властью в Трех восточных провинциях, присоединил к ним восточную часть Южной Монголии. Кроме того, в 1914 г. северо-восточная часть Южной Монголии преобразовалась в Особый район Чахар, южно-восточная часть — в Особый район Жэхэ, а западная часть — в Особый район Суйюань, а в 1928 г. три Особых района преобразовались, соответственно, в провинцию Чахар, в провинцию Жэхэ и в провинцию Суйюань.

---

² Сугияма Киёхико. Дайсин тэйкоку но кэйсэй то хаккисэй (Формирование Великой империи Цин и система «восьми знамен»). Нагоя дайгаку сюппанкай, 2015.

Как было отмечено выше, после Синьхайской революции Китайская республика постепенно создавала единую систему администрации. Был упразднен базировавшийся на аймаках и хошунах административный аппарат. Социальная среда монголов резко изменилась с начала XX в. Однако монголы чувствовали, что они подчинялись династии Цин и не имели намерения признать управление ими Китайской республикой, в которой главную роль играли исключительно китайцы. Так что некоторые из монголов, потерявших покровителя после падения династии Цин, откровенно стремились приобрести независимость.

В особенности в Северной Монголии, где китайское население составляло малую долю, в 1911 г., когда произошла Синьхайская революция, при поддержке Российской империи было создано правительство Богдо-хана, а в 1915 г. Северная Монголия приобрела автономию и стала практически независимой.

Политическая обстановка в Северной Монголии оказывала влияние и на Южную Монголию. В 1916 г. Бавуужав, родившийся в Северной Монголии, имевший отношения к правительству Богдо-хана, объединил силы с принцем из рода Айсиньгёро, у которого был план реставрации династии Цин, начал военные действия при поддержке сухопутных вооруженных сил Японской империи и таких японских активистов, как Кавасима Нанива. Но войска Бавуужава потерпели поражение в бою с войсками армии Чжан Цзолиня, правившего провинцией Фэнтянь. Бавуужав тогда погиб.

Чжан Цзолинь как лидер вооруженных сил китайцев стал править тремя восточными провинциями в то время, когда много китайцев заселялось в Маньчжурию, где маньчжуры ранее превосходили их по числу.

Тот факт, что Чжан Цзолинь захватил три восточные провинции, оказал влияние и на Южную Монголию. Она являлась прилежавшим к ним административным делением, но отличалось от трех восточных провинций, бывших местом происхождения династии Цин. Однако Чжан Цзолинь предпринял территориальную экспансию в направлении Южной Монголии, в результате чего ее восточная часть присоединилась к трем восточным провинциям.

С другой стороны, в период между последними годами существования династии Цин и первыми годами существования Китайской республики, Япония заключала соглашения с Россией 4 раза и определяла сферы влияния обеих стран в Маньчжурии и Монголии. Стоит обратить внимание на то, что третьим

русско-японским соглашением, подписанным в 1912 г., были установлены сферы влияния в Монголии.

Согласно этому соглашению, Внешняя Монголия и западная часть Южной Монголии определилась как сфера влияния России, а восточная часть Южной Монголии — как сфера влияния Японии. Однако в связи с тем что при заключении первого русско-японского соглашения уже определились сферы влияния на северной и южной частях Маньчжурии, район Хулунбуэй, расположенный в Южной Монголии, вошел в состав российской сферы влияния, а Япония взамен включила в сферу своего влияния регион, который потом преобразовался в провинцию Чахар, провинцию Жэхэ и провинцию Суйюань. Выходит, что непосредственно после Синьхайской революции Япония не имела намерения оказывать помощь для достижения независимости всей Южной Монголии, и ее интересы состояли только в том, чтобы распространить свое влияние на ограниченный регион — восточную часть Южной Монголии.

Японское правительство, включая сухопутную армию Японии, пользовалось поддержкой принца из рода Айсингьёро и Бавуужавом только с целью оказания давления на правительство Юань Шикая, служившему препятствием к экспансии на восточную часть Южной Монголии. На самом деле Япония не поддерживала реставрацию династии Цин и достижение независимости Южной Монголии.

Наблюдалась тенденция к тому, что после Синьхайской революции японцы считали, что лучше помогать (или использовать) монголам, которые находились под давлением китайцев. Очень мало кто из японцев понимал общество монголов и/или выучил монгольский язык в совершенстве. А монголы не столько уважали Японию, сколько были намерены использовать японцев для сохранения своей идентичности и удовлетворения жажды власти. Так японцы и монголы, имея разные скрытые намерения, встретили Мукденский инцидент.

2) Основание Маньчжоу-Го и размежевание Южной Монголии

После Мукденского инцидента в Южной Монголии Ганжуржаб планировал поднять на восстание Армию независимой Южной Монголии и провозгласить независимость Южной Монголии. Ганжууржав, второй сын Бавуужава, окончил Военную академию Императорской армии Японии после его смерти. Его третий сын, Zhengzu M Jabu, который также окончил подобную академию, поддерживал планы его старшего брата, Nongnai Jabu.

А первый сын, уйдя из академии, переехал в Северную Монголию из Японии перед Мукденским инцидентом.

Настроение Армии автономной Южной Монголии (в которую Армия независимой Южной Монголии переименовалась в ноябре, по официальным данным ее численность составляла 5600 чел.) поднялось в связи с военной победой Японии в Мукденском инциденте. Квантунская армия активно оказывала ей помощь. Но Армия автономной Южной Монголии состояла из бессистемно собранных членов, поэтому ее войска понесли тяжелое поражение в бою с войсками армии Чжан Сюэляна, а потом разбежались. Достижение независимости Южной Монголии оказалось несбыточной мечтой³.

После образования Маньчжоу-Го в апреле 1932 г. сформировалась Армия провинции Синьань, а потом разделилась на четыре армии субпровинции (Северная субпровинция была расположена в районе Хулунбуыр, Восточная — на восточной части хребта Большой Хинган, Южная — с южной части хребта Большой Хинган до провинции Цзиньчжоу, а Западная — с границы с Северной Монголией до севера провинции Жэхэ). Поскольку Ганжууржав родился в Южной субпровинции Синьань, Армия автономной Южной Монголии присоединилась к Армии Южной субпровинции Синьань. Кстати, Армия Западной субпровинции Синьань сформировалась в мае 1933 г. после выполнения операции Жэхэ.

У монголов, которые жили в провинции Синьань, вошедшей в состав Маньчжоу-Го, с самого начала было воспитано сознание принадлежности к такой мелкой этнической единице, как дауры и халхи, и не наблюдалось формирование монгольской идентичности. К тому же, даже в районе, где проживали монголы, китайцы превосходили их по численности, и их обычаи и культура были часто изменены в китайские. Такая тенденция сильнее проявлялась в Южной и Восточной субпровинциях Синьань. Ганжуржав не был этнически чистым монголом, а его жена была китаянкой. В отношении социального положения Южная Монголия существенно отличалась от Северной Монголии, достигшей независимости.

---

³ Хомма Макото. Ко: ан кэйбигун (мо: когун) но кэнсэцу но кэйи нарабини сёки кацудо: но бэнгай (История создания Армейской группы Синьань (Монгольской армии) и её первые шаги). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 239.

Армия провинции Синьань, созданная в такой ситуации, приняла «элитизм», учитывая опыт военной неудачи Армии автономной Южной Монголии. Численность личного состава армии была ограничена 1500 чел., и армия придавала важность повышению способности к управлению лошадьми в военном деле. Она состояла из избранных монгольских юношей и японских офицеров. Командование было принято на японском языке. Принятие «элитизма» среди монгольских молодых людей привело к тому, что армии стало трудно управлять обширной провинцией Синьань, составлявшей треть территории Маньчжоу-Го. Численность личного состава армии увеличилась примерно до 3500 чел. по состоянию на 1934 г.

Далее Квантунская армия попыталась усилить Армию провинции Синьань, предполагая войну с Советским Союзом. В июле 1934 г. было основано Военное училище Коан (Коан соответствует Синьань на китайском языке), переименованное в Училище сухопутной армии Коан в октябре 1939 г. Цель этого училища заключалась в подготовке младших офицеров и образовании среднего состава госслужащих. После двухлетнего обучения слушатели распределялись в Армию какой-либо субпровинции Синьань в качестве офицеров-практикантов⁴.

После образования Маньчжоу-Го Квантунская армия отвечала за оборону страны, а Армия Маньчжоу-Го играла вспомогательную роль в охране внутреннего общественного порядка, ответственность за которую несла Квантунская армия. Обеспечение общественной безопасности достигло определенных результатов, но из-за того, что позиции Красной Армии на Дальнем Востоке значительно укрепились, возникла необходимость усилить боеспособность Армии Маньчжоу-Го. В результате этого в декабре 1935 г. «Руководящие принципы Сухопутной армии Маньчжоу-Го» определились следующим образом⁵:

---

⁴ «Мансю: кокугун» («Маньчжурская императорская армия»). Мансю: кокугун канко: иинкай хэн [Опубл. издательским комитетом Маньчжурской императорской армии]. Рансэйкай, 1970. С. 624–628.

⁵ Бо: эйтё: бо: эйкэнсю: дзё сэнси бухэн «Сэнси сё: сё Канто: гун <1> — тай-со сэмби, номонхан дзикэн (Оборонное агентство Учебного института обороны, Департамент военной истории «Серия военной истории Армии Канто <1> — Битва против Советского Союза, Номонханский инцидент»). Асагумо симбунся, 1969. С. 124–125.

Руководящие принципы Сухопутной армии Маньчжоу-Го

А) Курс

Руководство Сухопутной армии Маньчжоу-Го считает своим курсом обеспечение боеспособности для того, чтобы ее главные силы сами были способны оборонять государство и охранять тыл, и для того чтобы ее определенной части могла быть поставлена задача отправиться за границу.

Б) Принципы

1) Сухопутной армии Маньчжоу-Го необходимо нести ответственность за выполнение задачи как можно лучше самостоятельно оборонять государство, в особенности охранять внутренний общественный порядок.

2) Сухопутной армии Маньчжоу-Го необходимо нести ответственность за выполнение как можно больше задач в отношении охраны тыла в военное время (напр. оборона опорных пунктов, защита железных дорог, организация и охрана транспортных колонн и т.д.).

3) Из Сухопутной армии Маньчжоу-Го такой неопределенной части вооруженных сил, как монгольская кавалерия и т.д., необходимо повышать боеспособность для того чтобы подобные вооруженные силы могли быть незамедлительно отправлены за границу.

Эти обновленные руководящие принципы привели к тому, что Сухопутной армии Маньчжоу-Го были поставлены задачи не только самостоятельно оборонять страну (особенно обеспечивать общественный порядок), но и охранять тыл в военное время. Также было принято решение об использовании войск, чьими главными силами являлась монгольская кавалерия, при отправке их за границу⁶. Таким образом, Сухопутная армия Маньчжоу-Го разделилась на Армию обороны провинции (внутреннюю охрану) и Армию национальной обороны (экспедиционные войска), в основе которой лежала Армия провинции Синъань.

Армия Маньчжоу-Го состояла из разных народов (маньчжуров, китайцев, монголов, корейцев и «белых» русских) под лозунгом «согласие пяти народов». Японцы фактически руководили армией как офицеры. Кроме того, наблюдалась тенденция к тому, что в армии японцы остерегались китайцев, поэтому они пытались использовать антикитайские настроения монголов. Армия провинции Синъань функционировала в качестве аппарата, ограничивавшего деятельность китайцев, и после начала

---

⁶ «Мансю: кокугун» [«Маньчжурская императорская армия»]. С. 11.

Японо-китайской войны ее войска стали выступать на севере Китая в качестве экспедиционных.

Стимуляция идентичности монголов создала опасность того, что оформилась не только их национальная идентичность, но и их стремление к независимости. Позиция Квантунской армии относительно подобной проблемы была неясна во время возникновения Мукденского инцидента, а когда он закончился, армия стала проявлять более ясную позицию.

Пока основывалось новое государство в результате Мукденского инцидента, штабной офицер Квантунской армии Катакура Тадаси составил «Основные принципы для принятия оптимальной меры против проблем Маньчжурии и Монголии» с целью добиться единства взглядов внутри штаба армии. Что касается Монголии, то основными принципами считались установление доверия монголов к Японии, прежде всего в определенных районах, в религиозно-политическом отношении и уменьшение влияния китайцев⁷.

Представляется, что подобные принципы были основаны в «письме», которое Дегулай (монгол, имевший опыт обучения в Японии) представил Катакуре. В «письме» было высказано мнение, что необходимо постепенно объединить Южную Монголию, начиная с автономии района Хулунбуэйр, в качестве соединенного королевства во главе с Айсиньгёро Пу И, несмотря на то, что Маньчжурия и Монголия отличались друг от друга с исторической и этнической точки зрения. Дегулай, так же, как и Дэмчигдонров, входил в число нового поколения монголов, подвергавшихся влиянию монгольского национализма посредством получения современного образования в Японии. Они питали ненависть к китайцам, и в то же время направляли суровую критику против членов монгольской королевской семьи. Они были и радикальными реформистами, настаивавшими на конфискации их имущества и упразднении рабства⁸.

⁷ Мансю: дзихэн кимицу сэньяку нисси соно 4, маммо: мондай дзэнго сёри ё: ко: (Дневник конфиденциальной стратегии Мукденского инцидента разд. 4, принципы стабилизации обстановки при решении проблем Манчжурии и Монголии). Под ред. Кобаяси Тацуо и Симада Тосихико. Гэндайси сирё: 7, Мансю: дзихэн (Современная история, материал 7, Мукденский инцидент). Мисудзу сёбо. 1964. С. 361.

⁸ Икэнсё (Точка зрения). Под ред. Кобаяси Тацуо, Симада Тосихико и Инаба Масао. Гэндайси сирё: 11 дзоку, Мансю: дзихэн (Современная история,

Катакура позитивно относился к тому, чтобы такие представители монгольской молодежи, как Дегулай, принадлежавшие к прояпонской группировке, которая была готова принять идею «согласие пяти народов», приняли участие в процессе строительства Маньчжоу-Го, а не поддержали движение за независимость монголов, стремившихся к реставрации традиционной монгольской королевской семьи. Однако, в отличие от Дегулая, видевшего перед собой перспективу объединить всю Южную Монголию и достичь ее независимости, Катакура, имея смутное представление о том, что такое Монголия, считал монголов только человеческим материалом для осуществления заговорщических и военных действий⁹.

Это представление изменилось после заключения Перемирия Тангу 31 мая 1933 г., и мера относительно монголов постепенно становилась конкретной. В июне 1933 г., сразу же после заключения этого перемирия, Квантунская армия составила «Временный набросок основных принципов о руководстве монголами», в результате чего определилось основное руководство по принятию меры относительно монголов.

Согласно «Временному наброску основных принципов о руководстве монголами» основное направление состояло в том, чтобы четко различать монголов в Маньчжоу-Го от монголов западной части Южной Монголии, стремиться к сосуществованию первых с другими народами, поддерживать основание автономного правительства в западной части Южной Монголии (в основном в провинции Чахар) с точки зрения антисоветской стратегии, и в тайне готовить отделение Северной Монголии от Советского Союза. Тогда Южная Монголия разделилась бы на две части — внутри и вне Маньчжоу-Го. При этом идеалистическое направление, принятое на начальном этапе процесса Мукденского инцидента, изменилось на реалистическое. Было решено использовать

материал 11 <продолжение>, Мукденский инцидент). Мисудзу сёбо. 1965. С. 608–612.

⁹ Катакура Тадаси. Дай-нана кай Катакура Тадаси си ко: дзюцу — мо: ко сэ-йсаку, хокуман хэйтэй, кэнкоку ко: саку (фуги ё: рицу, сэйфу дзиндзи) (7-ая речь Катакура Тадаси — политика в Монголии, стабилизация Северной Маньчжурии, государственное строительство (возведение на трон Пу И, кадры в правительстве)); Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 312.

существовавший политический строй монгольской королевской семьи и не чрезмерно обострять антикитайские настроения¹⁰.

Квантунская армия считала, что обострение антикитайских настроений монголов повлекло бы за собой сопротивление китайцев в Маньчжоу-Го и потрясло бы идею «согласия пяти народов» и основы государства. Иными словами, для строительства Маньчжоу-Го необходимо было ограничивать монгольский национализм. Но в западной части Южной Монголии (Чахар и Суйюань), которая граничила с Северной Монголией, возникла необходимость создать прояпонское правительство с точки зрения антисоветской стратегии и в то же время отдалить его от Китайской республики, сделав подобный регион военным пунктом. Там надо было стимулировать антикитайские настроения монгольского населения.

Таким образом, Квантунская армия занимала двойственную позицию по отношению к монголам. Такое противоречие стало явным в результате проведения т.н. «Закулисного действия во Внутренней Монголии».

После заключения Соглашения Циня — Доихары в июне 1935 г. Квантунская армия, устранившая влияние Китайской национальной партии в провинции Чахар, оказав помощь Дэмчигдонрову и другим, начала проводить т.н. «Закулисное действие во Внутренней Монголии, посредством которого пыталась отдалить западную часть Южной Монголии от Китайской республики¹¹. Политические цели этой политики состояли в том, чтобы Квантунская армия увеличила прояпонскую территорию в западной части Южной Монголии и отдалила такую территорию от Китайской республики в связи с ее антисоветской военной стратегией и политикой обороны Маньчжоу-Го¹².

Подобная цель была достигнута в основном в провинции Чахар, которая была геополитическим пунктом, граничившим

---

¹⁰ Дзанко: мо: кодзин сидо: хо: син ё: ко: ан (Временный набросок основных принципов руководства монголами). Под ред. Симада Тосихико и Инаба Масао. Гэндайси сирё: 8 ниттю: сэнсо: (Современная история, материал 8, Японо-китайская война). Мисудзу сёбо, 1964. С. 447–448.

¹¹ Мори Хисао. Нихон рикугун то наймо: ко: саку — канто: гун ва надзэ докусо: сита но ка (Действия японской армии во Внутренней Монголии. Почему Квантунская армия действовала в одиночку). Ко: данся, 2009.

¹² Канто: гун самбо: бу «тай-наймо: сисаку ё: рё:» («Основные направления политики по руководству Внутренней Монголией» штаба Квантунской армии). Гэндайси сирё: 8 (Современная история, материал 8). С. 492.

с Северной Монголией, «въевшимся» в территорию Маньчжоу-Го как клин. Поэтому в случае, если бы туда вторглась Красная Армия, было вероятно, что некоторые ее войска выступили в провинцию Жэхэ через провинцию Чахар из Северной Монголии для прекращения сообщения между Маньчжоу-Го и северо-востоком Китая. И тогда необходимо было предположить, что Китайская армия, стремившаяся вернуть себе Маньчжурию, оказала содействие Красной Армии. Для того чтобы предотвращать такие военные операции, было важно сепаратизировать провинцию Чахар и организовать прояпонскую Монгольскую армию¹³.

Посредством т.н. «Закулисного действия во Внутренней Монголии», исполненного по такой военной причине, Квантунская армия пыталась сепаратизировать провинцию Чахар, используя таких представителей монгольской молодежи, как Дэмчигдонров. Однако в результате подобной политики появилась опасность того, что будет пробуждено националистическое сознание и у монгольского населения в восточной части Южной Монголии, входившей в состав Маньчжоу-Го. Для предотвращения обострения политической обстановки возникла необходимость ограничить подобное сознание монголов в Маньчжоу-Го.

20 мая 1936 г. правительство Маньчжоу-Го составило «Основные принципы по руководству монгольским народом» как следующие¹⁴:

1) Относительно руководства монгольским народом в Маньчжоу-Го побуждать его считать себя компонентом Маньчжоу-Го, осуществлять умеренное руководство им и улучшать качество подобного руководства, уважая его коренные обычаи и историю, поскольку позволяет государственный строй, основанный на государственном единстве, идее «согласия пяти народов» и духе основания государства, и относительно необходимых дел для исполнения и ускорения государственных мер и осуществления согласия народов, по возможности привить монгольскому народу дух государственного единства и обеспечивать его благосостояние, равно и других народов, но четко различать руководство этим народом от руководства монгольским народом за границей.

---

¹³ Мацумура Такаёси. Мо: кококу кэнсэцу-ни кансуру икэн (О государственном строительстве в Монголии). Там же. С 450–451.

¹⁴ Мо: ко минздоку сидо: но компон хо: син (Основные принципы по руководству монгольским народом). Гэндайси сирё: 11 (Современная история, материал 11). С. 948.

2) Руководить монгольским народом из-за границы, поскольку он зависит от Японии и сохраняет дружественные отношения с Маньчжоу-Го, оказывая помощь движению за независимость народа под существующим правительством Монгольской армии. Сделать его основной проблемой во Внешней Монголии, посредством чего увеличивать сферу влияния Японии в направлении Синьцзяна, но не допускать движение за независимость от Маньчжоу-Го монгольского народа, живущего в Маньчжоу-Го.

3) Китайский и монгольский народы исторически враждуют между собой, но японцам, являющимся ядром среди пяти народов, необходимо с энтузиазмом руководить этими народами и объединить их, и добиться сплочения цветной расы.

Статус монголов в Маньчжоу-Го был определен этими основными принципами. Другими словами, было решено дать монгольскому населению, проживавшему в районе Хулунбуйр и в восточной части Южной Монголии остаться в рамках территории Маньчжоу-Го, и помогать монголам в западной части Южной Монголии достичь независимости от Китайской республики, в будущем сделав ее военным пунктом для увеличения сферы влияния Японии в направлении Северной Монголии и Синьцзяна. Важнейшим является то, что движение за независимость монголов было допущено только вне Маньчжоу-Го, а проживавшие там монголы не имели права настаивать на независимости от Маньчжоу-Го. Т.е. японская сторона негативно относилась к независимости объединенной Южной Монголии, и она была разделена на восточную и западную части.

В 1936 г. правительство Маньчжоу-Го начало оказывать давление на самостоятельность живших там монголов. Символическим событием является «Инцидент Лин Шэн», произошедший в апреле 1936 г.

Несмотря на то, что ввиду заселения в Южную Монголию китайцев национальный состав населения резко изменился, район Хулунбуйр, который был центром деятельности Лин Шэна, продолжал отказываться от их заселения для того, чтобы сохранять земли, являвшиеся экономической основой монголов. Там сохранялись старые обычаи существовавшего народа. К тому же, кроме монгольского населения сосуществовали и тунгусские этнические группы, к которым также принадлежат маньчжуры, и племена, на которые монголы и маньчжуры оказывали влияние. Иначе говоря, в районе Хулунбуйр китайцы не пользовались таким большим влиянием, как в других

районах. Монгольский национализм тоже не был распространен во всем районе.

С эпохи династии Цин до эпохи Маньчжоу-Го в районе Хулунбуйр Лин Шэн, принадлежавший к даурам, был таким влиятельным политиком, что был избран депутатом в Маньчжоу-Го как представитель монголов.

Коренные народы данного района были кочевниками и требовали сохранения земель, являвшихся их экономической основой, и им не было важно, какую политическую власть поддерживать, поскольку она гарантировала их требование. Но после революции из России эмигрировало большое количество бурятов. Их лидер Уржин Гармаев, окончивший Военную академию сухопутной армии Российской империи, установил тесные отношения с Квантунской армией, в результате чего он добился влияния и вступил в явный конфликт с Лин Шэном.

В то время Лин Шэн был губернатором северной субпровинции Синьань и поддерживал тесные связи с императорской семьей. Было решено, что он женится на сестре императора Айсиньгёро Пу И. Район Хулунбуйр был главной сферой влияния Лин Шэна, и он долго отказывался от заселения китайцев, а также отказывался от заселения японских иммигрантов, начавшего после основания Маньчжоу-Го. Квантунская армия остерегалась Лин Шэна, который имел тесные отношения с Пу И и выступал против политики колонизации.

Район Хулунбуйр, граничивший с Советским Союзом, был стратегически важным для Квантунской армии. Хотя во время основания Маньчжоу-Го армия, которая не хотела вступать в бой с Советским Союзом, не могла оказывать сильное воздействие на подобный район. Она постепенно увеличивала свое влияние, для чего Уржин Гармаев был в этом плане важным союзником. Используя его, Квантунская армия попыталась ограничить силы Лин Шэна¹⁵.

В январе 1935 г. войска Красной Монгольской Народно-революционной Армии вторглись на территорию Маньчжоу-Го (Инцидент Халхин Сум), и с февраля 1936 г. по март произошло масштабное военное столкновение. 12 марта был заключен Протокол

---

¹⁵ Фудзияма Кадзуо. Ко: ан кита сё: тё: рё: сё: но хиун (канто: гун но мухо:) (Печальная судьба губернатора северной субпровинции Синьань Лин Шэна (беззаконие Квантунской армии)); Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 7, из материалов Национального института японской литературы.

о взаимной помощи между Советским Союзом и Монгольской народной республикой, что привело к увеличению военного влияния Советского Союза во Внешней Монголии и началу постоянного пребывания войск Красной Армии во Внешней Монголии.

Действия Советского Союза служили препятствием к проведению «Закулисного действия во Внутренней Монголии», начавшегося в тот же период¹⁶. Иначе говоря, Квантунская армия пыталась усилить свое влияние в провинции Чахар с целью ограничивать деятельность Советского Союза, а Красная Армия активизировала политическую деятельность в районе Хулун-буир. Обе стороны использовали монголов при осуществлении своих планов.

В период между октябрем 1935 г. и ноябрем 1936 г. открывались три Маньчжурские конференции, но все прошли неудачно¹⁷.

На второй конференции главным представителем был Лин Шэн. Уржин Гармаев тоже принял участие со стороны Маньчжоу-Го. Тогда со стороны Маньчжоу-Го утекли военные сведения конфиденциального характера. К тому же оказалось, что монгол, служивший в качестве переводчика Армии Маньчжоу-Го, обладал документом, согласно которому было запланировано движение за независимость Монголии. В результате чего Лин Шэн был арестован по подозрению в шпионаже и казнен¹⁸.

Хотя Сасаки Тоити — главный военный советник Армии Маньчжоу-Го, возражал против смертной казни Лин Шэна, с его мнением все штабные офицеры Квантунской армии не согласились, так что 4 монгольских офицера, начиная с Лин Шэна, были казнены. Однако Уржин Гармаев избежал наказания ввиду того, что возражения против наказания выдвинул Сасаки Тоити, хотя он и попал под подозрение.

Инцидент с Лин Шэном ошеломил даже императора Пу И, и оказал сильное влияние на монголов и, как писал Сасаки, «...Взволновали народ Хайлара и доверие, которое народ постепенно питал к японцам, наконец-то после основания страны, сразу исчезло»¹⁹.

Хотя неизвестно, устраивала ли монгольская сторона эти события, имел ли Лин Шэн тайное сношение с ней, суть инцидента

¹⁶ Канто: гун <1> (Квантунская армия <1>). С. 137–318.

¹⁷ Там же. С. 313.

¹⁸ Сакамидзу Горо. Кэнкоку то: сё но ко: ансё: мо: ко: дзацува (Разговоры о Монголии и субпровинции Синъань времён начала государственного строительства); Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 233.

¹⁹ Мансю: кокуси (История Маньчжурии). С. 229–231.

заключается не в самом Лин Шэне, а в стратегической важности района Хулунбуйр.

Сравнивая военные силы Квантунской и Красной армий на Дальнем Востоке, первая считала себя способной атаковать вторую, но осенью 1934 г. военное равновесие исчезло, поэтому Советский Союз стал превосходить Маньчжоу-Го с военной точки зрения. В результате чего Квантунской армии пришлось принимать оборонительную позицию, и она предполагала дать решительный бой в Хайларе²⁰.

В подобной ухудшавшейся ситуации Квантунской армии надо было спешно вести подготовку к обороне в пограничной полосе. Она спешила проложить военно-транспортную железную дорогу между Синьцзином, Баичэном, Солоном (Восточная субпровинция Синьань), Аршаном (Северная субпровинция Синьань) и Дулуrom. Открылась линия до Солона в ноябре 1935 г., до Аршана в сентябре 1937 г., а до Дулура в октябре 1942 г.

Выполнение прокладки этой железной линии привело к тому, что выросла стратегическая важность района Хулунбуйр. Инцидент с Лин Шэном произошел в этой политической обстановке, и он посеял семена недоверия к японцам в души монголов.

3) Японо-китайская война и провал мер относительно монгольского населения

Первого июля 1937 г., непосредственно перед началом Японо-китайской войны, отдел управления армией, который был военно-административным органом, преобразовался в отдел общественного порядка и безопасности. В связи с тем, что после Инцидента на мосту Лугоу Красная армия Китая вторглась в провинцию Жэхэ, 30 июля Армия Южной субпровинции Синьань по просьбе Квантунской армии впервые отправилась за границу и отбыла в направлении Чжанцзякоу²¹.

В феврале 1938 г. войска во главе Ганжуржаба выполнили перехват войск Красной армии Китая, вторгшихся в провинцию Жэхэ, и потом вступили в провинцию Хэбэй. С одной стороны, несмотря на то, что войска Ганжуржаба насчитывали до 5000 чел., они добились успеха в бою, что доказало их высокую боеспособность, но, с другой стороны, совершали резню, ограбление и изнасилование гражданского населения²².

---

²⁰ Канто: гун <1> (Квантунская армия <1>). С. 242–254.

²¹ Мансю: кокусю (История Манчжурии). С. 503, 518.

²² «Мансю: кокугун» («Маньчжурская императорская армия»). С. 534.

Во время Японо-китайской войны войска Армии провинции Хиньянь превращались в экспедиционные войска. В декабре 1938 г. они, служа в качестве внутренних войск, превратились в оборонительные войска. Однако попытка преобразования войск потерпела неудачу, когда произошла война на р. Халхин-Гол за полгода после этой попытки.

Когда вспыхнула война на р. Халхин-Гол, некоторые войска Армии провинции Хиньянь приняли участие в боях, но многие из них были новобранцами, прошедшими обучение только в течение 4 месяцев, и коммуникация между офицерами и солдатами не была достаточно построена²³. Кроме того, Квантунская армия допустила военно-стратегическую ошибку: ввела кавалерийские войска для наступления на позиции противника, и они были поражены автоматизированными войсками Красной Армии. В результате чего много солдат были ранены и погибли. Из-за того что многие из монгольских солдат были принудительно призваны на военную службу, они падали духом, поэтому появилось большое количество дезертиров. Многие из них совершали ограбление там, куда сбежали. Некоторые монгольские кавалерийские войска, введенные в бой в невыгодном положении, убивали японских офицеров и сбежали с поля боя в Монголию²⁴.

Армия Маньчжоу-Го, принявшая участие в войне на р. Халхин-Гол, потерпела серьезное поражение в бою с объединенной армией Советского Союза и Монгольской Народной республики. Далее главнокомандующий Квантунской армией сменился на Умэдзу Ёсидзиро. Он стал отдавать предпочтение перестройке армии и обороне Маньчжоу-Го. В такой ситуации, в апреле 1940 г. вступил в действие Закон о солдатах государственной армии. Этот закон не базировался на принципе массового призыва, а в соответствии с ним, были выбраны способные из мужчин в возрасте 19 лет, которые призывались на военную службу на протяжении 3 лет. Можно считать, что Закон служил первым шагом к тому, чтобы в будущем Армия Маньчжоу-Го стала государственной армией не только на словах, но и в действительности²⁵.

²³ Там же. С. 553.

²⁴ Яги Харуо. Номонхан дзикэн кокугун канкэй сирё: (Материалы о японской армии в Номонханском инциденте). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Манчжурии). № 111; Кавано Тэйдзо. Номонхан-ни окэру ко: ан гуни но сю: дан ридацу-ни цуитэ (О групповом бегстве синьяньских солдат с поля боя в Номонхане). Там же. № 236.

²⁵ «Мансю: кокугун» («Маньчжурская императорская армия»). С. 596–601.

После Халхин-Гольской войны Советский Союз оказывал сильное давление на Маньчжоу-Го, используя Монголию и Коммунистическую партию Китая. В 1940 г. войска Армии Коммунистической партии Китая начали часто вторгаться на юго-западную часть Маньчжоу-Го. К тому же Красная Армия начала активно проводить разведывательную работу особенно после начала войны США с Японией в 1941 г., и ее деятельность в Хайларе становилась заметной по мере того, как японскую сторону ставили в невыгодное положение в войне с США. По этому поводу Армия провинции Синьань получила сведения о том, что Nongnai Jabu в Монголии был причастен к политической деятельности, объектом которой были дауры в Хайларе и общался с первым сыном Лин Шэна (являвшимся мужем сестры Nongnai Jabu) и Zhengzu M Jabu. Симада Эйити, руководитель отдела информации штаба Армии Маньчжоу-Го, изложил свое мнение о том, чтобы было лучше переместить Zhengzu M Jabu, но Квантунская армия не одобряла его предложение²⁶.

После инцидента с Лин Шэном Советский Союз политически использовал даур, потерявших доверие к японцам, но Квантунская армия уже утратила способность принимать эффективные меры для разрешения национальной проблемы в Маньчжоу-Го. Кроме того, армия опаздывала с созданием оборонительной системы в Маньчжоу-Го, а с 1944 г. снова рассматривала план об отправке войск Армии Маньчжоу-Го.

Оттого что весной 1944 г. началась Операция «Ити-Го», отправленные в Китай войска сосредоточивались на центральной и южной частях Китая, поэтому защита северной части стала слабой. Туда вступили войска Армии Коммунистической партии Китая, что привело к резкому изменению положения по обеспечению безопасности. Особенно тогда, когда железная дорога между Пекином и Мукденом, служившая важнейшей транспортной артерией для перевозки военных материалов в Японию с оккупированных районов на севере Китая, стала подвергаться угрозе со стороны Армии Коммунистической партии Китая, японская сторона начала проводить меры преодоления подобной трудности.

---

²⁶ Синода Муцуми. Мансю: кокутун сю: сэн кироку сан ко: ан какугун но сю: сэнки (Документальные свидетельства об окончании военных действий Армии Маньчжоу-го, записи об окончании военных действий войск Синьаня). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Манчжурии). № 243, из материалов Национального института японской литературы.

Войска Северного Китайского фронта были перемещены южнее центральной части Китая, а основные силы Квантунской армии — в направлении группы армий, так что было трудно сохранять безопасность вдоль указанной железной дороги, т.е. на территории восточной части провинции Хэбэй. Тогда Квантунская армия и Северный Китайский фронт заключили соглашение, по которому было решено отправить войска Армии Маньчжоу-Го за границу.

Посланные войска — численностью примерно в 15 000 чел. — состояли из маньчжуров, китайцев, монголов и корейцев. Солдатам были выданы новое вооружение и обмундирование, а Маньчжоу-Го снабжало их продовольствием²⁷.

С января 1945 г. отправленные войска Армии Маньчжоу-Го часто вступали в бои с войсками Армии Коммунистической партии Китая (численностью от 270 000 до 280 000), но не могли нанести им решительный удар. Причина заключалась в нехватке коммуникаций между ими и войсками Армии Японской империи, в недооценке сведений о противнике, и в рассредоточении вооруженных сил²⁸.

Отправленные войска вели боевые действия только 6 месяцев, поэтому многое об их действиях еще неизвестно, но выросла роль войск Армии Маньчжоу-Го по мере ослабления Квантунской армии. В действительности монгольские войска считались как основные силы, поддерживавшие оперативность войск Квантунской армии. В конце концов, численность Армии Маньчжоу-Го насчитывала 150 000 чел.

Изменялось отношение к монгольским солдатам. После Халхин-Гольской войны Армия Маньчжоу-Го стала не относиться к ним иначе, чем к другим, и переместила множество офицеров Армии провинции Синьань и Армии Маньчжоу-Го²⁹. В результате этого возникли трения между японскими офицерами и монгольскими солдатами. Это вызвало у монголов еще большее недоверие к японцам. Такое ухудшение их отношений привело к восстанию монгольских войск во время распада Маньчжоу-Го.

Наступление Красной Армии на Маньчжоу-Го 9 августа 1945 г. оказало сильное влияние и на Армию провинции Синьань. Внутри Армии Маньчжоу-Го китайские войска подняли восстание, а монгольские части, входившие в состав Армии провинции Синьань, тоже подняли мятеж. 11 августа в 10 военном округе

²⁷ «Мансио: кокугун» («Маньчжурская императорская армия»). С. 734–740.

²⁸ Там же. С. 746.

²⁹ Там же. С. 788.

войска во главе с начальником штаба, Zhengzu M Jabu, подняв мятеж, убили японских офицеров и 2000 солдат сдались в плен Красной армии. А в 9-м военном округе, которым управлял Ганжууржав, вспыхнуло восстание монгольских солдат во время отступления. После того как Ганжууржав убежал, войска разбежались³⁰.

Ганжууржав и Zhengzu M Jabu были арестованы Советской Армией и переданы Китайской Народной республике. Потом их заключили в Фушуньскую тюрьму для военных преступников. В 1960 г. вышло помилование Zhengzu M Jabu, но он, вовлеченный в водоворот «Культурной революции» в Китае, покончил с собой.

Заключение

Меры в отношении монгольского населения, принятые Квантунской армией, с самого начала были противоречивыми: использовался монгольский национализм и одновременно не одобрялось его распространение. Во время Мукденского инцидента проявления монгольского национализма позволяло Квантунской армии увеличивать территории и ограничивать деятельность китайского населения, когда формировалась территория Маньчжоу-Го, но после инцидента распространение национализма за пределы государства только дискредитировало лицо новообразованного Маньчжоу-Го.

В этом контексте «Закулисное действие во Внутренней Монголии» было символическим. Квантунская армия считала важнейшим завоевание западной части Южной Монголии с точки зрения антисоветской стратегии. Но выполнение данного действия могло усилить монгольский национализм и оказать негативное для японской стороны влияние на монгольское население, жившее в Маньчжоу-Го.

Для разрешения данного противоречия Квантунская армия отстранила монгольское население в Маньчжоу-Го от монголов в западной части Южной Монголии. В то же время она попыталась укрепить Армию Маньчжоу-Го с целью сохранения военного равновесия между собой и Красной Армией и сделать монголов основой армии вместо того чтобы использовать китайцев, которых она остерегалась.

Но существовали ограничения в отношении монголов, которые, в отличие от подавляющего большинства китайцев, были в меньшинстве. В конечном счете Квантунская армия не могла

---

³⁰ Там же. С. 784–803.

использовать монголов эффективно. Наоборот, она создала условия их недоверия к японцам, потому что, например, после инцидента с Лин Шэном возникли трения между монголами и японцами в той ситуации, когда военное равновесие между Квантунской и Красной армиями было утрачено.

Квантунская армия явно теряла свои позиции в соперничестве с Красной Армией на Дальнем Востоке с 1936 г. В 1937 г. она попыталась восстановиться, но сделать это не удалось из-за начала Японо-китайской войны. С тех пор ее антисоветская стратегия не имела определенного направления. После поражения в Халхин-Гольской войне Квантунская армия не смогла даже создавать оборонительную систему государства. Вместе с тем она не могла принять конкретные меры по отношению к монголам и еще более потеряла их поддержку.

В конце концов Квантунская армия не могла преодолеть противоречие идеи «согласие пяти народов». Можно сказать, что распад Маньчжоу-Го был естественным результатом.

Литература

Аратакэ Тацуру. Киндай мансю: но кайхацу то имин (Развитие современной Маньчжурии и иммигранты). Кю: ко сёин, 2008.

Дзанко: мо: кодзин сидо: хо: син ё: ко: ан (Временный набросок основных принципов руководства монголами). Под ред. Симада Госихико и Инаба Масао. Гэндайси сирё: 8 ниттю: сэнсо: (Современная история, материал 8, Японо-китайская война). Мисудзу сёбо:, 1964.

Икэнсё (Точка зрения). Под ред. Кобаяси Тацуо, Симада Госихико и Инаба Масао. Гэндайси сирё: 11 дзоку, Мансю: дзихэн (Современная история, материал 11 <продолжение>, Мукденский инцидент). Мисудзу сёбо:, 1965.

Кавано Тэйдзо. Номонхан-ни окэру ко: ан гунси но сю: дан ридаци-ни цуитэ (О групповом бегстве синъаньских солдат с поля боя в Номонхане). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 236.

Канто: гун самбо: бу «тай-наймо: сисаку ё: рё:» («Основные направления политики по руководству Внутренней Монголией» штаба Квантунской армии). Гэндайси сирё: 8 (Современная история, материал 8).

- Катакура Тадаси. Дай-нана кай Катакура Тадаси си ко: дзюцу — мо: ко сэйсаку, хокуман хэйтэй, кэнкоку ко: саку (фуги ё: рицу, сэйфу дзиндзи) (7-ая речь Катакура Тадаси — политика в Монголии, стабилизация Северной Маньчжурии, государственное строительство (возведение на трон Пу И, кадры в правительстве)). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Манчжурии). № 312.
- Мансю: дзихэн кимицу сэньяку нисси соно 4, маммо: мондай дзэнго сёри ё: ко: (Дневник конфиденциальной стратегии Мукденского инцидента разд. 4, принципы стабилизации обстановки при решении проблем Манчжурии и Монголии). Под ред. Кобаяси Тацуо и Симада Тосихико. Гэндайси сирё: 7, Мансю: дзихэн (Современная история, материал 7, Мукденский инцидент). Мисудзу сёбо:, 1964.
- «Мансю: кокугун» («Маньчжурская императорская армия»). Мансю: кокугун канко: иинкай хэн (Опубл. издательским комитетом Маньчжурской императорской армии). Рансэйкай, 1970.
- Мансю: кокуси (История Маньчжурии). Маммо: до: хо: энгокай, 1970.
- Мацумура Такаёси. Мо: кококу кэнсэцу-ни кансуру икэн (О государственном строительстве в Монголии). Гэндайси сирё: 8 (Современная история, материал 8).
- Мо: ко минзоду сидо: но компон хо: син (Основные принципы по руководству монгольским народом). Гэндайси сирё: 11 (Современная история, материал 11).
- Мори Хисао. Нихон рикугун то наймо: ко: саку — канто: гун ва надзэ докусю: сита но ка (Действия японской армии во Внутренней Монголии. Почему Квантунская армия действовала в одиночку). Ко: данся, 2009.
- Сакамидзу Горо. Кэнкоку то: сё но ко: ансё: мо: ко: дзацува (Разговоры о Монголии и субпровинции Синьань времён начала государственного строительства). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 233.
- Синода Муцуми. Мансю: кокугун сю: сэн кироку сан ко: ан какугун но сю: сэнки (Документальные свидетельства об окончании военных действий Армии Маньчжоу-го, записи об окончании военных действий войск Синьяня). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Манчжурии). № 243, из материалов Национального института японской литературы.

- Сугияма Киёхико. Дайсин тэйкоку но кэйсэй то хаккисэй (Формирование Великой империи Цин и система «восьми знамён»). Нагоя дайгаку сюппанкай, 2015.
- Сэнси сё: сё Канто: гун — тай-со сэмби, номонхан дзикэн (Битва против Советского Союза, Номонханский инцидент). Бо: эйтё: бо: эйкэнсю: дзё сэнси бухэн (Оборонное агентство Учебного института обороны, Департамент военной истории «Серия военной истории Армии Канто»). Асагумо симбунся, 1969.
- Фудзияма Кадзуо. Ко: ан кита сё: тё: рё: сё: но хиун (канто: гун но мухо:) (Печальная судьба губернатора северной субпровинции Синъань Лин Шэна (беззаконие Квантунской армии)). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 7, из материалов Национального института японской литературы.
- Хомма Макото. Ко: ан кэйбигун (мо: когун) но кэнсэцу но кэйи нарабини сёки кацудо: но бэнгай (История создания Армейской группы Синъань (Монгольской армии) и её первые шаги). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Манчжурии). № 239.
- Сусуму Цукасэ. Тю: гоку кингэндай то: хоку кэйдзайси кэнкю: — тэцудо: фусэцу то тю: гоку то: хоку кэйдзай но хэнка (Исследование новой и новейшей экономической истории Северо-восточного Китая — строительство железных дорог и изменения в экономике Северо-восточного Китая). То: хоку сё: бо:, 1993.
- Яги Харуо. Номонхан дзикэн кокугун канкэй сирё: (Материалы о японской армии в Номонханском инциденте). Мансю: кокуси хэнсан сирё: (Материалы по истории Маньчжурии). № 111.

Глава 12*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ БАРГУТСКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ, УЧАСТВОВАВШИХ В БОЯХ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ*

1. Кто такие баргутские кавалеристы

В книге С. Н. Шишова «Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году»¹ фигурирует кавалерийское формирование из баргутов под названием «баргутская конница». Я хотел бы коснуться истории зарождения и развития этого кавалерийского формирования в составе армии Маньчжоу-Го, так как считаю, что это поможет приблизиться к пониманию сути событий на реке Халха (Халхин-Гол).

Барга (баргуты) — одно из бурятских племен, прародиной которых является Баргузинская долина. В конце XVIII в. они не приняли российского подданства и переселились в окрестности Хулунбуйра. Последний этап их переселения пришелся на начало XX в., когда баргуты уехали с насиженных мест, протестуя против революции в России. Они поселились в окрестностях реки Шэнэхэй, поэтому их называли шэнэхэнскими бурятами. Меня глубоко впечатлили шэнэхэнские буряты, которые приехали учиться в Японию. Несмотря на то, что они живут в Китае, они очень привязаны к русской культуре и постоянно прилагают усилия для того, чтобы поддерживать ее.

В 1932 г., когда Япония создала государство Маньчжоу-Го, территория к западу от Хинганского хребта представляла собой степь, которая охватывала и территорию Монгольской Народной Республики. На этом пространстве занимались кочевым скотоводством в основном баргуты, которые бежали в свое время из России, и дагуры. Японская администрация запрещала переселение в эти места китайцев и вспашку земель и тем самым охраняла традиционный вид хозяйствования баргутов — кочевое

---

* Автор главы — Танака Кацухико.

¹ Шишов С. Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол. М., 1946.

скотоводство. Такой политики придерживалась и Цинская империя, и в Маньчжоу-Го не только сохранили эту специализацию, но и стали придавать ей еще большее значение. Такая политика встретила мощную поддержку со стороны баргутов.

Вопрос отношения к монгольским народам во вновь образованном государстве Маньчжоу-Го вызвал интерес американского востоковеда Оуэна Латтимора, который провел исследования на этот счет. В частности, вот что он писал: «Вся неокolonизованная территория в Маньчжоу-Го продолжала оставаться за ее пределами как автономная монгольская провинция под названием Хинган»². Эта провинция имела свои собственные войска, которые вошли в состав армии Маньчжоу-Го³. То есть баргуты вошли в состав армии Маньчжоу-Го, но как самостоятельное кавалерийское формирование, которое Шишов и называет «баргутская конница».

2. Баргутское кавалерийское формирование и переговоры в Маньчжурии

Среди 4 провинций, обладающих широкими правами автономии, выделялась провинция Северный Хинган, губернатором которой был Лин Шэн, а командующим пограничными войсками – генерал Уржин Гармаев.

Когда в январе 1935 г. у монастыря Халха-сум произошла стычка между пограничниками МНР и Маньчжоу-Го, генерал Уржин Гармаев обратился с просьбой разрешить уладить этот конфликт силами баргутского формирования, так как он является локальным. Об этом армией Маньчжоу-Го было доложено в штаб Квантунской армии. Это донесение было передано в Токио, и для того, чтобы этот пограничный конфликт не перерос в масштабные военные действия, японский МИД предложил монгольской стороне обсудить эту проблему между МНР и Маньчжоу-Го, в результате чего была созвана конференция на вокзале в Маньчжурии. Так 1 июня начались переговоры. Думается, что баргуты из Маньчжоу-Го таким образом хотели использовать эту возможность для того, чтобы наладить контакты со своими соплеменниками халха и искать пути объединения. Эти тесные контакты находились под пристальным вниманием Квантунской армии и Коминтерна.

² Lattimore O. The Mongols of Manchuria. Great Britain, 1934. P. 21.

³ Ibid. P. 142.

3. Судьба участников баргутов и халха, участвовавших в маньчжурских переговорах

В апреле 1936 г. японской жандармерией «кэмпэйти» был арестован глава делегации баргутов на переговорах в Маньчжурии Лин Шэн. Он был обвинен в шпионаже и казнен. Полковник Тэрада Тосимицу пытался заступиться за Лин Шэна, но безуспешно.

Что касается участников из МНР, то в августе 1937 г. Главнокомандующий армии МНР маршал Дэвид был приглашен в Москву, но по пути был отравлен в вагоне поезда, следовавшего в Москву. Глава монгольской делегации на переговорах Самбу был лишен этого поста и расстрелян в октябре 1937 г. А в ноябре следующего года был вывезен в Москву и расстрелян там премьер-министр МНР Гэндэн. Все эти события были тесно связаны между собой.

Таким образом, перед войной на Халхин-Голе в Монголии были уничтожены около 20 тыс. человек, в числе которых руководящий состав правительства и армии. В такой ситуации в 1939 г. началась война на реке Халха.

4. Баргутская кавалерия на Халхин-Голе

Баргутские кавалеристы не были оснащены экипировкой для ведения современных военных действий, поэтому командование армией Маньчжоу-Го не выставляло их на передний фронт и всячески избегало непосредственных столкновений с монгольской и советской армией.

И несмотря на это генералу Уржину Гармаеву в июле была присвоена награда за действия на высоте Баршагал (в Советском Союзе ее называют высотой Ремизова). Не менее успешно баргутская кавалерия проявила себя в боях на высоте Ногоон (Зеленая). Однако после этого она стала нести потери, из-за чего прекратила участие в боях, и солдаты стали возвращаться в свои родные места. Однако даже и в этом случае командование пограничных хинганских войск не наказало их как покинувших поле боя, а обращалось с ними как с обычными солдатами, вернувшись после военных действий⁴.

---

⁴ Мансюоку канкоинкай-хэн (Редакция публичного Комитета Армии Маньчжурии). Мансюокугун (Армия Маньчжоу-Го). Токио, 1970. Р. 1274.

5. Распад Маньчжоу-Го и баргутская кавалерия

С поражением Японии в войне прекратило свое существование и Маньчжоу-Го. В связи с поражением в баргутской кавалерии было поднято несколько восстаний против японцев. Сохранились следующие записи об этом. Так, 11 августа по приказу командующего армией провинции Южный Хинган Ганжууржава было убито около 40 японцев. Ганжууржав был сыном известного деятеля национально-освободительного движения Бавууржава, настроенного прояпонски. Он воспитывался как японец и имел японское имя Танака, закончил офицерское училище в Токио и принадлежал к элите.

21 августа подняли восстание монголы из 3-й дивизии, которая не принадлежала к баргутской коннице. Они застрелили 5-х японцев-офицеров, после чего 300 человек, переправившись через реку Халха, бежало в МНР⁵. Необходимо отметить, что японцы в целом являются монголофилами, и авторы подобных записей не выдают какого-либо негативного отношения к баргутам, а просто описывают эти события.

6. Последующая судьба Уржина Гармаева

Затевая контрнаступление на Читу, Уржин Гармаев, вынашивавший планы создания новой Бурятской республики, вовсе не планировал бежать за границу после окончания войны. И 30 августа он добровольно явился в штаб Советской армии в Харбине. С. Дашын, который опубликовал воспоминания о Уржине на бурятском языке, подчеркивает, что Гармаева не арестовали, а он явился сам. Рассказывают, что он вручил Окамото Тосио, который был его переводчиком, 5000 иен и попросил их передать своему сыну Дашиниме, который в то время был студентом университета Маньчжоу-Го — Кэнкокудайгаку. После Дашинима будет работать в Национальном художественном музее Монголии и водить экскурсии для многих японских туристов.

1 марта 1947 г. состоялось заседание военного трибунала в Москве, которое длилось всего час. Уржина Гармаева приговорили к расстрелу с конфискацией имущества, и 13 марта приговор был приведен в исполнение. 23 февраля 1992 г. Уржин Гармаев был реабилитирован.

---

⁵ Там же. Р. 520.

Командующий кавалерийским подразделением провинции Хинган Шаарийбуу жил в МНР, дожил до 99 лет и всю жизнь работал учителем японского языка, воспитав множество учеников, среди которых были и ученые-японоведы.

Часть баргутов Хулунбуйра после исчезновения государства Маньчжоу-Го не пожелали оставаться на территории Китая и около 1100 человек вместе с 60 тысячами голов скота переселились в Монголию. Сейчас их потомки живут в аймаке Дорнод.

7. Чем была Халхин-гольская война для баргутов?

Думаю, что баргутские кавалеристы воевали на реке Халха для того, чтобы получить последний в XX веке шанс для национального объединения баргутов и халха.

Литература

Шишов С. Н. Боевые действия Красной армии у реки Халхин-Гол. М., 1946.

Lattimore O. The Mongols of Manchuria. Great Britain, 1934.

Мансюкоку канкоинкай-хэн (Редакция публичного комитета Армии Маньчжурии). Масюкокугун (Армия Маньчжоу-Го). Токио, 1970.

Глава 13*

ПОДГОТОВКА СССР К ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ КОНФЛИКТА НА р. ХАЛХИН-ГОЛ

Начало 1930-х гг. охарактеризовалось обострением советско-японских отношений. В это время в Японии был принят «Курс на оборону», объявлявший главными противниками США, Китая и СССР¹. Документ предписывал «...разбить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал»². Для нападения на СССР планировалось использовать территорию Китая и Монгольской Народной Республики (МНР). В 1932 г. Япония захватила северо-восточную часть Китая и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Началось стремительное наращивание военной мощи у советских границ, сопровождавшееся многочисленными провокациями. Было очевидно, что Япония, осуществляя последовательную подготовку к широкомасштабному нападению на Советский Союз, планирует оккупировать Монголию.

В СССР на высшем государственном уровне было принято решение о скорейшем усилении военной мощи на Дальнем Востоке. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА) была пополнена новыми частями, в том числе и авиационными. Однако ВВС столкнулись с существенными затруднениями в организации метеорологического обеспечения. На Дальнем Востоке страны было недостаточно наблюдательных метеорологических станций, при этом они были расположены преимущественно вдоль линии железной дороги³. В приграничных районах, где существовала угроза нападения со стороны Японии, метеорологических станций не было. Ситуацию иллюстрирует

---

* Автор главы — В. Н. Прямыцын

¹ На границе тучи ходят хмуро. М., 2005. С. 8.

² Зимонин В. П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 9.

³ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 21. Л. 57.

создание метеостанции в 1935 г. в селе Полтавка, расположенном на границе между СССР и Маньчжоу-Го. Этот пункт наблюдений за погодой был единственным источником информации о погоде с юго-западного направления, и его работа признавалась командованием ВВС ОКДВА как «жизненно-важная»⁴.

Недостаточная освещенность региона в метеорологическом отношении являлась одной из причин того, что аварийность авиации на Дальнем Востоке существенно превышала средние показатели по ВВС Красной Армии. Начальник ВВС Приморской группы войск ОКДВА И. Д. Флоровский на допросе заявлял: «Командиры частей, производя ночные или дневные полеты, знали о состоянии погоды только над своим аэродромом, а что делается в радиусе 10–15 километров, не было известно. Это приводило к гибели материальной части и смерти личного состава»⁵.

Сложности с метеорологическим обеспечением войск на Дальнем Востоке были отчасти связаны с саботажем со стороны Японии. Несмотря на то что в 1929 г. в Копенгагене ведущие страны мира договорились об использовании международного кода при взаимном обмене метеорологической информацией, Япония продолжала использовать свой специфический код. Начальник Главного управления гидрометслужбы при Совете Народных Комиссаров (ГУГМС при СНК) СССР Г. А. Ушаков информировал Народный комиссариат иностранных дел: «Этот код содержит значительно меньше сведений, чем международный, в котором, в частности, Гидрометслужба СССР передает свои данные по Дальнему Востоку. Это обстоятельство создает существенные затруднения в работе службы погоды на Дальнем Востоке, так как территория японских островов остается менее освещенной, чем территория СССР»⁶.

В середине 1930-х гг. Япония окончательно сформулировала свои планы относительно Монголии. В документе ее Генерального штаба «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза» недвусмысленно говорилось о скорейшем создании «Великого монгольского государства» под протекторатом японских властей⁷. Создание марионеточного

---

⁴ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 106.

⁵ Степанов А. С. Далеко не все военные подверглись преследованию со стороны органов государственной безопасности // Военно-исторический журнал. 2013. № 11. С. 50.

⁶ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 6, 6 об.

⁷ На границе тучи ходят хмуры. С. 9.

государства на северо-востоке Китая и военные провокации Японии на границе с МНР обусловили дальнейшее вовлечение Монголии в сферу советских военно-политических интересов. В результате активного сотрудничества между соседними государствами было принято решение о размещении в Монголии 57-го Особого корпуса Красной Армии, в состав которого входила 100-я смешанная авиационная бригада.

При планировании размещения самолетов на территории МНР советские авиаторы столкнулись с крайней сложностью их метеорологического обеспечения. Специфика полетов в монгольском небе советским летчикам была знакома. В 1925 г., выполняя перелет по маршруту Москва — Токио, несколько самолетов пересекли территорию Монголии, совершив промежуточную посадку в Улан-Баторе. Один из участников перелета, вошедшего в историю как «Первый великий перелет советской авиации», М. М. Громов писал в своих воспоминаниях: «При перелёте из Иркутска в Улан-Батор погода была очень плохой, поэтому на этом этапе было много происшествий. Никто из вылетевших из Иркутска не прилетел в Улан-Батор в тот же день: погода заставила всех вынужденно садиться по дороге, и всех — по-разному»⁸. Одной из причин являлось полное отсутствие сведений о погоде по маршруту.

К середине 1930-х гг. Монголия по-прежнему не имела ни своей метеослужбы, ни сети наблюдательных станций, поэтому Советскому Союзу пришлось взять их создание на себя. 19 июля 1935 г. СССР и МНР заключили Соглашение об организации метеорологических станций. Оно было рассчитано на пять лет и подразумевало строительство на территории Монголии восьми метеорологических станций, содержащихся за счет ГУГМС при СНК СССР и обслуживаемых ее специалистами. По окончании срока действия договора станции переходили в собственность МНР с обязательством последней предоставлять СССР данные наблюдений⁹.

Для укомплектования метеорологических станций в Монголии специалистами в штатном расписании Гидрометслужбы СССР были дополнительно утверждены 46 должностей (Приложение 1). Руководство группой советских гидрометеорологов было возложено на служащего Денисова. На первом этапе создания метеорологических станций в Монголии специалистам пришлось

---

⁸ Громов М.М. В небе и на земле. Жуковский, 2005. С. 151.

⁹ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 55–58.

столкнуться с рядом трудностей: большими расстояниями между пунктами, в которых планировалось строительство станций, и плохими дорогами¹⁰, нехваткой стройматериалов и работников¹¹, незнанием советскими специалистами монгольского языка¹².

Несмотря на это, в течение 1936 г. на территории Монголии были созданы и начали работу семь из восьми запланированных метеостанций в пунктах Улан-Батор, Баянтумэн, Ховд, Ундурхан, Улястай, Цэцэрлэг, Даланзадгад. Для оперативного и методического руководства советскими станциями в Улан-Баторе было создано Метеорологическое бюро, в задачи которого входило: сбор сведений о погоде, составление карт и прогнозов по территории страны и воздушным трассам¹³.

9 февраля 1937 г. начальник советской метеорологической группы Денисов телеграфировал начальнику Метеорологической службы ВВС КА полковнику П. Л. Бессонову, что «в МНР впервые заложены основы постоянно-действующей централизованной метеорологической службы»¹⁴. Впервые в истории этого государства, по результатам наблюдений, проведенных на его территории, составлялись метеорологические карты и прогнозы, которые транслировались по радио на монгольском языке.

Наблюдения на станциях вели по методике, принятой в СССР. Данные о фактической погоде за сроки 7:00, 13:00 и 19:00 ежедневно передавали по телеграфу в Метеорологическое бюро в Улан-Баторе. Станции были в достаточной степени оснащены специальным имуществом. К примеру, на наблюдательной площадке метеорологической станции Улястай находились нефоскоп Бессона, дождемер, будка с психрометром Августа, гигрометр, минимальный и максимальный термометр, будка с гигрографом и термографом с суточным заводом, флюгер¹⁵.

За первый год функционирования метеостанций советские специалисты ознакомились с климатическими особенностями Монголии. Так, по результатам анализа наблюдений на метеорологической станции, размещенной у аэродрома Баянтумэн, были установлены малочисленность осадков, господство ветров северо-западного направления, их существенная сила и порывистость

---

¹⁰ К примеру, от Улан-Батора до Ховды более 1500 км.

¹¹ В некоторых случаях их доставляли за 600 км.

¹² РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 75.

¹³ Там же. Л. 66.

¹⁴ Там же. Л. 75.

¹⁵ Там же. Л. 76, 77.

в весенний период. Температурный фон отличался существенным годовым ходом: от -40°C зимой до $+38^{\circ}\text{C}$ летом¹⁶. Спустя год после открытия станций наряду с советскими метеорологами на них прошли обучение и самостоятельно наблюдали за погодой 11 монгольских специалистов¹⁷.

Несмотря на выполнение советской стороной всех пунктов Соглашения, число станций в МНР оказалось недостаточным для надежного метеорологического обеспечения авиации на Дальнем Востоке и в Монголии. Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов обратился к председателю СНК СССР В. М. Молотову: «Служба погоды Дальнего Востока крайне нуждается в получении метеорологических сведений из Монголии, с территории которой часто перемещаются ураганы и шквалы. Построенные ГУГМС в 1936 г. метеостанции оказались недостаточными и не обеспечили службу погоды ОКДВА»¹⁸.

В 1937 г., в условиях нарастания военной опасности и усиления роли авиации в защите дальневосточных рубежей, Народный комиссариат обороны ходатайствовал о расширении советского метеорологического присутствия в МНР путем создания шести дополнительных станций. Ходатайство было дополнено картой с указанием существующих и проектируемых метеостанций. Наблюдения за погодой предлагалось развернуть в пунктах Улаангом, Мурун, Тамсагбулаг, Егдзер, Молцог-Сомон, Арвайхээр¹⁹. Предложения Народного комиссариата обороны были реализованы в виде Постановления СНК СССР № 1345–307 от 10 августа 1937 г.²⁰ Оно утверждало Проект соглашения между СССР и Монгольской Народной Республикой об открытии новых метеорологических станций²¹ (Приложение 2).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что истинным мотивом создания наблюдательной сети на территории МНР была потребность советской военной авиации, дислоцированной в Забайкалье и на Дальнем Востоке, в метеорологическом обеспечении. Кроме того, СССР стремился распространить военное влияние на соседнее государство в контексте назревающего

---

¹⁶ РГВА. Ф. 32262. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

¹⁷ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 169.

¹⁸ Там же. Л. 65.

¹⁹ Там же. Л. 59.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1 в. Д. 494. Л. 156.

²¹ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 220.

конфликта с Японией²². Этот тезис подтверждается еще и тем, что Денисов, являвшийся представителем советской гражданской гидрометеорологической отрасли, отчитывался в своей работе перед Сектором обороны ГУГМС при СНК СССР и Метеорологическим отделом Штаба ВВС РККА²³.

Меры, предпринятые военной гидрометеорологической службой СССР, оказались своевременными. Наличие на территории Монголии наблюдательной метеорологической сети сыграло важную роль в обеспечении ВВС Красной Армии при ведении боевых действий у оз. Хасан. 2 августа 1938 г. начальник Метеорологической службы штаба ВВС ОКДВА сообщил полковнику П. Л. Бессонову: «Сегодня второго августа Японией изменен метеокод. Код нам не известен»²⁴. Дальневосточные прогнозисты были лишены японцами доступа к данным наблюдений по территории Маньчжоу-Го и Кореи. В этой ситуации сведения от метеорологических станций Монголии стали существенным подспорьем при составлении прогнозов погоды.

31 августа 1938 г. Главный Военный Совет, в заседании которого приняли участие И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов, подвел итоги боевых действий у оз. Хасан. Члены Совета признали, что боевые действия стали всесторонней проверкой готовности советских войск и выявили плохую подготовку Дальневосточного театра к войне²⁵. В качестве одной из мер по улучшению ситуации приказом Народного комиссара обороны № 019 от 7 февраля 1939 г. была создана Дальневосточная аэрометеорологическая станция (ДВАМС)²⁶. На нее возлагалось руководство всеми профильными подразделениями, а также метеорологическое обеспечение всех войск, дислоцированных на Дальнем Востоке²⁷.

В японских ВВС также уделяли значительное внимание вопросам метеорологического обеспечения авиации в боевых действиях у границ СССР. Вслед за вводом сухопутных войск и авиации в Северном Китае была развернута наблюдательная метеорологическая сеть. К концу 1937 г. все метеорологические станции, размещенные японцами на севере Китая, были объединены в две

---

²² См.: Прямыцын В. Н. 80 лет советско-монгольскому сотрудничеству в сфере метеорологии // Метеорология и гидрология. 2016. № 1. С. 103, 104.

²³ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 169.

²⁴ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 30. Л. 4, 5.

²⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 46. Л. 183.

²⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 15 а. Д. 480. Л. 29.

²⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 23. Л. 64.

метеонаблюдательные группы с размещением их штабов в городах Тяньцзинь и Бэйпинь. При аэродромах, на которых базировалась японская авиация, были учреждены метеорологические команды, количество которых к осени 1938 г. было доведено до 15²⁸. Метеостанции и подразделения японских ВВС имели свою собственную телефонную сеть и аэростаты. Кроме того, они пользовались радиосетями, телеграфом и аэростатами авиационных соединений. Метеорологическая служба ВВС Японии на территории Китая насчитывала 34 офицера²⁹.

К 1939 г. отношения между СССР и Японией еще более обострились. Япония, располагавшая на аэродромах Маньчжоу-Го 355 самолетами, провела ряд авиационных учений и рекогносцировку площадок для полевых аэродромов на территории МНР. К этому времени на аэродромах Монголии уже размещалась 100-я смешанная авиационная бригада в составе истребительного и бомбардировочного авиационных полков³⁰. В составе батальонов аэродромного обслуживания полков функционировали авиационные метеорологические станции³¹. В штатной структуре 100-й бригады наряду с управлением, полками и эскадрильями была предусмотрена 218-я авиационная база³², в состав которой входила Метеорологическая станция. Ее коллектив состоял из шести специалистов под руководством воентехника 2 ранга Э. М. Винопала³³.

В своей деятельности авиационные метеорологи 100-й смешанной бригады опирались на данные наблюдений сети метеостанций, использовали прогностическую информацию Метеорологического бюро Улан-Батора и Дальневосточной аэрометеорологической станции. Заблаговременное создание этих подразделений обусловило успешное решение задач метеорологического обеспечения ВВС КА в ходе конфликта у р. Халхин-Гол. О том, сколь напряженно трудились авиационные метеорологи, свидетельствует интенсивность боевой работы советской авиации в период конфликта. К примеру, 22 июня 1939 г. в бою

---

²⁸ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 24. Л. 101.

²⁹ Там же. Л. 103.

³⁰ Кондратьев В. И. Битва над степью. Авиация в советско-японском вооруженном конфликте на р. Халхин-Гол. М., 2008. С. 9.

³¹ Клепиков В. А., Удриш В. В., Попов Д. А. 90 лет Гидрометеорологической службе Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2005. С. 12.

³² РГВА. Ф. 32262. Оп. 1. Д. 38. Л. 22.

³³ Там же. Л. 93.

с японскими ВВС участвовали 95 советских истребителей, а 20 августа для поддержки наступающих советско-монгольских войск в небо были подняты 150 бомбардировщиков и около 100 истребителей³⁴.

В частях советской авиации, дислоцированных в Монголии, имели место происшествия и катастрофы, связанные с метеорологическими условиями. Однако они случались не по вине метеорологической службы. Так, 14 апреля 1939 г. самолет «СБ» в условиях снегопада, низкой облачности и плохой видимости совершил вынужденную посадку. В результате расследования было установлено, что инцидент произошел из-за грубого нарушения экипажем требований Наставления по производству полетов³⁵.

На протяжении лета — осени 1939 г. количество советских войск в Монголии наращивалось. 57-й Особый корпус был преобразован в 1-ю Армейскую группу, а ее ВВС расширены до двух авиационных бригад. Проверкой профессиональных качеств метеорологов стало обеспечение воздушного парада над площадью г. Улан-Батора в честь 22-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В нем приняли участие 167 советских и монгольских экипажей на самолетах «И-15», «И-16» и «ТБЗ». 5 ноября 1939 г. был утвержден план подготовки и проведения парада. Он предписывал развернуть на участке перелета Ундурхан — Улан-Батор метеорологический радиопост для наблюдения за погодой и передачи сведений наземным и воздушным радиостанциям. В соответствии с планом, участие самолетов в параде допускалось лишь в случае благоприятствующих метеорологических условий (отсутствие тумана, снегопада и нижней границы облаков не ниже 1500—2000 м). С экипажами, назначенными для участия в параде от четырех советских полков и монгольской авиации, были проведены инструктажи на случай резкого ухудшения метеорологических условий в полете³⁶.

Спустя пять лет после заключения первого соглашения советские наблюдательные метеорологические станции, размещенные на территории соседнего государства, были переданы Монголии. К этому времени на них успели пройти обучение достаточное количество местных специалистов. Однако советское метеорологическое присутствие сохранилось. В годы Великой Отечественной войны в Улан-Баторе функционировало

---

³⁴ На берегах Халхин-Гола. Улан-Удэ, 1989. С. 27, 34.

³⁵ РГВА. Ф. 32262. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

³⁶ РГВА. Ф. 32262. Оп. 1. Д. 48. Л. 35.

Гидрометеорологическое бюро Главного управления Гидрометеорологической службы Красной Армии под руководством военинженера 3 ранга С. М. Карелина³⁷.

Сегодня Монголия располагает современной централизованной гидрометеорологической службой, использующей передовые достижения науки и техники, располагающей в своем составе необходимым комплектом оперативно-прогностических и научных учреждений, а также достаточно широкой сетью наблюдательных станций. Однако ее история отсчитывается с 1936 г., когда в соответствии с советско-монгольским соглашением в стране появились первые наблюдательные станции³⁸.

Исследование вопросов сотрудничества СССР и Монголии в сфере гидрометеорологии в 1930-е гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. В 1930-е гг. дальневосточные регионы СССР были слабо освещены в гидрометеорологическом отношении.
2. Нарастание военной угрозы со стороны Японии обострило проблему гидрометеорологического обеспечения авиации и обусловило необходимость создания на территории Монголии сети наблюдательных станций.
3. Решение о размещении гидрометеорологических подразделений ГУГМС при СНК СССР принималось на высшем государственном уровне и было оформлено в виде соглашения между соседними странами.
4. Заблаговременное создание метеорологического бюро и наблюдательных станций сыграло важную роль в гидрометеорологическом обеспечении боевых действий Красной армии в конфликте на р. Халхин-Гол.
5. Заключение Советско-монгольского соглашения 1935 г. создало предпосылки к созданию национальной гидрометеорологической службы Монголии.

---

³⁷ ЦАМО. Ф. 50. Оп. 761830. Д. 1. Л. 3.

³⁸ Гидрометеорологические службы зарубежных стран (Описание научно-производственной деятельности, структура, штаты). ВНИГМИ-МЦД, 1980. С. 144.

Приложение 1

**Штатно-должностное расписание по метеорологическому бюро
и метеостанциям в МНР³⁹**

Начальник метеобюро — 1
Инспектор — 1
Специалисты-синоптики — 3
Техники-синоптики — 2
Радисты — 3
Заведующий хозяйством — 1
Бухгалтер — 1
Счетовод — 1
Секретарь — 1
Заведующий метеостанцией — 8
Метеоролог-наблюдатель — 16
Сторож-истопник — 8
ИТОГО: 46

---

³⁹ РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 7. Л. 68.

Приложение 2

**Постановление
Совета Народных Комиссаров СССР
№ 1345–307 с от 10 июля 1937 г.⁴⁰
Об утверждении проекта Соглашения между СССР и МНР
об открытии восьми метеорологических станций**

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить представленный Наркоминделом проект Соглашения между СССР и МНР об открытии на территории последней дополнительно восьми новых метеорологических станций.
2. Поручить Наркоминделу подписание указанного Соглашения, предоставив при этом Наркоминделу право вносить в текст Соглашения редакционные и технические поправки.
3. Протокольно. Поручить Главному управлению гидрометслужбы в месячный срок представить на утверждение Совета народных Комиссаров смету дополнительных ассигнований на постройку и содержание вновь открываемых восьми метеорологических станций, предусмотреть в Улан-Баторе дополнительно 3 единицы синоптиков, на остальных станциях следующий штат: на аэрологических — 3 чел., на синоптических — 2 чел.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов

*Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР
Н. Петруничев*

---

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1 в. Д. 494. Л. 156.

Метеорологические подразделения, принимавшие участие в обеспечении боевых действий ВВС в период конфликта на р. Халхин-Гол. Схема

	Подразделения метеорологической службы ВВС КА	Подразделения ГУГМС при СНК СССР														
На территории СССР	Дальневосточная аэрометеорологическая станция	Сектор обороны ГУГМС при СНК СССР														
На территории МНР	<p>Метеорологическая станция 218-й авиабазы</p> <p>Метеостанции батальонов аэродромного обслуживания авиационных полков</p>	<p>Метеорологическое бюро Улан-Батор</p> <p>Сеть наблюдательных станций</p> <table border="1"> <tr> <td>Улан-Батор</td> <td>Ундурхан</td> </tr> <tr> <td>Баин-Тумэн</td> <td>Кобдо</td> </tr> <tr> <td>Улусутай</td> <td>Цецерлик</td> </tr> <tr> <td>Далан-Дзатагай</td> <td>Уланком</td> </tr> <tr> <td>Мурин</td> <td>Тамсык-Булак</td> </tr> <tr> <td>Югодзыр</td> <td>Мохцок-Сомон</td> </tr> <tr> <td>Арбай-Хуре</td> <td></td> </tr> </table>	Улан-Батор	Ундурхан	Баин-Тумэн	Кобдо	Улусутай	Цецерлик	Далан-Дзатагай	Уланком	Мурин	Тамсык-Булак	Югодзыр	Мохцок-Сомон	Арбай-Хуре	
Улан-Батор	Ундурхан															
Баин-Тумэн	Кобдо															
Улусутай	Цецерлик															
Далан-Дзатагай	Уланком															
Мурин	Тамсык-Булак															
Югодзыр	Мохцок-Сомон															
Арбай-Хуре																

Литература

- Гидрометеорологические службы зарубежных стран (Описание научно-производственной деятельности, структура, штаты). ВНИГМИ-МЦД, 1980.
- Громов М. М. В небе и на земле. Жуковский, 2005.
- Зимонин В. П. Последний очаг Второй мировой. М.: ИПБРЕА, 2002.
- Клепиков В. А., Удриш В. В., Попов Д. А. 90 лет Гидрометеорологической службе Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2005.
- Кондратьев В. И. Битва над степью. Авиация в советско-японском вооруженном конфликте на р. Халхин-Гол. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008.
- На берегах Халхин-Гола. Улан-Удэ., 1989.
- На границе тучи ходят хмуро. М., 2005.
- Степанов А. С. Далеко не все военные подверглись преследованию со стороны органов государственной безопасности // Военно-исторический журнал. 2013. № 11. С. 48–52. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446 (Совет министров СССР). Оп. 1 в. Д. 494.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 494.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4 (Управление делами Революционного Военного Совета и Народного комиссариата обороны). Оп. 15. Д. 23; Оп. 15а. Д. 480; Оп. 18. Д. 46; Ф. 29 (Управление ВВС СССР). Оп. 33. Д. 7, 21, 24, 30; Ф. 32 262 (Управление 100-й бомбардировочной бригады). Оп. 1. Д. 35, 38, 48.
- Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 50 (Главное управление Гидрометеорологической службы Красной армии). Оп. 761 830. Д. 1.

Глава 14*

**К ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ
ФОРМИРОВАНИЙ БАРГИ (ХУЛУНБУИРА)**

Монгольский регион Барга (Хулунбуир) почти до середины XX в. был полем международных конфликтов нескольких мировых держав того времени. В период коллапса маньчжурской империи Цин и Синьхайской революции, увенчавшегося образованием Китайской Республики — национального государства ханьцев, — Монголия также объявила о своей независимости. При содействии российских военных Барга в 1912 г. сумела на некоторое время стать независимой и затем перейти в подданство Монголии. «Понижение» статуса Богдо-ханской Монголии китайско-русско-монгольским соглашением 1915 г. до автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китайской Республики предшествовало подписанию в том же году русско-китайского соглашения по Барге, после этого фактически тоже ставшей автономной, но без возможности воссоединения с Внешней Монголией.

Тем не менее, соглашаясь с автономией под протекторатом России, власти Барги делали все, чтобы сохранить максимальную самостоятельность от Китая, что означало прежде всего запрет китайской (ханьской) колонизации, ввода китайских войск и администрации. Возможность реализации этих планов варьировала во времени в зависимости от менявшейся внешнеполитической ситуации. Одной из главных целей баргинцев было создание собственных воинских формирований, которые были призваны обеспечить их самостоятельность и предотвратить внешние угрозы. Попытки создания таких формирований начались уже во время провозглашения независимости Барги и, с переменным успехом, продолжались еще долгие годы.

Максимальной боеспособности эти формирования достигли в период существования государства Маньчжурия (кит. Маньчжоу-Го), когда они курировались Японией. Баргинские воинские формирования принимали участие в пограничных

---

* Автор главы — С. Л. Кузьмин.

конфликтах с МНР, а затем — в боях при Халхин-Голе в 1939 г. Поражение государства Маньчжурия и Японии в 1939 г. не привели к ликвидации этих формирований. Они прекратили свое существование вскоре после занятия Маньчжурии и Барги Советской Армией и включения их в состав КНР, что положило конец перспективам автономии Барги.

В данной главе (на основе документов из российских архивов) сделана попытка проследить историю формирования национальных воинских формирований Барги со времени провозглашения ее независимости до включения в состав КНР.

Прежде всего надо отметить, что начало формирования национальных войск Барги относится к XVIII в., когда этот регион стал осваиваться Цинской империей. В 1732 г. в Баргу было переселено 1635 солонских и 275 баргутских солдат с семьями, к ним добавили 730 дауров и 350 ороченов по их просьбе (без семей)¹. Эти войска несли службу в рамках знаменной системы, как и жители соседних цинских территорий.

В начале XX в. в империи Цин нарастал кризис. В конце 1911 г., зная об изгнании цинских чиновников из столицы Внешней Монголии — Урги, баргинцы стали готовиться к провозглашению независимости. Однако они не имели достаточно оружия и денег. Им помогло командование Заамурского округа Пограничной стражи России. Зная о санкции российского правительства на выдачу оружия халхасцам, командующий округом генерал-лейтенант Е. И. Мартынов предложил своему подчиненному — подполковнику Н. Н. Байдаку выдать 1000 бердан с патронами баргинцам. Таким способом Мартынов решил использовать брожение в Барге в связи с ожидавшейся войной между Россией и империей Цин. Винтовки со складов Заамурского округа были выданы, офицеры округа по приказаниям Байдака провели краткое обучение баргутов, которых набрали местные правители — ухэриды. Фудутун Барги Шэнфу был назначен ее правителем, а Чэхэджа — командующим войсками².

В конце 1911 г. в монгольскую (баргутскую) деревню в 10 верстах от столицы Барги — Хайлара — съехались до 400 баргутов, вооруженных винтовками, в том числе пехотными берданами, выданными от Заамурского округа подполковником Байдаком. Утром

¹ Баранов А. М. Барга. Историческая справка // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8–10. С. 23–25.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. КС. Оп. 491. Д 760. Л. 51–58об.

1 января они послали своих представителей в китайские казармы, где было более 60 солдат, и объявили их командиру, что на следующий день предложат всем китайским чиновникам оставить Баргу и сдать оружие. Монголы уговорили всех китайских солдат сдаться³.

2 января⁴ 1912 г. в 8 час. утра к чиновнику МИД Российской империи в Хайларе П. К. Усатому явилась депутация и заявила, что они займут Хайлар и предложат китайским властям покинуть Баргу. Чтобы напугать китайские власти, монголы довели до их сведения, что «не ручаются за своих солон — дикое разбойничье племя, которые могут начать грабежи и убийства при занятии города». Даотай (цинский чиновник с полномочиями начальника округа) сообщил Усатому о том, что монголы завтра будут занимать город и могут быть бои с китайскими солдатами, просил принять меры к оцеплению российского поселка, чтобы туда не проникли солонны. На другой день около 400 конных баргут-монголов окружили казармы и ямынь и обнаружили, что они пусты: и даотай, и его солдаты перешли в российский поселок. Заняв город, монголы объявили населению, что китайские купцы могут быть спокойны, так как переворот касается только чиновников и солдат. К Усатому явился даотай и сообщил о том, что произошло, прося совета. Усатый потребовал разоружить солдат и сдать оружие начальнику российского гарнизона⁵. В январе к восстанию примкнули уже все хошуны (уделы) Барги.

Затем баргуты стали снимать китайские караулы в разных местах, в частности на севере у границы с Россией — вдоль р. Аргунь. Баргуты выслали разъезды по направлению к Хингану, ожидая наступление цинских войск от Цицикара⁶. Близ оз. Буирнур в районе р. Халхин-Гол на границе Барги и Внешней Монголии, формировался отряд баргутов для действий против цинского военного городка Лубиньфу у станции Маньчжурия КВЖД⁷. Баргинский отряд двигался к Лубиньфу медленно. 22 января баргут-монголы заняли Лубиньфу; 5 мая 1912 г. Барга торжественно провозгласила подданство Монгольскому государству под властью

---

³ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 645. Л. 210–212об.

⁴ Здесь и ниже старый стиль в основном дается согласно документам и не пересчитан на новый.

⁵ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 645. Л. 210–212об.; Оп. 761. Д. 384. Л. 6, 10.

⁶ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 12, 67–67об.

⁷ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 645. Л. 84.

Богдо-хана Джебцзундамба-хутухты VIII⁸. Богдо-хан обещал баргутам 3000 ружей, в мае 1912 г. 1000 уже были доставлены в Акшу, куда из Хайлара отправился транспорт для их принятия. По распоряжению Богдо из Хайлара было отправлено 34 молодых солдата для обучения их в Урге военному делу. Солдаты эти должны были стать кадровыми для баргинских войск. Весной численность этих войск предполагалось довести до 2000 человек, снабдить их хорошим оружием⁹.

Итак, новые баргинские власти известили цинских чиновников о том, что берут власть в свои руки. Вместе с тем в своей объяснительной записке о том, как он организовывал вооруженное выступление баргутов, Байдак, несколько преувеличивая свою роль, подробно описал, как по заданию Мартынова он поднял и привел к успеху восстание баргинцев¹⁰. Успех низложения цинской власти в Барге был обусловлен не прямым российским участием, а помощью российских военных в формировании и подготовке баргинских вооруженных формирований. После признания Баргой подданства Богдо-хану Монголии формирование и вооружение ее войск планировалось во взаимодействии с Ургой.

Однако Россия, связанная соглашениями о разделе сфер влияния с Японией, не рассматривала Баргу как часть Монголии. По китайско-русско-монгольскому кяхтинскому соглашению 1915 г. был зафиксирован автономный статус Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая. 24 октября/6 ноября 1915 г. было подписано русско-китайское соглашение по Барге, означавшее ее автономию при высшем руководстве центрального правительства Китайской республики. Фактически, теперь спокойствие в Барге обеспечивалось российскими войсками, тогда как баргинские выполняли полицейские функции.

Вопрос о баргинских вооруженных силах вновь возник в связи с угрозой занятия Хулунбуира внутренне-монгольскими повстанцами («харачинами») в 1917 г.¹¹ От баргинских властей поступали сведения, что примерно 2000 вооруженных людей

⁸ АВПРИ. Ф. ВХ. Оп. 573. Д. 6. Л. 226; МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 227–228об.; Ф. КС. Оп. 491. Д. 645. Л. 197–208; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 769. Л. 110.

⁹ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 384. Л. 219; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 4888. Оп. 2. Д. 19. Л. 87–87об.

¹⁰ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 760. Л. 59–70об.

¹¹ Кузьмин С. Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 40. № 6; Его же.

не смогут справиться с повстанцами, поэтому Барге необходима помощь войск Внешней Монголии¹². Но баргинские власти принимали и собственные меры. Они увеличили количество своих войск до 1800 человек, содержание которых обходилось теперь в 18 тыс. руб. в месяц. Власти думали довести их численность до 3000, но говорили, что им не хватает оружия. Фудутун Шэнфу просил у русских 100 тыс. патронов и несколько сот винтовок Мосина¹³. Представитель Барги Линшэн просил Пекин о ссуде в 100 тыс. долл. на покрытие издержек, вызванных необходимостью держать усиленную военную охрану на р. Халхин-Гол вследствие зимовки там повстанцев («харачинцев»)¹⁴. Министр иностранных дел России П. Н. Милюков через некоторое время сообщил, что министр финансов согласен передать баргутским властям попутные сборы за разработку Чжалайнорских угольных копей¹⁵. Это могло бы финансировать баргинские войска. Но этого явно не хватало, и кроме того, средства на оборону Барги нужны были сразу, так как наступала весна.

Положение повстанцев к весне сильно ухудшилось из-за недостатка снабжения. Их целью стал Хайлар. 11 мая 1917 г. они заняли его. По свидетельству очевидца, «баргинские войска разбежались. Начались грабежи, захвачен мост, есть убитые, в плену оба начальника отделений и сын амбана. <...> Русский поселок в безопасности, но неприятие решительных мер может вызвать катастрофу. Нам доставлены два орудия и пулеметы, но военные власти не уверены в способности малочисленного здешнего отряда. Баргуты обратились в Цицикар о вызове китайских войск»¹⁶.

Таким образом, баргинские войска (фактически, ополчение, не имевшее достаточных выучки и вооружения) оказались неэффективны для обороны края от повстанцев. Власти Барги вынуждены были рассматривать вопрос о вводе китайских войск, что противоречило русско-китайскому соглашению 1915 г. В связи с этим соглашением китайские войска так и не были введены. Не были введены и войска Внешней Монголии, о чем также велись переговоры.

Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 2.

¹² АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 3107. Л. 13–14об.

¹³ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 3107. Л. 70; Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 22–22об.

¹⁴ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 19.

¹⁶ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 396. Л. 16; Ф. КС. Оп. 491. Д. 3107. Л. 90.

К решению вопроса опять привлекли чинов Заамурского округа Пограничной стражи. Было решено, что действия против повстанцев начнутся 17 сентября, к этому времени должны собраться баргинские силы со станций Мяньюхэ и Маньчжурия. План действий был сообщен баргутам, но они сказали, что надо ждать прибытия еще одной конной сотни, и действия отложили до 18 сентября. Но баргуты не успели предупредить своих. Рано утром 17 сентября часть баргинских солонов и ороحوнов напала на Южную деревню в 17 верстах от Хайлара, где стоял один из повстанческих отрядов. Этот отряд бежал на юг. Затем, после вступления в бой российских сил, повстанцы оставили Хайлар. Они были изгнаны из города совместными действиями российских войск и баргутской милиции¹⁷. Следовательно, несмотря на низкую боеспособность, баргинские формирования успешно взаимодействовали с российскими.

Действия внутренне-монгольских («харачинских») повстанцев в Барге актуализировали организацию собственных военных сил. Вскоре после изгнания «харачинов» в сентябре 1917 г. появилась идея приглашения российского инструктора для повышения эффективности этих сил. Образцом вновь стала автономная Внешняя Монголия, где с санкции Николая II в январе 1912 г. в Худжир-Булане на окраине Урги была организована военная школа с русскими инструкторами. Так как этот вопрос изучен мало, в связи с чем остановлюсь на нем подробнее.

В МИД России был направлен соответствующий запрос. Товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов сообщил, что у него нет возражений против приглашения русского офицера для организации в Барге милиции¹⁸. Согласно телеграмме дипломатического чиновника при иркутском краевом комиссаре Н. К. Эльтекова от 23 сентября 1917 г., «...подходящим лицом для организации милиции в Барге является войсковой старшина Владимир Павлович Славинский, находящийся в распоряжении наказного атамана Забайкальского войска. До последнего времени он состоял помощником командира 2-го Нерчинского казачьего полка. Окончил Восточный институт в 1908 г., местный уроженец, знаком с монгольским и китайским языками. Выразил

¹⁷ АВПРИ.Ф. КС. Оп. 491. Д. 3107. Л. 187; Д. 299. Л. 145–152; Ф. ВХ. Оп. 573. Д. 2. Л. 30.

¹⁸ АВПРИ. Ф. ВХ. Оп. 573. Д. 3. Л. 19–21об.

мне принципиальное согласие принять это поручение»¹⁹. Однако нашлась более подходящая кандидатура.

В октябре 1917 г. Военное министерство России в принципе согласилось командировать в Баргу офицера. Это стало одним из условий поддержки Россией возвращения бежавшего от повстанцев Шэнфу на пост фудутуна Барги. В ответ Шэнфу пообещал «преобразовать милицию» и для этого пригласить российского офицера. Российский вице-консул в Хайларе П. К. Усатый предложил оформить вопрос об офицере письменным соглашением с Шэнфу²⁰. 25 октября 1917 г. Усатый телеграфировал российскому посланнику в Пекине Н. А. Кудашеву: «Дабы не упустить удобного момента, я заручился от Шэнфу следующим документом: “1. Хулунбуирский фудутун, имея в виду спокойствие Хулунбуира и охрану его, приглашает для обучения солдат русского офицера, с которым заключает трехлетний контракт. Кроме предоставления этому офицеру хорошего дома для жилья, уплачивается 400 руб. жалованья в месяц. В помощь офицеру по его указанию нанимаются инструктора. Жалованье инструкторам уплачивается до 150 руб. в месяц. Жалованье как русскому офицеру, так и инструкторам милиции уплачивается из пошлин за уголь, добываемый на Чжалайнорских копиях. 2. Русские власти изъявляют согласие командировать для обучения солдат Хулунбуира русского офицера и помощников ему инструктировать солдат”. В случае необходимости изменить редакцию, прошу срочных указаний»²¹.

МИД настаивал на том, чтобы в Баргу был командирован войсковой старшина Иннокентий Хрисанфович Шароглазов. В 1913 г. он был начальником конвоя российской миссии в Пекине²². Участвовал в Первой мировой войне, легко отравлен газом под Луцком, в 1916 г. эвакуирован в тыл. Вернулся в Забайкалье, вступил в белые войска Восточного фронта²³.

---

¹⁹ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 760. Л. 258.

²⁰ АВПРИ. Ф. ВХ. Оп. 573. Д. 3. Л. 35; Оп. 573. Д. 2. Л. 151; Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 112, 113.

²¹ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 115.

²² АВПРИ. Ф. МИД канцелярия. Оп. 470. Д. 78. Л. 327; Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 109. Д. 1555. Л. 91.

²³ URL: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D1%84%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

В тот период атаман Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн стали использовать баргинские отряды для борьбы с нараставшим революционным движением в Забайкалье и на КВЖД. Уже вскоре после прибытия в Забайкалье, в 1917 г., Семенов начал формировать отряд из бывших монгольских повстанцев («харачинов»); баргинцы приступили к созданию собственного отряда²⁴. В Хайларе Семенов набрал около 150 баргутов и обучал их. Он предлагал свои услуги в качестве инструктора²⁵. В конце января или начале февраля 1918 г. Унгерн со 130 баргутскими солдатами отправился по КВЖД в сторону г. Цицикар разоружать разложенные революцией российские войска на линии. Унгерна и баргутов задержали китайцы, но затем освободили²⁶. После этого власти Барги заявили, что они больше не хотят предоставлять своих солдат Семенову. Скандал удалось замять, договорившись с Семеновым и баргутами, что их солдаты впредь не будут выводиться из Барги и будут только охранять дорогу от ст. Маньчжурия до Хингана. Чтобы дальнейшая вербовка баргутов шла без эксцессов, было решено возложить ее на Шароглазова, которому поручалось также установить контакты с забайкальским казачеством на предмет борьбы с красными²⁷.

Шароглазов прибыл в Хайлар 29 января 1918 г. (11 февраля н.ст.). Кудашев телеграфировал в тот же день Усатому, что Шароглазов должен помогать Семенову в Барге и установил с ним «согласованный образ действий». В тот же день Шароглазов выехал в Пекин²⁸. Поездка была связана с получением инструкций от Кудашева. «Китайцам здесь объяснено, что Ш. прикомандировывается к консульству лишь номинально, в действительности же его задача — руководство из безопасного пункта агитацией для восстановления порядка в Забайкалье»²⁹. Кудашев возложил на Шароглазова «особое поручение, касающееся внутренних дел Забайкалья» и тайное «выполнение тех обязанностей, которые ныне возложены на барона Унгерн-Штернберга в Барге»³⁰. Имелись в виду инструктаж и набор баргинских солдат. Кроме того, по словам Кудашева, Д. Л. Хорват заявил, что дал распоряжение

²⁴ Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 131–133.

²⁵ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 1555. Л. 19–23

²⁶ Там же. Л. 55–56об.

²⁷ Там же. Л. 73–73об.

²⁸ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 118–120.

²⁹ Там же. Л. 121.

³⁰ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 1555. Л. 73–73об.

уплатить баргутам за Чжалайнорские копи, благодаря чему появляется возможность оплатить работу Шароглазова. Кудашев снабдил последнего своим письмом и рекомендовал удержать из выплат за копи содержание Шароглазова на возможно более долгий срок вперед³¹.

Согласно телеграмме Кудашева Усатому от 16 февраля 1918 г., важнейшая цель приглашения Шароглазова инструктором — привести насколько возможно в порядок баргинскую милицию, «дабы не повторялись прискорбные случаи, имевшие место летом минувшего года, когда милиция эта разбежалась, не оказав никакого сопротивления харачинам»³².

Лишь 15 марта 1918 г. фудутун Хулунбуира подписал контракт с Шароглазовым. По контракту с этого дня Шароглазов приглашается инструктором хулунбуирских войск сроком на 3 года; обязуется обучать баргинских солдат пешему и конному строю; их количество определяет баргинский фудутун; посылать солдат в другие места по своему усмотрению Шароглазов не может; если понадобятся младшие инструкторы, они приглашаются по указанию Шароглазова, но числом не более 1 на каждые 150 человек; Шароглазову уплачивается из Управления Хулунбуира жалование и квартирные деньги в 450 р. в месяц; жалование удерживается из арендной платы за Чжалайнорские копи; кроме того, при подписании соглашения хулунбуирский фудутун уплачивает Шароглазову 2000 р. на обзаведение; жалование младшим инструкторам — 150 р. в месяц³³. 7 апреля 1918 г. Унгерн писал Семенову, что, по слухам, Шароглазов обещает от 100–120 руб. каждому нанимаемому пешему монголу³⁴.

1 мая 1918 г. Семенов предложил Шароглазову должность начальника штаба Забайкальского войска. Ввиду того, что монголы (баргуты) в присутствии китайцев не решались созывать своих солдат для обучения, Усатый полагал, что Шароглазов мог бы принять эту должность, оставаясь номинально инструктором. В ответ на эту информацию Кудашев известил Усатого

---

³¹ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 121.

³² Там же. Л. 122–122об.

³³ АВПРИ. Ф. ВХ. Оп. 573. Д. 3. Л. 90–91; заверенные сургучной печатью вице-консульства в Хайларе и подписью Усатого ориг. контракта баргинских властей с Шароглазовым от 15 марта 1918 г. на рус. и монг. яз.: АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 125–126.

³⁴ РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об.

2 мая: «Нет препятствий к назначению Шароглазова начальником штаба с обязат[ельным] оставлением его инструктором»³⁵.

Однако вскоре ситуация изменилась. Из 47 тыс. лан, уплаченных КВЖД баргинцам за Чжалайнорские копи за 1917 г., Усатый удержал годовое содержание Шароглазова. Баргинцы протестовали, говоря, что он не живет в Хайларе и это несправедливо. Усатый отвечал, что Шароглазов в их распоряжении и всегда может приехать. Узнав об этом из телеграммы Усатого от 17 марта 1919 г., Кудашев наложил резолюцию: «Несправедливо брать деньги за время, когда Ш. не находился в Хайларе»³⁶. 28 марта 1919 г. Кудашев известил Усатого: «Вследствие донесения от 17 сего марта за № 33 Миссия имеет честь уведомить, что раз войсковой старшина Шароглазов не исполняет ныне обязанности военного инструктора в Барге, Миссия не признает удобным удержание из платежей за Чжалайнорские копи его жалования. Удержанная согласно сказанному донесению сумма подлежит поэтому выдаче баргинским властям с тем, однако, чтобы при этом было обусловлено, что по вступлении вновь И. Х. Шароглазова или его преемника в должность военного инструктора полагающееся последнему жалование, согласно условию, удерживалось из соответствующих будущих платежей за вышеназванные копи. Само собою разумеется, что создавшееся ныне положение не должно предрешать принципиального вопроса о русском военном инструкторе в Барге, что вице-консульству и надлежит оговорить при возвращении упомянутой выше суммы»³⁷.

Удержание части платежей за Чжалайнорские угольные копи наткнулось на препятствия в связи с Гражданской войной в России и постепенным взятием Барги под китайский контроль: цзицкарские власти заявили, что платежи должны идти им, а не баргинскому фудутуну.

Лишь 17 июня 1919 г. баргинцы согласились «воспользоваться услугами нашего инструктора для обучения своих войск. Пока будет обучено 200 чел. Телеграфирую Шароглазову, чтобы он прибыл к месту служения с двумя унтер-офицерами, знающими монгольский язык. Жалованье увеличено инструктору до 1000 руб. и унтер-офицерам до 450 руб. в месяц». Сообщая

³⁵ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 131.

³⁶ Там же. Л. 143.

³⁷ Там же. Л. 130.

об этом, Усатый просил ходатайствовать об освобождении Шароглазова от службы в Чите, т.е. от должности начштаба³⁸.

Однако Кудашев возражал. По его мнению, появление русского инструктора в Хайларе теперь могло быть истолковано китайцами как поддержка панмонгольского движения и повлечь репрессивные меры против Барги. Пока Шароглазов должен работать в Русско-Азиатском банке в Хайларе. Однако «вообще очень осторожные баргинцы» не опасались китайских протестов и настаивали на том, чтобы прибывший Шароглазов немедленно приступил к работе. Учитывая, что в агентурных телеграммах уже появились сведения о назначении инструктора, Кудашев предложил, чтобы Шароглазов поступил на работу в банк, а баргинских солдат обучал в свободное время. Усатый не согласился: как служащий банка, Шароглазов не будет пользоваться авторитетом у баргутов, просил оставить назначение инструкторов так, как это соответствует договору. Кудашев ответил, что «появление русского инструктора в Хайларе в настоящее время, в связи с Панмонгольским движением, привлечет внимание китайцев и может быть истолковано как наше содействие движению. Не исключается возможность их протестов и принятия репрессивных мер против Барги. Объясните это баргутам и посоветуйте отложить приглашение. Баргуты могли бы воспользоваться услугами Шароглазова, который ныне получил службу в Рус.-Аз. Банке в Хайларе и скоро прибудет туда. Как только острота положения минует, вопрос об инструкторе можно будет опять поставить на очередь. Доверительно. Назначение другого офицера нежелательно, ибо он будет семеновцем». Кудашев счел несвоевременным назначать инструктора в Баргу³⁹.

Но через неделю Усатый, «указав баргутам на желательность, в связи с походом харачино-бурят на Ургу, избегать каких-либо намеков на прикосновенность их к монголо-бурятскому движению⁴⁰, убедил их повременить с обучением последних. В Харбине Пименов заявил Ш[ароглазову], что он будет назначен в Куанчэньцзы или Дайрен, но не в Хайлар. Ш. хотел бы остаться в Хайларе»⁴¹. Изменение позиции российской Миссии в Пекине по инструктору в Барге было связано

---

³⁸ Там же. Л. 132–133.

³⁹ Телеграфная переписка Кудашева и Усатого 20 июня — 2 июля 1919 г. (АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. Л. 135, 137–139об.)

⁴⁰ Т.е. к Панмонгольскому движению.

⁴¹ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 395. Л. 49.

с опасениями, что его деятельность китайцы будут трактовать как поддержку Панмонгольскому движению, поддерживавшемуся Г. М. Семеновым. С этим же было связано и изменение позиции баргинцев: опасаясь вторжения панмонголистов из Забайкалья, они хотели использовать русских инструкторов для укрепления своих войск.

Следуя инструкциям Кудашева, Шароглазов 16 июля написал письмо 1-му секретарю российской Миссии в Пекине В. В. Граве, что желает покончить с военной службой и просит его помочь устроиться в Русско-Азиатский банк в Хайлар. Перед отъездом из Читы Шароглазов получил телеграмму Усатого, чтобы он поторопился прибыть в Хайлар, так как баргуты собрали 200 солдат и хотят, чтобы он приступил к работе инструктора, а из-за низкого курса рубля прибавили ему жалованье. Поэтому Шароглазов приехал в Хайлар с семьей и имуществом. Из Харбина Шароглазову сообщили, чтобы он не приступал к работе в банке, так как идет переписка о посылке его в Куаньчэнцзы или Дайрен. Судя по письму Шароглазова из Хайлара Граве от 16 июля 1919 г., он не знал, что делать, и просил ускорить решение вопроса (вопрос с выходом в отставку был уже решен)⁴². 2 августа Русско-Азиатский банк известил Граве, что вопрос о назначении Шароглазова решен и Шароглазов на днях приступает к работе в его отделении⁴³.

6 августа 1919 г. Усатый подтвердил Кудашеву, что «войсковой старшина Шароглазов поступил на службу в Русско-Азиатский банк и не может поэтому нести обязанности инструктора. Ввиду сего имею честь покорнейше просить Миссию выяснить вопрос о его заместителе на случай нового обращения баргутов о представлении в их распоряжение русских инструкторов. <Рукописная резолюция Кудашева:> Придется просить Ш. рекомендовать надежное лицо, а пока по возм[ожности] отклонять попытки баргутов»⁴⁴. 19 августа Кудашев телеграфировал Усатому: «Миссия продолжает придерживаться взгляда, что приглашение русского офицера-инструктора баргутами сейчас по политическим соображениям опасно, т.к. будет истолковано как причастность российского правительства к Панмонгольскому движению; надо советовать баргутам искать другого

⁴² Там же. Л. 151–154.

⁴³ Там же. Л. 150а–150б.

⁴⁴ Там же. Л. 155.

инструктора под предлогом отказа Шароглазова, чтобы затянуть время»⁴⁵.

Такой подход к вопросу об инструкторах по времени совпал с нарастающим давлением на Баргу китайских властей, которые стремились отменить ее автономию и ввести дополнительные войска в связи с нестабильностью в Забайкалье и на КВЖД вследствие Гражданской войны в России. Китайцы стремились заменить баргинские войска провинциальными китайскими. Уже с 1918 г. баргинские караулы по границе с Россией стали заменять китайскими. Незаконная отмена автономии Внешней Монголии в конце 1919 г. Китаем логически предшествовала его аналогичным действиям в отношении Барги. 28 января 1920 г. был опубликован декрет президента Китая об упразднении ее особого статуса⁴⁶.

Однако общий характер управления баргинцами остался прежним. Фудутун Гуйфу по-прежнему управлял ими, строго придерживаясь старых маньчжурских уставов, обычаев и т.д.⁴⁷. Существовали и местные баргинские войска для охраны границы с РСФСР и Внешней Монголией и защиты от хунхузов со стороны Китая. Все мужское население Барги от 18 до 40 лет было военнообязанным, с 65 сомонов Барги можно было мобилизовать 3575 человек. Но ежегодно в строю было гораздо меньше (например, летом 1923 г. — 700 чел., зимой большинство распустили, осталось 200 чел.). Обмундирования и строевой подготовки не было, дисциплина была плохая, снабжение — от населения баранами. На руках у баргинцев оставалось около 500 ружей разных систем, китайцы оружия не выдавали. У перевалов через Хинган и в верховьях Халхин-Гола располагалось 6 караульных отрядов по 15–30 человек. В Хайларе находился отряд в 200 человек, на ст. Маньчжурия — 60, Аршане — 50⁴⁸. На ситуацию в Барге эти войска влияли меньше, чем находившиеся там китайские войска и белогвардейские отряды.

В августе 1928 г. в Барге произошло восстание за восстановление автономии, поднятое местными революционерами под руководством Мэрсэ. Повстанцы учредили военный совет и объявили о создании «армии всей Барги для охраны

---

⁴⁵ Там же. Л. 141–141об.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 76. Д. 401. Л. 6–7.

⁴⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 2. Д. 20. Л. 72–74.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 20. Л. 52–53.

от внешних и внутренних врагов — Хулунбуирской народной армии»⁴⁹. Однако восстание было плохо подготовлено, создать единые вооруженные силы не удалось.

В подавлении восстания участвовал, в том числе, национальный отряд в 300 человек, созданный властями Барги⁵⁰. В 1929 г. правитель Трех восточных провинций Чжан Сюэлян предпринял безуспешную попытку захватить КВЖД. Баргуты в этом конфликте почти не участвовали. Происходили отдельные стычки на границе с МНР. Так, 21 августа 1929 г. баргуты через Халхин-Гол вторглись в МНР в районе Тамсаг-Булака и угнали лошадей тамошнего погранэскадрона. Они потеряли, по крайней мере, 2 человека убитыми⁵¹.

В 1932 г. при содействии японцев было создано государство Маньчжурия (кит. Маньчжоу-Го). К концу того же года Барга была присоединена к нему. Вскоре после провозглашения государства Маньчжурия в нем была образована Синаньская (Хинганская) провинция, включавшая Баргу, которая составила северное вице-губернаторство с центром в Хайларе. В декабре 1932 г., после ухода китайских войск, Хайлар стала патрулировать баргутская охрана, над зданием вокзала подняли флаг Маньчжурии⁵². Барге японское командование придавало большое значение в связи с ее стратегическим положением — как западному форпосту на границах с СССР и МНР. После эвакуации китайских войск в Барге проводилось расквартирование японских войск, интенсивное военное строительство.

Для монгольской молодежи в Хайларе организовали специальные курсы, где она обучалась военно-полицейскому делу. На этих курсах под руководством японских офицеров к маю 1933 г. было обучено 20 молодых монголов. Около 40 монголов направились на обучение в Мукден, 25 — были предназначены для отправки на учебу в Японию. Японцы приступили к подготовке мобилизации до 2000 баргут-монголов 20–30 лет. Для этого в Хайлар прибыл военный специалист Окада.

⁴⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Фонд РМ. Опись 9. Папка 125. Д. 13. Л. 197–247; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 118–128 и др.

⁵⁰ Atwood L. P. *Young Mongols and Vigiliantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931*. Vol. 1. Leiden — Boston — Koeln, 2002. P. 898.

⁵¹ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦАФСБ). Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 68–69; УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 204–210.

⁵² АВПРФ. Ф. РК. Оп. 16. Д. 16. П. 169. Л. 132–133.

Формирующиеся части предстояло укомплектовать японскими офицерами-инструкторами⁵³.

Согласно «Справке о японских войсках в Ханганской (Синаньской) провинции на 15 ноября 1935 г.», монгольские войска в то время были следующие: 1-я монгольская конная армия — командующий генерал-майор Уржин Гармаев, штаб в Хайларе. В состав ее входят кавбригады — 1-я (командир генерал-майор Болобатор, штаб в Бухэду; 1-й кавполк — командир Пожукпын, 2 эскадрона в Бухэду, 1 в Буси; 2-й кавполк — командир Динюнфу, 3 эскадрона в Бухэду, 1 в Чжалантунь; в каждом полку 3 эскадрона, в эскадроне 3 взвода, во взводе 30 солдат, в бригаде 4 японских офицера-советника); 4-я (комбриг Уржин Гармаев, штаб в Хайларе: 7-й полк — командир полковник Бугукар, в Хайларе; 8-й полк, штаб в Маньчжурии, командир полковник Дамба, в каждом полку по 2 эскадрона, в эскадроне по 100–110 чел., в бригаде 35–40 японских офицеров. При 4-й кавбригаде в Хайларе — школа, которая готовит подростков для поступления в военную школу, там обучается до 20 чел. 14–20 лет). 2-я монгольская конная армия — командующий князь Бадамуламутан (входят 2-я и 3-я кавбригады: 2-я бригада — штаб в Линьси, 2 полка, в полку 2 эскадрона по 103 солдата, есть пулеметный и бомбометный эскадроны; 3-я кавбригада — штаб в Цяньцзядани, комбриг князь Бадамулабутан, 2 полка; пехотные монгольские части — 2 батальона 230 и 258 чел.). В Чжэнцзятуне (Ляююань) — монгольская военная школа, готовит средний комсостав, обучение — 3 года, обучается 85 чел. 25–30 лет⁵⁴.

Судя по указанным пунктам, большинство монгольских войск стояло в Синаньской провинции за границами Барги. Вместе с тем приведенные данные показывают, что впервые в истории Барги и других монгольских территорий, включенных в Маньчжурию, из монголов стали формироваться сравнительно крупные регулярные части, началась подготовка профессиональных военных кадров. Это было то, к чему тщетно стремились баргинцы все годы после объявления независимости. Но формирование национальных частей теперь проводилось в рамках Императорской армии государства Маньчжурия. В этом можно увидеть аналогию с баргинскими национальными формированиями времен империи Цин и Китайской Республики.

---

⁵³ ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 37–96.

⁵⁴ АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 16. Д. 39, папка 154. Л. 36–41.

Переходя границу в районе Халхин-Гола, японо-маньчжурские войска делали рейды на пограничные части МНР. В 1936 г. был случай перекочевки баргутов в МНР при поддержке маньчжурских пограничных войск, состоявших из баргутов. После этого последовал целый ряд провокаций в том районе — вторжения небольших маньчжурских отрядов, которые монголы отбивали⁵⁵.

В конфликте Японии с СССР и МНР в районе Халхин-Гола в 1939 г. участвовали войска государства Маньчжурия. Ему предшествовал ряд нападений японской и баргутской кавалерии на пограничные посты МНР зимой 1939 г. Штаб участвовавшей в конфликте 6-й японской армии располагался в Хайларе. Об этом конфликте опубликовано много важных российских, японских и монгольских документов⁵⁶. Поэтому детально останавливаться на нем не буду. Отмечу лишь, что в боевых действиях маньчжурской армии участвовали баргутские кавалерийские полки. При наступлении советско-монгольских войск, уступавших противнику в численности живой силы, в результате перегруппировки командование достигло решающего перевеса на участках главного удара. Воинские группировки были нацелены на наиболее уязвимые места в обороне японо-маньчжурских войск — на фланги, которые оборонялись наименее стойкими частями баргутской конницы и маньчжурами⁵⁷.

Во время боев на Халхин-Голе имело место дезертирство из баргутских войск. Антияпонские настроения среди баргинских солдат подавлялись палочной дисциплиной японскими инструкторами. Под влиянием поражений японо-маньчжурских войск и из-за сведений об ухудшении экономического положения в Барге началось массовое дезертирство баргутов (за июль — август 1939 г. дезертировало более 1000 чел.). Следствием боев при Халхин-Голе стало партизанское антияпонское движение в западной Маньчжурии (ранее оно было лишь в Восточной). Его организаторами были дезертиры из войск Маньчжоу-Го⁵⁸. После событий при

⁵⁵ АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 17, папка 154. Д. 4. Л. 6–8.

⁵⁶ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май – сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014.

⁵⁷ Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 54, 85, 90.

⁵⁸ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 276. Л. 2–9.

Халхин-Голе было несколько мятежей в войсках государства Маньчжурия, офицеры-дауры убивали находившихся там японцев⁵⁹.

В целом конфликт на Халхин-Голе и его исход разочаровали баргутов. Они считали, что монголы не должны воевать с монголами, а после поражения японо-маньчжурских войск убедились в военном превосходстве СССР и поддержке МНР с его стороны.

9 августа — 2 сентября 1945 г., согласно Ялтинским соглашениям, Советская армия совместно с МНРА провела Маньчжурскую операцию для разгрома японской Квантунской армии, занятия Маньчжурии и севера Кореи. Из двух главных ударов один был направлен из МНР на Синаньскую провинцию Маньчжурии — в первую очередь на Баргу. Баргуты переходили на сторону атакующих, призывали других баргинских солдат следовать их примеру (см., например, воззвание группы солдат баргутского кавалерийского полка)⁶⁰. 19 августа 1945 г. войска МНР вошли в Хайлар.

После разгрома Японии территория государства Маньчжурия, включая Баргу, была включена в состав Китая. Части Советской Армии ушли из Маньчжурии 3 мая 1946 г. Через несколько дней стало очевидным, что от Харбина до г. Маньчжурия власть без боя берет китайская 8-я Народно-революционная армия (НРА), в том числе в Барге. Через некоторое время 8-я НРА стала сотрудничать с монголами. В баргутской кавалерийской дивизии, формировавшейся в Хайларе, советниками стали представители 8-й НРА⁶¹. Это был первый этап инкорпорации баргинских национальных войск в состав формировавшейся Народно-освободительной армии Китая (НОАК), руководимой КПК (хотя название НОАК использовалось для 8-й НРА уже летом 1946 г.). В условиях контроля КПК и гражданской войны между двумя китайскими партиями — КПК и Гоминьданом — баргинцы продолжали стремиться к автономии и к объединению с другими монголами — сначала с МНР, а после того, как им было в этом отказано, — с монголами Внутренней Монголии. В составе КНР автономия Барги не была восстановлена, а сама Барга была включена во Внутреннюю Монголию под властью ханьцев из КПК.

---

⁵⁹ Цыбенков Б. Д., Курас А. В. Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го // Иркутский историко-экономический ежегодник 2019. С. 380–388.

⁶⁰ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 113. Л. 212–213.

⁶¹ АВПРФ. Ф. РК. Оп. 34. Папка 252. Д. 15. Л. 116–125.

В целом, стремясь к независимости от Китая, а затем — к автономии в его рамках, баргинцы старались организовать собственные воинские формирования для защиты своей независимости или автономии. Эти формирования в первой половине XX в. показали невысокую эффективность в боевых действиях с иностранными войсками, но, как правило, были достаточны для несения полицейской и пограничной службы. Участие их в боях при Халхин-Голе стало одним из факторов разочарования баргутов в японском доминировании в Хулунбуире в период существования государства Маньчжурия. Включение Барги в состав КНР положило конец самостоятельным баргинским войскам.

Архивы

АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи, Москва; Ф. КС — Ф. Китайский Стол; Ф. МП — Ф. Миссия в Пекине; Ф. ВХ — Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе.

АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва; Ф. РМ — Ф. Референтура по Монголии; Ф. РК — Ф. Референтура по Китаю.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва.

РГВА — Российский государственный военный архив, Москва.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив, С.-Петербург.

ЦАФСБ — Центральный архив ФСБ России, Москва.

Литература

Баранов А. М. Барга. Историческая справка // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8—10.

Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май—сентябрь 1939 г.: документы и материалы. М., 2014.

- Кузьмин С. Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 40. № 6.
- Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 2.
- Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002.
- Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009.
- Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-го // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2019.
- Atwood C. P. *Young Mongols and Vigiliantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931*. Leiden–Boston–Koeln, 2002. Vol. 1.

Глава 15*

ПРОПАГАНДА МАНЬЧЖОУ-ГО О НОМОНХАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ШЭНЦЗИН ШИ БАО»

1. Предисловие

К настоящему времени о Номонханской войне учеными проведены многочисленные исследования в различных аспектах: военное дело, политика, география, экономика, искусство, международные отношения, этнография и др. Кроме этого, некоторые ученые неоднократно писали о пропагандистской работе, которая проводилась со стороны Японии, России и Монголии в связи с Номонханской войной¹.

Однако очень мало исследований в области пропаганды Маньчжоу-Го о Номонханской войне.

Если говорить о наиболее влиятельных китайских периодических изданиях периода Маньчжоу-Го, то, разумеется, в первую очередь следует назвать газету «Шэнцзин ши бао».

Газета «Шэнцзин ши бао» была основана Накадзимой Масао 18 октября 1906 г. в городе Шэнцзин (ныне Мукден).

До и после своего основания газета пользовалась поддержкой со стороны Маньчжурской железнодорожной компании и министерства иностранных дел Японии. Вместе с ростом японского влияния на территории Маньчжурии с каждым днем увеличивалось и количество газет, принадлежащих японцам: к 1927 г. насчитывалось уже более 70 газет на японском и китайском языках, которыми владели японцы. Самые влиятельные из них — «Шэнцзин ши бао» и «Чин дунгийн одрийн сонин». После «инцидента 18 сентября» 1931 г., когда Квантунская армия заняла всю

---

* Автор главы — Чойралжав.

¹ Алтанзая Л. Халх голын тулалдааны үеийн зарим ухуулах бичгийнтухай // Imanish Junko and Husel Borjigin, 70 Years Since the Nomonhan Incident (Battle of Khalkhyn Gol): Collection of Treatises in the 2009 International Symposium in Ulaanbaatar, Fukuyosha, 2010. P. 531–542. (Алтанзая Л. О некоторых пропагандистских листовках периода сражений на Халхин-Голе).

Маньчжурию, «Шэнцзин ши бао» стала наиболее влиятельной китайской газетой на этой территории². После создания Маньчжоу-Го в 1932 г. Квантунская армия подвергла все газеты и журналы, распространявшиеся на этой территории, тщательной инспекции и очень многие из них закрыла. В августе того же года под контролем Квантунской армии в Мукдене было проведено собрание Совета монгольских организаций Маньчжоу-Го и утвержден соответствующий устав. В нем газете «Шэнцзин ши бао» было отведено особое место. 28 сентября 1936 г. было создано «Объединение газет» Маньчжоу-Го, которое находилось под управлением 4-го отделения Квантунской армии. К 1938 г. в Маньчжоу-Го осталось всего 29 газет, в том числе на китайском языке — 15, на японском — 11, на английском, французском, русском и корейском языках — по одной газете. Среди них «Шэнцзин ши бао» в то время была наиболее распространяемой (максимально 38 983 экземпляра) и наиболее влиятельной. Она превратилась в рупор правительства Маньчжоу-Го³.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании вопроса о пропагандистской работе, которую правительство Маньчжоу-Го проводило во время Номонханской войны 1939 г. на примере наиболее влиятельной газеты «Шэнцзин ши бао».

2. Информация и пропаганда о Номонханской войне в газете «Шэнцзин ши бао»

2.1. Первая публикация о Номонханской войне в газете «Шэнцзин ши бао»

11 мая 1939 г. в два часа дня от пограничников Маньчжоу-Го стало известно, что «войска Монголии нарушили государственную границу Маньчжоу-Го», в результате чего произошло боевое столкновение. 13 мая в 18.00 правительство Маньчжоу-Го направило решительный протест правительству Монгольской Народной Республики и потребовало немедленно прекратить военную провокацию на границе.

---

² Ручной отбор газет Квантунской армией в период Маньчжоу-Го и китайские газеты // Социальные исследования в Восточной Азии XXI века. 2016. № 8. С. 128–129 (на япон. яз.).

³ Там же. С. 130.

14 мая газета «Шэнцзин ши бао» опубликовала сообщение о том, что 11 мая войска Внешней Монголии⁴ напали на территорию Маньчжоу-Го, что маньчжурские войска нанесли ответный удар, что правительство Маньчжоу-Го направило правительству МНР ноту протеста в виде телеграммы на имя премьер-министра Х. Чойбалсана⁵.

Советское правительство, а также газеты и радио вплоть до 30 мая вообще не сообщали о Номонханской войне. Об этом «Шэнцзин ши бао» писала, что главная причина молчания советского правительства состоит в том, что оно проводит консультации с правительствами Великобритании и Франции по вопросу о заключении союза против Германии, и хотя Советский Союз следит за положением на Дальнем Востоке, но в данный момент он уделяет больше внимания политическому положению в Европе⁶.

31 мая на заседании Верховного Совета СССР нарком иностранных дел В. М. Молотов в своем докладе о международном положении впервые упомянул о военном конфликте на Халхин-Голе – Номонхане и заявил о том, что советская и монгольская стороны будут решительно защищать монгольскую границу. В ответ на это правительство Маньчжоу-Го опубликовало заявление, что ответственность за данный инцидент полностью лежит на советско-монгольской стороне⁷.

Советская правительственная газета «Известия», начиная с 26 июня 1939 г., по-настоящему стала информировать о боях на Халхин-Голе/Номонхане⁸. Монгольская газета «Эх орны төлөө» («За Родину»), начавшая выходить с 7 июня того же года, специально сообщала о боях на Халхин-Голе. Если сравнивать, то газеты Маньчжоу-Го и Японии одновременно начали сообщать об этих боях с 14 мая 1939 г. О ситуации с информацией в газете «Шэнцзин ши бао» уже было сказано выше. Японские «Ежедневная газета Токио» и «Ежедневная газета Осаки», каждая в отдельности, одновременно информировали об этих боях, начиная с 14 мая. В начале событий японские газеты не сообщали об участии японских войск в конфликте, более того, они

---

⁴ Имеется в виду Монгольская Народная Республика (МНР).

⁵ Шэнцзин ши бао. 14, 16.05.1939.

⁶ Шэнцзин ши бао. 31.05.1939.

⁷ Шэнцзин ши бао. 2.06.1939.

⁸ Yisaki Shigeyuki. Мифы и правда о Номонхане. Saiiusha, 2013. С. 75 (на япон. яз.).

сообщали, что в воздушных боях участвуют маньчжурские летчики⁹. Только начиная с 29 мая появились сообщения о том, что в боях принимают участие японские войска (Квантунская армия), которые являются главной военной силой.

С 15 мая «Шэнцзин ши бао» в каждом выпуске интенсивно сообщала о ходе боев на Номонхане. При этом следует обратить внимание на то, что «Шэнцзин ши бао» и все другие газеты того периода на территории Маньчжоу-Го в своих сообщениях о боях использовали, как и все японские газеты, термин «Номонханский инцидент», но выражение «Номонханская война» не использовали. Территория Номонхана принадлежала Маньчжоу-Го, а Халхин-Гол являлся территорией Монголии. Использование слова «Номонхан» в названии этого конфликта означало, что советско-монгольские войска напали на территорию Маньчжоу-Го. В этом состоит причина, почему японо-маньчжурская сторона обычно использует название «Номонхан». Если использовать слово «Халхин-Гол», то это будет означать, что Маньчжоу-Го нарушило территориальную целостность Монголии. Именно в этом состоит причина, почему советско-монгольская сторона обычно использует название «Халхин-Гол». Причина же отказа от использования слова «война» состоит в том, что, как известно, ни один из участников конфликта не объявлял войну своему противнику.

2.2. Сообщения «Шэнцзин ши бао» об армии Маньчжоу-Го

«Шэнцзин ши бао» писала, что причина возникновения Номонханского конфликта является результатом действий советской и монгольской стороны, поскольку монгольские и советские войска неоднократно нарушали границу, совершали провокации против Маньчжоу-Го, поэтому маньчжурская армия, в трудных условиях защищая мир и покой своей страны, нанесла им ответный удар¹⁰. Подобная форма информации не оставляет сомнения в том, что маньчжурские и японские газеты получили соответствующие указания от Квантунской армии.

17 мая «Шэнцзин ши бао» сообщала: «Руководствуясь принципом защиты границ Маньчжоу-Го “на чужое не посягаем, но и чужих посягательств не потерпим”, маньчжурские войска ночью совершили нападение на монгольские войска,

---

⁹ Да бань мэй ши синь вэнь (ежедневная газета Осаки). 14.05.1939; Дун цзин жи ши синь вэнь (Ежедневная газета Токио). 14.05. 1939.

¹⁰ Шэнцзин ши бао. 16, 18, 31.05.1939.

нарушившие границу. 15-го числа на рассвете монгольские войска начали отступать. Маньчжурские войска, воодушевленные успехом, продолжили активно наступать, одновременно авиация атаковала монгольские войска с воздуха, в результате чего они понесли тяжелые потери, а маньчжурские войска отстояли свою территорию»¹¹.

До 26 мая «Шэнцзин ши бао» снова и снова сообщала о том, что маньчжурские войска наносят сильные удары, каждый раз вынуждая отступать монгольские войска, посягнувшие на территорию Маньчжоу-Го, а также преувеличивала успехи в воздушных боях с Внешней Монголией, в частности писала, что в воздушных боях с 20 по 22 мая было сбито в общей сложности 7 самолетов Внешней Монголии¹².

28 мая Генеральный штаб Квантунской армии в Синьцзине опубликовал заявление о том, что в ответ на нападение советских и монгольских войск на территорию Маньчжоу-Го войска Японии и Маньчжоу-Го нанесли ответный удар. Иными словами, если до этого момента японо-маньчжурская сторона утверждала, что монгольские войска напали на территорию Маньчжоу-Го и маньчжурские войска в ответ нанесли ответный удар, то в этом заявлении Генерального штаба Квантунской армии особо подчеркивалось, что советские и монгольские войска совместно напали на маньчжурскую территорию, а японско-маньчжурские войска нанесли сильный ответный удар. Далее сообщалось, что до 27 мая было сбито 17 советских самолетов, а также что самолет под управлением майора советских ВВС Гусарова¹³ приземлился на территории Маньчжоу-Го¹⁴.

С июня по июль «Шэнцзин ши бао» очень подробно сообщала об участии японско-маньчжурских войск в конфликте. Хотя иногда сообщалось, что между японско-маньчжурскими и советско-монгольскими войсками «стоит мертвая тишина» или «танковые части противника оказывают ожесточенное сопротивление»¹⁵, в основном дело представляли таким образом, что японско-маньчжурские войска героически сражаются, одерживают победу за победой, в то время как советские и монгольские

¹¹ Шэнцзин ши бао. 17.05.1939.

¹² Там же. 22, 24, 26.05.1939.

¹³ Это был самолет лейтенанта Д. С. Гусарова.

¹⁴ Шэнцзин ши бао. 29.05.1939.

¹⁵ Шэнцзин ши бао. 3.06., 5.07.1939.

войска утратили свою силу и мощь и трусливо бегут¹⁶. Особенно восхвалялись сила и мощь военно-воздушных сил Японии: «Японские воздушные войска полностью контролируют Номонханское небо»; «Огромные успехи японских летчиков потрясли мир»; «Вчера на рассвете над озером Байкал было сбито 98 самолетов противника» и т.п.¹⁷. «Шэнцзин ши бао» подробно освещала внезапный воздушный удар по советскому аэродрому в Тамсак-Булаке 27 июня, в результате которого советская сторона понесла большие потери¹⁸.

Известно, что среди тех, кто участвовал в «маньчжурском» конфликте, в основном были баргуты и монголы (вместе с войсками Ши Ланбина — почти 10 тысяч человек), известные как хорошие кавалеристы. Поэтому «Шэнцзин ши бао» в своих сообщениях о маньчжурских войсках, участвующих в боях, особо отмечала энергичные и быстрые действия монгольских кавалеристов и публиковала их фотографии¹⁹. Маньчжурских воинов, особо отличившихся в сражениях, правительство Маньчжоу-Го постоянно награждало различными знаками отличия. Например, газета писала: «Действительно велики заслуги маньчжурских и дружественных японских воинов, которые, совместно сражаясь, изгнали жестокие советские и внешне-монгольские войска за пределы государственной границы и тем самым поддержали честь и славу нашей армии». 28 июля министр охраны порядка Маньчжоу-Го Юй Чэн Чэн наградил денежными премиями следующие воинские части: маньчжурские войска под командованием генерал-майора Уржина, которые принимали участие в пограничных боях на севере Хингана (Синъань) — 10 тыс. тугриков; 5-й Хинганский кавалерийский полк и отдельный моторизованный отряд — по 3 тыс. тугриков каждому²⁰. В то время это были немалые деньги.

Как известно, в августе позиции советских войск непрерывно укреплялись, особенно 20 августа, когда советско-монгольские войска перешли в наступление и японо-маньчжурские войска понесли тяжелые потери. Все это было, как выразился Элвин Кукс, «шедевром» Жукова²¹. Однако «Шэнцзин ши бао» и другие

---

¹⁶ Шэнцзин ши бао. 3, 4, 6, 7, 8.06.; 5, 6, 7, 8.07.1939.

¹⁷ Шэнцзин ши бао. 2, 5, 8.06.1939.

¹⁸ Шэнцзин ши бао. 29.06.1939.

¹⁹ Шэнцзин ши бао. 4, 14.07.1939.

²⁰ Шэнцзин ши бао. 2.08.1939.

²¹ Кукс Э. Номонхан: Япония против России. 1939. Т. 1 // Информационно-новостной комитет Асахи, 1989. С. 411–431 (на япон. яз.).

маньчжурские газеты по-прежнему продолжали сообщать, что советско-монгольские войска терпят поражения, а японо-маньчжурские войска продолжают добиваться больших успехов. Например, сообщалось: «Всего сбито более 1200 самолетов, советским войскам нанесен тяжелый удар, наши войска героически сражаются»²²; «Коварный враг, непрерывно нарушавший наши границы, наконец окружен и уничтожен» и т.п.²³. «Шэнцзин ши бао» также сообщала, что во многих местах Маньчжоу-Го были организованы выставки военных трофеев японско-маньчжурских войск, проводились праздники и народные гуляния²⁴.

В результате двусторонних переговоров между Японией и Советским Союзом 15 сентября того же года было подписано соглашение о прекращении боевых действий, и 16 сентября в первой половине дня война была прекращена. «Шэнцзин ши бао» писала об этом: «Заключено соглашение о прекращении японо-советской войны», «Пожар войны, который возник в степях Хулун-Буира и продолжался в течение 5 месяцев, наконец потушен». Также сообщалось об обмене пленными и останками погибших²⁵.

2.3. Осуждение монгольского и советского правительств

Наряду с освещением событий Номонханской войны газета «Шэнцзин ши бао» писала о том, что правительства Монголии и Советского Союза — реакционные, жестокие, прогнившие, они угнетают свои народы, не уважают религию, организуют движение за ее ликвидацию, что Советский Союз угнетает и унижает Монголию. Так, в пространном комментарии под заголовком «Правда о Номонханской войне» говорилось: «Внешняя Монголия находится в подчинении иностранного советского государства. Советский Союз проводит во Внешней Монголии принудительные чистки, репрессирует многих простых людей»²⁶. Также писали, что «после того, как Внешняя Монголия потерпела поражение, настроения людей начали колебаться, возникло антисоветское движение — терпение кавалеристов Внешней Монголии

²² Шэнцзин ши бао. 5.08.1939.

²³ Шэнцзин ши бао. 23, 289.08.1939.

²⁴ Шэнцзин ши бао. 18.08, 14.09 1939.

²⁵ Шэнцзин ши бао. 17, 20.09. 1939.

²⁶ Шэнцзин ши бао 1.06.1939.

находится на пределе, поэтому они переходят на сторону Маньчжоу-Го»²⁷.

«Шэнцзин ши бао» также особо сообщала о советских и монгольских военнопленных, вела пропаганду в том духе, что в противоположность советско-монгольским «чисткам» в Монголии японско-маньчжурская сторона заботится о военнопленных, относится к ним гуманно, проявляет к ним «милосердие», и в подтверждение этого публиковала фотографии. Кроме того, устами советских и монгольских военнопленных и перебежчиков осуждала советские и монгольские власти как жестокие²⁸.

Еще один пример. В сообщении «“Советский Союз контролирует и угнетает Внешнюю Монголию” — сказали два молодых монгольских офицера, перебежавшие в Маньчжоу-Го», говорилось, что один из них — командир подразделения Дашням бежал в Маньчжоу-Го 27 января, другой — лейтенант Ванчин — 24 января. В своем интервью командир Дашням говорил: «Советский Союз потребовал от правительства Внешней Монголии заключить соглашение о совместном сотрудничестве. В связи с этим премьер-министр Гэндэн, который выступал за независимость Внешней Монголии, выступил против заключения этого договора, после чего был вынужден уйти в отставку, попал в число контрреволюционеров, и позже был убит». Кроме этого, Дашням также говорил: «На мой взгляд, Советский Союз всё больше протягивает свои лапы в Монголию, уничтожается большое число патриотов, тех, кто прозрел. Особенно в последнее время...»²⁹.

3. Заключение

Разумеется, все то, что газета «Шэнцзин ши бао» сообщала о Номонханской войне, было политической пропагандой. Представляя «точку зрения» правительства Маньчжоу-Го, она вместе с тем отражала и позицию правительства Японии. Безусловно, некоторые из публикаций «Шэнцзин ши бао» о боевых действиях у Номонхана соответствовали действительности. Например, описание внезапного нападения японских воздушных сил на советский аэродром в Тамсак-Булаке было очень близко к реальному положению дел.

---

²⁷ Шэнцзин ши бао. 19, 20.1939.

²⁸ Шэнцзин ши бао. 29.06, 12.07.1939.

²⁹ Шэнцзин ши бао. 19.05.1939.

Маньчжоу-Го – марионеточное государство, газета «Шэнцзин ши бао» – одна из наиболее влиятельных газет Маньчжоу-Го, которая находилась в подчинении власти Квантунской армии Японии. Само Маньчжурское государство не обладало реальной властью и во многих отношениях действовало в соответствии с позицией Японии. Информационно-пропагандистская работа, которую проделала газета «Шэнцзин ши бао» по освещению боев на Номонхане, показывает не только «точку зрения» правительства Маньчжоу-Го, но также его собственное бесправное политическое положение.

Литература

- Алтанзая Л. Халх голын тулалдааны үеийн зарим ухуулах бичгийнтухай // Imanish Junko and Husel Borjigin, 70 Years Since the Nomonhan Incident (Battle of Khalkhyn Gol): Collection of Treatises in the 2009 International Symposium in Ulaanbaatar, Fukuyoshi, 2010. P. 531–542. (Алтанзая Л. О некоторых пропагандистских листовках периода сражений на Халхин-Голе).
- Да бань мэи ши синь вэнь (ежедневная газета Осаки). 14.05.1939.
- Дун цзин жи ши синь вэнь (Ежедневная газета Токио). 14.05. 1939.
- Кукс Э. Номонхан: Япония против России. 1939. Т. 1 // Информационно-новостной комитет Асахи, 1989 (на япон. яз.).
- Ручной отбор газет Квантунской армией в период Маньчжоу-Го и китайские газеты // Социальные исследования в Восточной Азии XXI века. 2016. № 8 (на япон. яз.).
- Шэнцзин ши бао. 1939 (май — сентябрь).
- Yisaki Shigeyuki. Мифы и правда о Номонхане. Saiiusha, 2013 (на япон. яз.).

Глава 16*

**РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ЯПОНСКИХ ПЛАНАХ АГРЕССИИ ПРОТИВ МОНГОЛИИ**

Агрессия Японии в Маньчжурии и ее оккупация рассматривались японскими стратегами как одно из следствий экономической паники, охватившей мир в 1929 г.¹ Кроме того, необходимо также учитывать, что самыми значимыми постулатами национальной политики Японии в этот период являлись сближение с Германией с целью противодействия Советскому Союзу и создание антикоммунистической зоны в Северном Китае². По мнению японского руководства, Северный Китай должен был перейти в сферу японского влияния. Этим, собственно, и объясняется оккупация Японией Маньчжурии и все последующие действия японцев в Маньчжоу-Го и Китае в целом. Как отмечал в своей книге «Судьбы Китая» Чан Кайши, Япония хотела навязать Китаю три принципа Хирота, среди которых была статья, озаглавленная «Совместная оборона против коммунизма». Она означала, что, используя четыре северо-восточные провинции (Маньчжурию) как базу, Япония постепенно аннексировала бы остальную территорию Китая, установила бы влияние над китайским правительством и в сговоре со странами «оси» начала бы подготовку к совместному нападению на СССР³.

В течение 1925–1927 гг. Япония не раз пыталась договориться с СССР о разделе сфер влияния в Маньчжурии и противостоянии революционному процессу в Китае, но получала отказы, поскольку Москве была выгодна поддержка революции в Китае⁴. Между тем китайская национальная революция

---

* Автор главы — Н. Н. Наземцева.

¹ Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016. С. 7.

² Там же. С. 19.

³ Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945. М., 1980. С. 62.

⁴ Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. С. 17.

нанесла удар по стабильности на Дальнем Востоке, заложенной Вашингтонской системой⁵. Новые правонационалистические силы, пришедшие к власти в ходе революции во главе с Чан Кайши, стремились вытеснить колониальное присутствие из своей страны. Это, безусловно, не устраивало великие державы, в том числе Японию. Постепенно японские милитаристские круги с их стремлением проводить интервенционистскую, агрессивно-экспансионистскую политику в Маньчжурии одерживали верх в выборе политической стратегии. К 1931 г. сложилась обстановка, которая благоприятствовала силовому решению маньчжурского вопроса⁶.

Однако в Маньчжурии издавна было значительным русское влияние, что признано японским руководством и отражено в документах японских ведомств: «После постройки КВЖД и вложения 600 миллионов рублей, Россия, привив русскую культуру и улучшая промышленность, превратила, таким образом, пустующие земли в богатую хлебом страну. А трехмиллионное население увеличилось к настоящему времени до 30 миллионов, которое может быть увеличено еще на 100 миллионов. Хотя наступление России и является результатом завоевательного характера славянских племен, но, все же, сегодняшнее экономическое и культурное развитие Северной Маньчжурии в своем большинстве обязано России. Причина столь крепкого влияния России в Северной Маньчжурии именно исходит из этого. Поэтому не так-то легко будет изгнать влияние России из Северной Маньчжурии за короткий срок»⁷.

Оккупировав северо-восток Китая, японские власти обещали равные права, а также защиту от произвола китайских властей представителям всех национальностей, населявших Маньчжурию, в том числе и многочисленным русским эмигрантам. В то же время Япония рассчитывала активно их использовать в своей политике.

В начале 1930-х гг. во главе русского эмигрантского сообщества в Маньчжоу-Го и военной эмиграции оказались так называемые «семеновцы» — сторонники атамана Г. М. Семенова, фашисты и часть легитимистов. Под их руководством завершилась консолидация всех русских военных в составе Дальневосточного

---

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22. Л. 20.

Часть II. Политический контекст победы

союза военных и Союза казаков на Дальнем Востоке. Основная масса членов этих организаций была представлена теми военными, которых можно отнести к «пассивным антибольшевикам», т. е. людям, почти не входившим в предшествующий период в организации военных и стремившимся держаться подальше от политики, и так называемым «шкурникам»⁸. Точные сведения о численности Союза военных отсутствуют, однако, согласно последним данным, известно, что в конце 1930-х гг. Харбинский район союза насчитывал около 1900 членов, а общее число доходило до 4 тыс. человек⁹.

Оформление Союза казаков шло гораздо дольше и окончательно завершилось не ранее 1937–1938 гг. Первым председателем союза являлся генерал-лейтенант А. П. Бакшеев. Численность ДВСК к началу 1941 г. составляла около 6 тыс. человек¹⁰.

Некоторые русские эмигранты понимали, что японцы хотели превратить Маньчжурию в промышленную и военную базу для дальнейшего покорения Азии, «но наличие КВЖД и большого количества русских с советскими паспортами препятствовало им на пути к этой цели». Японцы «не были готовы к стычке с Советским Союзом, хотя их, конечно, раздражало то, что они не имели полного контроля над самым большим городом Маньчжурии», однако «с белоэмигрантами и теми русскими, которые предпочли принять китайское гражданство, они могли поступать как угодно»¹¹. В то же время японские власти осознавали, что неверный выбор политики в отношении русского населения Маньчжурии может привести к их массовому отъезду, что, в свою очередь, грозит дестабилизацией всего региона¹². Поэтому в отношении русских эмигрантов японцы ставили конкретные задачи: обеспечение в их лице надежного союзника в возможной войне с СССР, использование русских военизированных формирований в случае столкновения с СССР, привлечение их во властные структуры на оккупированной территории, а также, учитывая антикоммунистические и антисоветские настроения эмигрантов, вовлечение их в борьбу с мировым коммунизмом¹³. Кроме того, обещая

---

⁸ Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х гг.): дис. ... д.ист.н. Екатеринбург, 2018. С. 365.

⁹ Там же. С. 369.

¹⁰ Там же. С. 372.

¹¹ Нэш Г. Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб., 2011. С. 99.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Усов В. Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003. С. 195.

защиту прав эмигрантам, оккупационные власти дали понять, что это не означает скорейших и кардинальных изменений в их положении, поскольку «от идеологических симпатий до практических мер расстояние огромно»¹⁴. Следует отметить, что этому тезису они следовали на протяжении всего периода оккупации Маньчжурии.

Уже с первых дней оккупации японские власти поставили русскую эмиграцию под свой контроль. Так как «многочисленные попытки японских властей организовать “объединение” российских эмигрантов в Маньчжурии силами самих эмигрантов не увенчались успехом», в результате было принято «силовое» решение проблемы, выразившееся в учреждении Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ)¹⁵, которое и было учреждено 28 декабря 1934 г.

По данным японских исследователей, цель организации БРЭМ заключалась в регулировании деятельности русской эмиграции, представлении интересов русских эмигрантов перед властями Маньчжоу-Го, а также использовании через нее русских эмигрантов в борьбе против СССР¹⁶. Бюро выполняло для японских властей также обязанности разведывательного характера. Вся ценная информация поступала через главное управление Бюро в Харбине¹⁷. Позже харбинское Бюро стало Главным Бюро по делам российских эмигрантов (ГБРЭМ).

Создание БРЭМ не осталось без внимания советской стороны. В сентябре 1935 г. замнаркома иностранных дел Б. С. Стомоняков в беседе с японским послом в СССР Ота выразил серьезную обеспокоенность тем, что японские власти не только допускают, несмотря на все протесты Москвы, но и поощряют деятельность белоэмигрантских организаций. Он возмутился также тем, что японские власти организовали БРЭМ и настаивали на подчинении всех эмигрантов этому Бюро, которое стало

¹⁴ Цит. по: Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007. С. 272.

¹⁵ Мелихов Г. В. Оккупация Японией Маньчжурии и российская эмиграция: материалы прессы, январь — февраль 1932 г. // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000. М., 2009. С. 234.

¹⁶ Подробнее см.: Накаси́ма Т. Создание Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ) в Маньчжоу-Го, 1934–1935 // Россия и Япония. Токио, 2010. Вып. 8. С. 123–139.

¹⁷ Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 334.

своеобразным «боевым центром крайних антисоветских элементов в Маньчжурии»¹⁸.

Таким образом, можно согласиться с мнением Н. Е. Абловой, отметившей, что «БРЭМ — государственный орган, выполнявший функции министерства по делам русской эмиграции в Маньчжурии», являлся органом учета, контроля, идеологического воздействия и принуждения российских эмигрантов в Маньчжоу-Го, что позволяло японскому руководству активно использовать эмиграцию в собственных интересах, а именно — для установления своего господства на Дальнем Востоке¹⁹.

Многие русские военные эмигранты являлись сотрудниками Японской Военной Миссии (ЯВМ). Из шести отделов харбинской военной миссии русские эмигранты наиболее массово были представлены во втором, который занимался сбором информации о вооруженных силах, экономике, внешней и внутренней политике СССР. Костяк русского сектора 2-го отдела составили добровольно поступившие на службу в ЯВМ в середине 1930-х гг. русские офицеры. Количество русских сотрудников харбинской ЯВМ в середине 1930-х гг. составляло три-четыре десятка человек²⁰.

Особое место в планах Японии занимала Монголия. Реализация этих планов не в последнюю очередь зависела от помощи, которую могли оказать русские военные эмигранты, находившиеся в Маньчжурии. В частности, по данным иностранного отдела ОГПУ от февраля 1932 г., главе русской военной эмиграции на Дальнем Востоке — атаману Г. М. Семенову — была поручена организация белогвардейских и монгольских частей. Задачей этих войск являлось наступление на Сибирь по двум направлениям — на север и северо-запад, планировалось войти в Монголию и начать движение в направлении Урга — Иркутск. На это задание атаман Г. М. Семенов получил в Токио три миллиона иен. По некоторым данным, реализация этих планов должна была начаться с 1 мая²¹.

Уже весной 1932 г. началась вербовка русских военных эмигрантов по предложению японцев и в Харбине. Завербованные отправлялись в Южную Маньчжурию с целью подготовки

---

¹⁸ Аблова Н. Е. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007. С. 131.

¹⁹ Там же. С. 143.

²⁰ Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае. С. 387.

²¹ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов XX века: документы и материалы. М., 2016. Т. 8. С. 512.

командного состава. Для проезда до места назначения выдавалось 30 иен на человека, при этом заботу о семьях завербованных офицеров брали на себя японцы. Всех завербованных русских планировалось разместить в казармах²². В Мукдене было собрано до трех тысяч белых, которых планировалось обучить. Следует отметить, что представители Японской Военной Миссии в Харбине рекомендовали белоэмигрантам на данный период воздержаться от активных действий против СССР, так как «это может осложнить положение и даже сорвать планы, которые Япония осуществляет в настоящее время». В частности такое заявление сделал сотрудник ЯВМ в Харбине Нагасава²³.

В это же время представитель атамана Г. М. Семенова в Харбине генерал-лейтенант А. П. Бакшеев получил от него условную телеграмму из Токио следующего содержания: «На пушнину Монголии договор заключен. Подробности [в] личном свидании. Григорий». Сами русские военные эмигранты-семеновцы трактовали эту телеграмму как сообщение о том, что Семенов договорился с японцами о подготовке выступления в Монголию²⁴. По некоторым данным, японцы поручили атаману Семенову организацию белого отряда в 10 000 человек для операций во Внешней Монголии²⁵.

Уже в конце июля 1933 г., по агентурным данным IV Отдела штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), с целью диверсий против МНР в район Халун-Аршан, находящийся на границе с МНР, было направлено два белогвардейских отряда численностью по 30 человек каждый. Затем в начале августа туда было направлено японцами около 2500 пудов продовольствия и снаряжения²⁶.

При прямой поддержке и руководстве японцев значительно оживилась в этот период деятельность русской военной эмиграции в Барге, основную роль здесь играл начальник Японской Военной Миссии в Хайларе полковник Хасимото. 10 марта 1933 г. на должность командующего монгольскими войсками Барги

---

²² Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 10. Д. 598. Л. 15.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 16.

²⁵ Русская военная эмиграция. С. 712.

²⁶ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33879. Оп. 1. Д. 510. Л. 300.

был назначен сподвижник атамана Семенова — полковник-бурят Уржин Гармаев²⁷.

Вербовка в семеновские отряды для последующих действий в Монголии продолжалась на протяжении 1930-х гг. и осуществлялась даже в Европе. Так, в 1935 г. это совершенно открыто происходило в Париже. Условия для записи тех русских эмигрантов, которые пожелали бы поехать на Дальний Восток, первоначально в Шанхай, были следующие: 1) ехать могли не только холостые, но и семейные, последние — также со своими семьями; 2) все пожелавшие ехать должны были сами озаботиться для себя получение соответствующей визы и за собственный счет доехать до Марселя. По прибытии в Марсель записавшиеся грузились на заранее подготовленный пароход. Как проезд до Шанхая, так и продовольствие (по 3-му классу) были бесплатные; 3) по прибытии в Шанхай приехавшие в течение трех первых дней пользовались бесплатными квартирой и продовольствием, а также они были обязаны подыскать себе работу. Если же по истечении трех дней они никакой работы найти не могли, то поступали в распоряжение атамана Семенова и направлялись на границу СССР с Монголией, где получали земельный надел, материалы для постройки жилища, необходимый инвентарь и вооружение. Часть отправляемых зачислялась в пограничную стражу и на железную дорогу; 4) не пожелавшие поступить в ведение Семенова через три дня после прибытия в Шанхай снимались с довольствия и превращались в обыкновенных русских беженцев. Всего предполагалось отправить 2000 человек²⁸.

Согласно данным харбинской резидентуры иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1 марта 1936 г. предполагалось

---

²⁷ Там же. Л. 60. Уржин Гармаев — участник Гражданской войны в России, сподвижник атамана Г. М. Семёнова. После Гражданской войны в России Гармаев перебрался в свою юрту, находившуюся близ казачьей станицы Кулустай неподалеку от китайской границы. В июне 1920 г. вместе с семьёй он поселился в Шэнэжэнском хошуне Хулун-Буирского округа в 30 километрах от г. Хайлара. С первых дней пребывания в Маньчжурии поддерживал контакт с белой эмиграцией, имел хорошие отношения с Семёновым и по его рекомендации вошёл в связь с представителями японской разведки в Хайларе. В феврале 1933 г. Гармаева пригласили в Хайлар, где губернатор Хулун-Буирского округа Лин Шен и японский подполковник поручили ему формирование бурят-монгольских частей в Северо-Хинганской провинции. Расстрелян в Москве 13 марта 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. 23 июня 1992 г. реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

²⁸ Русская военная эмиграция. Т. 8. С. 705–706.

даже объявление военной мобилизации Дальневосточных казачьих войск (Амурского, Забайкальского, Уссурийского), которая должна была быть переведена на казенное довольствие. Кроме того, по некоторым сведениям (очевидно, преувеличенным. — *Е.Н.*), на границу Маньчжоу-Го уже было переброшено до 400 000 маньчжуро-японских войск²⁹.

При этом настроения среди широких кругов невоенной русской эмиграции были отнюдь не на стороне Японии. Из спецсообщения иностранного отделения Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю о настроениях среди эмигрантов от 26 ноября 1936 г. следует, что «японцы потеряли всякое обаяние у эмиграции: Семенов помнит, как в 1932 году входящих в Харбин японцев на Участковой улице с энтузиазмом встречала эмиграция. Некоторые стояли на коленях, вопя “банзай” и “ура”, некоторые эмигранты были в таком экстазе, что целовали руки японцам... [...] За три года своего царствования японцы довели эмиграцию до того, что 80% эмиграции ненавидят японцев, но боятся их. В случае войны между СССР и Японией добровольно мало кто пойдет с Японией. Сейчас эмигрант терроризирован. Каждую минуту ждет обыска у себя. Боятся получать письма, каждый знает, что письмо будет прочитано, и, ввиду непонимания русского языка и выражений, из-за какой-либо неправильно понятой фразы эмигрант может сидеть в подвале неделями, а то и месяцами. О зверствах японцев говорят все, но на ухо...». Русские эмигранты также отмечали, что «с китайцами в сто раз легче было жить, но не ценили их». Более того, среди эмиграции слышались даже такие отзывы: «Скорее бы началась война между СССР и Японией. Ну и вмажет же Красная Армия японцам»³⁰. Эмигранты рассказывали о беспорядках в японской армии, о том, что, по их мнению, японцы были большого мнения о себе. По отзывам эмигрантов, очень немногие из японцев считали, что Красная Армия — это армия, которая может быть равной другим европейским армиям, большинство же считали, что Красная Армия немного лучше хунхузских банд. В воображении японцев Красная Армия — ни на что не годная и абсолютно ненадежная для своего правительства. Все военные достижения, о которых пишется в советских газетах, считали японцы, — это очковитительство. В целом, по мнению русских

²⁹ Там же. С. 710.

³⁰ Там же. С. 714.

эмигрантов, японцы считали, что война будет веселой прогулкой до Урала³¹.

Однако к концу 1930-х гг. атаман Г. М. Семенов потерял авторитет, как среди японцев, так и среди русской военной эмиграции в Китае. Ряд белогвардейских деятелей неоднократно даже ставили вопрос о сотрудничестве с Японией под лозунгом: «Вместе с Ниппон, но без Семенова», считая атамана Семенова склочным, авантюристическим элементом, не пользующимся авторитетом среди эмиграции³².

В результате в феврале 1938 г. представителями штаба Квантунской армии в лице подполковника Асами и северокитайских войск в лице майора Таки атаману Семенову было предложено подписать протокол, по которому он обязался в дальнейшем не вмешиваться в дела Маньчжоу-Го, Северного Китая и Бюро эмигрантов, не вести никакой самостоятельной антикоммунистической работы, в каждом отдельном случае запрашивая разрешение на проводимую работу в Мукденской военной миссии. 24 ноября 1938 г. атаман Семенов приезжал в Бэйпин и Тяньцзинь для встречи с майором Таки. При свидании он сообщил, что штаб Квантунской армии и все белогвардейцы в Маньчжоу-Го его бросили и что он находится в отчаянном положении, без денег и работы. При этом он просил майора Таки оказать ему материальную помощь, обещая выполнить любые его требования. Майор Таки устроил атаману Семенову свидание с начальником штаба войск Северо-китайского фронта, который заявил, что «в настоящий момент для атамана Семенова сделать ничего невозможно, но в случае конфликта с СССР для него найдется большая работа в Монголии»³³.

Весной 1938 г. под руководством ЯВМ было сформировано первое воинское подразделение из русских эмигрантов, формально входившее в состав Маньчжурской армии. Оно располагалось в 130 км к югу от Харбина в районе ст. Сунгари-2 и именовалось по фамилии его командира — майора армии Маньчжоу-Го японца Асано Макото — отряд Асано (Асанобутай). Первоначально отряд состоял из четырех подразделений: пехотного (3 взвода), саперного (3 взвода), артиллерийского (1 взвод) и связи (1 взвод). Все командование отрядом сосредотачивалось в руках японских офицеров, служивших в армии Маньчжоу-Го.

---

³¹ Там же.

³² Там же. С. 717.

³³ Там же. С. 718.

В офицерских должностях в отряде Асано первоначально служили только двое русских — майор Н. Б. Косов и капитан Г. Х. Асерьянц. И тот и другой, оказавшись в Маньчжурии еще детьми, начали службу в китайских охранных войсках КВЖД в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Косов получил основы военного образования на военно-училищных курсах РОВС, а позднее окончил Мукденскую офицерскую высшую пехотную школу. Асерьянц военного образования не имел. Оба офицера, хорошо владея китайским и японским языками, выполняли в отряде в основном функции переводчиков и преподавателей японского языка для русского воинского состава, поскольку все обучение шло на японском языке и по японским уставам. Унтер-офицерский состав отряда Асано был подготовлен из эмигрантов. Всего их было 32 человека³⁴. Рядовой состав отряда составлял 200 человек. В части Асано принимались лица в возрасте от 18 до 25 лет. Солдаты и комсостав носили японскую военную форму и знаки отличия. На вооружении имелись винтовки, пулеметы, артиллерия³⁵. Срок обучения рядового состава составлял 2 года 8 месяцев, для офицерского состава — 5 лет³⁶. Многие новобранцы не знали истинной цели прибытия на Сунгари-2, получив от эмигрантской администрации направление на курсы шоферов или других специалистов.

По некоторым данным, в июле — августе 1938 г. взвод отряда Асано принимал участие в боях на оз. Хасан, чины отряда «проявили большую стойкость»³⁷. Более того, участие отряда Асано в боях было «высоко оценено»³⁸. Однако авторы исследований не подтверждают это документально, ссылаясь друг на друга, на эмигрантскую периодику или воспоминания.

В марте 1939 г. состоялся второй набор в отряд Асано (100 человек), в основном из казачьей молодежи западной линии СМЖД. С этого времени наборы в отряд стали регулярными — раз в год, весной. Во второй половине 1939 г. по решению японского командования отряд Асано стал переводиться на конный строй, что было вызвано потребностью усилить его мобильность и тем, что среди военнотружущих было много казаков, с детства хорошо

³⁴ Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае. С. 397

³⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 258. Д. 27. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014. С. 131; Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 465.

³⁸ Яковкин Е. В. Указ. соч. С. 132.

знакомых с лошадьми. Переформирование завершилось в начале 1940 г.³⁹ Согласно данным справки, направленной народным комиссаром государственной безопасности СССР В. Н. Меркуловым заместителю наркома иностранных дел С. А. Лозовскому 21 февраля 1944 г., к 1943 г. в частях отряда Асано насчитывалось около 3000 человек⁴⁰.

Уже накануне конфликта на р. Халхин-Гол на одном из совместных заседаний представителей русской военной эмиграции в Маньчжурии и ЯВМ был поставлен вопрос, «каким образом, не нарушая нормальной жизни эмиграции и не отрывая ее от работы, можно подготовить ее к военному делу». После обмена мнениями между эмигрантским руководством — генералом В. А. Кислицыным, К. В. Родзаевским, Н. И. Гордеевым, генералом Б. Н. Шепуновым и другими — было решено принять предложение Шепунова об объединении всей эмиграции в одну организацию, которая даст возможность достигнуть намеченной цели. Предложение Шепунова было принято и ЯВМ, и он получил право образовывать «Монархическое объединение» русских военных эмигрантов под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество». Кроме того, с целью подготовки военных кадров Шепунов предложил ЯВМ проект, обязывающий всех членов эмигрантских организаций обязательно изучать военное дело. ЯВМ этот проект утвердила и отдала приказание всем эмигрантским организациям проводить его в жизнь. После этого ЯВМ были образованы учебные батальоны. Состоявшие в них русские военные эмигранты обеспечивались жалованьем. К июлю 1939 г. набор в учебные батальоны был произведен, но официально еще не было объяснено, где они будут расквартированы.

Кроме того, эмигрантов, состоящих на государственной службе (в полиции, охранных отрядах шоссейных дорог и горнолесной полиции), также активно обучали военному делу. Основное внимание было обращено на молодежь, которую обучали военному делу под видом студентов японского железнодорожного института, находящегося в Харбине. На станции Лаошагоу существовала школа юнкеров, активно изучающих военное дело и японский язык⁴¹.

В период очередного обострения отношений между Японией и Советским Союзом в 1938–1939 гг., приведшим к боевым столкновениям на р. Халхин-Гол, японские власти не использовали

---

³⁹ Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае. С. 398.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 258. Д. 27. Л. 1.

⁴¹ Русская военная эмиграция. С. 718–719.

в боевых действиях ни отряд Асано, ни другие образованные к этому времени военные части. Однако привлекли часть русских радистов-асановцев, а также радистов из ЯВМ для работы в прифронтовой зоне⁴².

Так, в июне 1939 г. шесть военнослужащих-связистов из отряда Асано были прикомандированы к Харбинской ЯВМ, откуда их двумя группами направили в информационные отряды действующих войсковых группировок. Группа военного чиновника Сасано в составе ефрейторов Козловского и Городецкого выехала в Хайлар, а группа поручика Оомура в составе ефрейторов Михаила Натарова и Александра Поротникова — в Халун-Аршан. Эти группы должны были передавать сведения о происходящем на фронте в Харбин, а также участвовать в допросах советских и монгольских военнопленных и перебежчиков. Через некоторое время обе группы были объединены под командованием майора Ниумура. Этот отряд находился вблизи фронта и должен был поддерживать связь с главным японским штабом. В ходе боев 22 июля один из асановцев — ефрейтор Натаров — был убит осколком бомбы при налете советской авиации⁴³.

Группа русских радистов находилась на фронте вплоть до конца августа, затем была отозвана в Хайлар и в начале сентября выбыла в расположение отряда Асано. Кроме того, на Халхин-Голе находилось несколько русских радистов и переводчиков из подразделений ЯВМ. В августе 1939 г. по приказу Военного министерства Маньчжоу-Го в состав информационного отряда министерства был включен фельдфебель Витвицкий. В его обязанности входило составление пропагандистских листовок. Однако они так и не были размножены⁴⁴.

В конфликте приняла участие только баргутская кавалерийская бригада (Северо-Хинганский охранный отряд) под командованием упоминавшегося выше Уржина Гармаева, в звании генерал-лейтенанта, в прошлом офицера войск атамана Семёнова⁴⁵. Однако она потерпела неудачу в столкновениях с советскими и монгольскими войсками. Впоследствии сам Гармаев заявил: «Мне было поручено японским командованием обеспечить

⁴² Смирнов С. В. Указ. соч. С. 399.

⁴³ Смирнов С. В. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-Го (1938–1945). М., 2015. С. 89.

⁴⁴ Там же. С. 90.

⁴⁵ Там же. С. 88.

охрану правого фланга войск генерал-лейтенанта Комацубара в районе южнее озера Буир-Нур. Для выполнения этой задачи мне в помощь была придана артиллерия. Лично я непосредственного участия в боях не принимал, но полки, входившие в состав моего отряда, вели бои». Фактически его отрядом тогда командовали японские офицеры, а Гармаев был отстранен от командования. По его данным, «подчиненные мне монгольские части потеряли около 100 человек убитыми и ранеными. После окончания боев на р. Халхин-Гол оба полка были отозваны в Хайлар и с тех пор не участвовали в охране границы». Неудача частей Гармаева была из-за неравенства сил: против двух его полков дрались две красные монгольские дивизии Чойбалсана, поддерживаемые советской артиллерией и авиацией⁴⁶.

Таким образом, несмотря на многочисленные утверждения, основанные, как правило, на эмигрантской мемуаристике⁴⁷, согласно последним научным данным, весь состав отряда Асано в боевых действиях на Халхин-Голе участия не принимал⁴⁸. Тем не менее в 1930-е гг. японское руководство и представители Японской Военной Миссии рассматривали русских военных эмигрантов как реальную военную силу, которую можно использовать в своих целях в регионе, в частности при противостоянии с СССР. Это доказывают финансовая поддержка эмигрантов, их военное обучение и формирование специальных военных частей. Однако, несмотря на это, японское руководство в целом не доверяло русским. Этим объясняется их фрагментарное использование в вооруженных конфликтах на оз. Хасан и в районе р. Халхин-Гол.

Литература

- Аблова Н. Е. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22.
- Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007.

---

⁴⁶ Балмасов С. С. Указ. соч. С. 466–467. Об участии баргутов в конфликте подробнее см.: Болд Р. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол. М., 2019.

⁴⁷ Балмасов С. С. Указ. соч. С. 466, 467; Кайгородов А. Маньчжурия: август 1945 г. // ПДВ. 1991. № 6. С. 95; Усов В. Н. Советская разведка в Китае. С. 335, 336; Яковкин Е. В. Указ. соч. С. 135–137.

⁴⁸ Смирнов С. В. Отряд Асано. С. 91; см. также: Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г.: Документы и материалы. М., 2014.

- Болд Р. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол. М., 2019.
- Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г.: документы и материалы. М., 2014.
- Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945. М., 1980.
- Кайгородов А. Маньчжурия: август 1945 г. // ПДВ. 1991. № 4. С. 94—103.
- Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925—1932. М., 2007.
- Мелихов Г. В. Оккупация Японией Маньчжурии и российская эмиграция. Материалы прессы, январь — февраль 1932 г. // Периодическая печать российской эмиграции. 1920—2000: сб. ст. М., 2009.
- Накасима Т. Создание Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ) в Маньчжоу-Го, 1934—1935 // Россия и Япония: сб. ст. Токио, 2010. Вып. 8.
- Нэш Г. Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб., 2011. РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 510.
- Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов XX века: документы и материалы. Противостояние. М., 2016. Т. 8.
- Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931—1945 гг. М., 2001.
- Смирнов С. В. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-Го (1938—1945). М., 2015.
- Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х гг.): дис. ... д-р ист. наук, Екатеринбург, 2018.
- Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
- Усов В. Н. Последний император Китая. Пу И (1906—1967). М., 2003.
- Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 598.
- Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014.

Глава 17*

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВОЕННОМ
КОНФЛИКТЕ В РАЙОНЕ РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ (1939 г.)**

Одним из мало освещенных аспектов военного конфликта в районе реки Халхин-Гол является вопрос, связанный с учетом и установлением судеб военнопленных. До сих пор проблема советских военнопленных остаётся недостаточно изученной, а опубликованная в открытых источниках статистика противоречива.

Главные аспекты проблемы — неполные данные о количестве советских военнослужащих и монгольских цириков, попавших в японский плен и сведения об их дальнейшей судьбе. В советское время, по известным причинам, сведения об обстоятельствах пленения и гибели в плену военнослужащих РККА, порядке обращения с ними и условиях содержания, процедуры обмена пленными широкой огласке не предавались.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) имеется целый ряд документов, размещенных в различных фондах, таких как Народный Комиссариат обороны СССР 1934–1945 гг.; Фонд 9. Политуправление РККА; Фонд 28. Всероссийский совет Воздушного флота; Фонд 29. Управление Начальника Военно-Воздушных сил РККА; Фонд 451/п. Оперативный отдел управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР; Фонд 32113. Управление 57-го Особого корпуса (4 сентября 1937 г. — 19 июля 1939 г.), Управление 1-й Армейской группы (19 июля 1939 г. — 21 июня 1940 г.); Управление 17-й Армии с 19 июня 1940 г.; Фонд 33987. Секретариат председателя РВС СССР; Фонд 34725. Управление Дальневосточного фронта г. Хабаровск (1 июля 1940–1945 гг.); Фонд 34912. Коллекция исторических формуляров; Фонд 37977. Оперативное Управление Генерального

---

* Автор главы — А. Е. Шагов.

штаба. Это отчеты о проведенных операциях, боевые донесения, доклады о потерях и морально-политическом состоянии личного состава и т.д.

До недавнего времени считалось, что Красная Армия в боях у реки Халхин-Гол потеряла пленными 89 человек, из которых возвращено 87 в 1939 г., и еще двое в 1940 г. Однако при более подробном изучении этого вопроса по документам РГВА было установлено, что в плен попало 97 бойцов и командиров. Из 82 вернувшихся трое были отпущены японцами и возвратились в качестве «диверсантов», 77 были обменены на японских солдат и офицеров. Одинадцать находящихся в плену советских военнослужащих были убиты или умерли от ран. Судьба еще четырех не установлена.

Одним из первых исследователей, пытавшихся определить количество советских военнопленных, был Элвин Кукс. Он упоминает 87 человек пленных, переданных японской стороной. В основу его исследования были положены в основном японские источники. Сведения, полученные Э. Куксом, также различаются. Например, летом 1939 г. японская газета опубликовала сведения, сообщенные ей штабом Квантунской армии, о том, что японскими частями было пленено 90 человек, из которых 80 были советскими военнослужащими и 10 — монгольскими цириками¹.

В 2014 г. на основе документов РГВА российским исследователем М. Ю. Свойским была подготовлена книга «Военнопленные Халхин-Гола», посвященная установлению судеб бойцов и командиров РККА, попавших в японский плен в ходе боев у реки Халхин-Гол². По нашему мнению, на текущий момент это наиболее полное исследование. В то же время, по оценкам экспертов, большое количество пропавших без вести советских военнослужащих позволяет сделать предположение о том, что некоторые из них попали в плен и были убиты.

Подобную разницу в цифрах можно объяснить подходами на местах при учете потерь. Например, попавшего в плен и убитого японцами военнослужащего могли посчитать пропавшим без вести, героически погибшим и попавшим в плен одновременно. Также необходимо учитывать уровень грамотности штабных работников того времени. Ротными и батальонными писарями при написании званий, имен и фамилий часто допускались ошибки, что создавало

---

¹ Cooh Al. D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford, 1990. P. 164.

² Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014. С. 74.

дополнительные трудности в организации персонального учета потерь личного состава. Кроме того, в целях пропаганды как в советской, так и в японской прессе зачастую публиковались ложные сведения.

Согласно советским и японским документам, пленных было мало. Советские военнослужащие в большинстве случаев сражались храбро: отстреливались до последнего патрона, вступали в рукопашную схватку с врагом. В плен попадали в основном раненые, контуженные, обожженные, зачастую в бессознательном состоянии. Несколько групп красноармейцев по 3–5 человек были обнаружены японскими патрулями в тылу своих войск и взяты в плен. 10–12 советских военнослужащих были захвачены японскими разведгруппами в качестве «языков».

Отдельную категорию составляли сбитые в воздушных боях летчики, совершившие вынужденную посадку из-за технических неисправностей самолета, а также приземлившиеся на территории, контролируемой противником, в результате навигационной ошибки. Некоторые из них учитывались как пропавшие без вести или героически погибшие.

Советские бойцы и командиры попадали в плен при различных обстоятельствах. В большинстве случаев это были оказавшиеся в отрыве от своих подразделений военнослужащие. В условиях незнакомой местности, в жару, без сна, без воды и пищи они скрывались в степи по несколько дней, не найдя свои части, обесилев они попадали в плен.

Имелись крайне редкие случаи добровольной сдачи в плен, в том числе и групповые. Так, одну из таких групп, оказавшуюся в окружении, возглавил командир батальона капитан Казаков, отдавший своим подчиненным приказ о прекращении сопротивления японцам и сдаче в плен.

Положение и дальнейшая судьба советских военнопленных была незавидной. После возвращения на родину их подвергали тщательной проверке. Часть из них была осуждена военным трибуналом. В соответствии с советским законодательством того времени к военнослужащему, попавшему в плен, могли быть применены две статьи: ст. 58 часть 1 (измена Родине) и ст. 193 часть 22 в формулировках, действующих на октябрь 1939 г.

По воспоминаниям советских военнопленных в плену японцы обращались с ними жестоко, содержали в крайне антисанитарных условиях. Их морили голодом, избивали, вместо воды сыпали песок в рот и в глаза, не давали спать, ночью водили

на улицу и инсценировали расстрел, заставляли убирать нечистоты руками в уборных. На допросах пленных били и издевались, ковыряли острыми предметами в ранах. Имеются также свидетельства о том, что в госпиталях у наших пленных брали кровь для японских раненых³. От пленных постоянно требовалось соблюдение японских правил чинопочитания: низко кланяться офицерам и жандармам. Проверки барачных помещений сопровождались избиениями и издевательствами. Случаи корректного отношения были исключением из правил.

К сожалению, не имеется документальных сведений о смерти советских военнослужащих в японском плену. Часть из них могли умереть или быть убитыми сразу после пленения или скончаться в госпиталях.

Возможные причины столь жестокого, бесчеловечного отношения заключались в концепции крайнего национального и расового превосходства культивируемой в то время в японском обществе, и принятой у них практике дегуманизации противника⁴. В подтверждение этого предположения характерно высказывание командира 64-го пехотного полка полковника Ямагата Такэмицу в интервью токийской газете от 7 июня 1939 г.: «...Я видел убитых обеих армий, но если лица убитых японских солдат имеют вид исключительно храбрый, и наоборот лица советских убитых солдат весьма безобразны...»⁵.

Наличие советских военнопленных японцы использовали для пропаганды, которая велась через имеющихся при штабе японской армии корреспондентов ведущих мировых информационных агентств. Эти журналисты распространяли в мировых СМИ информацию в интересах японской армии. Кроме того, в штабе 6-й армии в агитационных целях изготавливались статьи и листовки, якобы написанные красноармейцами, которые затем публиковались в газете «Харбинское время» или разбрасывались над линией фронта. В западной прессе публиковались интервью якобы с советскими военнопленными, фотографии, сделанные при пленении и т.д. Одна из таких фотографий сдающего в плен экипажа танка была размещена в ведущих западных газетах. На фото экипаж советского танка Т-26 сдавался в плен жандармскому офицеру. Впоследствии выяснилось, что это было

---

³ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–244.

⁴ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

⁵ РГВА. Ф. 31113. Оп. 1. Д. 291. Л. 12.

постановочное фото. Пленных красноармейцев долго избивали, прежде чем они соглашались позировать на камеру. Все его участники с советской стороны подтвердили этот факт. Данный случай хорошо описан в книге М. Ю. Свойского.

Советская сторона также использовала в пропагандистских целях примеры жестокого обращения с нашими пленными. Так, например, после отхода японских войск на поле боя были найдены трупы красноармейцев и командиров из числа экипажей 247-го отдельного автобронеполка майора Стрекалова, взятых в плен и убитых японцами с особой жестокостью. Политруку Дмитрию Викторову выкололи глаза, искололи штыками всю грудь, а башенному стрелку Григорию Челомбею отрубили голову. Эти и другие факты использовались командирами и политработниками при проведении идеологической работы с личным составом РККА, а также советскими СМИ в вещании на зарубежную аудиторию.

Среди наших военнопленных японцы пытались проводить вербовку. Этим занимались офицеры разведотдела штаба 6-й армии. К работе привлекались русские из числа белоэмигрантов. Однако отсутствие объективных данных не дает возможность оценить ее эффективность. Известно, что трое из завербованных так называемых «диверсантов» после пересечения границы добровольно явились в первую попавшуюся часть и все рассказали⁶. Один был задержан в расположении наших войск и передан в особый отдел. Японское командование, не получив обратной связи от диверсантов, прекратило вербовочную деятельность.

Необходимо отметить, что аналогичная работа проводилась и с японскими военнопленными. Согласно японским источникам, вернувшись после обмена в свои части, многие из них сознались в том, что сотрудничали с советской разведкой.

Вопрос обмена пленными был решен в результате переговоров представителей советского и японского командования. Японская сторона настаивала на формуле обмена «всех на всех». Однако представителей советского командования такой формат не устроил. После консультаций с Москвой было решено обменивать одного на одного.

Из обмененных советских военнопленных 38 были осуждены военным трибуналом по обвинению в том, что сдались добровольно или же сотрудничали в плену с японцами. Некоторые

---

⁶ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 75. Л. 332.

получили от 6 до 10 лет колонии. Часть была отправлена на лечение в лечебные учреждения и впоследствии комиссована. Оставшиеся были направлены для продолжения службы в свои части⁷.

Что касается точного количества японских военнопленных, то здесь имеющиеся цифры существенно разнятся. Например, по заявлениям японских представителей, в советском плену могло находиться до 4 тыс. японцев и маньчжур. В данном случае необходимо разделять их по национальному признаку. По мнению авторитетного эксперта по вопросам японских военнопленных Е. Л. Катасоновой, в японской армии служили этнические корейцы. Корея была оккупирована, и корейских мужчин призывали на военную службу, давая им японские имена. Эта категория пленных отказалась вернуться назад после окончания военных действий⁸.

Кроме того, в ходе боевых действий на советскую сторону переходили маньчжуры и баргуты. Имелись случаи, когда целые подразделения во главе со своими командирами переходили на сторону Красной армии. Советская сторона не считала таких военнопленными и вопрос об их возвращении японцами не рассматривался.

Непосредственно японцев, находившихся в советском плену, было около 200 человек. Часть из них была задержана уже после окончания боевых действий. В основном это были заблудившиеся военнослужащие из подразделений обеспечения, оказавшиеся на территории, контролируемой советскими и монгольскими войсками. Все они были переданы японской стороне.

Большое количество красноармейцев, пропавших без вести в этом конфликте (порядка 2 тысяч), оставляет возможность разыскать их среди попавших в плен и затем убитых японцами. Для этого требуется продолжение поисковой работы, в том числе и в японских архивах.

Работа по выявлению и введению в научный оборот новых архивных документов продолжается.

---

⁷ РГВА. Ф. 9. Политуправление РККА. Оп. 36. Д. 3541. Л. 1–244.

⁸ Катасонова Е. Л. Военнопленные Халхин-Гола // Японские исследования. 2018. № 1. С. 51–59.

Литература

- Катасонова Е. Л. Военнопленные Халхин-Гола // Японские исследования. 2018. № 1. С. 51–59.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Фонд 9. Политуправление РККА. Оп. 36. Д. 3541.
- РГВА. Ф. 32113. Фонд 32113. Управление 57-го Особого корпуса (4 сентября 1937 г. — 19 июля 1939 г.). Оп. 1. Д. 662.
- РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 291.
- РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 75.
- Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
- Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
- Cooh Al. D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford, 1990.

Глава 18*

**ОЦЕНКА ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В АЗИИ В КАНУН
И ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ВЗГЛЯД ИЗ XXI в.**

Одним из важных научных вопросов, стоящих на пересечении, с одной стороны, проблем исторической памяти, а с другой — актуальной повестки дня современной Японии, является вопрос о том, как память о военном прошлом в частности и о политике Японии в Азии до 1945 г. вообще отражается в политическом дискурсе современных японских правительств. В самом деле, особенно с возвращением к власти либерал-демократов в 2012 г., проблема военного прошлого и связанные с ней проблемы ответственности Японии за ее действия в Азии получили новое звучание, в том числе в контексте отношений Японии с ее соседями по Азии.

Наиболее очевидный пример — продолжающийся дипломатический конфликт между Токио и Сеулом, первопричиной которого послужила проблема так называемых «женщин для утешения». В Китае память о войне с Японией, а также об отдельных ее эпизодах, таких как Нанкинская резня, стала фактически одним из столпов национального самосознания и государственной идеологии. Более того, эти вопросы зачастую поднимаются китайским (а также, заметим, и южнокорейским) руководством намеренно и, можно сказать, прагматически: как отмечал в 2016 г. британский исследователь Артур Стоквин, то, что японское руководство зачастую колеблется по этим вопросам, «предоставляет Китаю удобную палку, которой он может охаживать Японию всегда, когда удобно»¹. Иные проявления того, как проблемы исторической памяти влияют на современную внешнюю

---

* Автор главы — В. В. Нелидов. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

¹ Stockwin A. The Politics of War Apology: From Murayama to Abe // International Relations and Diplomacy. 2016. Vol. 4. № 2. P. 83.

и внутреннюю политику Японии, включают в себя общеизвестные проблемы школьных учебников (которые, по утверждению критиков внутри и вне Японии, в недостаточной мере отражают раскаяние Японии за ее военное прошлое), визиты японских политиков в храм Ясукуни (последний такой визит туда премьер-министра Абэ Синдзо состоялся в 2013 г.; с тех пор он не посещает храм лично, но присылает туда подношения от своего имени), а также территориальные споры Японии с ее соседями².

Интересно, что в последнее время все бóльший интерес к вопросам исторической памяти начинает проявлять и Россия, настаивающая на «признании Токио итогов Второй мировой войны» как необходимого условия заключения мирного договора. В этом смысле, пожалуй, можно говорить, что и наша страна осваивает инструментарий международной политики, активно используемый другими странами-соседями Японии.

Тем не менее вопрос о том, какой именно позиции придерживается правительство Абэ Синдзо (или любого другого премьер-министра) относительно военного прошлого, далеко не так прост, как кажется. Фактически, для того чтобы понять, меняется ли официальная позиция по вопросу оценки военного прошлого Японии и если меняется, то в каком направлении, недостаточно просто сравнить различные выступления и заявления за разные годы — понятно, что любой политик склонен говорить разные вещи в разных аудиториях. Для того чтобы выводы были обоснованными, нужно проследить, что он говорит по одним и тем же вопросам не просто в разное время, а в разное время в аналогичных ситуациях.

С этой точки зрения наиболее удобным объектом для анализа представляются выступления премьер-министра Японии

---

² Более подробно о проблеме исторического прошлого в отношениях Японии со странами соседями и отдельных ее аспектах см., в частности: Стрельцов Д. В. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Японии. 2014. № 43; Молодякова Э. В. «Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует // Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные труды 2000–2016 гг. М., 2017; Дьячков И. В. Историческая память и политика: проблема «женщин для комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. Yangmo. Japanese History Textbook Controversies, 1905–2010: Transnational Activism versus Neo-nationalistic Moment // Pacific Focus. 2014. Vol. 29. № 2.

на ежегодных мемориальных мероприятиях, проводимых 15 августа, в день окончания Второй мировой войны. В этот день на арене Ниппон Будокан в центре Токио проводится церемония, носящая название «Всеяпонской мемориальной службы в честь погибших на войне». На этой церемонии присутствует императорская чета, представители различных политических, экономических, религиозных и иных организаций, представляющих разнообразные круги японского общества, а премьер-министр выступает с краткой речью.

Речь эта в значительной степени ритуализирована, и многие ее части повторяются дословно из года в год. Но если сравнить речи разных лет, становится ясно, что отличия, пусть и незначительные, все же есть, и иногда, как представляется, они несут существенный политический смысл. И, собственно говоря, именно текст этих выступлений является, пожалуй, самым лучшим и удобным объектом для анализа, если мы хотим детально проследить, как меняется год от года официальная оценка военного прошлого Японии в официальном дискурсе. Далее будут приведены несколько примеров этого.

Наиболее чувствительным вопросом для Японии является, безусловно, оценка действий Японии в Азии накануне и в период Второй мировой войны. И до Абэ Синдзо каждый премьер-министр в своих выступлениях 15 августа характеризовал японскую агрессию в словах, которые звучали примерно следующим образом: «Наша страна принесла огромный ущерб и страдания народам многих стран, и особенно стран Азии»³. Далее следовали слова извинения, в большинстве случаев звучавшие следующим образом: «От имени народа Японии я выражаю чувства глубокого раскаяния и искренней скорби о жертвах войны». С незначительными вариациями эти слова повторяли и премьер-министры, представлявшие как ЛДП (как, например, известный своими подчас неоднозначными высказываниями Асо Таро, выступавший 15 августа 2009 г.), так и Демократическую партию.

Но Абэ Синдзо в своей первой такой речи, в 2013 г., в принципе не упомянул ни страдания, причиненные Японией народам Азии, ни раскаяние за эти действия. Вместо этого он сказал: «В послевоенное время наша страна настойчиво шла по дороге

³ Здесь и далее выступления цитируются по их текстам, размещенным на официальном сайте Канцелярии премьер-министра Японии: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/index.html

мира, уважая свободу и демократию». По сути, с самого начала своего срока он таким образом стал уделять значительно меньше внимания этой традиции извинений за военное прошлое Японии.

Были в его выступлениях и другие изменения, которые, как представляется, были призваны еще больше ослабить акцент на ответственности Японии за ее военное прошлое. Так, в 2017 г. и ранее С. Абэ в своих выступлениях 15 августа называл Японию «страной, которая ненавидит войну и ценит мир», но с 2018 г. эти слова изменились на «страна, которая ценит мир». Конечно, это не значит, что Япония внезапно перестала ненавидеть войну и не является прямым свидетельством роста милитаризма в Японии, но в качестве одной из иллюстраций общей тенденции даже такие, казалось бы, незначительные изменения весьма примечательны.

Наконец, еще одно изменение, также связанное с вопросом моральной ответственности Японии, заключалось в том, что с 2019 г. в выступлениях премьера нет слов «со смирением смотреть в лицо истории», которые были практически во всех аналогичных речах как минимум с начала столетия, включая выступления самого С. Абэ вплоть до 2018 г. включительно. В 2019 г. премьер использовал другую фразу: «Глубоко отпечатать в сердце уроки истории».

Интересно, что по мере того, как отсылки к вине Японии за войну постепенно вымываются, с 2019 г. в речи премьера появился новый пассаж, в котором говорится об «атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, воздушных налетах на Токио и другие города и наземных боях на Окинаве». Страна, которая, собственно, бомбила Хиросиму, Нагасаки, Токио и другие города, не упоминается — учитывая акцент администрации С. Абэ на военно-политическое сотрудничество с США, это, по всей вероятности, было бы политически неразумно. Но общий смысл здесь, как можно думать, сводится к тому, что официальный нарратив все больше смещается от идеи Японии как агрессора и зачинщика войны к идее Японии как жертвы этой войны.

Таким образом, даже этот достаточно краткий анализ представляет определенные интересные выводы по поводу того, как на наших глазах меняется официальный нарратив относительно военного прошлого Японии и действий Японии в Азии. Здесь надо подчеркнуть, что С. Абэ или, вернее будет сказать, С. Абэ и его окружение и советники, потому что очевидно, что такие важные и церемониальные выступления составляет не сам премьер, а сотрудники его аппарата — следуют принципу постепенности.

Здесь, по всей видимости, перед ними стоит двоякая цель: с одной стороны, они стараются не провоцировать лишнюю критику со стороны тех, кто видит в шагах официального Токио попытки возрождения японского милитаризма. В особенности жесткую позицию в этом занимают страны-соседи Японии, и прежде всего Китай, но хватает у С. Абэ оппонентов и внутри страны. С другой стороны, эти небольшие символические подарки, означающие как бы освобождение от бремени исторической вины, очевидно, предназначаются тем националистически настроенным избирателям, на которых в немалой мере и опирается правящая ЛДП.

Интересно также, что довольно значительные изменения в тексте речи произошли в 2019 г. Как представляется, это может быть обусловлено тем, что к лету этого года стало окончательно ясно, что многие из целей, провозглашавшихся С. Абэ ранее, достигнуть не удастся: не получится в ближайшем будущем заключить мирный договор с Россией, скорее всего не получится пересмотреть конституцию, да и «Абэномика», один из главных политических «козырей» администрации С. Абэ, все больше и больше начинает буксовать. Поэтому, в отсутствие реальных достижений, премьер может делать более серьезную ставку на подобные символические жесты, причем эта гипотеза подтверждается и довольно жесткой позицией Токио в международном споре с Сеулом.

Как бы то ни было, очевидно, что вопросы исторической памяти по-прежнему остаются одной из важных узловых точек как внутренней, так и внешней политики Японии и понимание их места, роли и динамики имеет большое значение для понимания логики всей политической жизни этой страны.

Литература

- Дьячков И. В. Историческая память и политика: проблема «женщин для комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4.
- Молодякова Э. В. «Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует // Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные труды 2000–2016 гг. М., 2017.
- Стрельцов Д. В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Япония. 2014. № 43.
- Ku Yangmo. Japanese History Textbook Controversies, 1995–2010: Transnational Activism versus Neo-nationalistic Movement // Pacific Focus. 2014. Vol. 29. No. 2.
- Stockwin A. The Politics of War Apology: From Murayama to Abe // International Relations and Diplomacy. 2016. Vol. 4, No. 2.

Часть III

ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ НА ВЕСАХ ИСТОРИИ

Глава 19*

СОБЫТИЯ У МОНГОЛЬСКОЙ РЕКИ ХАЛХА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И в западной, и в отечественной историографии существует несколько стереотипов причин и истоков Второй мировой войны: в чем-то оправданный, но все же не создающий целостной картины европоцентристский подход, где главным виновником развязывания войны является гитлеровская Германия, и идеологический, где, с одной стороны, речь идет о коммунистической угрозе и «вынужденности» агрессоров выступить против нее, а с другой — о совиновности СССР в развязывании этой войны. Последнее утверждение обосновывается фактом подписания советско-германского Пакта о ненападении и сопутствующих ему документов, а также присоединением фактически без ведения боевых действий к Советскому Союзу во второй половине сентября 1939 г. польских восточных воеводств с белорусско-украинским населением, а фактически — возвращение России некогда принадлежавших ей земель.

Причинами существования таких подходов, как представляется, является игнорирование провалившейся, но в течение ряда лет проводящейся Польшей и странами Запада антисоветской, антироссийской агрессивной политики и, что критически важно, недооценка азиатского, в первую очередь японского фактора, и в частности событий на Халхин-Голе, которые существенно повлияли на принятие советским руководством судьбоносных решений, а также того обстоятельства, что в канун

---

* Автор главы — В. П. Зимонин.

Второй мировой войны основные государства-агрессоры во главу угла ставили не столько идеологические, сколько геополитические и геостратегические интересы. Вспомним, что, когда Гитлер еще только рвался к власти, Япония уже в 1931–1932 гг. захватила отнюдь не приверженную коммунистической идеологии Маньчжурию, а честолюбивые японские генералы имели грандиозные планы не только покорения всего Китая, но и завоевания мирового господства, согласно которым объектами агрессии были Советский Союз и США. Да и Германия после разгрома Польши развернула агрессию в направлении Западной Европы, правда с далеко идущими целями завоевать ресурсы для последующей агрессии против СССР. Что касается японского фактора, то нет смысла в небольшой главе цитировать подробно меморандум премьер-министра, министра иностранных дел и колоний Японии генерала Г. Танаки от 25 июля 1927 г. императору Хирохито, текст которого опубликован в 110-томной «Официальной истории войны в великой Восточной Азии», подготовленной Национальным институтом оборонных исследований Японии. Напомним лишь, что японцы планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство генерал Танака считал также необходимым «сокрушение Соединенных Штатов Америки»¹.

Поэтому для Советского Союза, безусловно, как и другие страны, чувствовавшего угрозу гитлеровской агрессии, не менее остро стояла опасность большой войны с Японией. А это означало, что существовала большая вероятность оказаться втянутым в войну на два фронта. И все говорило о том, что именно так и должно было случиться — на это была нацелена блоковая политика Японии и Германии. И опять же инициатива в этом принадлежала Японии. В «меморандуме Танаки», которому впоследствии почти неукоснительно следовали (насколько позволял военно-экономический потенциал) все последующие правительства Японии, впервые в тесной увязке были отражены две линии противоречий и два пути их разрешения. Прежде всего старые империалистические противоречия — между Японией и США, традиционно соперничавшими в зоне Тихого океана, где выживание и развитие одних наций почти однозначно вело бы к поражению и упадку других, и новые — межсистемные, где Япония и западные державы имели шанс объединить усилия

---

¹ Дайтоа сэнсо кокан сэнси (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110 т. Токио, 1960–80-е гг. Т. 8. С. 138–139.

против общего классово-идеологического врага. Разрешение первой группы противоречий виделось Японии на путях вооруженной борьбы с ведущими державами капиталистического мира на южном направлении агрессии (что в конце концов и произошло реально); вторую группу противоречий можно было разрешить, лишь уничтожив СССР, МНР и зарождавшееся коммунистическое движение в Китае (северное направление).

Весьма важно при этом четко представлять себе, что расхождения в доктринальных точках зрения представителей этих двух направлений в японском руководстве заключались не в том, против **кого** воевать. Обе стороны сходились во мнении, что война против СССР при дележе мира неизбежна, и это не разъединяло, а, наоборот, объединяло сторонников северного и южного направлений. Противоречия, а скорее, разногласия, состояли в том, против кого начать войну **раньше**: против СССР или против США и их союзников. Именно поэтому дилемма «север — юг» существовала вплоть до самого момента принятия решения о войне в первую очередь на юге, способствуя мобилизации японского государства на подготовку к крупной войне. Но и после этого, вплоть до конца 1943 г., северное направление находилось под пристальным вниманием японских стратегов. И лишь провал идей германского и японского блицкригов, перелом во Второй мировой войне в пользу антигитлеровской коалиции окончательно сняли этот вопрос. Следует учитывать и то важное обстоятельство, что Япония и США начали подготовку к борьбе за передел сфер влияния в зоне Тихого океана еще задолго до образования на территории России социалистического государства, и лишь после появления на карте мира Советского Союза у США и некоторых других стран Запада появилась надежда путем политики «восточного Мюнхена» превратить Японию из соперника в одного из союзников в общих интересах борьбы против СССР.

У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была столь уж идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора пошли сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) у более «удобных» и слабых стран. Но об этом мы узнали позже. А в то время обстановка была отнюдь непростой для понимания.

У СССР в борьбе за выживание в предвоенные годы фактически не было союзников. Строя свою внешнюю политику

в то сложное время, он не мог не учитывать сначала японский военный фактор, а затем и все возрастающую опасность германского фашизма. Кроме того, заидеологизированность советского руководства, равно как и лидеров стран так называемого демократического блока, приводила СССР к необходимости подготовки к противостоянию и с ними, тем более что поводов для этого было достаточно. В этой связи следует сказать подробнее об истоках так называемой политики «умиротворения» агрессоров (а точнее — поощрения их к войне против Советского Союза), проводившейся западными демократиями. Эта политика известна под названием «мюнхенской», хотя родилась она задолго до мюнхенского сговора и «отрабатывалась» на Дальнем Востоке по отношению к Китаю и СССР.

Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. (ее с полным основанием можно назвать первым очагом будущего всемирного пожара) получила осуждение со стороны стран Запада лишь на словах. На демонстративный выход Японии из Лиги Наций в 1933 г. никаких санкций не последовало. Очевидно, лидеров западных стран вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с единственной целью: сделать ее плацдармом для борьбы против СССР. Мацуока вернулся в Японию героем (заехав по пути в Берлин для прояснения позиций молодого нацистского руководства). Рубикон был перейден, и руки у агрессора были окончательно развязаны. Япония не преминула этим воспользоваться, завершив в 1935 г. захват Северо-Восточного Китая и начав 7 июля 1937 г. тотальную войну против этой страны, что вновь было «проглочено» Западом все по той же причине антисоветизма. Ведь казалось, что вот-вот Япония, а вместе с ней и амбициозная Германия направят свои стрелы агрессии против Советского Союза. В этой связи логичным с точки зрения антисоветизма выглядело и Мюнхенское соглашение 1938 г. Запада с нацистской Германией по разделу Чехословакии в 1938–1939 гг., открывшее Гитлеру дорогу на Восток.

Во всеуслышание осуждая японскую агрессию, ведущие державы мира, по сути, подстрекали Японию к дальнейшим захватническим действиям. Это объяснялось очень просто. В Вашингтоне и столицах Западной Европы считали, что военные действия Японии в Северо-Восточном Китае приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к крупномасштабному столкновению Японии и СССР. Для американского

правительства и имевших свои интересы в Китае Великобритания, Франции и Нидерландов важно было направить японскую экспансию на север, против СССР, а не на юг. Таким образом, страны Запада, особенно США и Великобритания, выстраивая свою политику, проявили полное равнодушие к судьбе народов Северо-Восточного Китая, а затем и Монголии. Более того, поощряя северное (по их мнению, антисоветское) направление японской агрессии, они на протяжении всех 1930-х гг. не только продолжали оказывать Токио экономическую помощь и прямую военную поддержку, но и многократно увеличили ее размеры², а затем стали проводить аналогичную политику и в Европе.

Советский Союз, который в начале 1930-х гг. не был еще допущен ни в Лигу Наций (СССР вступил в эту международную организацию в 1934 г.), ни в договорную Версальско-Вашингтонскую систему, не мог не осознавать нараставшей для него угрозы и, начиная с 1931 г., по сути, в одиночку неизменно требовал прекращения японской агрессии в Маньчжурии. Тем не менее и он, исходя из своей сугубо оборонительной стратегии, был, как справедливо считает современный американский исследователь Д. Глэнц, в состоянии выдвинуть скорее дипломатические, чем военные инициативы³. Однако, указывает другой американский исследователь профессор А. Ириэ (японец по национальности), СССР, провозгласивший идеи всемирного разоружения и создания системы коллективной безопасности, приложил немалые усилия, чтобы, опираясь на Коминтерн, однозначно объявивший вооруженный конфликт в Маньчжурии «агрессивной войной Японии против Китая», объединить усилия антифашистских сил в борьбе за мир. Исследуя истоки Второй мировой войны, Ириэ пишет: «Первыми, кто увидел растущую угрозу миру со стороны фашистской Германии и быстро милитаризируемой Японии, были коммунисты, которые, собравшись в июле 1935 г. в Москве на VII конгресс Коминтерна, призвали все демократические силы создать общенародный фронт борьбы против фашизма». «Это ознаменовало, — полагает он, — возврат

---

² См.: Бутурлинов В. Ф., Варганов В. Н., Зимонин В. П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-политический очерк. М., 1989. С14–15.

³ Glantz D. Soviet Military Strategy vis a vis Japan (1921–1945) (An American Perspective) / Paper presented to the IVth Symposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunswick (New Jersey). Rutgers Univ. October 1990. P. 9, 12, 14.

России в международное сообщество в качестве сторонника порядка и мира, а не находящегося в изоляции защитника революции и радикализма... Самое важное, что советская инициатива дала определенную концептуальную ясность мировой ситуации, которая характеризовалась нестабильностью и противоречивостью»⁴. К сожалению, призыв Советского Союза и Коминтерна по причине идеологической зашоренности руководителей западных держав не нашел среди них понимания, и события, приближавшие мир к общеевразийскому, а фактически — мировому военному пожару, стали развиваться еще более стремительно. 7 июля 1937 г. Япония развернула полномасштабную, тотальную войну против Китая, которая так же, как и в Маньчжурии, сопровождалась немислимыми зверствами по отношению к местному населению.

Что касается Токио, то там понимали, что в случае развертывания агрессии против СССР Японии не обойтись без мощного европейского союзника. Вот почему захват нацистами власти в 1933 г. рассматривался в Японии как своего рода подарок судьбы. В Токио все более крепла надежда, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Германия сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, США, Великобритании и Франции, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В своих отношениях с Советским Союзом, — делало в то время вывод правительство К. Хироты, — Германия находится примерно в таком же положении, как и Япония. Исходя из того, что между Францией и СССР существуют особые отношения, можно считать, что Германии будет выгодно действовать сообща с нами в вопросах национальной обороны и политики антикоммунизма»⁵.

Нацистское руководство, со своей стороны, также, несмотря на имевшиеся у него интересы в зоне Тихого океана, на которые посягнула Япония, видело в ней потенциального союзника в войне с Советским Союзом, способного в нужный момент создать против СССР второй фронт — на востоке. В результате Советский Союз становился бы слабым, а удельный вес Германии

---

⁴ Iriye A. *The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific*. L., N.Y., 1989. P. 19, 29–30.

⁵ *War in Asia and the Pacific. A Fifteen Volume Collection* / Ed. by D. Detwiler and Ch. Burdick. Vol. 2. *Political Background of the War*. Appendix 1. *Hirota Cabinet's National and Foreign Policies*. N.Y., 1966. P. VII.

в Европе увеличивался. Смыкание двух очагов агрессии у восточных и западных границ СССР, наряду с откровенной политикой потворства этому со стороны США, Великобритании и Франции, реально угрожало созданием единого империалистического фронта борьбы против Советского Союза. Можно с определенной степенью уверенности утверждать, что если бы Германия в августе 1939 г. осознавала, что готова в сентябре того года развить свою агрессию против Польши в направлении СССР, то Япония это непременно поддержала бы так же, как Запад пошел бы на очередной «Мюнхен».

Поначалу все шло к этому. Первым практическим шагом в организации общекионтинентального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией, к которому в 1937 г. присоединилась фашистская Италия (уже в 1934 г. лишившая независимости Ливию, а в 1936 г. и Эфиопию), а за ней и некоторые другие страны, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 г. подконтрольное Японии марионеточное государство Маньчжоу-Го⁶, с территории которого и развернулась спустя три месяца агрессия против Монголии в районе Халхин-Гола. Антисоветская направленность Антикоминтерновского пакта была очевидной и полностью подтвердилась, когда стало известно сопровождавшее его специальное секретное соглашение, статья первая которого прямо предусматривала совместные меры борьбы против СССР⁷.

«Начиная с 1937–1938 гг., — признавал главнокомандующий капитулировавшей перед советскими войсками в августе 1945 г. Квантунской группировки японских войск О. Ямада, называвший антисоветскую политику Японии “последовательной”, — Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза»⁸. Однако вопрос о конкретных сроках войны с такой крупной державой, как СССР, требовал тщательной проработки, а сама агрессия — длительной подготовки. Важное значение для выработки военной стратегии японского государства на новый период Второй мировой войны, очаги которой уже запылали на востоке, а затем и на западе, имела серия провокаций, осуществленных

---

⁶ Ibid.

⁷ Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 89–90.

⁸ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

с санкции высшего военного командования Японии на границах СССР или в непосредственной близости от них. Главной целью этих вооруженных акций было определение уровня боеготовности советских войск, размещенных на Дальнем Востоке, и перспектив полномасштабной войны с Советским Союзом. За этой пробой сил внимательно наблюдали и Германия, и Запад. Итоги «разведки боем» оказались для Японии плачевными. Вооруженная вылазка в районе озера Хасан, предпринятая в июле 1938 г., а затем и вторая, начатая в мае 1939 г. у монгольской реки Халха, потерпели полный провал. Но последствия этого провала выходят далеко за рамки локального конфликта. Вместе с крахом здесь потерпела фиаско в разгар нового этапа Второй мировой войны, отмеченного германо-итальянским вооруженным вмешательством в гражданскую войну в Испании, аншлюсом Германией Австрии, варварским разделом Чехословакии, колонизацией Италией Албании, а затем и германской агрессией в Польше, и военно-блоковая политика Японии, мечтавшей о союзе с Германией, лидеры которой утратили веру в японскую мощь.

Однако еще раз подчеркнем: не все было так просто и ясно в то сложное время. Важно учитывать, что конфликт на Халхин-Голе был развязан японцами на фоне бурного и трудного для непосредственной оценки развития дипломатической активности Японии весной и летом 1939 г. Переговоры велись одновременно на нескольких направлениях. Продолжалась рутинная работа по разработке военного пакта между Германией, Италией и Японией, в чем особенно была заинтересована последняя. При этом Токио настаивал на внесении в текст оговорки об исключительной направленности пакта против СССР. Халхин-Гол в этой связи не в последнюю очередь замышлялся японцами как средство давления на союзников. Параллельно время от времени по инициативе Берлина происходили советско-германские контакты. Активно велись переговоры между Великобританией и Германией, о чем было известно в Москве. Одновременно в Москве шли переговоры по широкому кругу военно-политических вопросов между СССР, Великобританией и Францией. Именно эти последние переговоры в той сложной ситуации могли бы дать, но не дали по вине Запада миру новую, более благоприятную, альтернативу. Заключение политического и военного союза трех государств могло бы создать, возможно, решающий противовес гитлеровским планам расширения агрессии, а также повлиять на обстановку в АТР.

Ко второй декаде августа 1939 г., однако, стало очевидно, что московские переговоры по вине главным образом Великобритании зашли в тупик. В результате в 1939 г. СССР оказался фактически в международной изоляции. Поддержка Мюнхенского соглашения со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии, одобрение этого договора Японией и позитивное для Токио «невмешательство» стран Запада в события в Китае и в Монголии заставило советское руководство в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта в Монголии задуматься о поиске реальных путей обеспечения безопасности своей страны.

В связи с тем, что создание системы коллективной безопасности в форме, которую предлагал ранее Советский Союз, оказалось невозможным: «Восточный» (перед Второй мировой войной предпринималась попытка заключить договор о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой с целью гарантировать их границы против агрессии Германии) и «Тихоокеанский» (СССР и США обсуждали идею подписания «тихоокеанского пакта» о ненападении с участием четырех держав — СССР, США, Японии и Китая), пакты так и не были заключены; советско-чехословацкий договор был перечеркнут Мюнхеном; утратил свою практическую ценность договор с Францией; переговоры Москвы с Великобританией и Францией зашли в тупик; японская агрессия против МНР продолжалась. Все это, вместе взятое, означало рост непосредственной угрозы для СССР. Перед советской внешней политикой во второй половине августа 1939 г., т.е. в разгар халхин-гольской войны, вырисовывались довольно ограниченные возможности реагирования на ситуацию: остаться в изоляции, сделать упор на собственные силы и проводить самостоятельную внешнюю политику, готовясь к скорой войне на два фронта, или нормализовать свои отношения с Германией и Японией (а в случае расширения ими агрессии, проводя политику нейтралитета и создав «пояс безопасности»), обеспечить себе необходимое время и возможность подготовиться к худшему варианту развития событий.

Перед СССР остро встал вопрос: принимать накануне кульминации конфликта с Японией на Халхин-Голе (счет шел на дни, если не на часы) участившиеся предложения Германии о заключении договора о ненападении или нет? Правительство СССР, исходя из того, что угроза германо-польской войны (а это — выход немецких войск непосредственно к советским границам) стремительно нарастала, а недоверие к западным державам росло

(об англо-германских и англо-японских контактах было хорошо известно в Москве), все больше склонялось к мысли, что договор с Германией о нейтралитете или о ненападении не только в большей мере обеспечит безопасность СССР в случае резкого обострения обстановки, чем расплывчатый и неопределенный договор с западными демократиями, но и позволит не втянуть Советский Союз в военный конфликт на чьей-либо стороне при отсутствии прямой агрессии.

Вся совокупность этих факторов, недвусмысленность намерений Гитлера вторгнуться в приграничную к нам Польшу и понимание того, что СССР в условиях жесткой конфронтации в те дни с Японией в Монголии и Китае еще не готов противостоять вероятному вторжению вермахта на свою территорию, очевидно, привело И. В. Сталина и в целом советское руководство 19–20 августа 1939 г. к окончательному решению подписать договор с Германией. При этом все же не исключалась возможность достигнуть соглашения на переговорах с Великобританией и Францией в Москве о заключении договора о взаимопомощи «в последний час»⁹. Как свидетельствуют факты, тогда, на рубеже второй и третьей декад августа 1939 г., подойдя именно к этому, второму, варианту действий, в Кремле рассчитывали конкретными договоренностями с Германией, с одной стороны, сохранить на год-два свой нейтралитет, улучшить собственное стратегическое положение, создав на территории советской «сферы интересов» выдвинутый передовой рубеж обороны в 200–300 км западнее старой границы СССР и, с другой стороны, оторвав от Японии мощного союзника, сдержать ее агрессивные устремления против Советского Союза.

Такое решение, считало советское руководство, обеспечит безопасность СССР надежнее, чем неопределенная перспектива зыбкого альянса с западными державами. К тому же советские руководители ни на минуту не забывали и о том, что перед угрозой германского нападения стояла Польша, граничившая именно с СССР, а не с Великобританией или Францией. В случае ее полного разгрома Германией (а в Европе все были уверены, что Польша не продержится больше одного-двух месяцев) вермахт выходил бы на опасные подступы к Минску и Киеву. Объективно, Советский Союз, ведя военные действия в защиту суверенитета Монголии на востоке, не мог себе позволить иметь еще один фронт на западе. Одновременно (не без учета позиции

---

⁹ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995. С. 51.

Германии и ее влияния на Японию) СССР, серьезно опасаясь за безопасность своих границ на Дальнем Востоке, намеревался разблокировать конфликт у Халхин-Гола, приняв меры к ослаблению непосредственной конфронтации с Японией.

События в Маньчжурии и Монголии, «мюнхенская» политика и гражданская война в Испании четко показали, что западные державы не были готовы пойти на решительные меры в целях ограничения агрессии Германии и Японии. Как считает профессор Д. Глэнц, «Советский Союз скорее в целях защиты, чем исходя из (других.— В.З.) устремлений, круто повернул свою политику и подписал циничный пакт Молотова — Риббентропа, призванный обеспечить взаимное ненападение между Советским Союзом и Германией...»¹⁰. При всей непопулярности (Д. Глэнц употребил более сильное выражение) этого договора, и особенно сопутствующих ему документов, в условиях угрозы оказаться перед войной на два фронта и циничной «мюнхенской» политики, проводившейся в Европе и Азии ведущими западными демократиями, подписание его было, безусловно, вынужденным и единственно возможным шагом. Подписание этого договора стало следствием сложного переплетения вышеназванных факторов, а также отражением той общей атмосферы конфронтации, лицемерия, недоверия и пренебрежения нормами морали и нравственности, которая царил в предвоенном мире. В то время это было единственным шансом советского руководства хотя бы на год-два уберечь неподготовленную страну от большой войны, обезопасить как западные, так и восточные свои границы, о чем свидетельствует и последовавший вскоре финал халхин-гольских событий. «В то время, когда советские войска, очевидно, были в состоянии развить успех (достигнутый в результате их августовского наступления на восточном побережье Халхин-Гола.— В.З.),— отмечает Д. Глэнц,— они пошли на прекращение кровопролития»¹¹.

Следует отметить, что содействие Германии «улучшению советско-японских отношений и прекращению пограничных конфликтов» было одним из важных условий, которые ставил Советский Союз на переговорах с Берлином¹². Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 г. Пакта о ненападении, произошедшее на фоне мощного контрнаступления

¹⁰ Glantz D. Op. cit. P. 12–13.

¹¹ Ibid. P. 19.

¹² См.: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха / пер. с англ. М., 1991. Т. 1. С. 553.

советско-монгольских войск на Халхин-Голе, стало событием, потрясшим японское руководство и приведшим к отставке Кабинета Хиранумы и командования Квантунской армии. Неожиданный для Японии политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта, так как согласно Статье 2 Секретного соглашения от 25 ноября 1936 г., прилагавшегося к этому пакту, подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения»¹³.

«В течение месяцев в японских политических кругах, — писал уже в октябре 1939 г., по горячим следам халхин-гольской войны, американский аналитик Дж. Баллантайн, — велись споры по вопросу о желательности переведения Антикоминтерновского пакта с Германией и Италией в военный альянс. Заключение Германией Пакта о ненападении с Советским Союзом, однако, привело в состояние бессмысленности берлинско-римско-токийский антикоминтерн, а также пошатнуло опору японских группировок, выступавших против Коминтерна. Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким, внезапным ударом для Японии, вызвали правительственный кризис и породили мощный всплеск антигерманских настроений»¹⁴. «Возможно, — отмечал далее Баллантайн, — что японско-советское перемирие (от 16 сентября 1939 г. в халхин-гольском конфликте. — *В.З.*) представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности найти выход из сложившейся затруднительной ситуации с Россией, обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии»¹⁵.

Военное поражение Японии в Монголии сопровождалось, таким образом, и поражением политическим. Вступавшая в новый этап Вторая мировая война уже диктовала свои условия. Конечно, западные демократии в союзе с СССР имели бы объективные возможности пойти другим путем и совместно обуздать агрессоров и на западе, и на востоке, но для этого были

---

¹³ Документы XX века. Всемирная история в Интернете. <http://www.doc20vek.ru/node/1340>

¹⁴ The Far East Situation: Lecture Delivered 17 October 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport. R. 1. 3881–3281/10–18–39. P. 22.

¹⁵ Ibid. P. 25.

необходимы определенные условия: взаимное доверие между капиталистическими странами и СССР; доверие со стороны средних и малых стран к великим державам, особенно к Советскому Союзу; уверенность в том, что достигнутые соглашения и договоры будут выполняться; готовность в кратчайшие сроки развернуть боеспособные армии, мобилизовать все физические и духовные силы народов на борьбу с фашистской опасностью; непреклонная воля к победе над агрессорами.

Советский Союз не доверял западным державам, считая их виновниками провала плана создания общеконтинентальной системы коллективной безопасности. В Кремле не могли простить США, Великобритании и Франции их позицию в маньчжурском и китайском вопросах, сделку в Мюнхене, которая не только разрушила советско-франко-чехословацкий договор — основу коллективной безопасности в Европе, — но и привела к политической изоляции СССР. В ходе переговоров 1939 г. с Великобританией и Францией советское руководство не верило в искренность их желания заключить антигерманский союз. Оно не без основания опасалось, что в случае расширения войны западные державы могут подставить Советский Союз, о чем говорило их нежелание связывать себя конкретными обязательствами по оказанию ему помощи, под удар вермахта.

В результате в мире возникла опасная ситуация: все неагрессивные страны стремились не к тому, чтобы совместными усилиями обуздать агрессоров, а к тому, чтобы остаться по возможности в стороне от разворачивавшегося военного конфликта, переложив главную тяжесть начавшейся мировой войны на других. Советский Союз, однако, шел на такой же шаг не по своей воле, а по суровой необходимости. При всех морально-политических издержках советско-германского Пакта о ненападении он отодвинул агрессию Германии против СССР на 1,5 года, объективно ослабил Антикоминтерновский пакт, посеял в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации отношений с Москвой.

«Ситуация резко изменилась, — замечает Дж. Баллентайн, — когда после начала войны в Европе и подписания советско-германского Пакта о ненападении было заключено соглашение об окончании боевых действий, предусматривающее прекращение огня (в районе Халхин-Гола. — *В.З.*), и создание совместной комиссии по восстановлению границы. Такому повороту событий предшествовали циркулировавшие в самых широких кругах слухи

о том, что СССР и Япония находились на грани подписания Пакта о ненападении, и даже после подписания соглашения высказывались предположения, что оно предшествует чему-то более далеко идущему в направлении Пакта о ненападении»¹⁶. Есть все основания считать, что возникшая в «оси» Токио — Берлин трещина впоследствии способствовала тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза, оплатив Гитлеру подписанием с Москвой Пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. Безусловно, это стало дипломатической победой Москвы, и именно это позволило затем наказать агрессоров как на западе, так и на востоке, хотя и досталось это дорогой ценой.

Одной дипломатией достичь такого результата вряд ли было бы возможно. Важную роль сыграли и военные итоги халхин-гольского и предшествовавшего ему хасанского вооруженных конфликтов. Американский историк Дж. Макшери полагает, что «демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-Голе имела далеко идущие последствия, показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»¹⁷. Другой американский историк А. Кукс расценивает Халхин-Гол как «поворотный пункт», связывая эти события с «последующим развитием войны на Тихом океане»¹⁸.

Однако не все было так просто. В условиях вступившей в новый этап мировой войны руководство Японии стало судорожно просчитывать различные варианты возможного развития военных событий и место в них своего государства. В японской военной политике наступил принципиально новый этап.

Одной из самых «грандиозных схем», прорабатывавшихся после халхин-гольских событий в течение примерно года (с сентября 1939 г. по сентябрь 1940 г.), была идея создания военного союза не только между Японией, Германией и Италией, но и с подключением к нему ... Советского Союза. Как пишет профессор А. Ириэ, смысл идеи заключался в том, чтобы попытаться создать всемирную коалицию «недемократических и антидемократических государств», к первой категории которых Токио «относил СССР с его режимом сталинской диктатуры», а ко второй — фашистско-милитаристскую коалицию, противостоящую

---

¹⁶ Ibid. P. 14.

¹⁷ McSherry J. Stalin, Hitler and Europe. Vols. I–II. Vol. 1: The Origins of World War II, 1933–1939. Cleveland, 1968. P. 22.

¹⁸ Coox A. Nomohan. Japan against Russia, 1939. Vols. I–II. N.Y., L., 1985. P. XIII.

«союзу демократических держав», возглавляемых Соединенными Штатами и Великобританией¹⁹.

Что подтолкнуло Японию к поиску такого решения, и были ли у нее основания надеяться на его успех? «Зубной болью» японского военно-политического руководства в то время, безусловно, оставался Китай, агрессия против которого, рассчитанная на три месяца, растянулась на годы, и конца этой войне не было видно. В Токио понимали, что основной причиной срыва планов блицкрига была значительная военная и экономическая помощь, предоставляемая Китаю из-за рубежа, а самым главным поставщиком этой помощи, безусловно, был и продолжал оставаться Советский Союз. Иначе говоря, СССР представлялся японским лидерам главным виновником их неудач в Китае²⁰. В этой ситуации найти хоть какую-то возможность прекращения советской помощи китайскому народу (военным путем сделать это Японии не удалось) означало обеспечить вероятность быстрой победы на фронте борьбы с Китаем и освободить руки для развертывания колониальной экспансии на юге, главным препятствием в чем виделись США.

Еще одной сильной «зубной болью», учитывая уроки Хасана и Халхин-Гола, мог стать для Японии после подписания советско-германского пакта СССР, если бы он решил более активно включиться в войну на стороне Китая. После того, как Германия 1 сентября 1939 г. вторглась в Польшу, а Советский Союз в ответ на это взял под свою защиту народы Западной Украины и Западной Белоруссии (фактически возвратил себе отнятые в годы интервенции Польшей земли), а затем Москва и Берлин сочли возможным найти взаимоприемлемое, хотя и временное, решение, оставив свои войска на рубеже Брест — Перемышль (особенно же после того, как Гитлер весной 1940 г. повернул направление фашистской агрессии-блицкрига на северо-запад Европы), рассчитывать на скорое военное столкновение между СССР и Германией Японии не представлялось возможным.

Сложившаяся ситуация делала положение Японии на Дальнем Востоке бесперспективным. Эти трудности главным образом и подтолкнули Токио к временной ревизии своих подходов к Советскому Союзу, к попыткам превратить его в союзника агрессивных государств. Были, однако, и другие соображения. Ввод советских войск на территорию Польши 17 сентября 1939 г., вооруженное

¹⁹ Iriye A. Op. cit. P. 83.

²⁰ Ibid. P. 84.

вторжение СССР в пределы Финляндии (также бывшей в свое время частью России) в 1939–1940 гг. и последовавшее за этим отторжение части ее близлежащих к советским границам земель создали для японского руководства видимость того, что военные действия Советского Союза (направленные исключительно на обеспечение безопасности своих западных границ) ничем не отличаются от агрессивного курса, по которому уже шли Германия, Италия, да и сама Япония. Так же, как и у Германии, это создало у Японии иллюзию того, что Советский Союз при определенных условиях мог бы пойти на присоединение к коалиции, направленной против Великобритании и США, и на установление «нового мирового порядка», предусматривавшего деление мира на четыре зоны влияния. В то время как готовившийся, но еще не подписанный Тройственный (Берлинский) пакт с участием Германии, Италии и Японии с самого начала создавался как фашистский антикоммунистический альянс, теперь он представлялся «ревизионистам» (так в Японии именовали сторонников пересмотра Версальско-Вашингтонской системы договоров начала 1920-х гг.) как широкий «союз всех сил, выступавших против... демократии»²¹.

В японских правительственных кругах нашлось немало сторонников такой идеи, выдвинутой прагматичными военными. Посол Японии в СССР С. Того, японский посол в Италии Т. Сиратори и так называемые «ревизионисты» в МИД Японии считали, что сговор между Советским Союзом и Японией (позднее /подчеркнем: **позднее**/ и Германия поддержала идею четырехстороннего блока) оказал бы психологическое давление как на Китай, так и на США и способствовал бы благополучному для японской стороны завершению непопулярной войны на китайской территории²².

Следует отметить, что, несмотря на сложность ситуации, советское руководство выработало единственно верное решение — ограничиться военными действиями в пределах бывших территорий России и исключительно в целях повышения безопасности западных границ СССР. Советский Союз не дал в обиду дружественный Китай, не оставил шансов Японии развернуть масштабное нападение на СССР и, что немаловажно, обеспечил

---

²¹ Ibid. P. 84–85.

²² Ibid. P. 84; Ёси К. Обстоятельства, определившие реакцию Японии на международную обстановку в начальный период Второй мировой войны / перевод доклада, представленного на X симпозиуме историков СССР и Японии. М., 1991. С. 5.

оттягивание сроков начала ее агрессии в южном направлении. Сами переговоры были использованы советским руководством исключительно для того, чтобы выиграть время в целях наращивания усилий, направленных на повышение оборонной мощи СССР в условиях приближавшейся угрозы фашистской агрессии.

Необходимо также подчеркнуть, что, с другой стороны, дипломатические маневры вокруг выглядящей с точки зрения сегодняшнего дня бредовой идеи подключения Советского Союза к фашистской коалиции ни в коей мере не отразились на темпах военных приготовлений Японии вблизи советских границ, они наращивались вплоть до принятия окончательного решения японского военно-политического руководства развязать войну на Тихом океане и не снижались затем до осени 1943 г. В Токио в то время решили лишь несколько изменить тактику: выждать нападения на Советский Союз фашистской Германии, в успехе которого японское руководство не сомневалось, и затем вероломно ударить в спину СССР с тем, чтобы он «подобно перезревшей хурме» сам упал к ногам японских завоевателей²³.

В Токио по результатам халхин-гольских событий однозначно пришли к выводу — собственными силами с Советским Союзом Японии не справиться. Громкий успех Германии в Европе, сокрушительный разгром англо-французской коалиции, резкое изменение соотношения сил в мире в пользу фашистско-милитаристских держав и отказ СССР от настойчивых предложений войти в глобальный антидемократический союз привели к новым изменениям в японской военной политике. В ней наступил этап, связанный с заключением 27 сентября 1940 г. Тройственного (Берлинского) пакта.

Однако японские правящие круги и в обстановке, создавшейся после заключения этого военного пакта, не могли простить Германии предательства в период военных действий на Халхин-Голе и не были склонны безропотно следовать в фарватере политики Третьего рейха. По этой причине они добились исключения из текста Тройственного пакта фразы об автоматическом вступлении страны в войну на стороне Германии²⁴. Член Тайного совета Японии К. Исии призвал не допускать такого положения, когда «Германия окажется в роли “наездника”, а Япония — в роли

---

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 968.

²⁴ War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Japanese Monograph No. 146. Appendix No. 4. Tripartite Alliance Pact. L., N.Y., 1980. P. 33.

“осла”»²⁵. Поэтому во второй половине 1940 г. правящие круги Японии, по-прежнему считая нападение на СССР своей главной конечной задачей, усилили внимание разработке южного варианта агрессии с целью, как и Германия в Европе, нарастить ресурсы для войны против СССР. Именно этим и следует объяснить тот факт, что, казалось бы, вопреки логике и несмотря на опасность вызвать недовольство Берлина, министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока, исходя из совместно принятого Генеральными штабами армии и флота и правительством решения, заключил с Советским Союзом 13 апреля 1941 г. Пакт о нейтралитете.

Милитаристские круги Японии, идя на заключение с СССР этого пакта, рассчитывали, что в случае войны с Германией Советский Союз, терпя поражение, будет вынужден перебросить на запад так мешавшие им войска с маньчжурской границы. Не имея договора с Японией, он не сделает этого, но пойдет на такую меру в том случае, если будет полагать, что огражден от японской опасности Пактом о нейтралитете. Вот тогда-то и можно будет малой кровью захватить Дальний Восток и Сибирь. Не случайно поэтому вскоре после заключения Пакта о нейтралитете Ё. Мацуока заявил в беседе с германским послом в Токио, что «Япония будет воевать с СССР на стороне Германии, если начнется русско-немецкая война»²⁶.

Окончательное решение о вторжении на территорию советского Дальнего Востока военно-политическое руководство Японии намеревалось принять после начала агрессии фашистской Германии против Советского Союза, поскольку опасалось как бы в случае быстрого разгрома Красной Армии вермахтом Гитлер вообще не отказался бы допустить японцев к участию в дележе «русского пирога» или выделил бы им слишком малый кусок. Однако упорное сопротивление Красной Армии и советского народа вероломному вторжению гитлеровских войск и память об уроках Хасана и Халхин-Гола заставили руководство Японии сначала отложить до более «благоприятных условий», а к концу 1943 г. и полностью снять с повестки дня вопрос о нападении на СССР. 7 декабря 1941 г. Япония развернула войну на юге. Соединенные Штаты Америки показали японскому руководству более легким противником, чем Советский Союз.

---

²⁵ Цит. по: Носков А. М., Зимонин В. П., Савин А. С. Вооруженные силы Японии: история и современность. М., 1985. С. 54.

²⁶ Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 169.

Литература

На русском языке:

- Бутурлинов В. Ф., Вартанов В. Н., Зимонин В. П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-политический очерк. М., 1989.
- Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны / пер. с англ. М., 1995.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482.
- Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1.
- Документы XX века. Всемирная история в Интернете. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1340>.
- Ёсии К. Обстоятельства, определившие реакцию Японии на международную обстановку в начальный период Второй мировой войны: Перевод доклада, представленного на X симпозиуме историков СССР и Японии. М., 1991.
- Носков А. М., Зимонин В. П., Савин А. С. Вооруженные силы Японии: история и современность. М., 1985.
- Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72.
- Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1.

На иностранных языках:

- Cooh A. Nomonhan. Japan against Russia, 1939. Vols. I–II. N.Y., L., 1985.
- Glantz D. Soviet Military Strategy vis a vis Japan (1921–1945) (An American Perspective) / Paper presented to the IVth Symposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunswick (New Jersey), Rutgers Univ. October 1990.
- Iriye A. The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. L.; N.Y., 1989.
- McSherry J. Stalin, Hitler, and Europe. Vols. I–II. Vol. 1. The Origins of World War II, 1933–1939. Cleveland, 1968.
- The Far East Situation: Lecture Delivered 17 October 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport. R. I. 3881–3281/10–18–39.
- War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Japanese Monograph No. 146.

Часть III. Победа на Халхин-Голе на весах истории

War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Japanese Monograph No. 146. Appendix No. 4. Triparty Alliance Pact. L.: N.Y., 1980.

War in Asia and the Pacific. A Fifteen Volume Collection / Vol. 2. Political Background of the War. Appendix 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N.Y., 1966.

На японском языке:

Дайтоа сэнсо кокан сэнси (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110 т. Т. 8. Токио, 1960–1980-е гг.

Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948.

Глава 20*

**СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ГРАНИЦЕ
МАНЬЧЖОУ-ГО НАКАНУНЕ ВОЙНЫ НА ХАЛКИН-ГОЛЕ**

Правобережье реки Халхин-Гол задолго до XX в. было спорным участком границы между Халхой (Внешней Монголией) и Баргой (Хэйлунцзяном). Однако споры не приводили к серьезным конфликтам. В XX в., после провозглашения Внешней Монголией независимости, на спорном участке границы, ставшей теперь государственной границей, также не отмечалось каких-либо вооруженных столкновений. После провозглашения Монгольской Народной Республики ситуация на границе между Монголией и Баргой (Хулунбуиром) была взята под контроль руководством СССР. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 26 августа 1926 г. было принято решение «об оказании военной помощи МНР в обороне ее границ». В Протоколе этого заседания говорилось: «Предложить ЦК НРП приступить к организации обороны восточной и юго-восточной пограничной полосы...»¹. Такая позиция была обусловлена сохранившимся после Гражданской войны противостоянием с антикоммунистически настроенными властями Северо-Восточного Китая. После оккупации японскими войсками Северо-Восточного Китая, куда входила и территория Барги, и провозглашения Маньчжоу-Го военно-политическая ситуация изменилась и серьезно осложнилась. Живший в Москве японский коммунист Носака Сандзо утверждал с трибуны Коминтерна: «Вся внутренняя и внешняя политика правящих классов в Японии и в настоящее время сосредоточена на подготовке нападения на СССР»².

---

* Автор главы — В. Г. Дацышен.

¹ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). В 2 ч. М., 2019. Часть I. С. 274.

² Окано. Революционная борьба трудящихся масс Японии. М., 1934. С. 3.

С первых дней существования Маньчжоу-Го спорные вопросы на границе в районе Халхин-Гола неоднократно создавали конфликтную ситуацию. Пока сложно установить время первых вооруженных столкновений. Возможно, они начались сразу же после провозглашения Маньчжоу-Го. В книге о легендарном советском разведчике Г. И. Мордвинове, написанной его сыном, говорится: «В тридцать втором году, впервые... его серьезно ранило. Из Маньчжоу-Го, нового государства на территории бывшей Маньчжурии, вторгся — проверяя на крепость монгольскую пограничную службу, — прекрасно вооруженный японский отряд. Георгий М. тотчас выехал на место, лично руководил всеми действиями по изгнанию японцев, и когда практически все было кончено, пуля, пробив левую руку, вошла в грудь и застряла в легком»³. Однако каких-либо документальных подтверждений указанного вооруженного столкновения на Халхин-Голе найти нам не удалось.

Советский Союз после начала японской оккупации Маньчжурии стал наращивать военную помощь Монгольской Народной Республике. В военно-учебных заведениях СССР обучалось более сотни монголов. В июне 1932 г. из Читы был переброшен авиаотряд из 10 самолетов. 4 монгольских самолета в то время также обслуживали советские летчики.

Японские военные в 1933–1934 гг. проявляли активность на границе с Внешней Монголией, проводили исследования границы, строили коммуникации, усиливали военное присутствие. Монгольский исследователь Ц. Батбаяр отмечал: «Японские источники свидетельствуют, что начиная с 1933 года Квантунская армия стала проводить топографические съемки с целью уточнить границу Маньчжоу-Го в районе Халхин-Гола и озера Буир-нура»⁴. Эта информация подтверждается «Разведсводками IV отдела штаба ОКДВА». В разведсводке от 20 апреля 1933 г. говорится: «10 апреля из Хайлара в Чжалайнор выступил по маршруту: Хайлар — Ганьчжур — Шутен-суме... гора Богдо ула — Синьбаэрху — Чжалайнор эскадрон из состава 1

---

³ Курчаткин А. Победитель. Истинная жизнь легендарного разведчика. М., 2005. С. 200.

⁴ Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002. С. 95.

яп. кавбригады численностью 150 всадников и 160 подвод. Цель похода — тактическое учение и рекогносцировка местности»⁵.

Следствием роста напряженности стали столкновения на границе в районе Халхин-Гола. В Докладе Разведупра Штаба РККА наркому обороны К. Е. Ворошилову от 13 июня 1933 г. говорилось: «27.5 — у границы в районе озера Буир-Нура были обнаружены две машины с японцами. Наша застава обстреляла их, но захватить — прошляпили»⁶. Советское руководство включалось в военно-политическое противостояние на монголо-маньчжурской границе. В директиве Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 октября 1933 г. говорилось о необходимости разъяснить монгольскому руководству опасность японской агрессии.

Несмотря на рост напряженности, стороны старались избежать столкновений. В интервью председателя Совета Министров Монгольской Народной Республики, данном 29 декабря 1935 г. московскому корреспонденту американского телеграфного агентства и опубликованном в советских газетах в начале 1936 г., говорилось: «До образования Маньчжоу-Го мы не имели ни одного столкновения на границах... С приходом же японских войск в Маньчжурию обстановка радикально меняется... Нам японо-маньчжурские делегаты на станции Маньчжурия объяснили это тем, что они, якобы, хотят установления с нами нормальных дипломатических отношений... Непонятно, почему они грозят нам войной, требуя, чтобы мы, монголы, первые, и при том немедленно, признали Маньчжоу-Го и обменялись дипломатическими представителями»⁷.

Ситуация на маньчжуро-монгольской границе в районе Халхин-Гола коренным образом изменилась в 1935 г. Ц. Батбаяр пишет: «Первым крупным инцидентом в отношениях между МНР и Маньчжоу-Го был вооружённый конфликт в Халхин-сумэ... 8 января 1935 года монгольские пограничники, находясь в дозоре, остановились на привал, как обычно, в Халхин-суме. Однако сторона Маньчжоу-Го приняла это за нарушение границы, и сюда прибыл отряд пограничников Маньчжоу-Го. Между сторонами произошел вооруженный конфликт с убитыми и ранеными с обеих сторон»⁸. Японский исследователь К. Танака

⁵ Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 123. Оп. 1. Д. 394. Л. 18.

⁶ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть I. С. 302–303.

⁷ Восточно-Сибирский путь. 05.01.1936.

⁸ Батбаяр Ц. Указ. соч. С. 96.

подтверждает: «Первое столкновение на границе между Маньчжурией и МНР произошло 8 января 1935 г. Это было столкновение между воинской частью МНР и маньчжурским гарнизоном вблизи храма Халхин-Сумэ на северной стороне озера Буир-Нур»⁹.

Исследователи указывают, что первые боестолкновения на границе начались 8 января 1935 г., но председатель Совета министров Монгольской Народной Республики Гендун (Пэлжидийн Гэндэн) в том же 1935 г. утверждал, что «действия японо-маньчжурских войск на границе МНР» начались с «нападения на наши пограничные части в районе Халхин-Сумэ 24 января 1935 года»¹⁰. В «Обращении Правительства МНР к Правительству СССР с просьбой об оказании военной и финансовой помощи и направлении частей РККА для защиты от угрозы нападения Японии» от 25 января 1936 г. говорилось: «24 января 25 года (1935 г.) японо-маньчжурские солдаты напали на нашу пограничную часть на территории нашего Халхин-сумэ...»¹¹ Российские исследователи отмечали: «Японо-маньчжурские войска захватили участок территории с монастырем Халхин-Сумэ, обстреляли монгольскую пограничную заставу, убив командира и цирика»¹². Действительно, 24 января 1935 г. в бою в районе Халхин-сумэ погиб монгольский командир Дондов, и это событие получило большой общественный резонанс.

Ц. Батбаяр пишет: «Японские источники свидетельствуют, что командование Квантунской армии отдало командующему кавалерией армии генерал-лейтенанту Хасунуме Шигэру распоряжение отправиться в район Халхин-Гола и изгнать оттуда войска Внешней Монголии. 27 января 1935 года смешанный отряд полковника Вады двинулся из Хайлара... монгольский погранотряд уже покинул район, узнав о приближении японских войска. Отряд Вады взял Халхин-сумэ и спустя приблизительно три недели из-за январских холодов возвратился на свою базу в Хайлар»¹³. Японский же историк К. Танака утверждает: «Обе стороны приложили усилия к тому, чтобы это столкновение не получило широкого развития... Монгольский министр обороны генерал

---

⁹ Танака К. Тревожные годы накануне боев на Халхин-Голе // Халхин-Гол. Взгляд на события из XXI века. М., 2013. С. 85–86.

¹⁰ Восточно-Сибирский путь. 05.01.1936.

¹¹ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть I. С. 338.

¹² Там же. Часть 2. С. 243.

¹³ Батбаяр Ц. Указ. соч. С. 97.

Г. Дэвид запретил военные действия, и, таким образом, в соответствии с требованиями маньчжурской стороны, монгольские войска были отведены от границы на 6 км»¹⁴. В докладной записке наркома иностранных дел М. М. Литвинова И. В. Сталину говорилось: «Монгольское правительство дало яркие доказательства своего миролюбия как при инциденте занятия маньчжурскими войсками Халхин-Сумэ, так и при недавнем задержании двух граждан...»¹⁵

Маньчжурская сторона объявила, что конфликт был вызван «нечеткостями» в обозначении границы, и предложила начать переговоры по вопросам линии границы. Стороны сошлись на том, чтобы переговоры провести в городе Маньчжурия. Однако проходившие с 30 мая по 25 ноября, в два раунда, переговоры не привели к успеху, стороны не договорились о линии прохождения границы. Глава монгольского правительства описывал ситуацию следующим образом: «Японо-маньчжурские войска нападают на наши пограничные части, захватывают нашу территорию, посылают (как это имело место в июле этого года) на нашу территорию военных “топографов”, которых мы во избежание конфликтов возвращаем немедленно после задержания и которых сначала не хотят принимать, а потом принимают, но предъявляют нам объявления в оскорблении японской армии...»¹⁶

В результате вооруженных столкновений на монголо-маньчжурской границе в январе 1935 г. японо-маньчжурские войска ликвидировали монгольское присутствие на спорной территории и фактически захватили правобережье Халхин-Гола. В связи с этим руководство МНР заявило: «Надо объяснить командирам, политработникам и солдатам, что отступление в Халхин-сумэ в Монгол-загасе носит временный характер и не означает, что эти районы передаются Японии в дар»¹⁷. В 1935 г. произошли масштабные преобразования в вооруженных силах МНР. Срок службы солдат был продлен с двух до трех лет, функции охраны восточной и южной границы МНР были переданы в ведение Государственной внутренней охраны (ГВО).

¹⁴ Танака К. Указ. соч. С. 86.

¹⁵ Русско-китайские отношения в XX в. М., 2010. Т. III. Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.). С. 441.

¹⁶ Восточно-Сибирский путь. 05.01.1936.

¹⁷ Батбаяр Ц. Указ. соч. С. 97.

В «Докладной записке наркома иностранных дел М. М. Литвинова И. В. Сталину о необходимости превентивных действий в связи с угрозой нападения японо-маньчжурских войск на территорию МНР» от 5 июля 1935 г. говорилось: «Своими провокационными действиями японцы прощупывают нас. Не стремясь, однако, к серьезному вооруженному конфликту, они могут настолько ангажироваться, чтобы отступление для них стало невозможным и результатом может быть настоящая война...»¹⁸

В конце 1935 г. на границе вновь произошли боестолкновения. В интервью председателя Совмина МНР говорилось: «10 декабря имел место новый налет японо-маньчжурских войск на нашу пограничную заставу в районе местечка Булун-Дэрсун. Около 300 человек, вооруженных до зубов, напали неожиданно на монгольской территории на небольшой пограничный наряд, который имел специальное распоряжение, во избежание провокаций, всячески избегать вооруженного столкновения. 16 человек наших цириков убито и пропало без вести в результате этого бандитского нападения»¹⁹.

19 декабря 1935 г. полпред В. Х. Таиров по телефону доложил в Москву о захвате японцами пограничной заставы «Булундересе» (Булун-дэрсун) в районе озера Буир-нур. Нападавшие подъехали на машинах и открыли огонь, монгольские пограничники не оказали сопротивления и отступили. При этом 22 пограничника прибыли в Тамсык, где находился военный гарнизон, а 20 человек «пропали без вести». Советский полпред докладывал: «С военной точки зрения этот налет является непосредственным подходом к району Тамсыка... Допускаю, однако, что они на Тамсык сейчас не могут и не пойти, но и не очистить район заставы, т.е. Булундересе, а остаться в последнем, как Халхин-сумэ. Булундересе находится как раз на стыке спорной пограничной линии»²⁰.

В «Обращении Правительства МНР к Правительству СССР с просьбой об оказании военной и финансовой помощи и направлении частей РККА для защиты от угрозы нападения Японии» от 25 января 1936 г. говорилось: «19 декабря истекшего 25 г. (1935 г.) японо-маньчжурские солдаты произвели нападение на нашу пограничную заставу Булун-дэрсун, убили и ранили

---

¹⁸ Русско-китайские отношения в XX в. С. 441.

¹⁹ Восточно-Сибирский путь. 05.01.1936.

²⁰ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть I. С. 321.

наших пограничников и некоторых из них увели с собой, захватив так же награбленные юрты и имущество»²¹.

В начале 1936 г. военное противостояние на границе в районе Халхин-Гола продолжилось. Сохранившиеся документы дают противоречивую картину, но, безусловно, боестолкновения были интенсивными, стороны несли серьезные потери. По монгольским данным, японо-маньчжурские солдаты атаковали границу 15, 18, 22, 27 января. В донесении зам. начальника ГУПВО НКВД СССР Н. К. Кручинкина от 26 января 1936 г. говорилось: «После нападения на монгольскую заставу Мандавай (около озера Хага-Нор), имевшую место 17.1.36., в г. Маньчжурия возвратились три машины с ранеными и убитыми. Остальные пять машин и люди остались в районе Келемуту (70 км юго-западнее ст. Маньчжурия)»²². Командир взвода пограничников Шагдарын Гонгор за отражение атак в январе 1936 г. со стороны Маньчжурии в районе Халхин-Гола был удостоен звания Героя МНР²³.

В вышедшей еще в 1946 г. книге известного советского японоведа Х. Эйдуса говорилось: «8–10 февраля 1936 г. японо-маньчжурские войска с танками и аэропланами проникли в МНР, но были выброшены оттуда монгольскими войсками...»²⁴ Монгольский исследователь утверждает, что 12 февраля 1936 г. мобильная воинская часть из Хайлара во главе с генералом Сугимото прибыла на границу и навязала бой. В этом бою, известном как «инцидент в Олон-Худаке», японские потери составили убитыми 1 офицера и 7 солдат²⁵. Японский исследователь указывает, что японская сторона в тех боях взяла в плен 8 монгольских солдат²⁶.

Российские исследователи описали еще одно боестолкновение в это время: «В оперативном донесении из Улан-Батора в Москву от 13 февраля 1936 г. сообщалось... 12 февраля силами свыше 500 бойцов на 25 грузовиках при 2 танкетках при поддержке самолетов-штурмовиков совершили налет на Булун-Дэрсунскую заставу и оттеснили ее на 12 км вглубь территории МНР. После прибытия из Тамсыка соединенного советско-монгольского

²¹ Там же. С. 338.

²² Там же. С. 340.

²³ Кривель А. М. Это было на Хингане. М., 1985. С. 18.

²⁴ Эйдус Х. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946. С. 151.

²⁵ Батбаяр Ц. Указ. соч. С. 111.

²⁶ Танака К. Указ. соч. С. 86.

отряда противник был оттеснен от заставы, потеряв, предположительно, до 20 убитыми, ранеными 30. Застава МНРА понесла потери — убит пулеметчик, ранено 6, японцы увезли одно орудие и ручной пулемет. Авиация с аэродрома Баин-Тумэн бомбила противника на западном берегу Буир-Нора. Броневиками МНРА подбиты 2 японские танкетки и 2 грузовика с солдатами, которые противник увез на буксире»²⁷.

Японский историк К. Танака утверждает, что монголо-маньчжурский пограничный спор провоцировали и использовали в своих интересах японские милитаристы и советское политическое руководство. Он пишет: «В феврале 1936 г. ... Квантунская армия арестовала генерала Лин Шеня, который представлял Маньчжоу-Го на переговорах. Вскоре он был репрессирован. Хотя руководители МНР и Маньчжоу-Го стремились к тому, чтобы урегулировать все разногласия мирным путем, Япония (в частности, Квантунская армия) и СССР (в лице Сталина) не желали мира»²⁸. 12 марта 1936 г. в Улан-Баторе был подписан советско-монгольский договор о взаимной помощи.

В конце марта 1936 г. военное противостояние на спорном участке границы принимает качественно новые формы. В докладе военного советника в Монголии Л. Я. Вайнера говорилось: «Все налеты противника до 31 марта 1936 г., включая и бой 12 февраля, были характерны тем, что противник ограничивался действиями против застав и затем отводил свои части, избегая столкновений с нашими резервами»²⁹. В марте 1936 г. противостоящие стороны уже пытались не только продемонстрировать принадлежность спорной территории, но и закрепить ее. В конце марта 1936 г. характер боевых действий постепенно меняется. Современный российский исследователь В. Кондратьев пишет: «...японцы предприняли более масштабную провокацию. 24, 29 и 31 марта пехотные и кавалерийские части... не менее двух батальонов при поддержке артиллерии и авиации трижды вторгались на монгольскую территорию к востоку и западу от озера Буир-Нур... все нападения были отбиты»³⁰.

В марте советско-монгольская группировка в районе конфликта была усилена. В Баин-Тумене была собрана вся авиация.

---

²⁷ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Часть 2. С. 243.

²⁸ Танака К. Указ. Соч. С. 87.

²⁹ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 12.

³⁰ Кондратьев В. И. Битва над степью. Авиация в советско-японском вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол. М., 2008. С. 6.

В конце марта 1936 г. японцы провели смену воинских частей в районе конфликта. В докладе военного советника в Монголии Л. Я. Вайнера говорилось: «В двадцатых числах марта моточасть Гунчжулинской японской мотобронеприкрытия, прибывшая через Хайлар в Ассыр-Сумэ, сменила здесь 1-ю японскую кавбригаду, отведенную после смены в район Хайлара... противник проводит усиленную рекогносцировку погранполосы и расположения наших застав на всем участке Монгол-Рыба, Агла-Морит, что нередко заканчиваются перестрелкой с нашими постами, иногда с применением противником артиллерийского огня (Монгол-Рыба)»³¹.

В работе советского исследователя Е. Горбунова приводится такое описание событий, последовавших после подписания советско-монгольского договора: «24 марта 1936 года в 15 часов японо-маньчжурский отряд напал на монгольскую погранзаставу Монгол-Дзагас у озера Буир-Нур. Завязалась перестрелка... монгольские пограничники отбили нападение... На следующий день японо-маньчжурский отряд численностью около 200 человек сосредоточился в двух километрах севернее заставы и к вечеру вновь перешел в наступление. Силы были неравные, и монгольские пограничники вынуждены были отойти вглубь своей территории на семь километров. На рассвете 26 марта японо-маньчжурский отряд, обнаружив отход монгольских пограничников, переправился через реку Халхин-Гол и занял помещение заставы. И только после того как над заставой появились военные самолеты с монгольскими опознавательными знаками, он переправился обратно через реку и отошел на свою территорию... После двухдневного затишья 29 марта в 12 часов крупный японо-маньчжурский отряд напал на монгольскую пограничную заставу Адык-Долон. Застава находилась в 45 километрах от границы... Одновременно на монгольскую заставу Булун-Дерсу, расположенную в восьми километрах от границы и в 50 километрах северо-западнее заставы Адык-Долон, начал наступление другой отряд. Монгольские пограничники получили подкрепление и после упорного боя отбросили наступавшие японо-маньчжурские войска...»³²

В докладе военного советника в Монголии Л. Я. Вайнера был представлен «Боевой эпизод 29 марта». В документе говорилось: «В 7 часов пост от заставы Булын-Дэрсу обнаружил движение 7

³¹ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Часть 2. С. 13.

³² Горбунов Е. 20 августа 1939. М., 1986. С. 94–96.

грузовых и 1 легковой машин с людьми противника из района Булын-Дэрсу по дороге вдоль границы на ю.з. ... В соответствии с приказом из Баин-Тумена командиром 6-й кд была поставлена задача: командиру заставы совместными усилиями с двумя самолетами Р-5 и 4 бронемашинами ФАИ уничтожить противника... В 13.10 вылетели 2 самолета, имея на борту 20 штук 8 кгр бомб и 2400 патронов. В 13.40 выступили бронемашины... Самолеты обнаружили все 8 машин противника. Самолеты продолжали сбрасывать бомбы, а затем атаковали противника огнем передних и турельных пулеметов. Командир заставы... не ожидая бронемашин, решил действовать. Он оставил 10 бойцов для обороны расположения заставы, а с остальными 10 бойцами ручным пулеметом в конном строю быстро направился к месту боя»³³. Потеряв в бою подбитым один самолет и повредив две японские бронемашины, монгольские войска захватили в плен подполковника Ивамото, капитана Юро, двух корейских и одного баргутского солдат. В документе говорилось: «Остальные раненые и убитые в число нескольких десятков были увезены противником на машинах»³⁴.

На следующий день, 30 марта 1936 г., японцы попытались перехватить инициативу, японские самолеты атаковали монгольскую боевую технику на земле. Но решающие события этого этапа пограничных боев произошли 31 марта. В докладе военного советника в Монголии Л. Я. Вайнера говорилось: «Бой 31 марта отличается тем, что противник бросил более крупные силы по кратчайшему направлению на Тамсык (Адык, Тамсык — 25 км), где он не мог не рассчитывать на бой с резервами 6-й к.д., расположенными в Тамсыке. В результате налет противника вылился в крупный бой мотобронечастей и боевой защиты той и другой стороны»³⁵.

В работе советского исследователя даётся такое описание событий, последовавших после подписания советско-монгольского договора: «31 марта японо-маньчжурский отряд уже на нескольких десятках грузовиков, поддержанный артиллерийской батареей, танками, бронемашинами и авиацией, вновь двинулся на заставу Адык-Долон. Захватив этот пункт, вторгшиеся войска начали наступление на Тамцак-Булак. Им удалось подойти к городу, расположенному в 50 километрах

---

³³ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 14–15.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Там же. С. 13.

от границы...»³⁶. Ц. Батбаяр события 31 марта описывает так: «Японские источники утверждают, что 31 марта часть Шибуи предприняла наступление в районе Таурана (Адаг-дулана), однако она была подвергнута бомбардировке более чем десятком монгольскими самолетами, что огнем японской артиллерии были сбиты 3 монгольских самолета и еще три упали на территории Маньчжоу-Го. После этой авиационной атаки часть Шибуи выступила в ожесточенный бой с более чем 300 монгольскими солдатами, поддержанными русскими танками “БТ”. Имелись убитые, раненые и пленные»³⁷.

Российские исследователи, со ссылкой на Российский государственный военный архив (РГВА), пишут: «В письме авиатехника комсомольца Николая Добрушкина генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву от 16 апреля 1936 г. из Баин-Тумена написано о действиях советских и монгольских летчиков 31 марта 1936 г., нанесших большие потери японо-маньчжурским частям, а также о превосходстве выучки советских и монгольских летчиков над японскими... В налетах участвовали по 6 монгольских и советских экипажей»³⁸.

Действительно, 31 марта японо-маньчжурские войска большими силами, с использованием легких танков, начали наступление. Навстречу наступающему противнику из Баин-Тумена были направлены 6 советских самолетов во главе с командиром эскадрильи Манном и командиром отряда Г. А. Рейфшнейдером и 6 монгольских самолетов. Разведку осуществляли два советских самолета во главе с инструктором авиабазы В. А. Судецом. Летчики успешно выполнили боевую задачу, потеряв несколько самолетов подбитыми, а также одного летчика убитым. В «Представлении военного министра и главкома МНРА Г. Демида... О награждении летного состава сводного авиаотряда за подвиги в боях с японо-маньчжурами 31 марта и 1 апреля 1936 г.» были перечислены подвиги 8 монгольских и 4 советских летчиков, совершенные в боях в эти дни в районе Тамсык-Булак. Командир 3-го отдельного штурмового авиаотряда особого назначения Г. А. Рефшнейдер был награжден монгольским орденом Красного Знамени.

При обороне заставы Адык-Долон благодаря поддержке авиации потерь не было. Поддержку заставе также оказала

³⁶ Горбунов Е. Указ. соч. С. 95.

³⁷ Батбаяр Ц. Указ. Соч. С. 114.

³⁸ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 244.

маневренная группа 6-й кавалерийской дивизии. Бронеескадрон во главе с инструкторами Величко и Надаровым атаковали японские танки, подбив две машины противника, но остановленные плотным огнем. Расчет одной из подбитых бронемашин погиб. Бронеескадрон был поддержан советским пулеметным отрядом под командованием командира взвода Евдокимова.

В РГВА сохранились воспоминания командира отделения пулеметного взвода Д. Ф. Урусова о бое советско-монгольского отряда с японо-маньчжурскими войсками за пограничную заставу Одык-Допой. Советско-монгольский отряд выехал из Тамсыка на 19 машинах, 9 из которых были броневыми. В отряде имелось две пушки. С японской стороны в сражении участвовали танки и самолеты. Советско-монгольский отряд к исходу дня вынужден был отступить³⁹. В воспоминаниях Д. Ф. Урусова говорилось об отсутствии у советско-монгольского отряда поддержки со стороны авиации. Но российские исследователи, со ссылкой на РГВА, пишут: «Воспоминания об этом бое оставил механик-водитель бронемшины Травников, в которых он рассказал о бое за высоту 652 в районе заставы Адык-Болон 19 бронемашин против японских 80–90 бронемашин и танков. О захвате в плен японских офицеров, о подбитых японских машинах, и выразил сожаление, что не было у нас танков, хотя бы 5 БТ-26»⁴⁰.

В докладе военного советника в Монголии Л. Я. Вайнера говорилось: «В результате боевых действий 31 марта мотобронечасть противника в составе 10 лёгких танков, около 70 грузомашин с пехотой и спешенной конницей, 1–2 батареи, 4 л-б самолета и 5 истребителей, всего около 900 человек, не только не достигла успеха, но с большими потерями вынуждена была отойти на свою территорию, захватив единственный трофей старый бронефорд (Д-8) с поломанным пулемётом»⁴¹. В книге Е. Горбунова отмечено: «К утру 1 апреля монгольским войскам... удалось оттеснить захватчиков к границе и затем выбить их с монгольской территории»⁴².

Монголо-советские войска в бою 31 марта захватили в плен одного японца — водителя танка, а также подобрали 10 трупов противника. Собственные потери составили 5 убитых и 6

---

³⁹ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 7.

⁴⁰ Там же. С. 243.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Горбунов Е. Указ. соч. С. 96.

раненых. Потери в технике составили три бронемашин и два сбитых самолета.

Таким образом, в марте 1936 г. боевые действия в районе Халхин-Гола охватили территорию в сотни квадратных километров, против наступающих японских войск были направлены советские самолеты и танки. Бои не принесли решающего военного успеха ни одной из сторон. И летом 1936 г. по инициативе Маньчжоу-Го произошел обмен военнопленными. Монголия передала противнику 12 военнопленных японцев и монголов, в ответ на это японская сторона передала монгольской стороне также 12 военнопленных. 30 сентября 1936 г. Монголия передала маньчжурским властям тела 11 убитых японских военнослужащих⁴³.

В августе 1936 г. Маньчжоу-Го согласилось на предложение МНР от 30 апреля о создании новой совместной пограничной комиссии. Но состоявшиеся в октябре – декабре 1936 г. пограничные переговоры в городе Маньчжурия также были безрезультатными.

В 1937 г. столкновения в районе Халхин-Гола продолжились, но стороны избегали боевых действий. В январе 1937 г. монгольская группировка в районе конфликта примерно в полтора раза превышала японо-баргутскую группировку. Особенно значительным было превосходство в бронетехнике: на 49 монгольских танков и бронемашин приходилось 18 машин противника⁴⁴. Ц. Батбаяр пишет: «По данным монгольских погранвойск, в первой половине января 1937 года кавалерийские отряды Маньчжоу-Го вторглись в пределы МНР в районе горы Алын-Ул и высоты Хонгор на 40 км вглубь территории страны»⁴⁵. В донесении военного советника Л. Я. Вайнера от 14 января 1937 г. говорилось: «В ночь с 11 на 12.1 8-й баргутский кавполк перешел границу МНР на участке Ара-Худук... Вывод. 12.1 японо-баргутские войска нарушили юридическую границу МНР... выдвинув свои посты вглубь территории МНР на 35–40 км»⁴⁶.

В 1937–1938 гг. политическая и военная ситуация на Дальнем Востоке осложнилась; Япония и Советский Союз занимались решением обострившихся внутри- и внешнеполитических

⁴³ Батбаяр Ц. Указ. Соч. С. 123–124.

⁴⁴ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 38.

⁴⁵ Батбаяр Ц. Указ. соч. С. 128.

⁴⁶ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 37–38.

проблем, что, вероятно, обусловило относительное спокойствие на границе в районе Халхин-Гола.

Летом 1937 г. возобновилась работа Маньчжурской пограничной конференции. Но и на этот раз переговоры не дали результатов. 10 июня 1937 г. делегация МНР возвратилась в Улан-Батор. Затем стороны вновь вернулись за стол переговоров. Монгольский исследователь Д. Гомбосурэн утверждает, что на заседании монголо-маньчжурской пограничной конференции в августе 1937 г., которое было пятым по счету, «была достигнута договоренность о заключении Договора о проверке государственной границы между Монголией и Маньчжоу-Го, и уже было начато окончательное постатейное согласование договора. Однако в начале сентября под предлогом срочного отъезда в центр были отозваны и арестованы глава монгольской делегации Г. Самбуу и ее члены Г. Дамба, Г. Лут-Очир, М. Ядамсурэн... Срыв переговоров накануне заключения пограничного договора... оказал крайне негативное воздействие на военно-политическую обстановку в МНР и на Дальнем Востоке»⁴⁷.

Летом 1937 г. начался новый этап японской агрессии в Китае, японская армия начала наступление на юг и была втянута в затяжные бои на территории Внутреннего Китая. Советские исследователи отмечали: «В этот критический для Китая период лишь Советский Союз заявил о своей готовности оказать китайскому народу поддержку и помощь. Заключение в августе 1937 г. советско-китайского договора о ненападении создало реальную почву для образования в Китае единого национального антияпонского фронта...»⁴⁸

В это же время Монголия пережила период массовых политических репрессий. Премьер-министр Гэндэн был арестован на территории СССР и вскоре расстрелян, на железнодорожной станции «Тайга» был убит главнокомандующий монгольскими войсками Дэמיד. По делу «крупной японской шпионской группы» были арестованы 80% высшего командного состава МНР и почти все члены правящей в Монголии партии. Подавляющее большинство арестованных были расстреляны. Д. Гомбосурэн утверждает: «В результате политических репрессий накануне боев на Халхин-Голе высшее руководство, многие соединения и части МНРА остались без подготовленных кадров...

---

⁴⁷ Гомбосурэн Д. Советско-японские отношения и война на Халхин-Голе // Халхин-Гол. Взгляд на события из XXI века. М., 2013. С. 37.

⁴⁸ Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931–1945. М., 1990. С. 110.

нигде в мире не существует такой армии, которая понесла такой большой урон в период сталинской диктатуры»⁴⁹. 24 августа 1937 г. в Монголию прибыла комиссия ЦК ВКП(б), а 25 августа начался ввод советских войск в МНР. Напрямую с репрессиями исследователи связывают и бегство из МНР в Маньчжурию начальника артиллерии 36-й мотострелковой дивизии кавалера ордена Красного Знамени коммуниста Я. Ф. Фронта. Этот высокопоставленный красный командир, как и другие знаменитые советские перебежчики, предоставил японской стороне подробную информацию о состоянии советских вооруженных сил на Дальнем Востоке.

В 1938 г. СССР и Япония рассматривали будущий военный конфликт в районе Халхин-Гола как инструмент достижения геополитических целей в условиях большой японо-китайской войны. Бывший офицер штаба Квантунской армии Масанобу Цуджи в книге «Начало Номонханских событий» писал, что целью японских военных на границе с МНР было: «Во-первых, взять реванш за поражение на озере Хасан в августе 1938 года; во-вторых, нанести внезапный удар по Внешней Монголии, используя то обстоятельство, что из-за кампании чистки среди командного состава оказались подорванными внутренняя обстановка и военный потенциал Советского Союза; в третьих, привести Чан Кайши к пониманию того, что обуздание Внешней Монголии лишает его надежды на помощь со стороны Советов, и вынудит его к мирному урегулированию японо-китайской конфронтации»⁵⁰.

С начала 1939 г. противостояние на границе в районе Халхин-Гола активизировалось. В мемуарах И. И. Федюнинского говорится о том, что в январе 1939 г. японо-маньчжурские отряды вступали в вооруженные столкновения с монгольскими пограничниками. Советский военачальник писал о захвате 17 января монгольской сторожевой заставы⁵¹. В книге Е. Горбунова говорилось: «Пользуясь тем, что посты монгольских пограничников были расположены на западном берегу Халхин-Гола... японские войска и в феврале и в марте неоднократно проникали на монгольскую территорию, доходя до восточного берега реки»⁵². По данным советских исследователей, только в феврале и марте 1939 г. в районе Халхин-Гола произошло около тридцати

⁴⁹ Гомбосурэн Д. Указ. соч. С. 36.

⁵⁰ Батбаяр Ц. Указ. соч. С. 138.

⁵¹ Федюнинский И. И. На Востоке. М., 1985. С. 68

⁵² Горбунов Е. Указ. соч. С. 157.

нападений японцев из 23-й пехотной дивизии и баргутских кавалерийских полков на пограничников МНР⁵³. Современные ведущие историки подтверждают: «Только за первые три месяца подразделения Квантунской армии совершили более 30 нарушений восточной границы республики»⁵⁴.

Несколько иная картина противостояния в районе Халхин-Гола была представлена в «Докладной записке зам. Главного инструктора пограничных войск МВД МНР о систематических нарушениях японо-маньчжурскими вооруженными группами государственной границы Монголии на участке Халхингольского погранотряда МНР в период с 1 января по 10 мая 1939 г.». В документе говорилось: «1) 16.1.39. на участке 7-й заставы в 2 км северо-восточнее устья р. Хайластын-Гол... нач. заставы со своим помощником и цириком с расстояния 500 метров был обстрелян из винтовок со стороны 5 японо-баргутских всадников, перешедших границу из-за кордона. 2) 27.1.39 года в 8–00 ч. на участке 7-й заставы в 2 км юго-западнее Номун-Хан-Бурд-Лбо на сторожевой наряд, состоявший из начальника 7-й заставы Даши Нима и двух цириков, было совершено нападение вооруженной группой японо-баргут численностью в 13 чел. ... В результате огня со стороны наших пограничников японо-баргуты вначале отошли к границе, а через непродолжительное время... окружили монгольских пограничников... Нач. заставы и цирик японо-баргутами были уведены в плен... 3) 28.1.39 года... из-за кордона перешла группа японо-баргутских вооруженных солдат... произвела несколько выстрелов... и возвратилась обратно за кордон... 4) 29.1.39 года на территорию МНР перешла группа вооруженных японо-баргут численностью до 50 чел. и, не открывая огня, пыталась захватить сторожевой пост... Монгольские пограничники, не открывая огня, отошли... 5) В ночь на 30.1.39 г. на участке той же 7-й заставы группой вооруженных японо-баргут численностью до 20 всадников совершили налет на сторожевой пост пограничников в районе Дунгур-Обо. Монгольские пограничники также, не открывая огня, отошли вглубь территории МНР. 6) 31.1.39 г. в 7–00 ч. на участке 7-й заставы группой конных

---

⁵³ Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971. С. 26.

⁵⁴ Базаров Б. В. Битва на реке Халхин-Гол в свете восточноазиатской геополитики: исторический опыт и уроки 1930-х гг. // 70 Years Since the Nomonhan Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko and Husel Borjigin. Fuku-oshu (Japan), 2009. С. 40.

вооруженных японо-баргут численностью 60 чел. был совершен налет на сторожевой пост монгольских пограничников, расположенных в 2 км южнее Хайластын-Гол... Монгольские пограничники, не применяя в дело оружия, стали отходить вглубь территории МНР... до р. Халхин-Гол... 15.2.39 г. ... японо-баргуты общей группой около 150 чел. с дистанции 700 метров открыли интенсивный ружейно-пулеметный огонь... японо-баргуты пытались загнать свои фланги и окружить монгольских пограничников, но, потеряв несколько человек убитыми, японо-баргуты отошли в исходное положение...»⁵⁵

В бою 17 марта 1939 г. монгольские пограничники захватили труп убитого японца, который, согласно документам, был начальником полиции Туцюаня Кавано Канциро⁵⁶.

Новый этап боевых действий на спорном участке границы между МНР и Маньчжоу-Го начался во второй половине мая 1939 г. В одном из первых в советской историографии специальных исследований, в книге полковника С. Н. Шишкина, говорилось: «С 11 мая к востоку от р. Халхин-Гол начались стычки разведывательного характера, продолжавшиеся до 26 мая»⁵⁷. В заявлении народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова послу Японии в СССР 19 мая 1939 г. говорилось: «11–12 мая и позже имел место ряд нарушений границы МНР японо-маньчжурскими частями, которые напали на монгольские части в районе Номон-Кан-Бурд-Обо, а также в районе Догур-Обо»⁵⁸.

Длительное вооруженное противостояние в районе Халхин-Гола отчасти обусловило запоздалую реакцию советского военного командования на новое обострение ситуации. В телеграмме замначальника советского Генштаба от 15 мая 1939 г. говорилось: «Народный комиссар (Ворошилов. — *В.Д.*) обращает внимание на совершенно недопустимую постановку дела с донесениями о таких событиях, как приграничные столкновения. По докладу Третьякова первое столкновение было еще 11 мая. Наркомму доложили только теперь и то по вызову отсюда»⁵⁹.

⁵⁵ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014. С. 33–34.

⁵⁶ Там же. С. 35.

⁵⁷ Шишкин С. Н. Халхин-Гол. М., 1954. С. 15.

⁵⁸ Русско-китайские отношения в XX веке. М., 2000. Т. IV, кн. 1: Советско-китайские отношения в 1937–1944. С. 444.

⁵⁹ Коротаев В. И. Особенности и причины возникновения вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол. 1939 г. К 90-летию Российского государственного

Последнее столкновение до начала активных боевых действий было описано советским военным советником следующим образом: «1.5.39 г. на участке 5-й заставы в 21 км восточнее заставы и в 200–300 метрах от моста на дороге, идущей на Халун-Аршан, обнаружено 6 домов, выстроенных японо-баргутами якобы на территории МНР... 4 мая от места постройки отделился 1 неизвестный, ехавший на телеге. Который, углубившись 2 км на территорию МНР, останавливался нарядом монгольских пограничников, команде не подчинился, был убит. Дано указание погранотряду не применять вооружённых действий против баргут, строящих дома в указанном пункте. Место нахождения стройки домов по картам предположительно определено, что оно находится на территории Барги. С 4 по 10 мая с.г. о происшествиях на границе участка Халхингольского п. отряда данных не поступало»⁶⁰.

В конечном итоге 17 мая начался процесс выдвижения регулярных частей Монгольской Народно-Революционной Армии в район спорной территории. Длившееся в течение нескольких лет вооруженное противостояние между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками на спорном участке границы в районе Халхин-Гола стало перерастать в полномасштабную военную кампанию после приказа командира 23-й дивизии генерал-лейтенанта Камацубара от 21 мая 1939 г., в котором введенным ему войскам была поставлена задача «уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номонхан»⁶¹. На третьей сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. В. М. Молотов заявил: «Пора понять, что обвинения в агрессии, выставленные Японией Монгольской Народной республике, смешны и вздорны. Пора также понять, что всякому терпению есть предел»⁶².

Таким образом, советско-японская война на Халхин-Голе 1939 г. явилась лишь звеном в советско-японском вооруженном противостоянии на монголо-маньчжурской границе. Первый этап советско-японского военного противостояния в районе Халхин-Гола имел место в 1935–1936 гг. Но в СССР от ответственности скрывали факты участия советских вооруженных сил в противостоянии с Японией на монголо-маньчжурской границе. В мае 1939 г. в советских газетах информация подавалась

военного архива // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 155.

⁶⁰ Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г.: документы и материалы. С. 36.

⁶¹ Российско-монгольское военное сотрудничество. Часть 2. С. 61.

⁶² Красноярский Комсомолец. 02.06.1939.

следующим образом: «В 1935–36 г.г. японо-маньчжурские отряды делают нападение на пограничную охрану МНР и даже вторгаются на территорию МНР, применяя танки, артиллерию, пулеметы и авиацию... Героические отряды монгольской народно-революционной армии нанесли сокрушительный удар японо-маньчжурам и выкинули их со своей территории»⁶³. Тем не менее на протяжении двух лет части советских вооруженных сил совместно с вооруженными силами МНР приобретали опыт военных действий против японской армии.

Литература

- Базаров Б. В. Битва на реке Халхин-Гол в свете восточноазиатской геополитики: исторический опыт и уроки 1930-х гг. // 70 Years Since the Nomonhan Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited by Imanishi Junko and Husel Borjigin. Fukuyosha (Japan), 2009.
- Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002.
- Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г.: документы и материалы. М., 2014.
- Восточно-Сибирский путь. 1936.
- Гомбосурэн Д. Советско-японские отношения и война на Халхин-Голе // Халхин-Гол. Взгляд на события из XXI века. М., 2013.
- Горбунов Е. 20 августа 1939. М., 1986.
- Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 394.
- Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931–1945. М., 1990.
- История Монголии. XX в. М., 2007.
- Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы // Япония. Ежегодник. 2009.
- Кондратьев В. И. Битва над степью. Авиация в советско-японском вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол. М., 2008.

---

⁶³ Красноярский рабочий. 06.03.1939.

Часть III. Победа на Халхин-Голе на весах истории

- Коротаев В. И. Особенности и причины возникновения вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол. 1939 г. К 90-летию Российского государственного военного архива // Вестник архивиста. 2010. № 4.
- Кошкин А. А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.
- Курчаткин А. Победитель. Истинная жизнь легендарного разведчика. М., 2005.
- Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора «Миссури». К 80-летию победы на реке Халхин-Гол. Иркутск, 2019.
- Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971.
- Окано. Революционная борьба трудящихся масс Японии. М., 1934.
- Отпор. Ежедневная рабочая газета, орган политотдела Забайкальской железной дороги. Чита, 1934.
- Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов. В 2 частях. М., 2019. Часть I.
- Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов. В 2 частях. М., 2019. Часть 2.
- Русско-китайские отношения в XX в. М., 2010. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.).
- Русско-китайские отношения в XX веке. М., 2000. Т. IV, кн. 1: Советско-китайские отношения в 1937–1944.
- Танака К. Тревожные годы накануне боев на Халхин-Голе // Халхин-Гол. Взгляд на события из XXI века. М., 2013.
- Федюнинский И. И. На Востоке. М., 1985.
- Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009.
- Шишкин С. Н. Халхин-Гол. М., 1954.
- Эйдус Х. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946.

Глава 21*

**ХАЛХИН-ГОЛ,
НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА 1939 г.**

Проба сил на озере Хасан вынудила высшее японское командование признаться самому себе в том, что ранее выработанные стратегические планы наступательной войны против СССР «устарели» по времени. Летом 1938 г. японцы смогли убедиться в неожиданно прочной обороне советской границы в Приморье, и поэтому императорский Генеральный штаб решил найти такое место, «где бы противник не ожидал наступления».

В Токио не теряли времени даром. В течение осени «хасанского» года были разработаны два варианта плана наступательных операций против Советского Союза. Сам сверхсекретный план получил кодовое наименование «Хати — го» (план операции номер восемь).

Вариант «Ко» («А») предусматривал одновременный удар на восточном и северном направлениях. После этого намечались решительные действия против Забайкалья¹.

По варианту «Оцу» («Б») первоначальный главный удар планировался на западном направлении с целью выхода к южным берегам озера Байкал и перекрытия Транссибирской железнодорожной магистрали. Таким образом, Забайкалье и Дальний Восток отрезывались по суше от остальных районов СССР, и перед японской армией «открывались» хорошие оперативные возможности для разгрома восточной группировки Красной Армии.

План, разработанный в строгой секретности, был в двух вариантах направлен в штаб Квантунской армии для изучения. Именно ей предстояло во второй раз «попробовать» крепость советской границы. После тщательного анализа ее командование

---

* Автор главы — А. В. Шишов.

¹ См.: Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2000. С. 469–471.

пришло к выводу о наибольшей целесообразности сосредоточения основных наступательных сил на западном направлении, т.е. там, где сходились границы трех государств: Маньчжоу-Го, Монголии и СССР. Квантунские штабисты-аналитики считали его наиболее уязвимым для оборонительных действий советских войск.

Доработанный вариант «Оцу» («Б») после дискуссии был одобрен в Генеральном штабе Японии уже в мае 1939 г. Для реализации этого варианта предусматривалось использовать 40 пехотных и 5 механизированных дивизий с привлечением других армейских сил. В целом план «Хати — го» предусматривал достижение полной готовности к нападению на Советский Союз в начале 40-х гг.

План «Хати — го» предусматривал создание на территории Маньчжурии трех фронтов — Западного, Северного и Восточного — и одной воздушной армии, т.е. планом предусматривалось проведение широких фронтовых наступательных операций, что отвечало современным требованиям военного искусства.

Каждый фронт имел конкретную задачу. Так, войска Северного фронта (10 пехотных дивизий) должны были начать наступление из района западнее китайского города Хайхэ и оказывать поддержку войскам Западного фронта, наступавшим из района Калган — Баотоу во Внутренней Монголии. Перед Северным фронтом ставилась задача нарушения движения по Транссибирской железнодорожной магистрали и разгром противостоящих ему советских войск. После перекрытия движения по Транссибу войска фронта выдвигались в район Рухлово (Сковородино) и далее, к городу Хабаровску.

В состав Восточного фронта тоже выделялось 10 пехотных дивизий. Первоначально он должен был принять оборонительное положение и сдерживать советские войска с территории Приморья. После их разгрома фронту предписывалось оккупировать основные районы Приморья с городом Владивостоком (туда намечалось высадить морской десант) и развивать наступление вдоль реки Уссури на Хабаровск.

Наиболее мощным должен был стать Западный фронт, состоящий из 20 пехотных и механизированных дивизий. Главный удар он наносил по району города Нерчинск в Забайкалье, где ему предстояло разгромить советские войска восточнее Читы. Далее фронту предстояло развивать наступление в сторону Улан-Удэ и Рухлово, одновременно оккупируя советское Забайкалье и территорию Монгольской Народной Республики (МНР).

В докладе командования Квантунской армии Генеральному штабу заявлялось, что Советскому Союзу для ведения боевых действий на западном направлении придется «тратить усилий в 10 раз больше, чем японской армии».

В Маньчжурии к началу войны должны были закончить сосредоточение 3 авиационных эскадрилий, сведенных в воздушную армию. Ей предписывалось в самом начале боевых действий уничтожить советскую авиацию в Приморье и оказать поддержку с воздуха наступающему Западному фронту.

К лету 1939 г. численность японских войск в Маньчжурии достигла 350 тыс. человек, имевших на вооружении 1052 орудия, 385 танков и 355 самолетов; в Корее находилось 60 тыс. солдат и офицеров, 264 орудия, 34 танка и 90 самолетов².

В период наступательных операций Квантунской армии против СССР намечалось приостановить активные действия японских экспедиционных войск в Китае. Часть их, переброшенная по железной дороге на север, привлекалась для поддержки Западного фронта. Кроме того, японское командование опасалось прорыва советских мобильных (механизированных) войск в Южную Маньчжурию.

Причин, толкавших Японию на новый, гораздо более крупномасштабный военный конфликт, было несколько. Но стремление взять реванш за Хасан было не самым главным. Главным было ценой «большой войны» вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ослабить ее. Победа давала Японии хорошую козырную карту в дипломатическом противостоянии Вашингтона и Токио.

Была и еще одна немаловажная причина — требовалось поднять авторитет императорской армии, подорванный поражением на озере Хасан и невозможностью победно завершить войну в Китае. Помощь ему со стороны Москвы все возрастала. В середине февраля 1939 г. в Китае находилось 3665 советских советников, инструкторов, военных летчиков и техников. Летом того же года туда прибыло более 400 летчиков-добровольцев и авиатехников (свыше 200 советских летчиков погибло на китайской земле).

Эту последнюю причину японские историки определили следующим образом: «Лишившись уверенности в победе, армия находится в состоянии сильной раздраженности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР».

² История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 41.

Однако ни плану «Хати — го», ни его второму варианту «Оцу» («Б») не суждено было сбыться. Начавшиеся были военные события «в полосе наступления Западного фронта» стали развиваться совсем по другому сценарию, в разработке которого японский императорский Генеральный штаб участия не принимал. Новое столкновение японских и советских войск произошло несколько ранее спланированного и утвержденного в Токио наступления.

Это столкновение вошло в мировую военную историю под названием «Халхингольский конфликт» на границе Монголии и Маньчжоу-Го (или Китая). Но он больше напоминал локальную, пограничную, войну, которая шла с мая по сентябрь 1939 г. Однако конфликт на Халхин-Голе в истории войной так и не назвали, хотя было немало войн, в которых задействовались гораздо меньшие силы. Для Советского Союза необъявленная война на Халхин-Голе была самым крупным вооруженным конфликтом после Гражданской войны.

Командование Квантунской армии постаралось «отвлечь» как можно больше внимания советского военного руководства от берегов Халхин-Гола. С этой целью на советско-маньчжурской границе действиями «местного» командования Квантунской армии и войск Маньчжоу-Го преднамеренно обострялась обстановка. Вооруженные столкновения на границе следовали одно за другим.

Тихо пока было только на границе с Монголией в районе Халхин-Гола. МНР давно привлекала Японию. Овладение этой страной дало бы ей крупные стратегические выгоды, о которых говорил в 1936 г. начальник штаба Квантунской армии генерал Итагаки в беседе с японским послом в Китае Аритой. Он заявил, что Монголия «является очень важной с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении»³.

---

³ Рагинский М., Розенблит С. Международный процесс главных японских преступников. М.,—Л., 1950. С. 260.

События на берегах реки Халхин-Гол стали как бы более широкомасштабной копией событий на острове Хасан. Причиной маленькой необъявленной войны, в которой, с одной стороны, участвовали советские войска и армия МНР, с другой — войска японской Квантунской армии, стал пограничный конфликт. Связан он был с необоснованными требованиями японских и, естественно, властей Маньчжоу-Го об односторонней демаркации государственной границы между двумя странами.

Вопреки официальным картам, на которых была зафиксирована государственная граница Монголии (Внешней) и Китайской империи (МНР и Маньчжоу-Го) — восточнее реки Халхин-Гол на 20—25 км, японские власти стали настаивать на демаркации границы — на признании реки Халхин-Гол пограничной чертой между Монголией и Маньчжоу-Го.

Более того, линия государственной границы в районе реки Халхин-Гол на японских картах начиная с 1935 г. стала переноситься вглубь МНР, на расстояние до 20 км. На картах же до 1934 г. такого не было.

На границе начались военные столкновения. 24 января 1935 г. японо-маньчжурские войска совершили первое нападение — на монгольскую пограничную заставу в Халхин-Сумэ. 31 января последовало новое нападение: эта пограничная заставка была захвачена, а пограничники, выполняя инструкцию военного министра МНР, отошли на 8 км и остановились в районе Нурийн-Нур (Узкого озера). В Улан-Баторе полагали, что из политических соображений это было сделано правильно. Затем последовали новые провокации с японской стороны, произошли первые бои...

Переговоры о демаркации государственной границы между МНР и Маньчжоу-Го в июне 1935 г. на железнодорожной станции Маньчжурия были сорваны японской стороной, которая сразу же предъявила делегации Монголии невыполнимые требования.

Вооруженные столкновения на границе возобновились с людскими потерями и пленными. Шли они и весной следующего 1936 г. У японского подполковника Ивамото была захвачена секретная карта, на которой линия государственной границы между МНР и Маньчжоу-Го по рекам Халхин-Гол и Тулай-Гол отрезала от Монголии (от ее Восточного аймака) территорию на 60 километров⁴.

---

⁴ Шишов А. В. Указ. соч. С. 476—477.

12 марта 1936 г. в Улан-Баторе между МНР и СССР был подписан Протокол о взаимопомощи. В нем правительства двух дружественных государств обязывались в случае нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе военную, помощь. Об этом советская сторона поставила в известность посла Японии в Москве.

Вооруженные столкновения, носившие откровенно провокационный характер, на границе МНР и Маньчжоу-Го возобновились в 1939 г. 11 мая на монгольский пограничный пост на спорном участке совершил налет отряд японско-маньчжурской (баргутской) кавалерии численностью до 300 всадников, подержанный 5–7 бронемашинами и авиацией. Нападавшие сбили пограничную заставу из 20 конных бойцов-цириков и вышли к восточному берегу реки Халхин-Гол.

14 мая было совершено нападение на монгольскую пограничную заставу западнее Дунгур Обо. Она была подвергнута бомбардировке с воздуха: японские самолеты совершенно беспрепятственно сбросили на расположение заставы 52 бомбы...

В апреле командующий Квантунской армией генерал К. Уэда отдал приказ № 1488 о действиях войск в пограничной зоне — так называемые «Принципы разрешения пограничных конфликтов между Маньчжоу-Го и СССР». Выполнение его неизбежно вело к сознательному нарушению японскими и маньчжурскими военнослужащими (речь, естественно, шла не об отдельных лицах) советской и монгольской границ. Более того, подобные действия поощрялись.

Согласно этому приказу, командиры воинских частей, и даже их подразделений, Квантунской армии должны были сами (!) «в случаях, если граница не ясна» (4-й параграф «Принципов») определять в местах своей дислокации, где проходит государственная граница. При этом командирам всех степеней давалось право атаковать любого противника, который якобы нарушил границу Маньчжоу-Го. Одновременно в приказе генерала К. Уэды командирам приграничных частей было рекомендовано «избегать ненужных конфликтов».

Появление приказа № 1488 сразу вызвало всплеск нарушений границ Советского Союза и МНР японскими военнослужащими, которые при соприкосновении с пограничниками сопредельной стороны на «законном» основании пускали в ход оружие. Теперь многие нарушения советской границы стали выливаться в вооруженные схватки. В приграничной полосе стали звучать

не только винтовочные выстрелы, но и пулеметные очереди и взрывы ручных гранат.

Командование Квантунской армии заранее продумало и обустроило театр предстоящих боевых действий на восточных границах Монголии. Строились новые казарменные и складские помещения. Спешно достраивалась железная дорога из Салуня на Халун — Аршан и далее — на Гуньчжур. Новая железная дорога велась через Большой Хинган и затем шла параллельно монгольско-маньчжурской границе. Эти пути позволяли осуществлять быструю переброску войск к границам МНР и советского Забайкалья.

После нападений с земли и воздуха на монгольские пограничные заставы генерал-лейтенант Мититаро Камацубара, командир 23-й пехотной дивизии, 21 мая отдал подчиненным частям приказ «уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номонхана», т.е. в районе реки Халхин-Гол. Выполнение этого приказа японские войска начали в ночь на 28 мая. Речь шла уже не о рядовом нападении на монгольскую пограничную заставу⁵.

Группа войск Хайларского гарнизона Квантунской армии численностью около 2 тыс. человек при содействии танков, артиллерии и авиации к исходу дня 28 мая захватила часть территории суверенной Монголии и закрепилась на ней. Это было начало операции по овладению восточным выступом МНР между государственной границей Советского Союза, МНР и горным хребтом Большой Хинган.

Военный конфликт на монгольско-маньчжурской границе разворачивался, по описанию японского генерала О. Ямады, участника боевых действий, следующим образом:

«В событиях на Халхин-Голе первоначально участвовала лишь кавалерийская бригада, расположенная в Хайларе. Некоторое время наблюдалось затишье. Однако с июля 1939 г. на Халхин-Гол была брошена половина 23-й Хайларской дивизии. В последующее время оставшиеся части этой дивизии постепенно переводились на театр военных действий. Еще через некоторое время на Халхин-Гол стали перебрасываться самолеты, тяжелая артиллерия, половина 4-й Цзямусынской дивизии.

В последних числах августа было начато наступление на фронте Халхин-Гола. Предполагалось направить в бой

---

⁵ См.: Равдангийн Болд. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол. М., 2019. С. 234–239.

Часть III. Победа на Халхин-Голе на весах истории

по одному смешанному отряду от 2-й и 7-й дивизий. Однако бои прекратились до прибытия этих сил на фронт».

Японское командование подтянуло к границам Монголии 38 тыс. солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 10 бронемашин, 225 самолетов. Эта группировка имела задачу внезапным ударом окружить и уничтожить советско-монгольские части и захватить на западном берегу реки Халхин-Гол оперативный плацдарм для последующих действий⁶.

На территории Монголии в соответствии с Протоколом о взаимопомощи от 12 марта 1936 г. с сентября 1937 г. находились части Красной Армии. Это была крупная подвижная группировка войск: 30 тыс. человек рядового и командного состава, артиллерия, 280 бронемашин и 265 танков. Подвижность группировки обеспечивали 5 тыс. автомашин всех типов. На аэродромах и посадочных площадках было сосредоточено 107 самолетов различных типов.

В монгольской столице Улан-Баторе был сформирован штаб корпуса советских войск, получившего наименование 57-го особого. В его состав вошли 36-я мотострелковая дивизия, одна механизированная и две мотоброневые бригады, отдельный мотоброневой полк, кавалерийская и авиационная бригады, части связи, многочисленные инженерные и военно-строительные подразделения. 6 автомобильных батальонов обеспечивали снабжение корпуса всем необходимым. Однако к началу событий на Халхин-Голе все эти войска еще не были собраны воедино.

Когда начались вторжения японских войск на территорию МНР, ее правительство, естественно, обратилось за помощью к группировке Красной Армии. Руководство по ликвидации агрессии взял на себя командир 57-го особого корпуса комдив Н. Ф. Фекленко. Он же координировал боевое взаимодействие с монгольскими войсками.

Командование корпуса ввиду обострения положения на границе, решило принять первые меры предосторожности. Был сформирован сводный отряд (3 мотострелковые роты, рота бронемашин, саперная рота и артиллерийская батарея, всего — 1200 человек) во главе с батальонным командиром старшим лейтенантом А. Б. Быковым. Отряд прибыл в небольшой степной городок Тамцак-Булак, где уже были расквартированы подразделения 6-й монгольской кавалерийской дивизии.

---

⁶ Действия 1 армгруппы в Халхингольской операции (май — сентябрь 1939 г.). М., 1940. С. 10–11.

Восточнее города на протяжении многих десятков километров никаких советских и монгольских войск, за исключением конных пограничников, не было. Местность представляла собой голую равнину со скудным травяным покровом, без единого деревца. Колея грунтовой дороги вела из Тамцак-Булака к реке Халхин-Гол, протекающей на восточном выступе монгольской территории. У западного берега реки возвышается гора Хамар-Даба. Примерно в 20 км севернее ее на самом речном берегу находится другая возвышенность, но уже пониже — гора Баин-Цаган.

Рельеф местности на берегах Халхин-Гола был всюду одинаков: песчаные бугры и барханы, обширные ямы глубиной до 40 метров, глубокие ложины. Здесь удобно было зарываться пехотинцам в землю, прятать боевую технику и ставить на закрытую позицию артиллерийские батареи. Но движение танков, бронемашин, грузовых автомобилей крайне затруднялось песками.

Долина реки Халхин-Гол представляла собой сильно заболоченную равнину шириной от одного до трех километров. Ширина самой реки достигала 130 метров при глубине местами до двух метров и сильном течении. Боевую технику на восточный берег Халхин-Гола можно было перебрасывать только по наведенным паромным переправам. Для конницы были удобные броды.

Монгольская территория к востоку от реки простиралась на 20 км и имела ширину по фронту 60–70 км. На этом сравнительно небольшом участке и разыгрались основные боевые события летом 1939 г.

В последних числах мая непосредственно в районе пограничного конфликта находилось: советско-монгольских войск — 668 штыков, 260 сабель, 8 пулеметов, 20 полевых артиллерийских орудий и 39 бронемашин. Остальные силы находились в районе города Тамцак-Булак и пока к государственной границе не выдвигались. Японо-маньчжурские войска имели в своем составе 1676 штыков, 900 сабель, 32 пулемета, 18 орудий, один танк и 6 бронемашин.

После того, как 15 мая японская авиация бомбовым ударом разрушила 7-ю погранзаставу, части 6-й кавалерийской дивизии (два полка, сводный кавалерийский дивизион, артиллерийский дивизион) вместе с взводом разведки отряда старшего лейтенанта Быкова выступили к горе Хамар-Даба.

22 мая старший лейтенант Быков по приказу командира 57-го особого корпуса выслал на восточный берег Халхин-Гола взвод разведки, который был обстрелян японцами. Тогда части 6-й монгольской кавалерийской дивизии и советский

сводный отряд, переправившись через реку, к 28 мая заняли оборонительную позицию в 10 км от государственной границы.

Японское командование, со своей стороны, подтянуло к линии государственной границы у реки Халхин-Гол свою группу войск из состава 23-й пехотной дивизии. В нее входили часть 64-го пехотного полка, разведывательный отряд дивизии под командованием подполковника Адзума, моторизованная рота, 8-й кавалерийский полк и часть 1-й и 7-й кавалерийских бригад баргутской конницы. Группой командовал командир 64-го полка полковник Ямогато.

Японцы перешли в наступление на рассвете 28 мая. Тяжелый бой продолжился на следующий день, и японцам пришлось отойти на исходные позиции, т.е. за черту государственной границы.

Среди захваченных трофеев наиболее ценным оказалось содержимое машины подполковника Адзума. Это была топографическая карта района боевых действий на Халхин-Голе с четко обозначенной государственной границей МНР и Маньчжоу-Го и боевой обстановкой, расположением японских войск. Штабная карта свидетельствовала о том, что бои велись на монгольской территории. На Токийском процессе в январе 1948 г. трофейная карта станет неопровержимым документальным свидетельством японской агрессии против Монгольской Народной Республики.

На суше весь июнь боевых столкновений не происходило. Зато в небе шла настоящая воздушная война. Первоначально преимущество было на стороне японцев: их летчики имели боевой опыт войны в Китае. Но когда в МНР срочным порядком прибыла группа советских летчиков, имевших опыт боев в Испании, ситуация изменилась.

В Москве стало ясно, что командование 57-го особого стрелкового корпуса со своими обязанностями не справляется и ситуацию «в руках держать не может». Поэтому народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) Б. М. Шапошников решили послать на Халхин-Гол «группу усиления» во главе с комдивом Г. К. Жуковым, заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. В округе он отвечал за боевую подготовку кавалерии и отдельных танковых бригад, т.е. тех родов сил, которые действовали в районе конфликта. Сталин одобрил назначение.

К тому времени Жуков уже зарекомендовал себя как весьма способный, смелый, творчески и нестандартно мыслящий

человек. На Халхин-Гол он прибыл с назначением командиром 57-го особого корпуса. 12 июня Ворошилов получил из Тамцак-Булака коротенькую шифровку: «Командование корпусом сдал комдиву Жукову. Фекленко»⁷.

Изучив на месте ситуацию, Жуков справился с поставленной задачей. Исходя из того, что противник будет стремиться использовать имеющиеся у него преимущества и попытается уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу Халхин-Гола, он счел целесообразным перейти к активной обороне. Жуков решил, прочно удерживая позиции на восточном берегу реки, подготовить сильный контрудар по противостоящим японским войскам. Но для этого требовалось усилить свою войсковую группировку в районе конфликта.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» писал: «Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск. Нам приходилось завозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650–700 километров...»

Переломным моментом в воздушной войне над Халхин-Голом можно считать бой 22 июня. Самолетную армаду Японии возглавлял известный ас Фукуда Такео, чье имя не сходило со страниц мировой прессы во время войны в Китае. Однако в первые минуты боя в небе Монголии его сбил молодой советский летчик Виктор Рахов. Фукуда Такео выбросился с парашютом из горящего самолета и приземлился на земле МНР. Японский летчик на земле пытался застрелиться, но был взят в плен.

В тот день японцы потеряли 31 самолет, а их противник — всего 12 машин. Впоследствии старший лейтенант В. Г. Рахов стал одним из самых известных асов боев на Халхин-Голе, сбив 8 вражеских самолетов лично и еще 6 в группе. За воздушные победы ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Жуков дал самую высокую оценку действиям советских летчиков — «сталинских соколов».

Японское командование решило повторить вторжение в приграничный район Монголии. 2 июля в районе ведения боев находилось 13 тысяч штыков японо-маньчжурских войск, около 4500 человек кавалерии, 60 артиллерийских орудий калибром 75 мм и выше, 98 противотанковых орудий, 164 пулемета, 130 танков

---

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 37. Л. 188.

и 6 бронемашин. Были созданы ударные войсковые группы под командованием генералов Ясуоки и Кобаяси.

Организационно эти силы составляли: вся 23-я пехотная дивизия (64-й, 71-й и 72-й пехотные полки, 23-й кавалерийский полк), часть 7-й пехотной дивизии (26-й пехотный полк и часть 28-го), 3-й и 4-й танковые полки, Хинганская кавалерийская дивизия (три полка и полк баргутской конницы), два артиллерийских полка и другие части.

Японскую группировку прикрывали с воздуха пять авиационных эскадрилий, в составе которых имелось 225 истребителей и бомбардировщиков. Их пилотировали лучшие летчики императорской Квантунской армии.

Общее руководство группировкой осуществлял генерал-лейтенант Митинаро Камацубара, бывший военный атташе Японии в Москве в 1927 г. Он считался большим специалистом по Красной Армии. В помощники ему были присланы командующие авиацией и артиллерией Квантунской армии. Камацубара был настолько уверен в успехе предстоящей наступательной операции, что в приказе специально оговорил, что его штаб будет двигаться в составе главных сил на гору Баян-Цаган.

К этому времени штабом Квантунской армии был разработан план новой пограничной операции под наименованием «Второй период номонханского инцидента». По своему содержанию он был идентичен неудачной майской операции: создание сильной группировки на правом фланге с целью окружения и уничтожения войск противника на восточном берегу реки Халхин-Гол. Однако на сей раз задача ставилась гораздо шире.

Под непосредственным командованием генерал-лейтенанта Камацубары находилась группировка японских войск численностью в 38 тыс. человек. Штаб располагался в Джинджин Сумэ. Приказ Камацубары № 105 от 15 часов ровно 30 июня 1939 г. гласил:

«1. Противник, находящийся в долине реки Халхин-Гол, уже потерял боевой дух, и наступил удобный момент для его уничтожения.

2. Дивизия своими главными силами форсирует реку Халхин-Гол с целью захвата и уничтожения противника, перешедшего границу»⁸.

Советско-монгольские войска в финале боев на Халхин-Голе непрерывно наступали в течение десяти суток. Японская авиация

---

⁸ См.: Шишов А. В. Указ. соч. С. 492–493.

полностью потеряла господство в воздухе. Генерал-лейтенант Камацубара и его штабисты не понимали, что происходит и где противником наносится главный удар. Это подтверждается приказами японского командования в те дни: его решения не успевали за быстро меняющейся обстановкой на поле боя.

Командующий 6-й японской армией генерал Оогоси Риппу реального положения дел не знал и ситуацией на Халхин-Голе не владел. Не случайно же в его обращении от 5 сентября было сказано следующее: «...Благодаря смелым и решительным действиям всех частей, руководимых генерал-лейтенантом Камацубарой, хаос в ходе боя принял меньшие размеры»⁹.

Комкор Г. К. Жуков имел гораздо меньшие силы. Они состояли из 3500 штыков и около одной тысячи сабель советско-монгольских войск, 36 артиллерийских орудий калибром 75 мм и выше, 152 пулемета, 186 танков и 266 бронемашин. С территории Забайкальского военного округа прибывали новые войска. Японцы на то время имели преимущество и в авиации.

За день до начала наступательной операции японская авиация прекратила свои полеты. Но это не ввело в заблуждение советские войска на переднем крае, а, наоборот, насторожило их. Под вечер, когда спала дневная жара, японская артиллерия открыла сильный огонь по позициям противника.

2 июля японская группировка вновь перешла в наступление. В ночь на 3-е июля войска генерала Кобаяси форсировали реку Халхин-Гол на лодках, плотках и даже вплавь и захватили на ее западном берегу гору Баян-Цаган, которая находилась в 40 км от границы Маньчжоу-Го. Стоявший здесь заслоном монгольский кавалерийский полк был уничтожен после короткого и ожесточенного боя.

Японцы сразу же начали укреплять Баян-Цаган фортификационными сооружениями и сосредотачивать здесь свои главные силы. Саперы строили блиндажи, а пехотинцы рыли одиночные круглые окопы. По крутым склонам на вершину горы втаскивались артиллерийские орудия, в том числе противотанковые пушки.

За день приграничная вершина превратилась в опорный пункт японцев. Горе Баян-Цаган суждено было стать ареной ожесточенных и кровопролитных боев с 3 по 5 июля, в которой советско-монгольские войска продемонстрировали образец ведения активной обороны.

---

⁹ РГВИА. Ф. 3472. Оп. 1. Д. 11. Л. 37–48.

Японское командование рассчитывало силами вспомогательной группы войск нейтрализовать с фронта войска противника, оборонявшиеся на восточном берегу Халхин-Гола. А силами переправившейся через реку ударной группировки, опираясь на господствовавшую над местностью гору Баян-Цаган, ударить в тыл оборонявшихся, отрезать и уничтожить их.

На восточном берегу Халхин-Гола начались жаркие бои. Первоначальный успех был на стороне атакующих японцев, которые наступали силами двух полков пехоты и двух танковых полков (130 танков). Здесь им противостояли полторы тысячи красноармейцев и две монгольские кавалерийские дивизии (3,5 тыс. конников), одна мотобригада. Однако благодаря успешным действиям советских артиллеристов и летчиков в первый день боев у Баян-Цагана было сожжено более 30 японских танков.

Положение для оборонявшихся складывалось критическое, но на выручку поспешил заблаговременно созданный Г. К. Жуковым подвижный резерв. Не давая японцам времени на организацию дальнейших наступательных действий, Жуков со всей решительностью, не дожидаясь подхода стрелкового полка сопровождения (мотопехоты), бросил в бой прямо с марша находившуюся в резерве 11-ю танковую бригаду комбрига М. П. Яковлева, которую поддержал монгольский бронедивизион, вооруженный 4-мм пушками.

Принимая такое рискованное, волевое решение, Жуков столкнулся во мнениях с командармом Г. М. Штерном, старшим среди советского командования в МНР. Тот, исходя из положений Боевого устава РККА, считал, что танки на укрепленные полевые позиции неприятеля без поддержки посылать нельзя, и требовал дождаться подхода стрелкового полка сопровождения. Однако Жуков настоял на своем и впоследствии Штерн признал, что в той ситуации принятое решение оказалось единственно правильным.

Атака танковой бригады у горы Баян-Цаган производилась при поддержке артиллерии. Японцы были опрокинуты, а их разгром довершили 24-й мотострелковый полк полковника И. И. Федюнинского и 7-я мотобронева бригада полковника А. Л. Лесового. В этих боях особенно отличился 149-й стрелковый полк майора И. М. Ремизова.

Бои за гору приняли самый ожесточенный характер. С обеих сторон в них участвовало более 500 танков и бронемашин, до 400 артиллерийских орудий. Орудийный огонь велся прямой

наводкой. В небе над Баян-Цаганом в отдельные моменты находилось до 300 самолетов с обеих сторон.

В ходе трехдневных боев японские войска, которые участвовали в форсировании Халхин-Гола, были уничтожены или отброшены на восточный берег реки. К вечеру 4 июля японцы удерживали только вершину Баян-Цагана — узкую полосу местности в пять километров длиной и два километра шириной. На этот участок были стянуты все силы японцев, перешедших на западный речной берег. Бои на Баян-Цагане не утихали весь вечер и всю ночь.

Под утро 5 июля японские войска дрогнули и, несмотря на категорические приказы своих командиров драться до последнего, начали отступать с горной вершины по крутым скатам к берегу. Тогда японское командование предприняло последнюю отчаянную попытку заставить солдат сражаться до последнего патрона на линии окопов: саперам приказали взорвать единственный понтонный мост через Халхин-Гол.

Началось повальное отступление — бросая личное оружие и боевую технику, японцы пытались переправиться на противоположный берег кто как может. Все это происходило под огнем противника. Многие бежавшие с Баян-Цагана нашли свою гибель в быстрых водах Халхин-Гола, особенно раненые, которые оказались не в силах справиться с речным течением.

К утру 5 июля сопротивление японцев на западном берегу Халхин-Гола было сломлено. На горных склонах погибло более 10 тыс. неприятельских солдат и офицеров. Остатки японских войск бежали на противоположный берег реки. Они потеряли почти все танки и большую часть артиллерии. Все последующие действия в пограничном конфликте происходили на суше, на восточном берегу Халхин-Гола.

В своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал, что японские войска после этих боев «больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халхин-Гол»¹⁰.

Чтобы ликвидировать пограничный конфликт и восстановить государственную границу МНР, требовались кардинальные меры. Жуков приступил к подготовке наступательной операции, целью которой был полный разгром японской группировки, находившейся на монгольской территории.

---

¹⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 170.

Советское руководство усиливает группировку своих войск: 7-й особый корпус разворачивается в 1-ю армейскую (фронтовую) группу. Ее командующим назначается комкор Г. К. Жуков. Учреждается военный совет армейской группы в составе ее командующего, дивизионного комиссара М. С. Никишева и начальника штаба комбрига М. А. Богданова. Из Московского военного округа прибывает 37-я танковая бригада, имевшая на вооружении танки БТ-7. На территории Забайкальского военного округа проводится частичная мобилизация и формируются 114-я и 93-я стрелковые дивизии.

Первыми возобновили активные действия японцы. Ночью 8 июля они повели наступление на восточном берегу Халхин-Гола, повторяя ночные атаки еще несколько раз. К 13 июля оборона советско-монгольских войск на восточном берегу реки была восстановлена и усилена. 23 июля японские войска после сильной артиллерийской подготовки вновь атаковали, но пробиться к берегу реки не смогли: обороняющиеся сохранили за собой выгодный рубеж для наступления.

Весь июль в небе над Халхин-Голом шли упорные воздушные бои. С 21 по 26 июля японская авиация потеряла 67 самолетов, советская — 20 машин. Такое соотношение стало возможным во многом благодаря изучению тактики ведения боя вражеских асов, возросшему мастерству и взаимовыручке советских летчиков-истребителей.

К началу главных событий военного конфликта на Халхин-Голе жуковская 1-я армейская группировка советско-монгольских войск имела в своем составе около 57 тыс. человек, 42 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин и 515 боевых самолетов.

Ей противостояла специально сформированная императорским декретом от 6 августа японская 6-я отдельная армия (входила в состав Квантунской армии) под командованием генерал-лейтенанта Огису Риппо. Она имела в своем составе (вместе с частями усиления) более 7 тыс. человек, 500 артиллерийских орудий, 182 танка, 500 самолетов. Большая часть этих войск имела опыт войны в Китае. Армия была хорошо обеспечена материально.

Организационно 6-я армия состояла из 7-й и 23-й пехотных дивизий, полностью укомплектованных по штатам военного времени, отдельной пехотной бригады, 7 артиллерийских полков, 2 танковых полков, маньчжурской бригады, 3 полков баргутской конницы, 2 инженерных полков и других частей боевого обеспечения.

Командующий 1-й армейской группой разделил свои войска на три группы — Южную, Северную и Центральную. Главный удар наносился первой из них — Южной — под командованием полковника М. И. Потапова. Вспомогательный удар наносила Северная группа полковника И. П. Алексеенко. Центральной группе комбрига Д. Е. Петрова ставилась задача сковать силы японцев на линии фронта и не дать их командованию сманеврировать войсками на фланги, которые подвергались сильной атаке.

В резерве находились 2120-я авиадесантная и 9-я мотоброневая бригады и танковый батальон. Резерв армейской группы сосредоточился у горы Хамар-Даба. Непосредственное участие в этой операции из состава войск МНР приняли 6-я и 8-я кавалерийские дивизии (около 2260 конников).

Наступление советско-монгольских войск началось 20 августа. Как стало известно, японское командование спланировало собственное наступление, назначенное на 24 августа. Удар войск Г. К. Жукова, ко всему прочему, получился еще и упреждающим вражеский замысел. Наступление было назначено в воскресный день, когда генерал Огису Риппо разрешил многим своим генералам и старшим офицерам убыть из армии в воскресный отпуск.

По плану операции, действовать разрешалось только в пределах территории МНР, без нарушения ее границы с Маньчжоу-Го.

Наступление началось с мощных ударов авиации и почти 3-часовой артиллерийской подготовки. Наступление развивалось успешно, только на центральном участке фронта атакующим за первый день удалось продвинуться вперед на один километр: здесь у японцев имелись хорошо оборудованные фортификационные сооружения.

Уже 21 и 22 августа японцы, придя в себя, повели тяжелые оборонительные бои. Особенно стойко они держались в районе Больших Песков и у высоты Фуи. Жуков ввел в сражение резервную мотоброневую бригаду. В небе не прекращались воздушные бои, в которых японская авиация только за два дня — 24 и 25 августа — потеряла около 70 самолетов.

Жуковский план операции был реализован удачно. Командование японской 6-й армии так и не смогло определить направление главного удара противника и оказать поддержку своим войскам, оборонявшимся на флангах. К исходу дня 27 августа бронетанковые и механизированные войска и части Южной и Северной групп советско-монгольских войск соединились и завершили полное окружение японской группировки. После этого до 31 августа началось ее дробление отсекающими

ударами и уничтожение по частям. Последние схватки произошли на участке севернее реки Хайлыстын-Гол. К вечеру 31 августа стихли последние выстрелы на монгольской земле: ни одного японского военнослужащего на ней больше не осталось.

Командование Квантунской армии предприняло несколько безуспешных попыток деблокировать свои войска, окруженные в районе Халхин-Гола. После 26 августа генерал К. Уэда прекратил попытки прорвать кольцо «халхингольского котла», смирившись с неизбежностью гибели окруженных японских войск.

4 и 8 сентября японские войска предприняли новые попытки вторжения на территорию МНР. Они были отброшены за линию государственной границы сильными контрударами советских войск. Воздушные бои продолжались вплоть до заключения официального перемирия. Только 2, 4, 14 и 15 сентября японская авиация в воздушных боях потеряла 71 самолет, а советская авиация — 18 машин. Высшее командование Квантунской армии в полном составе было вынуждено уйти в отставку.

За время боев на Халхин-Голе японцы потеряли около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, в том числе около 45 тыс. в июле — августе. Число убитых исчислялось почти в 25 тыс. человек. Потери составили не менее 73% от общего числа военнослужащих, участвовавших в боевых действиях. В воздушных боях было сбито 660 японских самолетов. Императорская 6-я армия утратила почти всю свою боевую технику¹¹.

Но и потери советских войск были велики. С мая по сентябрь они потеряли 9703 убитыми и умершими от ран во время эвакуации и 15 952 человека ранеными¹². Советская авиация потеряла в воздухе и на земле 207 самолетов.

Через своего посла в Москве С. Того правительство Японии обратилось к правительству СССР с просьбой о прекращении военных действий на границе Монголии и Маньчжоу-Го. 15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день.

События на Халхин-Голе, пик которых пришелся на май — август 1939 г., стали прелюдией Второй мировой войны. В развернувшемся кровопролитном сражении с обеих сторон участвовали

---

¹¹ Военная энциклопедия. В 8 т. М., 2004. Т. 8. С. 310.

¹² Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 158–159.

десятки тысяч человек, поддержанные крупными силами танков и авиации. Потери в живой силе были сравнимы или превышают число убитых и раненых при захвате в том же году нацистской Германией соседней Польши.

Германский посол в Токио Э. Отт телеграфировал 7 июня в германский МИД: «Вечером 5 июня послу Осиме (японскому послу в Берлине. — *А.Ш.*) направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна быть готовой автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии». Аналогичного обязательства японцы на основе взаимности ожидали от немцев.

Советский разведчик Р. Зорге в донесении от 24 июня Генеральному штабу РККА «дополнил» сообщение Отта: в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против Советского Союза; в случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также в автомате присоединяется к Риму и Берлину; если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), Япония будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия против англичан и французов начнет в зависимости от общей обстановки. Если, однако, интересы «тройственного союза» потребуют этого, то Япония вступит в войну немедленно¹³.

Для того чтобы в необъявленную войну на Халхин-Голе вступили союзники Японии по «тройственному союзу», Токио надо было вооруженный конфликт на границе Монголии и Маньчжоу-Го назвать войной с МНР и Советским Союзом. Но этого не случилось.

---

¹³ Нарочницкая Н. А. К предыстории Пакта о ненападении между СССР и Германией // Партитура второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 79–80.

Литература

- Военная энциклопедия. В 8 т. М., 1975. Т. 1. С. 170.
- Дайнес В. О. Жуков. Рожденный побеждать. М., 2008.
- Действия 1 армгруппы в Халхингольской операции (май – сентябрь 1949 г.). М., 1940.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 1975.
- Захаров Г. В. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., 1990.
- История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. М., 1974.
- Коломиец М. Танки на Халхин-Голе. Необъявленная война Сталина. М., 2013.
- Нарочницкая Н. А. К предыстории Пакта о ненападении между СССР и Германией // Партитура второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.
- Ревдангийн Болд. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол. М., 2019.
- Рагинский М., Розенблит С. Международный процесс главных японских преступников. М., – Л., 1950.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГ-ВИА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37; Ф. 3472. Оп. 1. Д. 11.
- Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.
- Халхин-Гол. Новый взгляд через полвека. М., 1990.
- Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2000.

Глава 22*

ПЕРЕГОВОРЫ ВОЕННЫХ КОМИССИЙ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИХ И ЯПОНО- МАНЬЧЖУРСКИХ ВОЙСК: 27–16 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

Переговоры представителей военных командований двух сторон были обусловлены задачей реализации Соглашения, заключенного в Москве народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и послом Японии в СССР С. Того о прекращении огня на Халхин-Голе.

Как известно, после 11 сентября, когда советско-монгольское командование готовилось к наступлению с целью освободить занятый противником район Мана-Улы и Нумругин-гол, в Москве начались переговоры между СССР и Японией. Согласно указаниям из Токио начать переговоры с советской стороной, 9 сентября 1939 г. японский посол С. Того встретился с народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и сообщил о готовности нового правительства Японии решить назревшие проблемы взаимоотношений двух стран. Следующие встречи состоялись 10 и 14 сентября. Тщательно обсудив проекты Соглашения каждой из сторон, 15 сентября С. Того и В. М. Молотов пришли к следующим договоренностям:

- с 16 сентября в 2 часа по московскому времени прекращаются всякие военные действия;
- японо-маньчжурские и советско-монгольские войска остаются на занимаемых ими 15 сентября в 13 часов по московскому времени линиях;
- представители войск обеих сторон на месте немедленно приступают к исполнению этих указаний;
- на месте договариваются между собой об обмене пленными и трупами и приступают к выполнению;
- организовать в ближайшее время комиссию по уточнению границы МНР и Маньчжоу-Го из двух представителей с каждой стороны¹.

---

* Автор главы — Хишигт Норовсамбуу.

¹ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. В 2 ч. Москва – Улан-Удэ, 2008. Часть 2. С. 248.

Приказом наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова и начальника Генштаба Б. М. Шапошникова от 15 сентября 1939 г. в 18.25 мин. по шифру за № 179/ш. о достигнутом Соглашении срочно сообщалось командованиям Фронтовой и 1-й Армейской групп: Чита – Штерну, Бирюкову, Хамар дабан – Жукову и Никишеву, где указывалось:

– с 2 часов московского времени 16 сентября прекратить всякие военные действия, разведывательную деятельность в воздухе и на земле;

– немедленно довести приказ до сведения личного состава как находящегося на первой линии, так и в ближнем тылу;

– в случае, если японские войска будут продолжать военные действия, действовать с прежней силой;

– быть в полной готовности к отражению японской провокации.

Относительно 4-го пункта Соглашения по обмену пленными и трупами было сказано дать дополнительные указания².

По получении приказа, согласно 3-му пункту Соглашения, были созданы военные комиссии представителей советско-монгольских и японо-маньчжурских войск: *советско-монгольские войска* представляли заместитель командующего 1-й Армейской группы, комбриг М. И. Потапов, начальник политотдела П. И. Горохов и начальник Генштаба МНРА, комдив Ж. Цэрэн, *японо-маньчжурские войска* – начальник штаба 6-й армии, генерал-майор Фудзимото, полковник Кусунаки, полковник Хамада, подполковник Танака и майор Нимура.

Переговоры и встречи проходили на нейтральной полосе между расположениями советско-монгольских и японо-маньчжурских войск, в 8 км к юго-востоку от Номон хан Бурд Обо, в палатках, подготовленных японской комиссией. С японской стороны находилось более 50 человек, в том числе охрана, корреспонденты и фотографы. При этом в документах не нашлось упоминаний о представителях маньчжурских войск в составе японской комиссии.

---

² Там же. С. 82–83.

Фото № 1. Председатели военных комиссий: заместитель командующего 1-й Армгруппы, комбриг М. И. Потапов и генерал-майор Фудзимото

Относительно советско-монгольской стороны в документах и материалах названы в основном 3 фамилии, хотя в кратком докладе члена советско-монгольской военной комиссии, начальника Генштаба МНРА, комдива Ж. Цэрэна, отмечалось, что помимо председателя и членов комиссии находились и «другие», но кто именно — не указали³. Как нам известно, протоколы переговоров вел писатель В. Ставский⁴, работали также корреспонденты газеты «Героическая красноармейская» 1-й Армгруппы — К. М. Симонов и Д. И. Ортенберг⁵.

В докладе начальника штаба Фронтальной группы начальнику Генштаба РККА отмечалось, что 16 сентября 1939 г. в районе боевых действий было спокойно, в этот день советско-монгольская комиссия, по получении от командований Фронтальной и 1-й Армгрупп подробных инструкций о месте встречи и принятии уполномоченных представителей японских войск, между 14.00 — 15.00 часами отправила полковника Галанина с поручением сообщить японской стороне о прекращении огня и договориться по техническим вопросам о начале переговоров⁶.

³ Монгол улсын Батлан хамгаалахын төв архив (Центральный архив Обороны Монголии — ЦАОМ). Ф. 1, Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 2–3.

⁴ Халхын голын дайн: Нэгэн жарны тэртээд. Баримт бичгийн эмхтгэл (Война на Халхин-Голе: 60 лет тому назад: сб. док. Улаанбаатар, 1999. Тал. 565.

⁵ Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014. С. 61–79.

⁶ Халхын голын дайн: Нэгэн жарны тэртээд. Баримт бичгийн эмхтгэл. Тал. 532.

Часть III. Победа на Халхин-Голе на весах истории

На следующий день, 17 сентября, в 16.00 часов председатель и члены советско-монгольской комиссии встретились с членом японо-маньчжурской комиссии подполковником Танака и обговорились начать переговоры с 18 сентября.

*Фото № 2,3. Вид места переговоров.
Из документального фильма «Халхин-Гол». Москва. 1940.*

В Центральном архиве Обороны Монголии хранится Краткий доклад члена советско-монгольской военной комиссии, начальника Генштаба МНРА, комдива Ж. Цэрэна премьер-министру МНР маршалу Х. Чойбалсану о ходе переговоров с описанием обстановки и изложением итогов каждой из встреч.

Согласно докладу, в период с 17 по 27 сентября, за исключением трех дней – 24, 25 и 26 сентября – военные представители провели 7 встреч, на которых должны были решить все основные вопросы Соглашения: прекращение огня по всему фронту боевых действий, установление передних линий расположения войск

сторон, определение процедуры по обмену военнопленными и собиранию трупов с места боевых действий и др. Рассмотрим ниже каждый из них в отдельности:

Фото № 4. Начальник Генштаба МНРА, комдив Ж. Цэрэн

1. Прекращение военных действий

На первом заседании, начавшемся 18 сентября 1939 г., военные представители, руководствуясь решениями своих правительств и военных командований, согласовали между собой следующие вопросы:

- с 16 сентября в 7 часов по улан-баторскому и в 8 часов – по японскому времени – прекратить всякие военные действия;
- наземные силы остаются на занятом ими 15 сентября в 13.00 часов по московскому времени расположении, не принимать никакие действия к движению вперед и не привлечь силы с тыла;
- воздушные силы не должны приближаться к границам в 10 км и также летать ниже 500 м.

К исполнению последнего вопроса приступили немедленно. Вслед за ним стоял вопрос об установлении передних линий расположения войск двух сторон, которые военные комиссии условились нанести на картах, а затем обменяться между собой. Все вышесказанное японо-маньчжурская комиссия хотела отразить в Протоколе, о чем было заявлено на встрече 21 сентября. Однако в документах не обнаружено составление и подписание такового Протокола.

2. Обмен картами с отметками передней линии расположения войск

Донесения и рапорты советско-монгольской комиссии показывают, что из представленных на обсуждение вопросов в центре внимания находился обмен картами с нанесением линий расположения передовых частей советско-монгольских и японо-маньчжурских войск.

На очередной встрече, 20 сентября 1939 г., председатель советско-монгольской комиссии предложил обменяться картами, которые стороны взяли для проверки и уточнения нанесенных на них отметок. На следующий день разговор между сторонами шел о японской карте, где оборонительная линия расположения некоторых частей ее войск была отодвинута от занимаемого ими места к границам МНР. Об этом в срочном донесении Г. М. Штерна и Г. К. Жукова наркому обороны К. Е. Ворошилову, отправленном в тот же день, 21 сентября, говорилось, что «... на японской карте расположение передней линии японцев значит по восточному берегу р. Нумругин-гол и всю территорию восточнее от нее японцы считают своею,

... кроме того, стремясь закрепить за собой 1000 кв. метров монгольской территории восточнее р. Нумургин-гол и включить ее в территорию Маньчжоу-Го, японская комиссия начала говорить о “треугольнике” юго-восточных скатов Хараат-Улан обо, Эрис-Улын обо и отметки 828, с тем чтобы передвинуть свои войска на эту линию»⁷. Японская комиссия требовала закрепить это Протоколом. Надо сказать, что подобные действия со стороны японского командования отмечались не раз.

Представитель МНРА, начальник Генштаба Ж. Цэрэн, в своем докладе маршалу Х. Чойбалсану писал, что «... на картах,

---

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383. Л. 60–61.

врученных японской комиссией, название реки было обозначено по-разному: река Нумругин-гол на одной карте указана как Халха-Нумругин-гол, на другой написана как Халхин-Гол, и на требование советско-монгольской комиссии дать объяснение такового японцы говорили, что карта, где р. Нумругин-гол указана как Халхин-Гол, является старой картой, а карта с обозначением Халхи-Нумругин-гол — новая, которой они придерживаются»⁸. Таким образом, отметки на картах японской комиссии явно искажали действительное положение границы МНР. «Однако в условиях, когда советско-монгольская комиссия не была надедена полномочиями обсудить пограничные вопросы, — писал Ж. Цэрэн, — она оставила отметки на японских картах как есть».

В такой обстановке представители советско-монгольских войск докладывали высшему руководству о каждом раунде переговоров и получали указания ограничиться лишь районом боевых действий при установлении передовых линий расположения войск и объяснять представителям японо-маньчжурской комиссии, что работа по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-Го будет составлять компетенцию другой комиссии.

На встрече 23 сентября данный вопрос не обсуждался, а 24, 25, 26 сентября переговоры не состоялись. Поэтому на повестке дня последней встречи, состоявшейся 27 сентября 1939 г., обмен картами был поставлен первым вопросом. Но дело не сдвинулось с места из-за споров, возникших между сторонами. Причиной тому служило требование японо-маньчжурской комиссии нанести на карту все территории, занимаемые войсками двух сторон на восточных рубежах МНР, т.е. независимо от того, происходили или не происходили на них военные действия. Советско-монгольская же комиссия твердо придерживалась позиции отметить только районы боевых действий от Эрис-Ула Обо до оз. Буир-нур⁹. Не придя к обоюдному согласию, японо-маньчжурская комиссия предложила прекратить работу по обмену картами и воздержалась составить акт по данному вопросу.

При этом, к большому сожалению, земли восточных берегов р. Нумругин-гол, которые испокон веков были территорией Монголии, остались в расположении японо-маньчжурских войск. По этому поводу комбриг М. А. Богданов в своем рапорте народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

⁸ ЦАОМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 8.

от 4 ноября 1939 г. подчеркнул, что «... в период перемирия японцы, находясь на территории МНР, поставили свои посты от Высоты на восточном берегу р. Нумругийн-гол до устья Безымянной речки, в 32 км-ах вперед от ее устья,... район р.Нумругийн-гол никогда не был спорной территорией между МНР и Маньчжоу-Го, он испокон веков принадлежал Монголии, и там никогда не было каких-либо инцидентов, тем более Номонханские события не охватили этот район.

Соглашение о перемирии стало перекрытием новых провокаций со стороны японцев»¹⁰.

3. Работа по собиранию трупов японских солдат

Процедура проведения данной работы была детально обсуждена 19 сентября 1939 г. Японская комиссия, сообщив, что в зоне расположения монголо-советских войск находится около 5000 тел японских солдат и офицеров и плюс к этому еще 80 японских лётчиков на правом берегу р. Халхин-Гол, внесла предложение собирать их своими силами, что «по самурайскому и японскому религиозному обычаям является проявлением высокой чести и уважения погибшим»¹¹. В связи с этим последовала просьба передать личные вещи покойных — таблички с номерами и штыки, записные книжки и др.

Советско-монгольская комиссия вначале отказалась от такого предложения и заявила, что работа будет выполняться с ее стороны и передача тел погибших будет производиться на нейтральной полосе. Однако на следующий день представители комиссии передали, что Советское правительство и Верховное военное командование, «... не нарушая обычай и религию японского народа и следуя дружественным отношениям», принимают предложения японской стороны и предложили свой вариант процедуры: 1) безоружные японские солдаты будут допущены в двух местах: в зоне советско-монгольских войск будут работать 10 команд в составе 20—100 чел. с 5—20 грузовиками в каждой, а на правый берег р. Халхин-Гол и близлежащие места оз. Буир-нур — до 6 автомашин; 2) на указанных местах команды будут выполнять свою работу в течение 5 суток по инструкции советско-монгольской стороны; 3) при проникновении в зоны автомашины должны пройти проверку; 4) за время работы в расположении советско-монгольских войск строго

---

¹⁰ Халхын голын дайн: Нэгэн жарны тэртээд. Баримт бичгийн эмхтгэл. Тал. 541.

¹¹ ЦАОМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед.хр. 31. Л. 4—5.

запрещалось фотографировать и делать чертежи местностей, ходить по военным укреплениям, окопам и блиндажам.

Фото № 5, 6. Кадры из документального фильма «Халхин-гол»

Для обсуждения предложенной процедуры японская комиссия взяла перерыв и через 40 мин. выразила свое согласие в том, что японские команды будут работать с 23 по 27 сентября 1939 г. ежедневно с 9 утра до 18 часов вечера и завершат работу в течение 5 суток, после чего передача трупов будет производиться по актам, назначенными лицами с обеих сторон. Со стороны советско-монгольской комиссии было внесено предложение собирать трупы убитых солдат на нейтральной полосе в течение 22–24 сентября силами безоружных команд с обеих сторон¹², что приветствовалось японской комиссией. Следует заметить, что военные комиссии весьма чётко

¹² Там же. 6.

действовали: в целях подготовки к работе в зоне монголо-советских войск был произведен предварительный эксперимент, по итогам которого с учетом условий работы была удовлетворена просьба японской стороны увеличить количество транспортных средств по одному автомобилю для каждой команды и одного грузовика для получения трупов лётчиков. Вместе с тем на встрече 23 сентября японской стороне было отказано дать до 5 офицеров каждой команде, а вместо того решили назначить постоянных представителей по одному человеку с каждой стороны для координации возникших проблем.

23 сентября началась транспортировка тел погибших из нейтральной полосы.

По данным 27 сентября, японской стороной были собраны 5800 тел, а на следующий день в местности Арбулак, к западу от оз. Буир-нур, были еще откопаны трупы маньчжурских войск, в связи с чем в документах сказано, что цифры могут увеличиться. По данным последних исследований, в частности в книге Р. Болда, указана цифра — 6281¹³.

4. Обмен военнопленными

Детальное обсуждение этого вопроса началось на второй день переговоров — 19 сентября. Японская комиссия заявила, что у них находится около 50 советских военнопленных. При этом она, мотивируя тем, что пленные находятся далеко в тылу их войск, не предоставила именной список. Советско-монгольская комиссия также не сообщила о том, сколько людей из японо-маньчжурских войск находятся в плену. Судя по документам, на встречах 19, 20, 21, 22, 23 сентября сторонами еще не были предоставлены списки военнопленных, что, видимо, было связано с незавершенностью окончательных данных у каждой из них. Тем не менее была согласована процедура обмена: провести обмен из расчёта «один на одного» и транспортировку тяжелораненых на самолетах, а легкораненых и других — на автомашинах.

27 сентября 1939 г. в 18 часов вечера состоялся обмен пленными. Японской комиссией были переданы 88 пленных, в том числе 11 монгольских воинов, а советско-монгольской стороной — 64 человека. Из них 32 человека к месту переговоров были

---

¹³ Болд Р. Необъявленная война: военно-дипломатическая история сражений у реки Халхин-Гол. М., 2019. С. 426.

перевезены на двух самолетах, остальные – на автомашинах¹⁴. При этом советско-монгольская сторона передала пленных японцев чистенькими, одев их в новое обмундирование, захваченное у них самих, в то время как возвращенные из японского плена советские военнопленные были плохо одеты, переутомлены и оборваны¹⁵.

На этом завершилась работа военных комиссий, которые, за исключением решения вопроса по обмену картами, выполнили свои задачи.

Благодаря пониманию сторонами важности дела и ответственному исполнению возложенных на них обязанностей переговоры между военными представителями советско-монгольских и японо-маньчжурских войск шли в нормальной обстановке. 20 сентября по предложению генерал-майора Фудзимото была сделана коллективная фотография военных комиссий, а вечером того же дня, в 18.30 часов, председатель советско-монгольской комиссии М. И. Потапов пригласил японских участников на чай. На приеме, длившемся более 20 мин. в дружественной обстановке, присутствовали 6 человек во главе с генерал-майором Фудзимото, который поднял тост «За расцветание советских войск».

*Фото № 7. Коллективная фотография представителей военных комиссий.
20 сентября 1939 г.*

27 сентября, в 19.00 часов, японская сторона также устроила банкет, где генерал-майор Фудзимото, отметив успешное

¹⁴ ЦАОМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 9; Болд Р. Указ. соч. С. 424–430; Свойский Ю. М. Указ. соч. С. 64–69

¹⁵ ЦАОМ. Ф.1. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 6; Свойский Ю. М. Указ. соч. С. 66.

завершение переговоров, выразил благодарность с тостом «За здоровье Председателя и членов советско-монгольской комиссии». Советско-монгольская комиссия, со своей стороны, поблагодарила и поздравила¹⁶.

5. Комиссия по делам сбора и распределения военных трофеев

По завершении переговоров командование Фронтальной группы и 1-й Армгруппы занялось решением ряда вопросов, в том числе организацией учета и сдачи военных трофеев.

19 сентября 1939 г. во главе с комиссаром полка Катугиным в составе 13 человек была создана комиссия по учёту, сдаче и распределению трофейных оружия и вещей, поступивших на армейские склады за период с 30 августа по 19 сентября 1939 г. Источники свидетельствуют, что комиссией были взяты на учёт около 5000 винтовок, 330 с лишним пулеметов, 180 гранатометов, более 60 орудий разных калибров, многие сотни предметов и вещей различного назначения, описи которых составили 13 тетрадей в 28 листов¹⁷.

По распоряжению командования Фронтальной группы «Об использовании трофейных вещей» захваченное у противника оружие распределялось следующим образом:

35% – 1-й Армейской группе;

25% – Краснознаменным 1-й и 2-й спецармиям;

15% – Забайкальскому военному округу.

Наряду с этим, приказом командующего Фронтальной группы Г. М. Штерна, были составлены комплекты военных трофеев по всем видам и переданы Забайкальскому военному округу, Краснознаменным 1-й и 2-й армиям и Штабу МНРА, о чем подробно указано в отчёте, отправленном в Народный комиссариат обороны СССР¹⁸.

Из вышесказанного можно заключить, что переговоры военных комиссий, их действия и совместные усилия были успешной дипломатической мерой, уроки которой имеют значение и в наше время.

---

¹⁶ ЦАОМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 9–12.

¹⁷ Халхын голын дайн: Нэгэн жарны тэртээд. Баримт бичгийн эмхтгэл. Тал. 519–521.

¹⁸ Там же. Тал. 520–522.

Фото № 8, 9. Кадры из документального фильма «Халхин-гол». Москва. 1940 г.

Литература

- Болд Р. Необъявленная война: военно-дипломатическая история сражений у реки Халхин-Гол. М., 2019.
- Документальный фильм «Халхин-гол». Московская студия. 1940 г.
- Монгол улсфн. Батлан хамгаалахын төв архив. Х. 1. Д. 4. Хн. 31. Хуудас 1–10 (Центральный архив Обороны Монголии. Ф. 1. Оп. 4, Ед.хр. 31. Л. 1–10).
- Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. В 2 ч. М. – Улан-Удэ, 2008.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383. Л. 60–61.
- Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.
- Халхын голын дайн: нэгэн жарны тэртээд. Баримт бичгийн эмх-тгэл. (Война на Халхин-Голе: 60 лет тому назад: сб. док.). Улаанбаатар, 1999.

Глава 23*

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОГО
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
И БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА НАКАНУНЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В ноябре 2019 г. отмечалось 95-летие со дня провозглашения Монгольской Народной Республики. В 1924 г. Монголия из монархии стала республикой. С другой стороны, более активно пошло сближение с Советской Россией. Но самое главное — был решен основной вопрос для Монголии в XX веке — вопрос национальной независимости. И 95 лет назад был сделан один из кардинальных шагов на пути к полной независимости страны.

Помощь СССР Внешней Монголии в получении независимости

Стремление к освобождению от власти Китая вызревало среди знати Халхи уже с начала XIX в. Хотя надо признать, что императоры из правившей в Поднебесной маньчжурской династии Цин (а маньчжуры, кстати, такие же исконные кочевники, как и монголы) не вмешивались во внутренние дела Монголии. Центральная власть собирала налоги, направляла наместников в главные города страны, но в то же время гарантировала, что не будет заселять монгольские земли китайскими колонистами.

Положение изменилось, когда после падения Цинской империи к власти в Пекине пришли националисты. В 1911 г. Монголия была провозглашена самостоятельным государством. Однако независимость страны не была поддержана мировыми державами, и в 1915 г. Кяхтинским соглашением для Внешней Монголии была предусмотрена лишь автономия в составе Китайской республики, предъявившей претензии на всё «наследие» бывшей империи Цин.

Противовес агрессивному китайскому давлению духовный и светский владыка Монголии, богдыхан, и его окружение видели

---

* Автор главы — В. А. Гаврилов.

в России. К императору вначале инкогнито, а затем открыто направлялись делегации. Определенная поддержка со стороны российского правительства была оказана, однако начавшаяся Первая мировая война, а затем революционные события в России вновь обострили ситуацию вокруг Монголии.

В 1919 г. автономия Внешней Монголии, в нарушение Кяхтинского соглашения, была упразднена в одностороннем порядке Китаем. Столица страны оказалась под контролем одной из китайских военных клик.

Именно в это время на территории Монголии оказался со своим отрядом барон Унгерн. Исторически это фигура неоднозначная. Барон мечтал о создании великой буддийской империи и сам, по-видимому, был рьяным буддистом. Как бы то ни было, Унгерн помогал освобождать Монголию от китайских оккупационных войск, и богдыхан был благодарен ему...

В феврале 1921 г. китайцы были изгнаны из Внешней Монголии Азиатской конной дивизией барона Унгерна. Монголия вновь стала независимым государством.

Но тут в дело вмешалась Советская Россия, поддерживавшая революционные отряды во главе с Сухэ-Батором. Посланные на помощь Сухэ-Батору партизанские войска под командованием П. Е. Щетинкина вытеснили с территории Монголии как остатки китайских войск, так и белогвардейцев¹.

В последних числах сентября 1921 г. полномочная делегация из Монголии прибыла по приглашению Советского правительства из Урги в Иркутск, а затем 2 ноября — в Москву. 5 ноября 1921 г. было подписано «Соглашение об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией», по которому обе стороны обязывались не допускать пребывания и формирования на своей территории групп, враждебных другой стороне, установили соглашение о порядке назначения дипломатических и консульских представителей, определения государственной границы; были установлены основные положения таможенной

---

¹ П. Е. Щетинкин в годы Первой мировой войны за проявленную храбрость стал полным георгиевским кавалером, был также награжден двумя французскими орденами. Во время Гражданской войны был одним из руководителей советского партизанского движения в Енисейской губернии. В августе 1926 г. по приглашению правительства Монгольской Народной Республики был приглашен в Монголию в качестве военного советника и инструктора; работал инструктором Государственной военной охраны. Трагически погиб — в ночь на 30 сентября 1927 г. он был убит в Улан-Баторе.

политики. Советское правительство передало правительству МНР принадлежащие РСФСР в Монголии телеграфные сооружения.

В день подписания соглашения, 5 ноября, состоялась встреча В. И. Ленина с монгольской делегацией в Кремле.

Три года спустя, после смерти богдыхана, Монголия была провозглашена республикой. Поэтому можно считать, что 26 ноября 1924 г. — своего рода исторический водораздел между старой и новой Монголией.

Новый опасный противник

Именно с этого момента для Монголии обозначился новый опасный противник — императорская Япония. Вопрос о захвате Монголии был поставлен еще в 1927 г. премьер-министром Японии Танака Гиити в его меморандуме императору. Он писал: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай»².

Идеи Танаки получили развитие. В 1932 г. военный министр Японии генерал Араки Садао опубликовал брошюру «Задачи Японии в эру Сёва», в которой писал: «Мы считаем маньчжуро-монгольский вопрос важным потому, что, если мы не установим прочно своего престижа в Маньчжурии и Монголии, мы никак не сможем распространять великие идеалы, развивавшиеся на протяжении трехтысячелетней истории Японии. Япония

---

² Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7–1). М., 1997. С. 28. Текст меморандума Танаки был опубликован в 1929 г. китайским журналом «Чайна критик», затем, в 1930 г., перепечатан в журнале «Коммунистический Интернационал». Официальные власти Японии отрицали существование меморандума. Однако бывший министр иностранных дел Сигэмицу Мамору в книге «Потрясения в период Сёва» писал, что экспансия Японии развивалась в точном соответствии с меморандумом Танаки, и поэтому рассеять подозрения относительно существования этого документа стало весьма трудно. Кроме этого, советской военной разведке удалось получить фотокопии меморандума буквально сразу после его представления императору. Подлинность меморандума Танаки удостоверил профессор-японист Макин, отлично знавший все особенности японского секретного делопроизводства. Макин входил в группу сотрудников ИНО ОГПУ, направленную в Харбин и тесно сотрудничавшую там с военными разведчиками.

не должна удовлетворяться только собственным расцветом, свои идеалы она должна распространять по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру»³.

Это было идеологическим обоснованием военных планов японского руководства. Но были и далеко идущие соображения геополитического характера.

Как пишет монгольский военный историк Г. Ариунболд, «...идея Токио заключалась в объединении МНР с китайскими провинциями Внутренней Монголии в еще одно марионеточное государство Монголо-Го по образцу Маньчжоу-Го. Конечной целью этих трансформаций было образование единой маньчжуро-монгольской империи, то есть возвращение Внешней Монголии под власть маньчжурских правителей, как это было с конца XVII до начала XX в. Это образование должно было стать новым материковым владением Японии»⁴.

Другим соображением было следующее. Как докладывала советская военная разведка еще в июне 1932 г., японский Генштаб считал, что территория МНР используется силами китайского сопротивления для партизанской борьбы в Маньчжурии⁵. После того как в 1936 г. основные силы китайской Красной армии совершили переход из юго-восточных провинций Китая в районы, граничащие с МНР (так называемый Особый район), захват Монголии стал рассматриваться в японском Генштабе также как стратегическая операция, направленная на разрыв коммуникаций между Особым районом и СССР и в конечном итоге — на уничтожение вооруженных сил китайской компартии. Это позволило бы усилить давление на Чан Кайши и склонить его к капитуляции на общей антикоммунистической основе.

Кроме этого, была поставлена под угрозу «дорога жизни» Алма-Ата — Ланьчжоу, по которой Чан Кайши получал из СССР вооружение и боеприпасы. Это также могло поставить китайскую армию на грань катастрофы и вынудить Чан Кайши принять японские условия капитуляции.

После событий на оз. Хасан японскому генштабу также нужна была «маленькая победоносная война», чтобы поднять престиж Японии в глазах западных держав. С другой стороны,

---

³ Русский архив. Советско-японская война 1945 года. С. 34.

⁴ Ариунболд Г. Халхингольская война и независимость Монголии // Вестник МЦАИ. 2009. № 16. С. 23.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 19. Д. 356. Л. 9.

японское правительство, начиная с лета 1938 г., вело активные переговоры о заключении военного союза с Германией и Италией и сделало ставку на то, чтобы явочным порядком силой подкрепить предложение Японии заключить этот союз, направленный исключительно против СССР.

Исходя из этого, в японском генштабе было решено осуществить вторжение на территорию МНР. В случае удачи военные действия предполагалось развернуть по всей обширной границе Дальневосточного края для захвата территории от Байкала до Владивостока. При этом, как предполагал японский кабинет, Германия в силу обязательств по Антикоминтерновскому пакту должна была выступить против СССР на Западе.

Япония, располагая на Дальнем Востоке сильным коммерческим и военным флотом, а также достаточным числом десантных пунктов и подготовленной сетью железных дорог, имела все возможности для сосредоточения сильной армии в Северо-Маньчжурском районе, откуда могла предпринять наступление в любом направлении в Забайкалье, Приамурье, Приморье, причем направление главного удара на Забайкалье и западную часть Приамурья поставило бы Красную армию в критическое положение, так как отрезало бы ее от ближайшей базы — Сибири.

Япония энергично закрепляла свое положение в северной Маньчжурии, готовясь к захвату Дальнего Востока. В начале 1930-х гг., по данным советской военной разведки, против Забайкалья, на Благовещенском направлении, против Приморья, в Южной Маньчжурии, Жэхэ и Корее, японцы сосредоточили 4 пехотных дивизии, 1 пехотную и 2 кавалерийские бригады общей численностью 94 тыс. человек⁶.

В конце тридцатых годов японская армия сделала значительный шаг вперед в своем техническом оснащении. Военная промышленность, развивавшаяся после начала китайского «инцидента» особенно быстрыми темпами, снабжала армию новой современной боевой техникой. Война в Китае дала толчок и быстрому увеличению численности сухопутной армии империи. Число японских пехотных дивизий увеличилось с 23 в 1937 г. до 44 в 1939 г., а общая численность сухопутных войск — с 950 до 1240 тысяч человек. Число авиационных эскадрилий возросло

---

⁶ Гаврилов В. А., Горбунов Е. А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 42–43.

за это же время с 54 до 91⁷. Дивизии японской армии, полностью оснащенные новой боевой техникой по штатам военного времени, отлично обученные, имевшие тщательно подобранный офицерский и рядовой состав, представляли большую угрозу и, как показали дальнейшие события, были серьезным противником.

Советское руководство понимало, что без сильных позиций в Монголии и без обладания Северной Маньчжурией, или, по крайней мере, без ее нейтралитета, положение на Дальнем Востоке не могло считаться обеспеченным. При этом в формате советской дальневосточной политики Внешняя Монголия имела огромное значение. Советское руководство рассматривало ее, так же как и Маньчжурию, в качестве плацдарма для распространения своего влияния на Китай. При этом стремилось распространить свое влияние главным образом на кочевников; учитывалось также, что основное сословие в стране — это ламы.

Начиная с 1932 г., дальневосточная группировка Красной Армии усиливалась значительно быстрее, чем группировка Квантунской армии.

Японская разведка в 1930-е гг. обращала внимание своего Генерального штаба на факты чрезмерного, по ее мнению, увеличения советских войск на Дальнем Востоке. Японский Генеральный штаб выражал обеспокоенность тем, что «армия Блюхера огромной дугой выгнулась на Дальний Восток». Японские военные заявляли о том, что на Дальнем Востоке развернуты огромные силы Красной Армии, созданы подземные аэродромы, с которых советская авиация сможет долететь до Японии и бомбить Токио и Нагасаки.

Политическое и военное руководство СССР понимало, что дело обороны советского Дальнего Востока требует решения дорогостоящих и многосторонних задач, осуществление которых скрыть от противника было бы довольно сложно. Тем не менее группировка советских войск на Дальнем Востоке продолжала неуклонно усиливаться и к 1937 г. по численности превосходила Квантунскую армию в полтора раза при абсолютном превосходстве в артиллерии, авиации и танках⁸.

---

⁷ Савин А. С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979. С. 35, 41.

⁸ Горбунов Е. А. Схватка с Черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 67.

Существенно было то, что произошло усиление военного присутствия СССР и в Монголии. 22 февраля 1936 года начальник Политуправления РККА Ян Гамарник представил Сталину докладную записку относительно записи разговора по прямому проводу между Урицким и Таировым о подготовке японцев к нападению на Монгольскую Народную Республику. В записке приводились данные об усилении Квантунской армии и характеристика ее состава и численности. Весьма интересно то, что в архиве имеется черновой вариант этой докладной записки, но со ссылкой на информацию, полученную «из агентурного источника в Токио», т.е. от Рихарда Зорге⁹.

Реакция последовала незамедлительно. 1 марта Сталин принял американского журналиста Роя Говарда, председателя американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» и имел с ним беседу.

ИЗ БЕСЕДЫ И.В. СТАЛИНА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
АМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«СКРИПС-ГОВАРД НЬЮСПЕЙПЕРС»
г-ном РОЕМ ГОВАРДОМ

1 марта 1936 г.

Говард: Каковы будут, по-Вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

Сталин: Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточно ясна.

Говард: Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

Сталин: В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году.

Говард: Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин: Да, приведет.

⁹ Центральный архив министерства обороны РФ. Ф. 23. Оп. 3108. Д. 3. Л. 60–63.

Говард: Развили ли японцы за последние несколько дней какую-либо такую активность в районе границы МНР, которая (активность. — *В.Г.*) была бы сочтена в СССР как агрессивная?

Сталин: Японцы, кажется, продолжают накапливать войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается...¹⁰

Сталин дал однозначно понять, что любая попытка со стороны Квантунской армии осуществить «маньчжурский сценарий» в Монголии натолкнется на решительный военный отпор со стороны СССР.

Спустя 10 дней после этой беседы был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР. В соответствии с этим Протоколом на территории Монголии были размещены советские войска в составе 57-го Особого корпуса. Заключение этого протокола было в значительной мере неожиданным для японского руководства. На 3-й сессии Верховного Совета СССР в мае 1939 г. советское правительство официально заявило, что границу Монгольской Народной Республики «мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную»¹¹.

Провал агрессии Японии на реке Халхин-Гол

Тем не менее японское руководство не оставляло своих намерений установить контроль над Внешней Монголией, как это было предписано в свое время в меморандуме Танаки. Ведя дело к открытому конфликту, японское руководство возлагало большие надежды на активную поддержку своих действий со стороны феодальной знати и высшего ламаистского духовенства Монголии, выступавших против просоветского режима в МНР. Ставка делалась и на дезорганизованность Монгольской народно-революционной армии, обескровленной репрессиями 1937–1938 гг., когда было уничтожено абсолютное большинство высшего и среднего комсостава, тем более, что в 1939 г. репрессии в МНР еще продолжались¹².

В оправдание своих действий в отношении МНР японские власти утверждали, что границей между МНР и Маньчжурией

---

¹⁰ Русский архив: Советско-японская война 1945 года. С. 64–65.

¹¹ Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939. С. 475.

¹² Подробнее см.: Русский архив: Советско-японская война 1945 года. С. 109–113.

в районе восточнее и юго-восточнее озера Буир-Нур служит р. Халхин-Гол. В действительности же по официальным картам граница МНР с Маньчжурией проходила в этом районе не по р. Халхин-Гол, а восточнее этой реки – по линии Хулат-Улийн-Обо и Номон-Кан-Бурд-Обо. На этой линии со дня образования МНР и до последних дней постоянно находились посты пограничной охраны МНР. До начала событий эта граница МНР с Маньчжурией, проходящая восточнее р. Халхин-Гол, никем, в том числе и маньчжурской стороной, не оспаривалась.

Готовя агрессивные действия, японское командование избрало объектом нападения восточный выступ в районе р. Халхин-Гол.

Японская сторона на своих топографических картах обозначила границу Маньчжоу-Го по р. Халхин-Гол, которая фактически проходила восточнее. По ее мнению, это должно было создать «правовую основу» для нападения. Наиболее серьезный инцидент произошел уже 11 мая 1939 г. На другой день японцы ввели в бой пехотный полк, поддержанный авиацией, и, оттеснив пограничные заставы Монгольской Народной армии, вышли к р. Халхин-Гол. Так начались боевые действия, длившиеся более четырех месяцев.

В мае 1940 г. Сталин вызвал к себе Жукова, уже назначенного на должность командующего Киевского Особого военного округа, и присутствовавший в его кабинете член Политбюро М. И. Калинин задал Жукову вопрос: «Какую основную цель, по вашему мнению, преследовало японское правительство, организуя вторжение?» Жуков ответил: «Ближайшая цель — захватить территорию МНР, находящуюся за рекой Халхин-Гол, а затем построить на р. Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД»¹³.

Но у японского руководства были и далеко идущие планы. То, что в МНР находились советские войска, было хорошо известно в Токио, и там прекрасно понимали, что вторжение японской армии на территорию этой суверенной страны повлечет за собой вооруженное столкновение с частями Красной Армии. В столице империи к военным действиям готовились с таким расчетом, чтобы сразу же после первого удара добиться победы над

---

¹³ Бушуева Т. С. Халхин-Гол: взгляд через 70 лет. Малоизвестные страницы предыстории Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 5. С. 37.

объединенными силами советско-монгольских войск. Предполагалось разгромить эти войска на территории Тамцак-Булакского выступа, а затем стремительным броском через столицу республики Улан-Батор выйти к границе Советского Союза южнее Читы. После этого должен был последовать еще один удар в направлении Байкала, чтобы перерезать Транссибирскую магистраль и отторгнуть Дальний Восток от остальной территории страны. Одновременно с ударом в направлении Байкала предполагалось начать наступление в Приморье и захватить район Владивостока.

Совместными усилиями советских и монгольских войск эти планы были сорваны, что заставило японское руководство на время отказаться от своих далеко идущих агрессивных намерений в отношении Монгольской Народной Республики.

Японское руководство явно просчиталось, полагая, что СССР, хотя и связанный с МНР Протоколом о взаимной помощи, но, будучи серьезно занят внешнеполитическими событиями на Западе, сложными дипломатическими переговорами с западными странами, не в полной мере обратит достойное внимание на войну в далекой Монголии.

В результате произошло прямо противоположное: отставка японского правительства и военного руководства, разочарование в военном и дипломатическом союзнике — Германии, которая в разгар военных действий на Халхин-Голе подписала с СССР Пакт о ненападении. Таким образом, военное поражение японских войск на Халхин-Голе сопровождалось политическим поражением и дипломатическим ударом. Имея явное тактическое преимущество, располагая удобными шоссейными и железнодорожными подъездными путями, близкими к месту боевых действий, подготовленными базами материального обеспечения, Япония потерпела сокрушительное поражение от советско-монгольских войск.

Литература

Араки Садао. «Задачи Японии в эру Сёва» (Токио, 1932) // Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933.

Ариунболд Г. Халхингольская война и независимость Монголии // Вестник МЦАИ. 2009. № 16.

- Бушуева Т. С. Халхин-Гол: взгляд через 70 лет. Малоизвестные страницы предыстории Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 5.
- Гаврилов В. А., Горбунов Е. А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004.
- Горбунов Е. А. Схватка с Черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002.
- Грайворонский В. В. Монголия: Халхин-Гол и Вторая мировая война. (Взгляды современных монгольских историков) // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010.
- И Баочжун, Ван Сяогуан. Конфликт на Халхин-Голе: роль и место во Второй мировой войне // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тезисы докл. рос.-кит. науч. конф. (Москва, 5–6 мая 2015 г.). М., 2015.
- Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 19. Д. 356. Л. 9.
- Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7–1). М., 1997.
- Савин А. С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979.
- Танака Гиити. Меморандум императору Японии об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии. 25 июля 1927 г. // История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. 1. М., 1957.
- Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939.
- Центральный архив министерства обороны РФ. Ф. 23. Оп. 3108. Д. 3.
- Цветков В. Ж. Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

О поисковых работах на полях брани у реки Халхин

«Война не окончена, пока не похоронен последний солдат» — ставшая крылатой эта фраза великого русского полководца А. В. Суворов как никогда актуальна для событий, произошедших 80 с лишним лет назад в районе малоизвестной тогда реки на востоке Монголии.

В течение почти 70 лет после окончания войны на Халхин-Голе сколько-нибудь систематические поисковые работы на полях сражений монгольской и российской стороны практически не велись. Это было обусловлено тем, что эти места располагались вблизи линии государственной границы. А территория на левом берегу реки Халхин и вообще была объявлена запретной зоной, куда был закрыт доступ даже для местного населения, так как в 3 км от высоты Ремизова была расположена 7-я застава 24-го погранотряда. Исключения делались только во время празднования круглых дат победы на реке Халхин для групп монгольских и советских ветеранов, военнослужащих, которые реставрировали и ухаживали за памятниками. Впервые годовщину победы на реке Халхин отметили в 1954 г.: привели в порядок памятники и захоронения 1939 г., установили новые, места боев посетили руководители государства, гости из СССР и многочисленные ветераны, молодежь.

Первые официальные захоронения останков погибших военнослужащих Красной Армии (кроме захоронения останков в 1939 году сразу после боев) состоялись в 1987 г. Все началось с того, что по ходатайству командования 39-й армии, временно дислоцированной в МНР, монгольскими властями было выдано специальное разрешение на доступ и вывоз танка БТ-7 для установления в качестве памятника в расположении 486-го мотострелкового полка на западном въезде-выезде в город Чойбалсан. Осенью 1986 г. подбитый танк был перевезен с поля боя в расположение части и простоял до весны 1987 г. у плаца. А когда танк начали готовить к установлению на постамент и открыли люк, то внутри обнаружили останки танкиста, которые поместили в 76-мм гильзу и захоронили перед постаментом памятника. После вывода части

---

* Автор — Равдангийн Баяр.

в 1991 г. танк был вывезен в неизвестном направлении и в дальнейшем утилизирован. В 2014 г., после установления контактов с бывшим командиром полка и командиром дивизии и получения письменных пояснений о деталях захоронения, получения соответствующих разрешений от мэрии города Чойбалсан, автор совместно со своими партнерами из Иркутска перезахоронил останки на мемориальном кладбище советских воинов в северном предместье Чойбалсана. В начале 2000-х гг. доступ на места боев получили японские мемориальные организации, которые, по свидетельству местных жителей, работавших у них проводниками, руководствуясь картами местности, по неподтвержденным данным, подняли останки около 150–200 солдат и офицеров японской армии с последующей кремацией и вывозом в Японию.

Систематизированные поисковые работы автор начал в 2009 г. совместно с энтузиастами Ю. Свойским из Москвы и И. Сеченовым из Иркутска. В августе 2009 г., в преддверии 70-й годовщины победы на реке Халхин, небольшая международная поисковая группа в составе 6 человек провела глубокую разведку в северных (Адагдулаан, Буландэрс), восточных (восточный берег реки Халхин), центральных (Тамцак-Булак и окрестности, где дислоцировались части, штаб 57-го Особого корпуса, 17-й армии РККА, 6-я кавдивизия МНРА) районах аймака Дорнод, непосредственно связанных с событиями 1935–1939 гг. Были осмотрены места боевых действий 1935–1936 гг. по отражению японских агрессоров, где сохранились полузасыпанные ходы сообщений, ямы блиндажей, разнокалиберные гильзы и остатки прочего снаряжения и предметов на поверхности. На восточном берегу реки Халхин обследованы окрестности высоты Ремизова, северный и южный берег реки Хайлаастын (прорезает места боев с востока на запад, впадает в реку Халхин), в районе Мана уул осмотрены места падений 6 советских и 4 японских сбитых самолетов (в этих местах 15 сентября 1939 г. состоялся скоротечный воздушный бой с участием 120 японских бомбардировщиков и истребителей, которым на перехват вылетели 207 истребителей ВВС РККА), возможные места дислокаций полевых аэродромов южнее озера Буир, прифронтовых госпиталей и госпитальных кладбищ.

Благодаря личным контактам автора была получена поддержка силовых структур Монголии: Министерства обороны, Генерального штаба Вооруженных сил, Главного управления пограничной службы, Главного управления по чрезвычайным ситуациям Монголии, а также сотрудников музеев и местных жителей, которые тогда и в дальнейшем оказали неоценимую помощь в этой

гуманитарной акции. К юго-востоку от озера Буир с помощью местных жителей Энхмаа и Баярмаа были обнаружены и подняты останки летчика в обломках истребителя И-15бис (в 2010 г. останки были перезахоронены на Мемориальном комплексе памяти советских летчиков в городе Чойбалсан, в 2012 г. усилиями Ю. Свойского путем идентификации номера 3934 на авиаплате (шильдике) установлено имя летчика — командира 3-й эскадрильи 70 ИАП, капитана В. И. Юрецкого (родился в 1907 г., погиб 22 июня 1939 г.). Вслед за этим 16 августа 2014 г. на месте гибели летчика была установлена мемориальная табличка и в дальнейшем предприняты попытки розыска родственников героя, которые, к сожалению, пока не привели к конкретным результатам.

Далее, в районе высоты Ремизова в поверхностном залежании (0–80 см) были обнаружены останки 10–12-ти красноармейцев, которые были идентифицированы по остаткам одежды, каскам, строению черепов, что позволяет сделать предположение о их принадлежности к санитарным захоронениям, так как оружия и документов обнаружено не было. Эти места были указаны местным жителем, который ранее работал проводником у японской поисковой команды. Также местные жители упоминали о том, что в середине 1980-х гг. они, будучи детьми, играли в кабине самолета на берегу озера Буйр. Однако следующей весной остатки самолета пропали и не исключено, что он погрузился в песчаное дно озера. По архивным данным, в воздушных боях 22 и 24 июня 1939 г. более десяти самолетов ВВС Красной Армии пропали без вести и весьма вероятно, что они могли упасть в озеро Буйр, площадь которого превышает 800 кв. км.

Чтобы проверить эти сведения, в 2010 г. были организованы совместные погружения спасателей-дайверов Управления по чрезвычайным ситуациям (ЧС) аймака Дорнод и дайвинг-инструктора из Иркутска, старшего научного сотрудника Института лимнологии Сибирского отделения РАН А. Б. Купчинского. На месте были организованы первые в Монголии дайвинг-курсы с практическими погружениями, которые проводил автор. Однако из-за природных условий – незначительной глубины, составляющей 5–6 м, мутной воды вследствие постоянно поднимающихся донных отложений поисковые работы не дали желаемых результатов и было решено перенести их на зимнее время. В марте–апреле 2011 г. мы организовали погружения 5 спасателей-дайверов Управления по ЧС аймака Дорнод и дайверов из Иркутска А. Б. Купчинского, К. М. Кучера и водолаза-инструктора из Иркутска С. М. Развозжаева, которые провели первые в Монголии совместные

зимние погружения. По состоянию на 1 апреля 2011 г. толщина льда в местах погружений составила 110 см: на площади в 0,4 кв. км с дистанцией в 100 метров были пробурены лунки, куда опущался гидролокатор бокового обзора на предмет составления цифровой модели дна озера. Однако и на сей раз стоящие перед исследователями задачи не были до конца решены из-за отсутствия необходимого дополнительного оборудования: подводного металлодетектора, магнитометра и т.д.

Важно отметить, что в том же 2010 г. параллельно с поисковыми работами на озере Буйр команда из Иркутска вместе с саперной группой военнослужащих мотострелковой бригады №327 из города Чойбалсан, сформированной по приказу начальника Генштаба Вооруженных сил Монголии, продолжили сухопутные изыскания, обнаружив на поверхности земли значительное количество неразорвавшихся снарядов и других боеприпасов, которые были утилизированы. Учитывая полную незаселенность района, в дальнейшем неразорвавшиеся снаряды, гранаты и боеприпасы гранатометов закапывались на глубину 1,5-2 метра. Одновременно с этим на мемориальном кладбище неподалеку от командного пункта Г. К. Жукова с оказанием воинских и духовных почестей были перезахоронены останки 16-ти бойцов РККА. Это начинание было продолжено и в последующие годы: по состоянию на 24 августа 2019 г. на мемориальном кладбище при моем участии перезахоронено 77 бойцов и офицеров РККА. Однако, к большому сожалению, в большинстве случаев установление личности погибших является делом весьма проблематичным, поскольку в 1937–1941 гг. смертные медальоны были сняты с довольствия РККА. За исключением летчика В. И. Юрецкого, некоторые бойцы (Силин, Черных), если не персонально, то хотя бы по месту перезахоронения в братской могиле, были идентифицированы по подписанным личным вещам: котелку, ремню, алюминиевой ложке. На поверхности часто встречаются осколки, гильзы, пули от советской винтовки-трехлинейки, японской винтовки «Арисака», остатки различной амуниции, пустые магазины от пулемета Дегтярева и пр. Различные находки (винтовочные стволы, размокшие и непригодные патроны, под сумки, детали, фрагменты техники, самолетов, бутылки от пива, водки, каски, номер газеты «Героическая красноармейская», ампулы с лекарством и пр.), найденные при подъеме останков и в ходе полевых работ в период с 2009 по 2019 г., автор в основном передал музею «Ялалт» в сомоне Халхгол, часть — музею аймака Дорнод в городе Чойбалсан, часть — столичному Военному музею.

Отдельно следует сказать несколько слов об экспедиции 2018 г., организованной автором и руководителем ветеранской организации из Иркутска «Содружество воинов-сибиряков» Олегом Кондауровым. Тогда 15 участников 14-го Международного форума спецназа имени И. Г. Сталинова, ветераны современных войн и вооруженных конфликтов из 8 регионов РФ, кавалеры многих боевых наград (ордена Мужества, Красной звезды, медали «За отвагу»), разделившись на 2 группы, занимались покраской ограды, уборкой территории памятника «Ялалт» — «Победа» у въезда в сомон Халхгол, а другая группа занималась поисковой работой. Ввиду нехватки времени были подняты останки одного погибшего красноармейца, и миссия завершилась торжественной церемонией перезахоронения.

Также хотелось бы отметить и последнюю поисковую экспедицию в августе 2019 г. Стараниями командующего 36-й армией Восточного военного округа генерал-лейтенанта М. Я. Носулева и автора в преддверии торжественных мероприятий по празднованию 80-летия победы у реки Халхин поисковые работы были включены в программу совместных российско-монгольских военных учений «Сэлэнгэ–2019» в районе города Чойбалсан. Приказом начальника Генерального штаба Вооруженных сил Монголии была назначена группа в составе 10 граждан Монголии, из РФ прибыли 15 военнослужащих инженерного подразделения 36-й армии под командованием полковника Мамонтова, и впервые с 1939 г. совместная группа провела поисковые работы на полях сражений, в результате которых были подняты и перезахоронены останки 17 погибших бойцов РККА. Они были обнаружены в основном в поверхностном залегании на незначительной глубине и идентифицированы как красноармейцы по предметам быта (котелки, кружки), остаткам обуви, противогазов, ремням, строению черепов. Одновременно с этим были также подняты останки 18 японцев, которые были переданы сотрудникам музея «Ялалт» для дальнейшего предоставления японской стороне. В этой связи должен подчеркнуть, что в отличие от членов японских поисковых групп, которые при обнаружении останков красноармейцев не предпринимают подъема, мы в обязательном порядке поднимали останки погибших японских солдат и офицеров и передавали сотрудникам музея «Ялалт», о чем дирекция, в свою очередь, информировала японскую сторону. Предполагается, что в будущем совместные экспедиции с участием военно-служащих Вооруженных сил РФ и Монголии, предки которых плечом к плечу воевали против общего врага в 1939 и 1945 гг., станут регулярными.

Большой интерес представляют собой руины самой крупной военно-воздушной базы на территории Монголии, расположенной в местечке под названием Хундлунгийн тал к северо-западу от сомона Баян-Овоо аймака Хэнтий. По разным сведениям, базу начали обустраивать в конце 1930-х гг. и эксплуатировали до 1946 г. После вывода войск она была заброшена, но, по свидетельству местных жителей, вплоть до 1990-х гг. там еще сохранились двери и окна зданий, на стенах висели фотографии, оставалось немного обстановки. Но после 1990-х годов мародеры раскурочили и разграбили все сооружения. При обследовании фундаментов построек их оказалось около 40, некоторые мы идентифицировали как жилой дом для командного состава, столовая, ремонтные мастерские, штаб, медчасть, гаражи, гауптвахта, КПП и пр. Здания добротные, толщина стен 80–100 см, материал — камень. Базу такого размера прикрывали минимум два дивизиона зенитной артиллерии. А к востоку располагались подземные сооружения с командным пунктом, помещениями для личного состава (40x10 м) с пандусами, облегчающими выход-вход, складами боеприпасов.

По разным данным, в войне у реки Халхин пропало без вести свыше 2000 бойцов и офицеров РККА, около 50 бойцов Монгольской народно-революционной армии. Если за 10 лет при участии автора поднято 77 бойцов, другими группами — где-то около 30–40 человек, то около 1900 безымянных воинов все еще остаются ждать своего часа, чтобы отпели их души и похоронили по-человечески. В моей практике бывали и мистические случаи. В один из дней 2014 г. наша поисковая команда на двух микроавтобусах прибыла к памятнику Куропаткину. Это воинское захоронение в труднодоступном месте на левом берегу реки Халхин, где покоятся около 1300 бойцов 293-го стрелкового полка, погибших в ходе генерального наступления 20–31 августа 1939 г. Оно названо так по имени политрука, батальонного комиссара Г. А. Куропаткина, и это название прижилось сначала среди местного населения, а затем перекочевало в исторические труды. После памятной церемонии собрались ехать обратно, сели в микроавтобусы и намертво застряли по брюхо. Тут мы с Игорем Сеченовым каждый на своем языке помолились за упокой души погибших и через некоторое время смогли благополучно уехать. Другой случай произошел в сентябре 2018 года при перезахоронении погибшего бойца участниками международного форума спецназа имени И. Г. Старинова, когда после ружейного залпа на глазах всех участников пролетавшая мимо стая журавлей с криками сделала три круга над кладбищем

и улетела, а в безветреную погоду зажженная сигарета буквально сгорела секунд за 10, будто ею жадно затянулись... В августе 2019 г. автор посетил памятник Куропаткина, прикрепил намоленный образок и рассыпал намоленную землю, переданные настоятелем Свято-Троицкого прихода в Улан-Баторе отцом Антонием.

Почему я этим занимаюсь? Мой дед, генерал-полковник Монгольской народной армии Сандивын Равдан, был призван в армию в 1930 г., в 1932 г. участвовал в Гражданской войне, в 1935–1936 гг.—в боевых действиях в районе Адагдулаан, Буландэрс по отражению японских агрессоров, в 1939 г.— в войне у реки Халхин, в июле – ноябре 1941 г., будучи слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина — в обороне Москвы, в 1944 и 1947–1948 гг.— в боевых действиях по разгрому казахских банд на западе МНР, в 1945 г.— в войне против Японии, был неоднократно ранен. А в дальнейшем, уже будучи послом в КНДР, стал свидетелем Корейской войны, во время американских бомбардировок был дважды контужен, поэтому как потомок того, кто живым вернулся с той войны, стараюсь сделать посильное для увековечения памяти погибших...

Работа затягивает. Начиная с 2009 г. для здравствующих ветеранов каждый год 9 мая и 2 сентября в день Победы во Второй мировой войне мы вместе с друзьями накрываем стол и перед тем как попрощаться, каждому из них даем «приказ» в следующем году обязательно явиться на поверку. Но время нещадно косит ветеранов, и они продолжают уходить в «бессрочную самоволку»...

Напоследок несколько слов о терминологии. До недавнего времени в монгольской историографии события у реки Халхин назывались «Халхын голын байлдаан», «Халхын голын тулалдаан» («Сражения, бои у реки Халхин»), в советской, российской – «битва на реке Халхин-гол», «сражения на Халхин-голе», «Бои на реке Халхин-гол», «конфликт на Халхин-голе», в японской – «Номонханский инцидент» (Katsu H. Young. «The Nomonhan incident imperial Japan and the Soviet Union»), 1967, в американской – состояние войны (Clark W. Tinch. «Quansi-War between Japan and USSR, 1937-1939»), конфронтация, сражение (Larry W. Moses. Soviet-Japanese Confrantation in Outer Mongolia: The Battle of Nomonhan-Khalkin Gol), 1967 и т.д. В последнее время тенденция назвать эти события «войной», как мне кажется, стала более преобладать, по крайней мере монгольские историки и исследователи теперь единодушны во мнении, что это была война, с чем согласны и многие российские историки, а в неофициальных беседах и японские историки «признавали» войной, и потому мы призываем

присоединиться к этому мнению всех российских историков, изучающих эти события. Разночтения налицо даже из оглавления настоящего сборника, а ведь наши отцы и деды воевали на одной стороне и полегли за общее дело и почитать их общую память – дело священное и для монголов и для россиян.

ОБ АВТОРАХ

1. **Бадараев** Дамдин Доржиевич — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
2. **Базаров** Борис Ванданович — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ).
3. **Батунаев** Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ).
4. **Баяр Равдангийн** — юрист, журналист (Монголия).
5. **Гаврилов** Виктор Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат психологических наук, доцент (Москва).
6. **Грайворонский** Владимир Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии ИВ РАН (Москва).
7. **Дацьшен** Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет (Красноярск).
8. **Жалсанова** Бутит Цыдыпмункуевна — доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия (Улан-Удэ).
9. **Жалсанова** Валентина Гурожаповна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
10. **Железняков** Александр Сергеевич — доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва).
11. **Зимонин** Вячеслав Петрович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академический советник, руководитель секции «Военная история» Российской академии ракетных и артиллерийских наук, действительный член Академии военных наук РФ и РАЕН (Москва).

12. **Катасонова** Елена Леонидовна — доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований ИВ РАН (Москва).
13. **Каго Киёфуми** — профессор Токийского университета национальной литературы (Токио).
14. **Кузьмин** Сергей Львович — доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, ИВ РАН (Москва).
15. **Курас** Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ).
16. **Молодяков** Василий Элинархович, доктор политических наук; ведущий научный сотрудник ИВ РАН (Москва); Университет Такусёку, Институт глобальных японских исследований, профессор.
17. **Наземцева** Елена Николаевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил российской Федерации.
18. **Нелидов** Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН (Москва), старший преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России.
19. **Прямыцын** Владимир Николаевич — заместитель начальника 14 отдела 1 управления Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ.
20. **Родионов** Владимир Александрович — доктор политических наук, заведующий кафедрой истории и регионоведения стран Азии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ).
21. **Саркисов** Константин Оганесович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, ИВ РАН (Москва).
22. **Симотомаи** Нобуо — профессор университета префектуры Канагава, почетный профессор университета Хосэй (Токио), член Валдайского клуба.
23. **Танака Кацухико** — почетный профессор университета Хитоцубаси (Токио).
24. **Хишигт Норовсамбуу** — PhD, профессор, ученый секретарь Института истории и археологии АН Монголии (Улан-Батор).

25. **Хусэл Боржигин** — профессор, университет Сёва Дзёси Дайгаку (Токио).
26. **Цыбенев** Базар Догсонович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ).
27. **Чойралжав** — профессор, Университет Внутренней Монголии (Хух-хото, КНР).
28. **Шагов** Андрей Евгеньевич — полковник, начальник управления Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук, доцент (Москва).
29. **Шишов** Алексей Васильевич — старший научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба МО РФ, кандидат исторических наук, капитан 1 ранга, академик Международной Академии Духовного Единства Народов Мира (МАДЕНМ), профессор РАЕН.

SUMMARY

Military events in the Khalkhin-Gol River area for several decades have continued to attract the attention of researchers, primarily from the participating countries – Russia (USSR), Japan and Mongolia. But until now, the final point has not been made in scientific disputes about the causes, course of hostilities and their historical consequences in the context of world history and the history of World War II.

In particular, there is no common approach to whether what happened in 1939 was a border military incident, a local armed conflict or a full-scale war? Who initiated the hostilities: the military leadership of Japan or the officer of the Kwantung Army? How did Tokyo and Moscow react to the first Red Army battles lost and what was the Kremlin's strategy in this military confrontation? And finally, there is a complex set of international problems, starting with new assessments of the Khalkhin-Gol war as a «prologue» – the starting event of the outbreak of World War II, which had a great influence on its course and outcome. We are talking about the direct relationship between the victory of Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin-Gol River and the signing of the Soviet-German Non-Aggression Pact, which, in turn, prompted the Japanese side to conclude the Neutrality Pact with our country, etc. And perhaps the most important lesson of those events: the sad experience of defeat in battles on the Khalkhin-Gol River forced Japan to objectively and realistically assess the power of the Soviet army and, despite the allied agreements with Germany, ultimately abandon plans to enter the war with the USSR during the Second World War.

All these and other problems were the subject of discussion at the international conference «80 years of victory at Khalkhin-Gol (1939): in search of historical truth», held at the institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in September 2019 with the participation of historians of Russia, Mongolia, Japan and China. Their reports in the author's edition and articles are presented in this publication.

Научное издание

**ПОБЕДА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ:
В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ**
коллективная монография

Верстка *З. А. Исаева*
Редактор *М. С. Грикурова*

Подписано 30.08.2021
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,75. Уч.-изд. л. 16,9.
Тираж 500 экз. Зак. № 469.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

Фото из Военного музея Монголии

*Данные фотографии любезно предоставлены Р. Баяру
Центральным военным музеем Монголии*

Н. Н. Воронов, руководитель фронтовой группы Г. М. Штерн,
Х. Чойбалсан, Г. К. Жуков, Полпред СССР в МНР (1939–1947) И. А. Иванов

3 июля 1939 г. японцы форсировали Халхин-Гол в районе высоты
Баянцагаан и в ходе ожесточенных боев 3–5 июля были окружены
и уничтожены, а плацдарм ликвидирован.
Высота Баянцагаан после разгрома японцев

Военнопленные, сдавшиеся у высоты Баянцагаан

В соответствии с договором по прекращению огня, 27 и 29 сентября 1939 г. 88 военнопленных японцев были переданы японской стороне переодетыми в новое трофейное обмундирование

Также в ходе переговоров по прекращению огня была достигнута договоренность о вывозе японцами своих погибших и в конце сентября 1939 г. похоронные команды под наблюдением краснормейцев выкапывали и увозили своих погибших. Так как японцы проезжали в проходах, сделанных в оборонительных укреплениях, а среди солдат похоронных команд было немало переодетых разведчиков, после нескольких дней такие "прогулки" по позициям РККА были прекращены

После победы в 6-месячных боевых действиях наступило затишье и перед бойцами выступают артисты ансамбля песни и пляски РККА

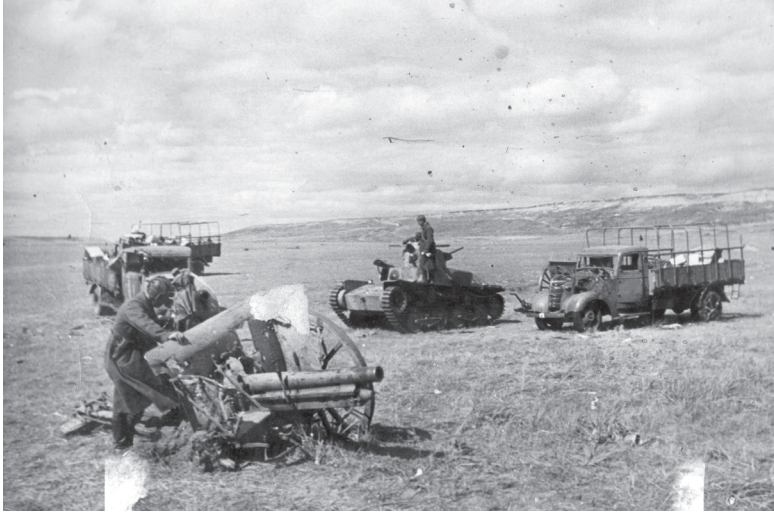

Военные корреспонденты и операторы, освещающие боевые действия на Халхин-Голе: кинооператор С. Е. Гусев, во втором ряду: фотокор газеты «Известия» П. А. Трошкин, фотокор газеты «Правда» В. А. Тёмин, оператор Б. Дэмбэрэл, фотокор газеты «Героическая красноармейская» М. С. Бернштейн

Командир 1-й Армейской группы Г. К. Жуков в расположении 8-й кавдивизии МНРА. За Жуковым — представитель Генштаба МНРА, полковник Г. Рэндоо, временно исполнявший обязанности командира дивизии Д. Нянтайсурэна, находившегося на излечении в госпитале

Разбитая японская техника на поле боя

Оказание первой медицинской помощи раненому японскому солдату

Знакомство с документами: главный советник МНРА комбриг
М. П. Поздняков, начальник политотдела 1-й Армейской группы,
дивизионный комиссар М. С. Никишев

Старшие командиры ВВС Красной Армии: начальник штаба авиагруппы, комбриг (1938) А. З. Устинов (генерал-лейтенант 1943), командир эскадрильи 22 кап. Е. Н. Степанов, военный инженер первого ранга И. А. Прачек, командующий ВВС РККА на Халхин-Голе, Герой Советского Союза, комкор (1937, генерал-лейтенант 04.04.1940), Я. В. Смушкевич (дважды Герой Советского Союза 19.11.1939), Герой Советского Союза (1938), полковник А. И. Гусев (генерал-майор 04.06.1940), первый дважды герой Советского Союза С. И. Грицевец

Начальник штаба 1-й Армейской группы, комбриг (17.05.1939, генерал-майор 1942) М. А. Богданов, руководитель фронтовой группы по координации действий РККА и МНРА, командарм второго ранга Г. М. Штерн

Вывоз раненых с полевого госпиталя на военно-транспортном самолете DC-3 «Дуглас». Раненые в зависимости от степени тяжести вывозились в узловую госпиталь в Баянтумэне, Ундурхане или Читу

Командующий МНРА, маршал Х. Чойбалсан и его заместитель, корпусной комиссар Ж. Лхагвасүрэн осматривают трофеи

Маршал Х. Чойбалсан среди бойцов МНРА

Г. М. Штерн, Х. Чойбалсан, Г. К. Жуков

Маршал Чойбалсан вручает фотоаппарат фронтовому фотокорреспонденту газеты «Правда» В. А. Темину. В 1982 году в МНР с целью продажи отпечатанных фотографий приезжала его дочь, которую принимал Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Великого Народного Хурала МНР Ю. Цэдэнбал. Купленные фотографии ныне в основном находятся в фондах Военного музея Монголии

Иллюстрации к Приложению «О поисковых работах на полях брани у реки Халхин» (автор Равдангийн Баяр)

Солнцезащитные очки военнослужащих японской армии со сменными фильтрами, обнаружены в японском блиндаже 2 августа 2015 года, футляр кожаный, оправы из сплава, вместе с другими артефактами 4 августа 2015 года переданы музею “Ялалт” в поселке Халхгол. Документальное свидетельство того, что японская армия, уделяя внимание даже такой “мелочи”, тщательно готовилась к боевым действиям на территории Монголии против “до зубов” вооруженных красноармейцев и цириков.

На месте падения японского двухмоторного самолета, в 120 км южнее поселка Халхгол, по номерам двигателя Ю.Свойский установил, что самолет 1944 г. выпуска.

Гильза 76-мм снаряда с останками танкиста, обнаруженного в подбитом танке БТ-7 в апреле 1987 года. Танк был привезен с левого берега Халхин-гола осенью 1986 года в расположение мотострелкового полка и установлен на постамент весной 1987 года, а обнаруженные внутри останки захоронены у подножия памятника. После вывода частей Советской Армии в 1990 году место расположения части пустовало и в 2010-х годах было отведено под застройку, поэтому останки подняты и перезахоронены в августе 2014 года с оказанием воинских и духовных почестей на воинском мемориале севернее города Чойбалсан.

Место падения истребителя И-15бис нами выявлено в августе 2009 г. чуть юго-восточнее озера Буйр при содействии местных жителей Б.Энхмаа и Д.Баярмаа. Останки перезахоронены 2 августа 2010 г. на мемориальном комплексе советских летчиков в городе Чойбалсан с оказанием воинских и духовных почестей. В августе 2014 года при содействии группы энтузиастов из Москвы и Иркутска на месте гибели летчика-истребителя В.И.Юрецкого нами установлена мемориальная табличка.